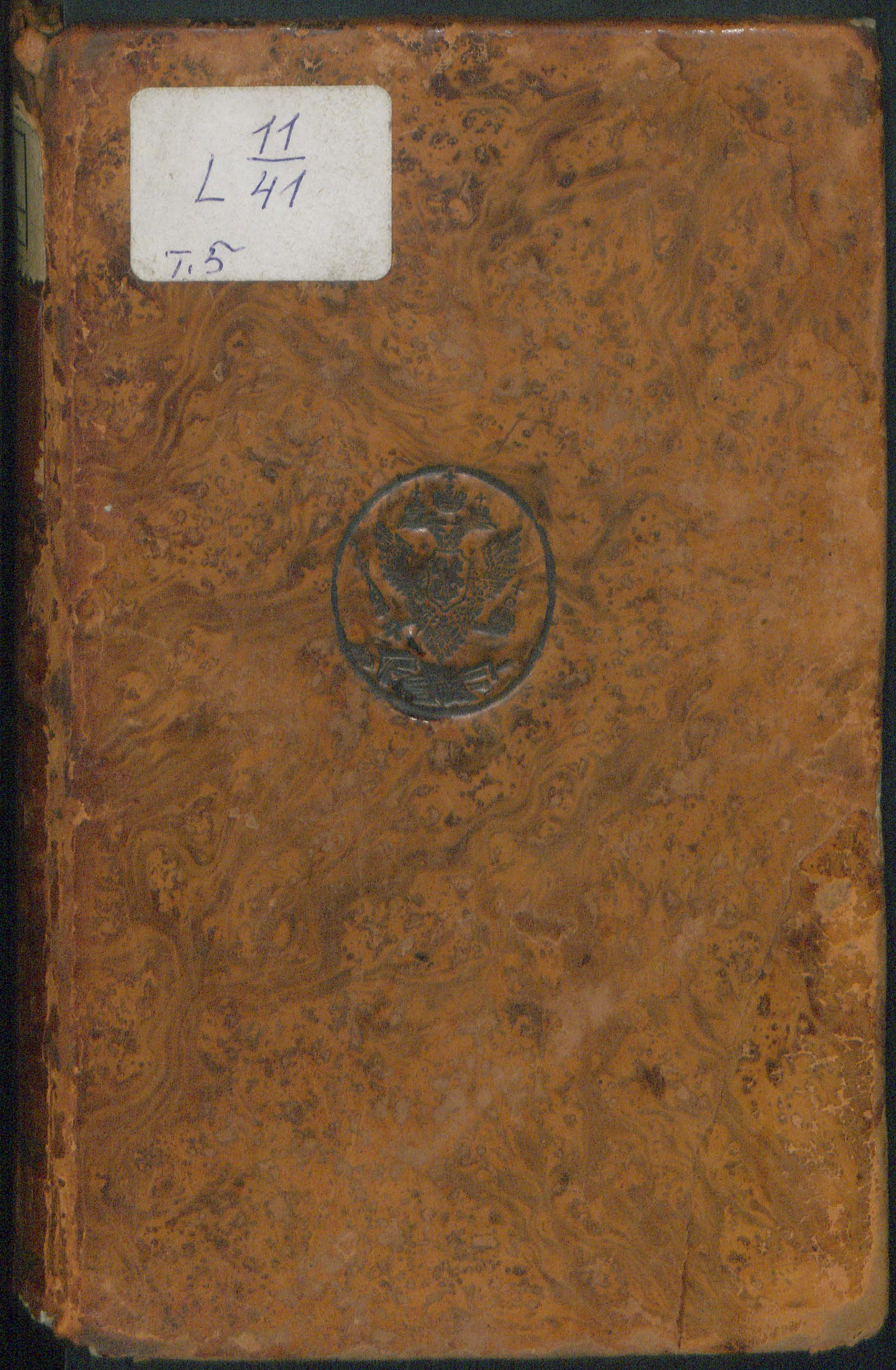

L 11/41
T. 5

ВІАНТЪ

Ч. 5.

ПУТЕШЕСТВІЕ МЛАДШАГО АНАХАРСИСА

ПО ГРЕЦІИ,

въ половинѣ четвертаго вѣка до Рождества Христова.

Переведено съ Французскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Василіемъ Севергинымъ,

и оною Академіею издано.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

При Императорской Академіи Наукъ. 1808 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

Стран.

ПУТЕШЕСТВІЕ
МЛАДШАГО
АНАХАРСИСА
по
ГРЕЦІИ,

около половины четвертаго вѣка до Рождества Христова.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТАЯ.

Путешествіе въ Аттику, земледѣліе, рудники Суніумскіе, рѣчь Платона объ образованіи міра.

Часто препровождалъ я цѣлыя времена года въ разныхъ сельскихъ домахъ. Часто ѣздилъ я по всей Аттикѣ. Я соберу здѣсь тѣ особенности, кои въ поѣздкахъ моихъ наиболѣе обратили на себя мое вниманіе.

Поля отдѣлены одно отъ другаго изгородами или стѣнами. Благоразумно учре-

ждено то, чтобЪ замѣчать, какЪ здѣсь дѣлается, закладныя поля малыми столбами сЪ надписью, напоминающею обязательства, заключенныя сЪ первымЪ заимодавцемЪ. ТакЪ же столбы, поставленные предЪ домами, показываютЪ всякому, что оные находятся вЪ залогѣ, и заимодатель не имѣетЪ причины опасаться, чтобы потаенныя какія либо сдѣлки могли нанести ему убытокЪ.

ВладѣлецЪ поля не можетЪ на ономЪ выкопать колодезя, ни построить дома или вывести стѣны, какЪ токмо вЪ нѣкоторомЪ разстояніи отЪ сосѣдняго поля; и сіе разстояніе опредѣлено закономЪ.

ОнЪ не долженЪ также отводить на землю своего сосѣда водЪ, текущихЪ сЪ возвышенныхЪ мѣстЪ, коими окружается его собственная земля; но можетЪ проводить ихЪ на большую дорогу, и тогда сопредѣльные владѣльцы должны сами отЪ нихЪ ограждаться. ВЪ нѣкоторыхЪ мѣстахЪ дождевая вода стекаетЪ вЪ каналы, коими проходитЪ она вЪ отдаленныя мѣста.

АполлодорЪ имѣлЪ знатное помѣстье близь Элевсиса. ОнЪ меня туда водилЪ. Сіе было во время жатвы: поле покрыто было желтѣющими класами, и рабами, кои ихЪ

пожинали; младыя дѣти ихъ собирали, и подавали тѣмъ, кои вязали въ снопы.

На работу вышли при восхожденіи утренней зари. Всѣ домашніе должны были имѣть въ томъ участіе. На одномъ концѣ поля, подъ тѣнію большаго дерева, мущины приготовляли мясо. Женщины варили чечевицу, и сыпали муку въ сосуды, наполненные кипящею водою, для обѣда жнецовъ, кои возбуждались къ работѣ пѣснями, раздававшимися въ полѣ.

Живѣй, друзья, не до покою,
Разсыптесь по полямъ;
Валите колосы Цререриной косою!
Богиня жатвы! подай успѣхъ въ работѣ намъ.
Хотите ль новыхъ зернъ скопить какъ можно болѣ?
Сберите все жнитво, разставленное въ полѣ,
И въ кучи складенныхъ сноповъ
Солому легкую пусть вѣтеръ развѣваетъ.
Начнемъ работать, — разсвѣтаетъ,
И жаворонокъ пѣть готовъ:
Тогда пора уснуть, какъ онъ ужъ засыпаетъ.

Въ другихъ строфахъ завидовали жребію лягушки, которая никогда не нуждается въ питьѣ; шутили надъ хозяйствомъ смот-

рителя за рабами; и побуждали работниковъ жать сжатой хлѣбъ въ самые полудни, потому что зерна отдѣляются тогда удобнѣе отъ покрывающей ихъ плевы.

Снопы перенесенные въ гумно кладутся въ кружокъ и рядами. Одинъ изъ работниковъ становится въ самой срединѣ, держа въ одной рукѣ плеть, а въ другой обропь или поводъ, коими управляетъ воловъ, лошадей или лошаковъ, коихъ заставляетъ ходить тихо или рысью вкругъ себя: нѣкоторые изъ его товарищей поворачиваютъ солому и подсовываютъ ее опять подъ ноги животныхъ, пока она совсѣмъ вымолотится. Другїе кидаютъ оную лопатами на воздухъ: умѣренный вѣтръ, поднимающїйся въ сїе годовое время обыкновенно въ тотъ же часъ, разсѣваетъ соломенную плеву на небольшое разстоянїе, зерна же упадаютъ на землю, кои потóмъ собираютъ въ глиняные сосуды.

Нѣсколько мѣсяцовъ спустя послѣ того возвратились мы въ Аполлодорово помѣстье; собиратели винограда снимали грозды съ лозъ, кои подперты были тычинками. Мальчики и дѣвушки наполняли оными ивовыя корзины и относили ихъ въ виноградныя тиски.

Прежде выжиманія винограда, нѣкоторые откупщики велятъ приносить къ себѣ лозы съ виноградными кистями; они выкладываютъ ихъ на солнце на десять дней, и потомъ держатъ ихъ въ тѣни еще пять дней.

Нѣкоторые сохраняютъ вино въ бочкахъ, другіе въ мѣшкахъ изъ козьяго мѣха или въ каменныхъ сосудахъ.

Во время выжиманія винограда, слушали мы съ удовольствіемъ пѣсни на *выжиманіе винограда*, ибо такъ онѣ называются. Мы слышали также и другія пѣсни во время обѣда виноградарей и въ другіе часы дня, при чемъ также и плясали.

Жатва и собираніе винограда оканчиваются празднествами, кои совершаются со изъявленіемъ знаковъ радости, каковыя можетъ производить изобиліе, и кои бываютъ различны по свойству предмета. Поелику хлѣбъ почитается благотвореніемъ богини, удовлетворяющей нашимъ нуждамъ, а вино даромъ бога, пекущагося о нашемъ веселіи, то признательность къ Церерѣ знаменуется живою и умѣренною радостію; а къ Вакху всѣми восторгами изступленія.

Во время посѣва и сѣнокоса также приносятся жертвы; во время собиранія оливъ

и другихъ плодовъ, полагаются на жертвенники начатки даровъ, отъ небесъ полученныхъ Греки чувствовали, что въ сихъ случаяхъ сердцу нужно изліяться и принести благодареніе виновникамъ благотворенія.

Кромѣ сихъ общихъ празднествъ, каждое селеніе въ Аттикѣ имѣетъ особенныя, гдѣ менѣе видно великолѣпія, но болѣе радости, нежели въ празднествахъ главнаго города: ибо сельскіе жители совсѣмъ не знаютъ притворныхъ веселостей. Они находятъ все свое удовольствіе въ сельскихъ позорищахъ и въ невинныхъ играхъ, кои соединяютъ ихъ вмѣстѣ. Часто видалъ я ихъ около кожаныхъ мѣшковъ, наполненныхъ виномъ, и натертыхъ масломъ съ наружи. Молодые люди скакали на нихъ одною ногою, и частыми паденіями возбуждали всеобщій смѣхъ. Подлѣ, дѣти гонялись другъ за другомъ скача на одной ногѣ. Другіе играли въ четъ или нечетъ; иныя въ жмурки. Нѣкоторые упираясь попеременно ногами и руками, подражали бѣгомъ своимъ движенію колеса. Иногда черта, проведенная по землѣ, раздѣляла ихъ на двѣ толпы; играли въ игру называемую *день или ночь*; проигравшіе обращались въ бѣгство.

Другіе старались ихъ догнать и сдѣлать ихъ плѣнниками. Въ городѣ сіи забавы въ употребленіи у дѣтей; а въ деревняхъ и взрослые люди не стыдятся заниматься ими.

Эвѳименъ, одинъ изъ нашихъ пріятелей, всегда полагался въ управленіи своего имѣнія на бдительность и вѣрность раба, коего поставилъ начальникомъ надъ другими. Убѣдясь наконецъ, что присмотръ господина лучше управительскаго, рѣшился онъ удалиться въ свой загородной домъ, лежащій близъ мѣстечка Ахарнъ въ шестидесяти стадіяхъ отъ Аѳинъ.

Мы посѣтили его спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ прежнее слабое его здоровье возстановилось. Супруга и дѣти его раздѣляли съ нимъ и умножали его благополучіе. Жизнь наша дѣятельна и безмятежна, говорилъ онъ намъ; мы не знаемъ скуки, и умѣемъ наслаждаться настоящимъ.

Онъ показалъ намъ построенный недавно свой домъ. Онъ построилъ его лицемъ на полдень, дабы въ зимнее время пользоваться солнечною теплотою, а лѣтомъ защищаться отъ зноя, когда сіе свѣтило бываетъ въ наибольшей своей высотѣ. Покои женскіе отдѣлены были отъ покоевъ муж-

скихъ банями, коими преграждалось всякое сообщенїе между рабами обоего пола. Каждое отдѣленїе соотвѣтствовало своему назначенїю; хлѣбъ сохранялся въ сухомъ мѣстѣ, а вино въ мѣстѣ холодноватомъ. Въ покояхъ нѣтъ отличныхъ приборовъ; но вездѣ чрезвычайная опрятность. Вѣнки и благоуханїя для жертвоприношенїй, одѣянїя для празднествъ, оружїя и одежда на случай войны, платья для различныхъ временъ года, поваренная посуда, орудїя для молоченїя хлѣба, сосуды для замѣшиванїя муки, запасы годовые, и для каждаго мѣсяца особенно, все удобно можно было найти, потому что все находилось на своемъ мѣстѣ и расположено въ приличномъ порядкѣ. Жители города, говорилъ Эвѳименъ, съ пренебреженїемъ взирать будутъ на столь правильное разположенїе: они не знаютъ того, что оно сокращаетъ время въ прїискиванїяхъ, и что благоразумный земледѣлецъ съ такимъ же хозяйствомъ долженъ располагать своимъ временемъ, какъ и доходами.

Я опредѣлилъ въ домъ моемъ, присовокупилъ онъ, клюшницею разумную и рачительную женщину. Увѣрясь въ добрыхъ ея нравахъ, вручилъ я ей вѣрную опись всѣмъ

вещамЪ, кои я ей вв҃ѣрилЪ. ЧѣмЪ же награждаете вы ея заслуги, сказалЪ я ему? Уваженїемъ и довѣренностїю, отвѣчалЪ онЪ: сЪ тѣхЪ порЪ, какЪ мы ей ввѣрили тайну нашихЪ дѣлЪ, содѣлались оныя ея собственными. То же вниманїе обращаемЪ мы кЪ тѣмЪ нашимЪ рабамЪ, кои оказываютЪ ревность и вѣрность: они во всемЪ и лучшее имѣютЪ содержанїе. Сїи малыя отличїя содѣлываютЪ ихЪ чувствительными кЪ чести, и удерживаютЪ ихЪ вЪ должности лучше, нежели страхЪ наказанїй.

Жена моя и я раздѣлили между собою попеченїя о управленїи домомЪ; она занимается внутренними подробностями, а я внѣшними. Я принялЪ на себя обрабатыванїе и удобренїе поля, полученнаго мною отЪ моихЪ предковЪ. Лаодика имѣетЪ смотрѣнїе за приходомЪ и расходомЪ, за размѣщенїемЪ и распредѣленїемЪ хлѣба, вина, масла и плодовЪ, кои кЪ ней приносятЪ; она также содержитЪ вЪ порядкѣ нашихЪ служителей, посылая однихЪ вЪ поле, а другимЪ раздѣляя шерсть, и обучая ихЪ приготавливать оную для дѣланїя изЪ нея одежды. ПримѣрЪ ея облегчаетЪ ихЪ работы; а когда они больны, то ея и мои старанїя уменьшаютЪ ихЪ стра-

данія. Жребій нашихъ рабовъ приводитъ насъ въ жалость; много есть правъ и возмездій, коихъ они могутъ требовать.

Прошедъ задній дворъ, наполненный курами, утками и другими домашними птицами, осмотрѣли мы конюшню, овчарню, такъ какъ и цвѣточный садъ, гдѣ встрѣчались глазамъ нашимъ нарциссы, гіацинты, анемоны, ирисы, фіалки различнаго цвѣта, розы разнаго вида, и всякія благовонныя растенія. Не удивляйся, сказалъ онъ мнѣ, моему объ нихъ попеченію. Тебѣ извѣстно, что ими украшаемъ мы храмы, жертвенники, истуканы боговъ нашихъ; украшаемъ ими главы наши при пиршествахъ и священныхъ обрядахъ; разсыпаемъ ихъ по нашимъ столамъ и ложамъ, стараемся приносить богамъ нашимъ такіе цвѣты, кои наиболѣе имъ пріятны. Сверьхъ того земледѣлецъ долженъ обращать вниманіе и на малѣйшія выгоды; всякой разъ, когда я посылаю на рынокъ въ Аѳины дрова, уголь, съѣстные припасы и плоды, прибавляю къ тому нѣсколько корзинокъ съ цвѣтами, кои тотчасъ раскупаются.

Эвѳименъ повелъ насъ потомъ въ свое поле, которое имѣло болѣе сорока стадій въ

окружности и съ коего получилъ онъ въ прошедшемъ году болѣе тысячи *медимновъ* ржи и восемь сотъ мѣръ вина. Онъ имѣлъ шесть вьючныхъ скотинъ, кои всякой день возили на рынокъ дрова и разные припасы, и кои приносили ему по двѣнадцати драхмъ въ день. Поелику онъ жаловался на наводненія, кои уносили иногда у него сжатый хлѣбъ, то спрашивали мы его, для чего онъ не основалъ жилища своего въ округѣ менѣе подверженной таковымъ случаямъ? Часто предлагали мнѣ выгодныя обмѣны, отвѣчалъ онъ, и вы увидите, почему я ихъ отринулъ. При сихъ словахъ отворилъ онъ дверь ограды, гдѣ мы нашли мѣсто, покрытое дерномъ и окруженное кипарисами. Вотъ гробницы моихъ родныхъ, сказалъ онъ намъ. Въ семъ самомъ мѣстѣ, подъ сими маковыми цвѣтами, видѣлъ я, какъ рыли могилу, въ которой положенъ мой отецъ, а здѣсь могила моей матери. Я прихожу иногда бесѣдовать съ ними; мнѣ кажется, что я ихъ вижу и слышу. Нѣтъ, я не оставлю никогда сей священной земли. Сынъ мой, сказалъ онъ потомъ мальчику, которой за нимъ слѣдовалъ, послѣ моей смерти ты положишь меня подлѣ виновниковъ моей жизни, и когда тебя постигнетъ несчастіе, что

и ты лишишся своей матери; то положи ее подлѣ меня; не забудь сего. Сынъ его обѣщалъ сїе исполнить и залился слезами.

Мѣстечко Ахарнъ преисполнено виноградными садами. Вся Аттика покрыта оливами; сїе дерево тамъ наиболѣе разводятъ. Эвѳименъ насадилъ оныхъ весьма великое множество, а особливо по дорогамъ, принадлежащимъ къ его землѣ. Онъ ихъ разсадилъ на девять футовъ одно отъ другаго; ибо зналъ, что корни ихъ далеко разпространяются. Ни кому не позволено рубить оныхъ въ своемъ помѣстьѣ болѣе двухъ въ годъ, и то на какое нибудь благочестивое употребленїе. Тотъ, кто нарушаетъ сей законъ, обязанъ заплатить за каждый футъ дерева сто драхмъ доносщику, и сто въ казну. Десятую часть вычитаютъ изъ того въ пользу храма Минервы.

Часто находятъ рощицы масличныя, оставленныя въ запасъ, и огражденныя заборомъ. Онѣ не принадлежатъ владѣльцу земли, но храму сея богини: ихъ отдаютъ на откупъ, и доходъ съ оныхъ опредѣленъ единственно на расходы при отправляемыхъ въ честь ея обрядахъ. Ежели бы владѣлецъ срубилъ одно изъ сихъ деревъ, хотя бы то

было и ни къ чему годный пень, то онъ былъ бы наказанъ изгнанїемъ и отобранїемъ всего имѣнїя въ казну. Самъ Ареопагъ разбираетъ преступленїя, относящїяся до непозволенной рубки масличныхъ деревъ, и по временамъ посылаетъ нарочныхъ для надзиранїя за сохранностїю оныхъ.

Продолжая путь нашъ увидѣли мы проходящее мимо насъ многочисленное стадо овецъ, напереди и позади коихъ шли собаки для защищенїя ихъ отъ волковъ; каждая овца обернута была кожею. Симъ способомъ, занятымъ отъ Мегарянъ, предохраняютъ волну отъ всякой нечистоты и защищаютъ отъ тернїевъ, кои ее оборвать могутъ. Мнѣ неизвѣстно, бываетъ ли шерсть отъ сего нѣжнѣе; но могу сказать, что Аттическая шерсть весьма хороша, и притомъ искуство крашенїя достигло до такой степени, что краска никогда не линяетъ.

Я узналъ при семъ случаѣ, что овцы, чѣмъ болѣе пьютъ, тѣмъ болѣе жирѣютъ; что для возбужденїя въ нихъ жажды примѣшиваютъ часто соли въ ихъ пищу и что особливо лѣтомъ даютъ имъ оную чрезъ каждые четыре дни, по опредѣленной мѣрѣ, то есть по одной медимнѣ на сто овецъ. Я

узналъ также, что отъ употребленія соли даютъ онѣ болѣе молока.

При подошвѣ небольшаго косогора, оканчивающагося лугомъ, поставлено было множество ульевъ посреди розмариновъ и дрока. Примѣтьте, сказалъ намъ Эвѳименъ, съ какою ревностію пчелы исполняютъ повелѣнія своей начальницы; ибо она не терпя, чтобъ онѣ были праздны, посылаетъ ихъ въ сей прекрасный лугъ, собирать богатыя вещества, употребленіемъ коихъ она распоряжаетъ; она надзираетъ надъ построеніемъ ячеекъ и надъ воспитаніемъ молодыхъ пчелъ, и когда сіи воспитанницы придутъ въ состояніе доставлять себѣ сами пропитаніе, то составляетъ изъ нихъ особливой рой, и принуждаетъ ихъ выдти изъ своего жилища подъ предводительствомъ избранной ею пчелы.

Далѣе между холмовъ, покрытыхъ виноградными лозами, лежала равнина, гдѣ мы видѣли множество паръ воловъ, изъ коихъ одни тащили телѣги съ навозомъ, а другіе припряженные къ плугу съ великимъ трудомъ проводили борозды. Здѣсь будутъ сѣять ячмень, сказалъ Эвѳименъ; сей родъ хлѣба наилучше родится въ Аттикѣ. Пшеница, которую здѣсь собираютъ, хотя по справе-

дливости даетъ хлѣбъ весьма прїятный вкусомъ, но не столько питательный какъ Вїотїйская пшеница, и не однократно примѣчено, что когда Вїотїйскїе борцы живутъ въ Аѳинахъ, съѣдаютъ пшеницы двумя пятыми болѣе, нежели въ своей землѣ, хотя сїя земля и сопредѣльна съ нашею. Вотъ какъ справедливо, что не много требуется на то, чтобъ измѣнить влїянїе климата! Не хотите ль имѣть другаго доказательства? островъ Саламинской почти прикасается къ Аттикѣ, а хлѣбъ созрѣваетъ тамъ гораздо ранѣе, нежели у насъ.

Разговоръ Эвѳимена, и предметы, которые взору моему представлялись, начинали меня занимать. Я усматривалъ, что наука земледѣлїя не основана на слѣпомъ навыкѣ, но на долговременныхъ наблюденїяхъ. Кажется, сказалъ путеводитель нашъ, что Египтяне сообщили намъ нѣкогда первыя онаго правила. Мы сообщили ихъ другимъ Греческимъ народамъ, изъ коихъ большая часть въ знакъ благодарности къ столь великому благотворенїю, приносятъ намъ ежегодно первые плоды своихъ жатвъ. Я знаю, что другїе Греческїе города тожъ себѣ присвояютъ, что и мы; но къ чему служитъ разбирательство

въ первенствѣ? Искуства, заключающія въ себѣ первыя надобности, воспріяли свое начало между древнѣйшими народами; а начало ихъ тѣмъ славнѣе, чѣмъ оно не извѣстнѣе.

Искуство земледѣлія, перешедшее къ Грекамъ, усовершилось опытомъ; и многіе писатели собрали правила онаго. Славные философы, каковы суть Димокритъ, Архитъ, Эпихармъ, оставили намъ полезныя наставленія о сельскихъ работахъ, а за нѣсколько вѣковъ прежде, Исіодъ воспѣвалъ оные въ одномъ изъ своихъ стихотвореній; но земледѣлецъ не долженъ сообразоваться съ ихъ мнѣніями до того, чтобы онъ уже не смѣлъ вопрошать природу и предлагать ей новые законы. И такъ, сказалъ я ему тогда, ежели бы мнѣ надлежало обработывать поле, то было бы недостаточно спрашивать совѣта у тѣхъ писателей, о коихъ ты теперь упомянулъ? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ. Они назначаютъ изящные способы, но кои не всякой почвѣ и не всякому климату приличны.

Положимъ, что ты бы посвятилъ себя когда нибудь благородному упражненію, коимъ я занимаюсь, то старался бы я сперва убѣдить тебя, что всѣ твои попеченія, всѣ твои труды должны быть обращены на

землю, и чѣмъ болѣе ты для нее сдѣлаешь, тѣмъ болѣе сдѣлаетъ она для тебя; ибо она столь благотворна потому только, что справедлива.

Я присовокуплю къ сему первому основанїю либо правила подтвержденныя опытомъ вѣковъ, либо сумнѣнїя, кои объяснилъ бы ты самъ собою, или знанїемъ другихъ. Я скажу тебѣ напримѣръ: избирай благопрїятное мѣстоположенїе; старайся познавать свойство почвъ и удобряющихъ средствъ, приличныхъ каждому произведенїю; знай, въ какомъ случаѣ нужно смѣшивать земли различнаго рода; въ какомъ надлежитъ мѣшать землю съ навозомъ, или навозъ съ зерномъ.

Ежели бы дѣло касалось до хлѣбопашества въ особенности, то бы я присовокупилъ: умножай паханье; не повѣряй землѣ зерна новаго; но употребляй на то зерна прошлогоднїя, сѣй ранѣе или позже смотря по теплотѣ годоваго времени, рѣже или чаще смотря по большей или меньшей рыхлости земли, но сѣй всегда ровно. Ежели хлѣбъ твой подымется съ лишкомъ высоко, то старайся скашивать его, или лучше давай объѣдать его овцамъ; ибо первый способъ бываетъ иногда опасенъ: зерно вытягивается въ длину и дѣлается тощимъ. Когда у тебя много

соломы, то обрѣзывай ее только до половины; жниво сожги, и оно послужитъ удобряющимъ средствомъ. Держи хлѣбъ свой въ весьма сухомъ мѣстѣ, и дабы сохранить оный на долгое время не разстилай его, но складывай въ кучи, и даже спрыскивай.

Эвѳименъ сообщилъ намъ многія другія подробности о хлѣбопашествѣ, и распространился еще болѣе о разведеніи винограда. Такъ продолжалъ онъ.

Надобно быть внимательну ко свойству той молодой лозы, которую сажаютъ въ землю, къ образу воздѣлыванія земли, коего она требуетъ, къ средствамъ содѣлывающимъ ее плодородною. Множество способовъ обработыванія относительныхъ къ симъ различнымъ предметамъ, и часто между собою противурѣчущимъ, вошли въ употребленіе въ разныхъ областяхъ Греціи.

Вездѣ почти ставятъ подъ виноградины тычинки, унавоживаютъ ихъ только чрезъ каждые четыре года, и еще рѣже. Ежели бы удобряющія средства были употребляемы чаще, то бы оныя выгорѣли.

Главное вниманіе обращаютъ виноградари къ обрѣзыванію лозъ. Цѣль ихъ по сему предмету состоитъ въ томъ, чтобы содѣлать

ихъ сильнѣйшими, плодоноснѣйшими и прочнѣйшими.

Въ новообработанной почвѣ, надлежитъ обрѣзывать молодую виноградину не прежде, какъ въ третій годъ; но позже въ такой почвѣ, которая уже давно обработана. Что касается до годоваго времени, то иные утверждаютъ, что сіе дѣйствіе должно производиться рано; ибо бываютъ неудобства отъ обрѣзыванія ихъ зимою и весною; въ первомъ случаѣ по тому, что рана не можетъ закрыться, и что глазки могутъ зимою засохнуть; а во второмъ по тому, что сокъ истощается и наводняетъ глазки, подлѣ раны оставленные.

Другіе постановляютъ различія въ отношеніи къ качеству почвы. По мнѣнію ихъ надлежитъ обрѣзывать осенью виноградины, растущія на тощей и сухой почвѣ; весною тѣ, кои ростутъ на почвѣ мокрой и холодной; а зимою тѣ, кои находятся въ почвѣ ни съ лишкомъ сухой, ни съ лишкомъ влажной. Сими различными способами, первыя сохраняютъ нужный для нихъ сокъ; вторыя теряютъ сокъ имъ безполезный; всѣ же производятъ изящнѣйшее вино. Доказательствомъ, говорятъ они, что во влажныхъ зем-

ляхъ должно отлагать обрѣзыванїе до весны, дабы могла вытекать нѣкоторая часть сока, служитъ обычай сѣять промежду виноградникомъ ячмень и бобы, кои поглощаютъ влагу, и препятствуютъ винограднику истощаться выпусканїемъ безполезныхъ вѣтвей.

Виноградари еще между собою несогласны: должно ли обрѣзывать ихъ длинно или коротко, нѣкоторые соображаются съ качествомъ растенїя и почвы; а другїе съ сердцевиною лозъ. Ежели сїя сердцевина изобильна, то надобно оставлять многїе побѣги, и весьма короткими; дабы виноградина производила болѣе винограда. Естьли же сердцевина находится въ маломъ количествѣ, то оставляютъ менѣе побѣговъ, и обрѣзываютъ длиннѣе.

Виноградины, имѣющїя много вѣтвей и мало гроздовъ, требуютъ, чтобы верхнїе побѣги обрѣзывать длинно, а самые нижнїе побѣги коротко, дабы виноградина укрѣпилась въ своемъ корню, и чтобъ верхнїе вѣтви въ то же время производили много плодовъ.

Выгодно обрѣзывать коротко молодыя виноградины, дабы они укрѣплялись; ибо ви-

ноградины обрѣзываемыя длинно хотя и дают болѣе плодов, но скорѣе вымирают.

Я не буду говорить о разных приготовленіях земли, коих виноградина требует, ниже о различных обработываніях, коих польза уже доказана. Часто бывает видно, что виноградари обсыпают виноградины мелкою сухою землею, дабы защитить их от солнечнаго зноя, и для других причин, о коих говорить было бы излишно; иногда обрѣзывают у них часть листьев, дабы виноград, болѣе подверженный солнцу, скорѣе созрѣвал.

Когда ты хочешь обновить виноградный куст погибающій от старости, то окопай его с одной стороны, перебери и очисти его корни; набросай в яму разных удобряющих средств, кои покрой землею. Он ничего почти не принесет в первый год, но чрез три или четыре года получит прежнюю свою силу. Ежели примѣтишь при том, что он паки слабѣет, то произведи тоже самое с другой стороны: такая предосторожность, употребляемая чрез каждые десять лѣт, достаточна будет к содѣланію сей виноградины как бы вѣчною.

Дабы получить виноградъ безъ зернышекъ, надлежитъ взять лозу, разщепить ее съ легка въ той части, которая должна быть посажена въ землю, вынуть сердцевину изъ сей части, соединить двѣ вѣтви чрезъ разщепъ произведенныя, покрыть ихъ мокрою бумагою, и посадить въ землю. Сей опытъ удается лучше, когда прежде посажденія лозы, нижнюю такимъ образомъ приготовленную часть положатъ въ Морскую Луковицу. Кромѣ сего, извѣстны другія средства къ достиженію той же цѣли.

Ежели хочешь имѣть отъ того же куста виноградъ одинъ бѣлой, а другой черной и еще такой, коего грозды представляютъ зернышки обѣихъ сихъ цвѣтовъ, то возми лозы обоего рода. Размозжи ихъ въ верхней части такъ, чтобы онѣ составили, такъ сказать, одно тѣло и плотно вмѣстѣ соединились, свяжи ихъ вмѣстѣ, и въ семъ состояніи посади обѣ лозы въ землю.

Мы спрашивали потомъ у Эвѳимена нѣкоторыхъ наставленій въ разсужденіи огородныхъ растеній и овощныхъ деревъ. Огородныя растенія, сказалъ онъ намъ, скорѣе всходятъ, когда употребляютъ двухъ или трехъ-лѣтнія зерна. Есть такія, кои выго-

дно поливать соленою водою. Огурцы бывают слаще когда сѣмена ихъ мочены были два дни въ молокѣ, они лучше удаются въ почвѣ отъ природы нѣсколько влажной, нежели въ огородахъ, гдѣ ихъ часто поливаютъ. Ежели хочешь, чтобъ они ранѣе поспѣвали; то посѣй ихъ сперва въ сосудахъ и смачивай ихъ теплою водою; но я васъ предупреждаю, что они не такъ будутъ вкусны, какъ ежели бы поливали ихъ холодною водою. Чтобъ они были крупнѣе; для сего, когда они начнутъ образоваться, покрываютъ ихъ сосудомъ или пропускаютъ ихъ въ нѣкоторой родъ трубочки. Дабы сохранить ихъ на долгое время, надлежитъ ихъ покрывать, и содержать висящими въ колодезѣ.

Деревья надлежитъ сажать осенью, или паче весною: надобно выкопать яму по крайней мѣрѣ за годъ напередъ; оставляютъ ее долгое время открытою, такъ какъ бы воздухъ долженствовалъ ее оплодотворить. Смотря потому, сколь почва суха или влажна, величина ямы бываетъ различная. Обыкновенно дѣлаютъ ее въ два съ половиною фута глубиною, и въ два фута шириною.

Я привожу, сказалъ Евѳименъ, токмо извѣстныя обработыванія и общія благоустро-

енным народам. И кои недовольно возбуждают в них удивленія, прервал я тотчас. Сколько времени, сколько размышленій надлежало употребить для изведанія и познанія нужд, отступленій и пособій природы, чтоб сделать ее послушною ко многообразным переменам или к изправленію ея произведеній. Я удивился, по прибытіи моем в Грецію, увидя, что деревья унавоживали и подстригали; но удивленіе мое было чрезвычайное, когда я увидел плоды, в коих нашли тайну уменьшать ядро, дабы увеличить пространство мякоти; другіе же плоды, а особливо гранатовыя яблоки увеличивали на самом дереве заключая их в глиняной сосуд; деревья обременены были плодами различнаго рода, и принуждены покрываться произведеніями естеству их чуждыми.

Сіе последнее чудо производится прививаніем, сказал мне Эвѳимен, и чрез то, что нашли тайну услащать горечь и терпкость плодов произрастающих в лесах. Почти все садовыя деревья испытали сіе действіе, которое производится обыкновенно над деревьями того же рода; например

прививаютъ фиговое дерево къ фиговому, яблонное къ грушевому и пр.

Смоквы скорѣе созрѣваютъ, когда онѣ наколоты будутъ мошками, произшедшими въ плодѣ дикаго фиговаго дерева, которое сажаютъ возлѣ; между тѣмъ предпочитаются тѣ, кои созрѣваютъ естественнымъ образомъ, и люди продающїя ихъ на торжищѣ увѣдомляютъ о семъ различїи.

Думаютъ, что гранатовыя яблоки имѣютъ болѣе сладости, когда самое дерево поливать холодною водою, и когда на корни онаго набросаютъ свинаго навоза, и что миндали бываютъ вкусны, когда просунутъ гвозди въ стволъ дерева, и дадутъ вытекать изъ нихъ соку нѣсколько времени; что масличныя деревья не удаются, когда находятся болѣе трехъ сотъ стадїй разстоянїемъ отъ моря. Думаютъ также, что нѣкоторыя деревья имѣютъ примѣтное дѣйствїе надъ другими; что масличныя деревья любятъ расти близъ дикихъ гранатовыхъ деревъ, а садовыя гранатовыя деревья близъ миртовъ. Наконецъ присовокупляютъ, что надлежитъ принять различїе пола въ древесахъ и другихъ растенїяхъ. Сїе мнѣнїе съ начала основалось на предполагаемомъ сходствѣ между животными

и другими произведенiями природы, а потомъ на пальмовыхъ деревьяхъ, коихъ женскiе цвѣты опложаются только пушкомъ или пылью, находящеюся въ мужескомъ цвѣткѣ. Въ Египтѣ и другихъ сосѣдственныхъ земляхъ можно наблюдать сiе явленiе: ибо въ Грецiи пальмовыя деревья, возращаемыя для украшенiя садовъ, не производятъ финиковъ, или не доводятъ ихъ никогда до совершенной спѣлости.

Вообще плоды въ Аттикѣ имѣютъ такую сладость, коей они не имѣютъ въ сосѣдственныхъ странахъ. Они обязаны сею выгодою не столько досужеству людей, сколько влiянiю климата. Мы не знаемъ еще, влiянiе сiе исправитъ ли остроту сихъ прекрасныхъ плодовъ, висящихъ на лимонномъ деревѣ. Сiе дерево недавно привезено было изъ Персiи въ Аѳины.

Эвѳименъ говорилъ намъ съ удовольствiемъ о сельскихъ работахъ, и съ восторгомъ о прiятностяхъ сельской жизни.

Однимъ вечеромъ сидя за столомъ передъ своимъ домомъ подъ великолѣпными чинарами, кои висѣли надъ нашими головами, сказалъ онъ намъ: когда я гуляю въ моемъ полѣ, то все смѣется, все украшается предъ моими

глазами. Сіи жатвы, сіи деревья, сіи растенія существуютъ только для меня, или для тѣхъ несчастныхъ, коихъ нужды я облегчаю. Иногда предаюся мечтамъ, дабы увеличить мои удовольствія; тогда кажется мнѣ, что вниманіе ко мнѣ земли простирается даже до нѣжности, и что плоды предвозвѣщаются цвѣтами, такъ какъ между нами благодѣянія должны предвозвѣщаться ласками.

Соревнованіе безъ зависти, составляетъ союзъ, соединяющій меня съ моими сосѣдами. Они часто приходятъ сидѣть около сего стола, которой никогда никѣмъ инымъ окруженъ не бываетъ какъ только моими друзьями. Довѣренность и откровенность царствуютъ въ нашихъ бесѣдахъ. Мы сообщаемъ другъ другу наши открытія, ибо отлично отъ другихъ художниковъ, кои сохраняютъ свои искуства въ тайнѣ, каждой изъ насъ столь же ревностенъ къ наученію другихъ, какъ и къ принятію наставленій.

Обратясь потомъ къ нѣкоторымъ жителямъ Аѳинъ, теперь лишь прибывшимъ, присовокупилъ онъ, вы почитаете себя свободными въ стѣнахъ вашихъ; но сія независимость, которую даруютъ вамъ законы, похищается у васъ безъ жалости насиліемъ

общества, должности, коихъ надлежитъ домогаться и исполнять; сильные люди, коимъ должно покоряться; козни, кои надлежитъ предвидѣть и избѣгать, различный долгъ благопристойности строжайшій, нежели долгъ самой природы; безпрестанное принужденіе въ одѣяніи, въ поступкахъ, въ дѣяніяхъ, въ словахъ; несносное бремя праздности; медленное преслѣдованіе безпокойныхъ людей; нѣтъ такого рабства, которое не содержало бы васъ въ своихъ оковахъ.

Ваши празднества весьма великолѣпны, а наши весьма веселы! ваши увеселенія весьма мечтательны и преходящи! а наши весьма истинны! достоинства республиканскія налагаютъ ли должности, кои были бы благороднѣе упражненія въ такомъ искуствѣ, безъ коего досужество и торговля пришли бы въ упадокъ.

Дышали ли вы когда нибудь въ богато-убранныхъ вашихъ комнатахъ свѣжестію того воздуха, которымъ дышемъ мы подъ симъ зеленымъ сводомъ? Пиры ваши, иногда весьма великолѣпные, стоятъ ли чашекъ молока, теперь лишь надоеннаго и пріятнѣйшихъ плодовъ, срываемыхъ руками нашими? и какого не придаютъ вкуса ѣствамъ нашимъ

труды, кои столь пріятно предпринимать даже вЪ зимніе морозы и вЪ лѣтніе жары; и отЪ коихЪ столь приятно успокоиваться, то вЪ густотѣ лѣсовЪ, при вѣяніи зефировЪ, на дернѣ приглашающемЪ ко сну; то близь сверкающаго пламени, питаемаго древесными пнями, добываемыми мною изЪ моего владѣнія, посредѣ моей супруги и дѣтей моихЪ, всегда новыхЪ предметовЪ нѣжнѣйшей любви; презирая бурные вѣтры, шумящіе около моего убѣжища, не возмущая вЪ немЪ спокойствія.

АхЪ! ежели благополучіе есть не иное что какЪ здравіе души, то не должно ли находить онаго вЪ мѣстахЪ, гдѣ царствуетЪ точная соразмѣрность между нуждами и желаніями, гдѣ за движеніемЪ слѣдуетЪ всегда спокойствіе, и корысть сопровождается тишиною.

Мы имѣли многія бесѣды сЪ ЭвѳименомЪ, мы сказали ему, что КсенофонтЪ вЪ нѣкоторыхЪ своихЪ сочиненіяхЪ предлагалЪ давать не денежныя награжденія, но нѣкоторыя лестныя отличія тѣмЪ, кои бы наилучше поля свои обработывали. Сіе средство, отвѣчалЪ онЪ, могло бы ободрить земледѣльца, но республика столь занята раздаваніемЪ

милостей празднымъ и сильнымъ людямъ, что она не можетъ помышлять о полезныхъ и невѣдомыхъ гражданахъ.

Отправясь изъ Ахарна, перешли мы опять въ Віотію. Мимоѣздомъ видѣли мы нѣсколько замковъ, окруженныхъ толстыми стѣнами и высокими башнями, каковы суть въ Филахъ, въ Декелїи и въ Рамнонтѣ. Предѣлы Аттики защищены со всѣхъ сторонъ крѣпосцами. Въ нихъ содержатъ охранныя войска; и во время нападенїя повелѣваютъ сельскимъ жителямъ укрываться въ оныхъ.

Рамнонтъ лежитъ близь моря. На сосѣдственномъ холмѣ воздвигнутъ храмъ неумолимой Немезисѣ, богинѣ мщенія. Истуканъ ея, вышиною въ десять локтей, сдѣланъ Фидїемъ и достоинъ того красотою работы. Онъ употребилъ на то мраморъ Паросской, привезенный сюда Персами для сооруженїя трофея. Фидїй не позволилъ изсѣчь на немъ своего имени, но имя воспитанника своего Агоракрита, коего онъ весьма любилъ.

Оттуда перешли мы къ мѣстечку Мараѳонскому. Жители онаго съ охотою разсказывали намъ главныя обстоятельства побѣды, одержанной нѣкогда Аѳинянами подъ предводительствомъ Мильтїада надъ Перса-

ии. Славное сїе произшествїе оставило такое впечатлѣнїе въ умахъ ихъ, что имъ кажется, будто слышатъ ночью крикъ сражающихся и ржанїе коней. Они показывали намъ гробницы Грековъ погибшихъ въ семъ сраженїи; оныя состоятъ изъ малыхъ столбовъ, на коихъ изсѣчены были только имена ихъ. Мы поверглись предъ тѣмъ столбомъ, который Аѳиняне посвятили памяти Мильтїада, послѣ того, какъ заставили его умереть въ темницѣ. Оный отличается отъ прочихъ только тѣмъ, что отдѣленъ отъ нихъ.

Между тѣмъ, какъ мы приближались къ Бравроиу, въ воздухѣ раздавалися радостные крики. Тамъ праздновали въ честь Дїаны, божества хранителя сего мѣстечка. Истуканъ ея показался намъ весьма древнимъ; онъ есть тотъ самой, говорили намъ, которой Ифигенїя привезла изъ Тавриды. Всѣ дѣвы Аѳинскїя должны быть посвящены сей богинѣ по достиженїи пятаго года, и прежде нежели минуетъ имъ десятой. Великое оныхъ число, сопровождаемое ихъ сродственниками, подъ предводительствомъ молодой жрицы Дїаны, находились при сихъ торжествахъ, кои онѣ присутствїемъ своимъ украшали, и во время коихъ Рабсодисты пѣли отрывки изъ Илїа-

ды. По своей преданности приносятъ онѣ сей богинѣ жертвы, прежде своего бракосочетанія.

Насъ просили подождать еще нѣсколько дней, чтобъ быть свидѣтелями празднества возобновляемаго черезъ каждые пять лѣтъ въ честь Вакха, которое привлекая въ сіи мѣста большую часть Аѳинскихъ прелестницъ, праздновалося съ такимъ же блескомъ, какъ и своевольствомъ. Но описаніе, учиненное намъ объономъ, только что насъ отъ того отвратило, и мы пошли смотрѣть ломни горы Пентелика, гдѣ добываютъ прекрасной бѣлой мраморъ, весьма славной въ Греціи и весьма часто употребляемый въ работу искуснѣйшими каменосѣчцами. Кажется, что природа находила въ томъ удовольствіе, чтобы размножить въ томъ же мѣстѣ великихъ художниковъ, и вещество способное къ сохраненію памяти тѣхъ и другихъ. Гора Иметтъ, и другія въ Аттикѣ горы, скрываютъ въ нѣдрѣ своемъ подобныя ломни.

Мы ночевали въ Празіесѣ, маломъ мѣстечкѣ лежащемъ близь моря. Пристань онаго называемая Панормъ, доставляетъ судамъ надежное и способное убѣжище. Она окружена долинами и прелестными холмами, кои

начиная отъ самаго берега, возвышаются въ видѣ амфитеатра и примыкаются къ горамъ, покрытымъ соснами и древами другихъ породъ.

Оттуда вступили мы въ прекрасную равнину, которая составляетъ часть округа, называемаго *Паралосъ*, то есть *приморскій*. Она со всѣхъ сторонъ окружена рядомъ холмовъ, коихъ округленныя и одна отъ другой отдѣленныя вершины имѣютъ такой видъ, что представляютъ паче произведенія искуства, нежели природы. Она привела насъ въ *Ѳорикосъ*, укрѣпленное мѣсто, лежащее при берегу морскомъ. И сколь велика была наша радость, когда мы узнали, что Платонъ находится въ сосѣдствѣ, у Ѳеофила, одного изъ старинныхъ своихъ друзей, который его долго просилъ пріѣхать къ нему въ сельской его домъ. Нѣкоторые изъ учениковъ его сопутствовали ему въ сіи уединенныя мѣста. Я не знаю, какое нѣжное участіе соединяется со внезапностію при сихъ случайныхъ встрѣчахъ; но наше свиданіе изъявляло великую нашу признательность, и Ѳеофилъ продолжилъ пріятность онаго, удержавъ насъ у себя.

На другой день на разсвѣтѣ отправились мы къ горѣ *Лавріумъ*, гдѣ находятся серебреныя руды, добываемыя съ весьма древнихъ

временЪ. Онѣ находятся вЪ такомЪ изобилїи, что рудокопы никогда не доходятЪ до конца жилЪ, и что можно бы было ископать большее число рудниковЪ, ежели бы такїя работы не требовали большихЪ издержекЪ. СверхЪ покупки орудїй и построенїя домовЪ и печей, нужно имѣть много невольниковЪ, коихЪ цѣна перемѣняется безпрестанно. Смотря по тому, сколь они болѣе или менѣе сильны, болѣе или менѣе стары, стоятЪ они триста или шесть сотЪ драхмЪ, а иногда болѣе. Ежели кто не имѣетЪ столько достатка, чтобы покупать ихЪ, то нанимаетЪ ихЪ у гражданЪ, имѣющихЪ большее ихЪ число, и платятЪ за каждаго раба по одному оболу (3 копѣйки) вЪ день.

Всякой частной человѣкЪ, которой самЪ собою, или вЪ товариществѣ, хочетЪ предпринять новую копь, долженЪ купить на то позволенїе, которое одна республика давать можетЪ. ОнЪ относится кЪ градоначальникамЪ, вЪ вѣдомствѣ коихЪ находятся рудники. Ежели предложенїе его примется, то вписываютЪ оное вЪ книгу, и онЪ обязуется, сверьхЪ заплаты за данное ему позволенїе вносить двадцать четвертую часть прибыли. Ежели онЪ обязанностей своихЪ не исполняетЪ, то

жалованіе сіе переходитъ въ ленное право, которое можетъ быть продано съ публичнаго торгу.

Прежде сего, суммы собранныя какъ отъ продажи, такъ и отъ даванія рудниковъ въ награду, раздаваемы были народу. Ѳемистоклъ выпросилъ у общаго собранія, чтобъ оныя опредѣляемы были на постройку кораблей! Симъ способомъ подкрѣплена была морская сила во время Пелопонійской войны. Частные люди обогатились тогда отъ добыванія рудъ. *Никій* столь несчастную приобрѣтшій славу походомъ Сицилійскимъ, отдалъ въ наймы одному заводчику тысячу невольниковъ, за коихъ получалъ каждый день по тысячѣ оболовъ или по сту по шестидесяти шести драхмъ и двѣ трети. *Иллоникъ*, на томъ же основаніи имѣлъ ихъ шесть сотъ, за отдачу коихъ въ наемъ получалъ по шести сотъ оболовъ или по сту драхмъ въ день. По сему разчисленію Ксенофонтъ предлагалъ правительству торговать невольниками, опредѣленными къ работѣ въ рудникахъ. Довольно было бы перваго оклада для приобрѣтенія тысячи двухъ сотъ невольниковъ, и для постепеннаго приумноженія числа ихъ до десяти тысячъ. Тогда бы приходило каждый годъ

по сту талантовъ прибыли государству. Сїе предложенїе, которое могло бы возбудить соревнованїе въ заводчикахъ, не было исполнено; и при концѣ сей войны примѣчено было, что рудники давали менѣе прибыли, нежели прежде.

Разные случаи могутъ обмануть въ надеждѣ заводчиковъ, и я видѣлъ многихъ изъ нихъ, кои разорились, по тому что не имѣли способовъ и знанїя. Между тѣмъ законы ничего не упустили къ ихъ ободренїю. Доходъ съ рудниковъ не считается между имѣнїями, обязующими гражданина платить чрезвычайныя государственныя подати: наказанїя определены тѣмъ изъ имѣющихъ жалованныя мѣста, кои бы возпрепятствовали ему добыванїе руды изъ рудника, либо похищенїемъ махинъ и орудїй, либо поджиганїемъ фабрики или подземельныхъ стоекъ для укрѣпленїя поставляемыхъ, либо присвоенїемъ себѣ лишняго въ своемъ владѣнїи; ибо пожалованїя мѣстъ каждому частному человѣку заключены въ предѣлахъ, коихъ преступать не позволяется.

Мы прошли въ сїи сырыя и нездоровыя мѣста. Мы были свидѣтелями тому, сколько стоитъ труда извлеченїе изъ нѣдръ земли

металловъ, кои открывать, и коими даже владѣть опредѣлено только невольникамъ.

На склонахъ горы, возлѣ рудниковъ, строятъ горны и печи, куда приносятъ руду, для отдѣленія серебра отъ веществъ, съ онымъ соединенныхъ. Часто бываетъ оно соединено съ веществомъ песковатымъ, красным и блестящимъ, изъ коего въ сіи послѣднія времена, въ первый разъ извлекли искуствомъ киноварь. а)

Поразительна, когда путешествуютъ по Аттикѣ, противуположность, которую представляютъ два рода работниковъ, разработывающихъ землю. Одни безъ страха и безъ опасенія собираютъ на поверхности ея хлѣбъ, вино, масло и другіе плоды, въ коихъ имъ участвовать позволено: они вообще хорошо бываютъ накормлены, и хорошо одѣты: бываютъ у нихъ радостныя минуты, и посреди работъ своихъ дышутъ они свободнымъ воздухомъ и наслаждаются ясностію неба. Другіе, заключенные въ мраморныхъ ломняхъ, или въ серебреныхъ рудникахъ, безпрестанно почти видящіе обрушивающіеся надъ главами

а) Сіе открытіе учинено около 405 года до Рожд: Христова.

ихЪ своды, освѣщаются токмо погребальнымЪ свѣтомЪ и имѣютЪ около себя единую грубую и часто смертоносную атмосферу. Несчастныя тѣни, у которыхЪ остаются чувствія только для страданія, и силы токмо для умноженія великолѣпія господЪ, кои ихЪ мучатЪ! Пусть послѣ сего сравненія судятЪ, которыя суть истинныя богатства, опредѣленныя природою человѣку.

Мы не увѣдомили Платона о путешествіи нашемЪ кЪ рудникамЪ; онЪ хотѣлЪ проводить насЪ до мыса Сунія, отдаленнаго отЪ АѳинЪ около трехЪ сотЪ тридцати стадій. ТамЪ находится великолѣпный храмЪ, посвященный Минервѣ, изЪ бѣлаго мрамора, Дорическаго ордена, окруженный перистилемЪ, имѣющій, подобно Ѳисееву храму, на который онЪ вЪ общемЪ расположеніи походитЪ, шесть столповЪ сЪ переди и тринадцать на заворотѣ. СЪ высоты мыса отличается на подошвѣ горы пристань и мѣстечко Суній, которое есть одно изЪ укрѣпленныхЪ мѣстЪ вЪ Аттикѣ.

Но гораздо великолѣпнѣйшее зрѣлище возбуждало наше удивленіе. То обращали мы взоры наши на обширныя морскія равнины и останавливалися на картинахЪ, представляе-

мыхъ намъ сосѣдственными островами; то пріятныя возпоминанія, казалось, приближали къ намъ острова, отъ взора нашего сокрывавшіеся. Мы сказали: по сю сторону горизонта лежитъ Теносъ, гдѣ находятся весьма плодоносныя долины, и Делосъ, гдѣ торжествуютъ празднества столь увеселительныя. Алексисъ сказалъ мнѣ тихонько: вотъ Кеосъ, гдѣ видѣлъ я въ первой разъ Гликерію. Филоксенъ показалъ мнѣ, воздыхая, островъ, называющійся именемъ Елены; тамъ за десять лѣтъ воздвигнулъ онъ своими руками, между миртами и кипарисами, памятникъ нѣжной Коронидѣ: туда, въ теченіи десяти лѣтъ, приходитъ онъ въ нѣкоторые дни орошать слезами своими сей хладный прахъ и еще дражайшій его сердцу. Платонъ, надъ коимъ великіе предметы всегда сильное дѣлали впечатлѣніе, казалось, привязалъ свою душу къ пучинамъ, ископаннымъ природою на днѣ моря.

Между тѣмъ горизонтъ наполнялся вдали горящими и мрачными парами; солнце начинало блѣднѣть; поверхность водъ, которая была гладка и безъ движенія, покрывалась печальными красками, коихъ многообразный цвѣтъ въ оттѣнкахъ своихъ безпрестанно перемѣнялся. Уже небо покрытое и запертое

со всѣхъ сторонъ, представляло глазамъ нашимъ токмо мрачный сводъ, проникаемый пламенемъ и опускавшійся на землю. Вся природа была въ молчаніи, въ ожиданіи, въ безпокойствіи, которое сообщалось во глубину душъ нашихъ. Мы искали убѣжища въ преддверіи храма; и вскорѣ увидѣли мы, что громъ повторенными ударами разрушилъ мрачное и огненное покрывало, надъ головами нашими висящее; густыя тучи катились глыбами по воздуху и падали ручьями на землю; вѣтры, расторгшіе свои заклепы, устремлялись на море, и низпровергали оное въ пучины. Все было разъяренно, громъ, вѣтры, валы, пещеры и горы; и отъ всего онаго соединеннаго шума составился шумъ ужаснѣйшій, который, казалось, возвѣщалъ разрушеніе вселенной. Когда Борей усугубилъ свои усилія, то буря понесла свои свирѣпства въ знойные климаты Африканскіе. Мы слѣдовали за нею глазами, слышали ревъ ея въ дали; и море, коего пѣнящіеся валы воздымались до небесъ, едва влекло струи до берега.

Видя столько нечаянныхъ и быстрыхъ перемѣнъ, пробыли мы нѣсколько времени неподвижны и безмолвны. Но вскорѣ напомнили онѣ намъ тѣ вопросы, которые столько вѣ-

ковъ занимали любопытство человѣческое. Для чего бываютъ отступленія сіи и перемѣны въ природѣ? Надлежитъ ли ихъ приписывать случаю? Но отъ чего произходитъ, что неразрывная цѣпь существъ сохраняется всегда, не смотря на то, что она тысячу разъ готова разрушиться? Или есть разумная причина, которая возбуждаетъ и укрощаетъ бури? Но для какой цѣли она сіе производитъ? Для чего поражаетъ она пустыни, и щадитъ виновные народы? Оттуда перешли мы къ существу боговъ, къ разрушенію хаоса, къ началу вселенной. Мы заблуждались въ нашихъ мысляхъ, и просили Платона привести ихъ на истинный путь. Онъ былъ въ глубокой задумчивости; казалось, что страшный и величественный гласъ природы раздавался еще во кругъ него. Наконецъ понуждаемый нашими прозьбами, и истинами, кои его внутренно колебали, сѣлъ онъ на сельскую скамью, и посадивъ насъ подлѣ себя, началъ сими словами:

„Слабые мы смертные! намъ ли проницать въ тайны божества, намъ, коихъ мудрые суть предъ нимъ не болѣе, какъ обезьяна предъ нами? Повергаясь къ стопамъ его, мо-

лю, да вложитъ въ уста мои такія рѣчи, которыя были бы ему пріятны, и показались бы вамъ согласными съ разсудкомъ.

Ежелибы я обязанъ былъ изъясняться въ присутствіи многочисленнаго собранія, о первомъ Творцѣ всѣхъ вещей, о началѣ вселенной и о причинѣ зла, то бы принужденъ былъ говорить загадками; но въ сихъ уединенныхъ мѣстахъ, имѣя свидѣтелями только Бога и друзей моихъ, могу я безъ опасенія отдать долгъ истинѣ.

Богъ, коего я вамъ возвѣщаю, есть Богъ единственный, непремѣнный и безконечный. Заключая въ себѣ средоточіе всѣхъ совершенствъ, неизсыхаемый источникъ разума и бытія, прежде созданія вселенной, прежде разкрытія своего могущества извнѣ, онъ былъ; ибо не имѣлъ начала. Онъ былъ самъ въ себѣ; существовалъ въ глубинахъ вѣчности. Нѣтъ, мои выраженія не соотвѣтствуютъ великости моихъ мыслей, ни мои мысли великости моего предмета.

Вещество такъ же вѣчное, находилось въ страшномъ броженіи, содержа начала всѣхъ золъ, преисполненное буйныхъ движеній, кои старались соединить ея части, изъ разрушающихъ началъ, кои тотчасъ ихъ раздѣляли;

способное къ принятїю всѣхъ видовъ, и неспособное къ сохраненїю котораго либо изъ оныхъ; ужасъ и несогласїе блуждали по кипящимъ его волнамъ. Страшное возмущенїе, которое вы теперь видѣли въ природѣ, есть токмо слабое изображенїе того, которое было въ хаосѣ.

Отъ всей вѣчности, Богъ по своей безконечной благости, вознамѣрился образовать вселенную по образцу, находящемуся всегда предъ его очами, образцу непремѣнному, не созданному, совершенному; мысль подобная той, которую получаетъ художникъ, когда онъ обращаетъ трубый камень въ великолѣпное зданїе; мїръ разумный, коего сей видимый мїръ есть токмо подражанїе и изображенїе. Все, что во вселенной представляется чувствамъ нашимъ; все, что отъ дѣйствїя ихъ укрывается, изображено было величественно въ семъ первомъ чертежѣ и какъ Всевышнее Существо объемлетъ понятїемъ своимъ токмо одно истинное, то можно сказать, что оно производило мїръ прежде, нежели сдѣлало его зримымъ.

Тако существовали отъ всей вѣчности, Богъ Творецъ всякаго блага, вещество начало всѣхъ золъ, и тотъ образецъ, по ко-

торому Богъ вознамѣрился образовать вещество.

Когда время сего великаго дѣйствія наступило, то вѣчная Премудрость повелѣла хаосу, и тотчасъ все существо поколебалось движеніемъ плодотворнымъ и новымъ. Части его, коихъ неукротимое несогласіе сперва раздѣляло, стремились соединяться, совокупляться и сцѣпляться. Огонь возсіялъ въ первый разъ во мракѣ, воздухъ отдѣлился отъ земли и воды. Сіи четыре стихіи опредѣлены были къ составленію всѣхъ тѣлъ.

Для управленія движеніемъ оныхъ, Богъ, приготовившій душу, составленную частію изъ духовнаго существа, и частію изъ существа вещественнаго, облекъ ее землею, морями, и грубымъ воздухомъ, за коимъ распростеръ пустыни небесныя. Отъ сего разумнаго начала, привязаннаго къ средоточію вселенной, исходятъ якобы пламенные лучи, кои болѣе или менѣе чисты смотря по тому, сколь болѣе или менѣе они отдѣлены отъ своего средоточія, кои вступаютъ въ тѣла и одушевляютъ ихъ части, и дошедъ до предѣловъ міра, распространяются по его

окружности и составляютъ около него вѣнецъ свѣта.

Едва всеобщій духъ погруженъ былъ въ сей океанъ вещества, сокрывающій его отъ нашего взора, то испытывалъ оный свои силы потрясая нѣсколько разъ сіе *всецѣлое*, и потомъ быстро обратясь къ самому себѣ, повлекъ всю вселенную, послушную его усиліямъ.

Естьли бы сей духъ былъ только чистая часть Божескаго существа, то дѣйствіемъ своимъ, которое всегда просто и постоянно, произвелъ бы во всей массѣ токмо однообразное движеніе. Но какъ оный соединенъ такъ же съ веществомъ, то произвелъ разность въ теченіи вселенной. И такъ, между тѣмъ, какъ главное впечатлѣніе, произведенное Божественною частію всеобщаго духа заставляетъ все катиться отъ востока къ западу въ теченіи двадцати четырехъ часовъ, то особенное впечатлѣніе, произведенное вещественною частію сей души, заставляетъ обращаться отъ запада къ востоку, по извѣстнымъ содержаніямъ скорости, ту часть небесъ, гдѣ находятся планеты.

Дабы понять причину сихъ двухъ противныхъ движенїй, надлежитъ примѣтить, что Божественная часть всеобщей души всегда находится въ противуположенїи съ вещественною ея частїю; что первая находится въ большемъ изобилїи около предѣловъ мїра, а вторая въ слояхъ воздуха, окружающихъ землю; и что наконецъ, когда надлежало привести въ движенїе вселенную, то вещественная часть души не могши совершенно сопротивляться главному направленїю, данному Божественною частїю, собрала остатки неправильнаго движенїя, коимъ она колебалась въ хаосѣ, и сообщила оное сферамъ, окружающимъ нашъ земный шаръ.

Впрочемъ вселенная исполнена была жизни. Сїе единственное чадо, сїе возрожденное Божество получило сферическїй видъ, совершеннѣйшїй изъ всѣхъ видовъ. Оно возпрїяло круговое движенїе, простѣйшее изъ всѣхъ и приличнѣйшее его виду! Всевышнее существо воззрѣло благопрїятнымъ окомъ на свое творенїе и нашедъ въ немъ сходство съ тѣмъ образцемъ, коему оно послѣдовало въ своихъ произведенїяхъ, съ удовольствїемъ узрѣло, что главныя черты подлинника изображались въ семъ подобїи.

Однакожъ не льзя было сообщить оному единаго токмо свойства, то есть вѣчности разумнаго мїра, и коего сей видимый мїръ возпрїять не могъ, поелику сїи два мїра не могли имѣть одинакихъ совершенствъ, то благоволилъ Богъ дать имъ подобныя. Онъ сотворилъ время, сїе подвижное подобїе неподвижной вѣчности; время, которое начиная и оканчивая безпрестанный кругъ дней и ночей, мѣсяцовъ и годовъ, кажется, что въ теченїи своемъ не знаетъ ни начала, ни конца, и измѣряетъ продолженїе чувствительнаго мїра, такъ какъ вѣчность измѣряетъ продолженїе разумнаго мїра; наконецъ время, которое не оставляло бы слѣдовъ своего присутствїя, ежели бы не были видимые знаки, долженствующїе различать скоротечныя части онаго и, такъ сказать, вести перечень его движенїямъ. Въ семъ намѣренїи Всевышнее существо возжгло солнце, и вселило оное вмѣстѣ съ другими планетами въ пространной пустотѣ воздуховъ. Отсюда свѣтило сїе наполняетъ небо своимъ свѣтомъ, освѣщаетъ теченїе планетъ и назначаетъ предѣлы года, такъ какъ луна назначаетъ предѣлы мѣсяцовъ. Звѣзды Меркурїй и Венера, влекомыя сферою, надъ коею оно владычествуетъ ему всегда сопут-

ствуютЪ. МарсЪ, ЮпитерЪ и СатурнЪ имѣютЪ такЪ же круговыя обращенія особенныя, но простому народу неизвѣстныя.

Между тѣмЪ ТворецЪ всяческихЪ вѣщалЪ духамЪ, коимЪ ввѣрилЪ онЪ управленіе свѣтилами.,, Божества, обязанныя мнѣ своимЪ рожденіемЪ, внемлите вседержавнымЪ ,,моимЪ велѣніямЪ. Вы не имѣете права на ,,безсмертіе; но будете имѣть вЪ томЪ участіе могуществомЪ моей воли, которая сильнѣе тѣхЪ узЪ, кои соединяютЪ части, васЪ ,,составляющія! Для совершенства сего *всецѣлаго*, остается наполнить обитателями ,,моря, землю и воздухЪ. Ежели бы они не ,,посредственно мнѣ одолжены были жизнію, ,,то, будучи изъяты изЪ владычества смерти, содѣлались бы они равными самымЪ ,,божествамЪ. ИтакЪ я предоставляю вамЪ ,,попеченіе о ихЪ произведеніи. Блюстители ,,могущества моего, присоедините кЪ тѣламЪ ,,тлѣннымЪ начала безсмертія, которое вы ,,отЪ рукЪ моихЪ возпріимите. Составьте изЪ ,,оныхЪ особенно существа, кои бы повелѣвали прочимЪ тварямЪ и вамЪ были бы покорны; да раждаютЪ они по вашимЪ повелѣніямЪ, да возрастаютЪ благотвореніями ,,вашими; а послѣ своея смерти да присоеди-

„няться къ вамъ, и да раздѣляютъ съ ва-„ми блаженство.„

Онъ рекъ и внезапно изливъ въ чашу, въ коей растворялъ душу міра, остатки сей души, дотолѣ хранившіеся, составилъ изъ оныхъ души особенныя; и, присоединивъ къ душамъ человѣковъ частицу божественнаго существа, положилъ имъ судьбы непреложныя.

Тогда опредѣлено, что бы родились смертные, способные познавать божество, и служить оному; чтобы мужъ имѣлъ преимущество предъ женою; чтобы правосудіе состояло въ побѣжденіи страстей, а неправосудіе въ покореніи себя онымъ; чтобы праведные приходили въ нѣдра свѣтилъ наслаждаться неизмѣннымъ блаженствомъ; чтобы прочіе превращены были въ женъ, и ежели неправосудіе продолжится, то явились бы паки въ различныхъ видахъ животныхъ; и чтобы наконецъ не прежде возвратились къ первоначальному достоинству своего бытія, какъ содѣлавшись послушными гласу разума.

По сихъ непремѣнныхъ опредѣленіяхъ верховное существо разсѣлило души по планетамъ; и повелѣвъ нижшимъ божествамъ облещи ихъ постепенно смертными тѣлами,

пекущися о ихъ нуждахъ и управлять ими, почилъ на вѣки.

Вскорѣ потомъ вторыя причины, занявъ отъ вещества частицы четырехъ стихій, соединили ихъ между собою невидимыми узами и облекли души различными частями тѣлъ, опредѣленныхъ служить имъ какъ бы колесницами для пренесенія ихъ изъ одного мѣста въ другое.

Душа безсмертная и разумная помѣщена въ мозгу, въ вышней части тѣла для управленія движеніями онаго. Но сверхъ сего божественнаго начала, нижнія божества составили душу смертную, лишенную разума, въ коей долженствовали обитать сладострастіе, привлекающее бѣдствія; печаль, уничтожающая всякое благо; отважность и страхъ, кои ведутъ токмо къ безразсудности; гнѣвъ, которой трудно укротить; надежда, которую весьма легко обольстить можно; и всѣмъ сильныя страсти, неминуемый удѣлъ нашего естества. Она занимаетъ въ тѣлѣ человѣческомъ два мѣста, раздѣленныя посреднею преградою. Часть ко гнѣву преклончая, облеченная силою и мужествомъ, помѣщена въ груди, и такимъ образомъ находясь очень близко къ безсмертной душѣ, ско-

рѣе можетъ слышать гласъ разума; гдѣ при томъ все способствуетъ къ умѣренію пылкихъ ея восторговъ: воздухъ, коимъ мы дышемъ, питіе утоляющее нашу жажду, и самые сосуды, раздѣляющіе жидкости во всѣхъ частяхъ тѣла. И въ самомъ дѣлѣ разумъ, посредствомъ ихъ познавъ раждающіяся силы гнѣва, возбуждаетъ всѣ чувства своими угрозами и воплемъ, возбраняетъ имъ способствовать порочнымъ изступленіямъ сердца, и противъ воли удерживаетъ оное въ зависимости.

Далѣе въ самомъ желудкѣ заключена была та вторая часть смертной души, которая занимается токмо грубыми потребностями жизни: животное алчное и лютое, которое отдалили отъ мѣстопребыванія безсмертной души, дабы оно раскаяніемъ и крикомъ своимъ не возпящало ей въ ея дѣйствіяхъ.

Между тѣмъ сохраняетъ она всегда права свои надъ нимъ и, не могши управлять онымъ посредствомъ разсудка, покоряетъ его страхомъ. Поелику оно помѣщено близь печени, то изображаетъ она на сей блестящей и гладкой внутренности предметы, наиболѣе устрашить его могущія; тогда видитъ оно въ семъ зерцалѣ однѣ только ужасныя

и грозныя морщины, однѣ токмо страшныя привидѣнія, наполняющія его печалїю и отвращенїемъ. Въ другое время, за сими несчастными картинами, слѣдуютъ изображенїя приятнѣйшія и болѣе веселыя. Миръ царствуетъ около него; и тогда то, во время сна, предвидитъ оно отдаленныя происшествія. Ибо низшїе боги, долженствовавшїе сообщить намъ всѣ совершенства, каковыя только возпрїять могли, возхотѣли, что бы сїя слѣпая и грубая часть нашея души, освѣщаема была лучемъ истины. Сїе преимущество не могло дано быть въ удѣлъ безсмертной душѣ, потому что предбудущее никогда не открывается разуму, и обнаруживается только во снѣ, въ болѣзни и въ изступленїи.

Свойства вещества, явленїя природы, премудрость блистающая особенно въ разположенїи и употребленїи частей тѣла человѣческаго, и множество другихъ предметовъ, достойныхъ величайшаго вниманїя, завлекли бы меня съ лишкомъ далеко, почему возвращаюсь я къ предложенному мною въ началѣ предмету.

Богъ не могъ иначе сдѣлать, и не иное сдѣлалъ, какъ наилучшїй изъ всѣхъ возмо-

жныхъ мiровъ, потому что онъ дѣйствовалъ надъ веществомъ грубымъ и неустроеннымъ, которое безпрестанно представляло наисильнѣйшее волѣ его препятствiе. Сiе сопротивленiе существуетъ еще и нынѣ; и отъ того происходятъ бури, землетрясенiя и всѣ разрушенiя, на нашемъ шарѣ бывающiя. Нижнiе боги, образовавъ насъ, принуждены употреблять подобныя ему средства; и отъ того происходятъ болѣзни тѣлѣсныя и душевныя, кои еще опаснѣе. Все, что есть благое во вселенной вообще и въ особенности въ человѣкѣ, происходитъ отъ Высочайшаго Бога; а все, что находится въ нихъ недостаточнаго, происходитъ отъ зла неразлучнаго съ веществомъ.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ.

Достопамятныя произшествія въ Греціи и Сициліи (съ 357 до 354 прежде Р. Х.). Походъ Діона. Судъ надъ военачальниками Тимоѳеемъ и Ификратомъ. Конецъ союзной брани. Начало войны священной.

Походъ Діона. Выше сего сказалъ я, что Діонъ, изгнанный изъ Сиракузъ царемъ Діонисіемъ, который былъ ему и племянникъ и шуринъ, рѣшился наконецъ избавить свое отечество отъ ига, подъ коимъ оно стенало. Вышедъ изъ Аѳинъ отправился онъ на островъ Закинѳъ, мѣсто соединенія войскъ, кои онъ за нѣсколько времени собиралъ.

Онъ нашелъ тамъ три тысячи человѣкъ, набранныхъ большею частію въ Пелопонисѣ, кои были всѣ испытанной храбрости и смѣлости, превосходящей всякую опасность. Они еще не знали, куда были назначены; и когда услышали, что должны напасть на владѣніе, которое защищали сто тысячъ пѣхоты, десять тысячъ конницы, четыреста галеръ, неодолимыя крѣпости, безчисленное богатство и страшные союзники; тогда въ предположенномъ предпріятіи они усматривали

одно отчаяніе изгнанника, который хочетъ всѣмъ пожертвовать своему мщенію. Діонъ представлялъ имъ, что онъ идетъ не противъ сильнѣйшаго государства въ Европѣ, но противъ презрѣннѣйшаго изъ государей. „Впрочемъ, присовокупилъ онъ, мнѣ не нужны воины: ибо Діонисіевы войска скоро будутъ мнѣ послушны; я избралъ токмо военачальниковъ для подаянія имъ примѣровъ „храбрости и наставленій въ воинскомъ искуствѣ. Я столь увѣренъ о перемѣнѣ въ правленіи и о славѣ, долженствующей отъ того „на насъ обратиться, что хотя бы я погибъ „при моемъ прибытіи въ Сицилію, однако „почелъ бы себя счастливымъ, что привелъ „васъ туда.„

Сіи слова ободрили уже духъ, какъ лунное затмѣніе причинило имъ новое смущеніе, которое однако разсѣяно было какъ твердостію Діона, такъ и отвѣтомъ прорицателя, который, будучи вопрошаемъ о семъ явленіи, объявилъ, что могущество царя Сиракузскаго долженствуетъ вскорѣ затмиться. Воины сѣли на суда, числомъ до осьми сотъ. Остальная часть войска должна была слѣдовать за ними подъ предводительствомъ Ираклида. Діонъ имѣлъ только два грузо-

выхъ судна, и три судна легкихъ, кои всѣ изобильно снабдѣны были военными и съѣстными запасами.

Сей малый флотъ, который сильною бурею принесенъ былъ къ брегамъ Африки и къ утесамъ, гдѣ едва не претерпѣлъ кораблекрушенія, прибылъ наконецъ въ пристань Миноа, въ полуденной части Сициліи. То было укрѣпленное мѣсто, принадлежавшее Карѳагенянамъ. Начальникъ оной, по дружбѣ къ Діону, можетъ быть и для подкрѣпленія возмущеній полезныхъ Карѳагенянамъ, тотчасъ снабдилъ всемъ нужнымъ войска, утомленныя труднымъ мореплаваніемъ. Діонъ хотѣлъ дать имъ потребное отдохновеніе; но воины узнавъ, что Діонисій за нѣсколько дней предъ симъ отправился въ Италію, умоляли своего полководца вести ихъ немедленно въ Сиракузы.

Между тѣмъ слухъ о его прибытіи быстро разпространился по всей Сициліи, наполнилъ оную страхомъ и надеждою. Уже войска изъ Агригента, Гелы и Камарина передались на его сторону. Уже изъ Сиракузъ и другихъ сосѣднихъ мѣстъ прибѣгаютъ войска толпами. Онъ роздалъ пяти тысячамъ изъ нихъ оружіе, привезенное имъ изъ Пелопониса.

Знатнѣйшіе жители столицы, облеченные въ бѣлую одежду, встрѣчаютъ его у градскихъ вратъ. Онъ вступаетъ предводительствуя своими войсками, кои идутъ въ тишинѣ, за нимъ слѣдуютъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, коихъ крики раздаются по воздуху. При звучномъ гласѣ трубъ, крики утихаютъ, и предшествующій ему провозвѣстникъ возвѣщаетъ, что городъ Сиракузы свободенъ и тиранство уничтожено. При сихъ словахъ всѣ проливаютъ радостныя слезы, и слышно токмо неясное смѣшеніе проницательныхъ криковъ, и моленій къ небу возносимыхъ. Ѳиміамъ курится въ храмахъ и на улицахъ. Народъ, обольщенный излишествомъ своихъ чувствованій падаетъ предъ Діономъ, призываетъ его яко благотворное божество и сыплетъ на него цвѣты полными руками, и не могши насытить своей радости, устремляется съ свирѣпствомъ на ненавистное племя лазутчиковъ и доносщиковъ, коими городъ былъ наполненъ, хватаетъ ихъ, омывается въ крови ихъ, и сіи явленія ужаса усугубляютъ всеобщую радость.

Діонъ продолжалъ величественное свое шествіе между столовъ, поставленныхъ по обѣимъ сторонамъ улицъ. Достигнувъ до на-

родной площади, онъ останавливается и съ возвышеннаго мѣста обращаетъ слово свое къ народу, представляетъ оному вновь свободу, увѣщеваетъ защищать оную мужественно, заклинаетъ не иному кому препоручать правленіе республики, какъ начальникамъ способнымъ управлять оною въ столь трудныхъ обстоятельствахъ. Избираютъ его, такъ какъ и брата его Мегаклеса: но сколь ни блистательна была власть, коею ихъ облещи хотѣли, они приняли оную только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ придали имъ въ сотоварищи двадцать изъ знатнѣйшихъ жителей Сиракузскихъ, изъ коихъ большая часть изгнаны были Діонисіемъ.

Нѣсколько дней потомъ, государь сей, извѣщенный уже съ лишкомъ поздно о прибытіи Діона, прибылъ моремъ въ Сиракузы, и вступилъ въ крѣпостцу, около коей выстроена была стѣна, которая содержала ее въ осадѣ. Онъ послалъ тотчасъ повѣренныхъ къ Діону, который имъ представилъ, чтобъ они отнеслись къ народу. Допущены будучи въ общее собраніе, стараются они склонить оное наилестнѣйшими предложеніями. Уменьшеніе налоговъ, изъятіе отъ военной службы въ войнахъ, безъ согласія онаго пред-

пріятыхЪ, Діонисій обѣщалЪ все; но требованіе уничтоженія тиранніи было первымЪ условіемЪ договора.

Царь, замышлявшій поступить вѣроломно, продолжилЪ переговоры, и разпространилЪ слухЪ, что соглашается сложить сЪ себя власть свою: вЪ тоже время потребовалЪ онЪ кЪ себѣ повѣренныхЪ отЪ народа, и задержавЪ ихЪ во всю ночь, приказалЪ сдѣлать выласку на разсвѣтѣ дня. Варвары, составлявшіе охранное войско, напали на окружающую стѣну, разрушили часть оной, и прогнали Сиракузскія войска, кои вЪ надеждѣ скораго примиренія, попустили напасть на себя нечаянно.

ДіонЪ, увѣренный, что жребій государства зависитЪ отЪ сего рѣшительнаго дня, не находитЪ инаго средства кЪ ободренію устрашенныхЪ войскЪ, какЪ простерть мужество до самой дерзости. ОнЪ призываетЪ ихЪ вЪ среду непріятелей не голосомЪ своимЪ, коего они не вЪ состояніи уже болѣе слышать, но примѣромЪ, который приводитЪ ихЪ вЪ удивленіе, и коему они подражать медлятЪ. ОнЪ бросается одинЪ вЪ толпу побѣдителей, поражаетЪ великое оныхЪ множество, былЪ раненЪ, поверженЪ на землю, и

увлеченъ Сиракузскими воинами, коихъ оживленная храбрость придаетъ храбрости его новыя силы. Онъ садится тотчасъ на коня, собираетъ бѣгущихъ, и рукою своею пробитою копьемъ, показываетъ имъ ратное поле, которое во мгновенiе рѣшитъ ихъ рабство или свободу; тотчасъ потомъ летитъ въ станъ войскъ Пелопонисскихъ и приводитъ ихъ на сраженiе. Варвары, истощенные отъ трудовъ, уже дѣлаютъ токмо слабое сопротивленiе и бѣгутъ сокрыть стыдъ свой въ крѣпости. Сиракузяне роздали по сту минъ каждому изъ чужеземныхъ воиновъ, кои единодушно опредѣлили сдѣлать золотый вѣнецъ своему полководцу.

Дiонисiй позналъ тогда, что неиначе одержать можетъ побѣду надъ своими неприятелями, какъ произведя между ними несогласiе, и вознамѣрился употребить, дабы привести Дiона въ подозрѣнiе у народа, туже самую хитрость, которую употребили прежде сего, дабы оклеветать его предъ народомъ. Отъ того тайные слухи, кои онъ распространялъ въ Сиракузахъ, пронырства и недовѣрчивость, коими колебалъ семейства, коварные переговоры, и пагубная переписка, которую велъ то съ Дiономъ, то съ наро-

домъ. Всѣ письма его сообщаемы были общему собранію. Нѣкогда прислано было письмо, имѣвшее надпись: *отцу моему*. Сиракузяне, думая, что оно было отъ Гиппарина, сына Діонова, не смѣли прочесть содержаніе онаго; но Діонъ разпечаталъ его самъ. Діонисій предвидѣлъ, что ежели онъ отречется прочесть оное публично, то возбудитъ недовѣренность, когда же оное прочтетъ, то внушитъ страхъ. Оно писано было рукою царя. Онъ хитро разположилъ въ ономъ выраженія; представлялъ всѣ причины, долженствовавшія побудить Діона отдѣлить свои выгоды отъ выгодъ народа. Супруга, сынъ и дочь его заключены были въ помянутой крѣпости; Діонисій могъ оказать надъ ними полное мщеніе. За сими угрозами слѣдовали жалобы и прозьбы, равно могущія подвигнуть чувствительную и благородную душу. Но опаснѣйшій ядъ сокрытъ былъ въ слѣдующихъ словахъ: „Воспомни о „ревности, съ коею поддерживалъ ты тиран„нію, и когда находился при мнѣ. Вмѣсто „того, чтобы возвратить свободу людямъ „ненавидящимъ тебя, потому что они пам„тують бѣдствія, коихъ ты былъ содѣте„лемъ и орудіемъ, сохраняй власть, которую „они тебѣ повѣрили, и которая единая со-

,,ставляетъ безопасность твою, твоего се-
,,мейства и друзей твоихъ.,,

Діонисій не столько бы получилъ плода отъ одержанной побѣды, сколько отъ успѣха сего письма. Діонъ показался въ глазахъ народа, что онъ по необходимости долженъ щадить тирана, или заступить его мѣсто. Съ сего времени надлежало уже ему видѣть упадокъ своей власти; ибо сколь скоро довѣренность поколебалась, то она скоро и разрушится.

Между тѣмъ случилось, подъ предводительствомъ Ираклида, второе раздѣленіе войскъ Пелопонисскихъ. Ираклидъ, находившійся въ великомъ уваженіи въ Сиракузахъ, казалось, токмо опредѣленъ былъ къ умноженію безпокойствъ въ государствѣ. Честолюбіе его дѣлало замыслы, коимъ легкомысліе его не позволяло слѣдовать. Онъ измѣнялъ всѣмъ сторонамъ, не утвердивъ побѣды своей собственной, и успѣлъ токмо въ умноженіи козней, безполезныхъ для его намѣреній. При тиранахъ исполнялъ онъ съ отличіемъ первыя должности въ воинствѣ. Потомъ соединился съ Діономъ, отдалялся отъ него, и опять съ нимъ соединялся. Онъ не имѣлъ ни добродѣтелей, ни дарованій сего

великаго мужа, но превосходилъ его въ искусствѣ привлекать къ себѣ сердца. Діонъ отвращалъ ихъ холоднымъ приемомъ, строгостію своихъ поступковъ и благоразуміемъ. Друзья его тщетно ему совѣтовали быть ласковѣе и доступчивѣе: тщетно говорилъ ему Платонъ въ своихъ письмахъ, что желая быть полезнымъ для людей, надлежитъ начинать тѣмъ, чтобъ быть имъ приятнымъ. Ираклидъ будучи уклончивѣе и снизходительнѣе, ибо ничто ему не было свято, склонялъ на свою сторону ораторовъ своею щедростію, а народъ своими ласками. Сей послѣдній рѣшился ужѐ ему предаться; и въ первомъ собраніи препоручилъ ему начальство надъ морскимъ ополченіемъ. Въ то мгновеніе прибылъ Діонъ; онъ представилъ, что новая должность есть токмо раздѣленіе его должности, и склонилъ къ отмѣненію опредѣленія, которое потомъ заставилъ утвердить въ собраніи болѣе порядочномъ, по его попеченію созванномъ. Сверьхъ того онъ требовалъ еще, что бы присоединены были нѣкоторыя преимущества къ должности его соперника, и доволенъ былъ тѣмъ, что сдѣлалъ ему втайнѣ выговоръ.

Ираклидъ старался казаться чувствительнымъ къ сему великодушному поступку.

Находясь неотступно и ползая предъ Діономъ, онъ предупреждалъ, вывѣдывалъ и повелѣнія его исполнялъ съ ревностію брагодарной души; а между тѣмъ тайными преградами противуполагалъ непреодолимыя препятствія его намѣреніямъ. Когда Діонъ предлагалъ средства къ примиренію съ Діонисіемъ, то подозрѣвали его въ согласіи съ симъ государемъ: когда же онъ преставалъ предлагать оное, то говорили, что хочетъ сдѣлать войну вѣчною, дабы продолжить свою власть.

Сіи нелѣпыя обвиненія съ большею силою обнаружились, когда флотъ Сиракузянъ обратилъ въ бѣгство флотъ царя, находившійся подъ начальствомъ Филиста. Когда галера сего полководца стала на мѣль у берега, то имѣлъ онъ несчастіе впасть въ руки раздраженной черни, которая предъ наказаніемъ его столь жестоко съ нимъ поступила, что безчестно влачила его по улицамъ. Діонисій подпалъ бы томуже жребію, естьли бы не препоручилъ замка сыну своему Апполократу, и не нашелъ бы средства спастись въ Италію съ женами и сокровищами своими. Наконецъ Ираклидъ, которому, въ качествѣ Адмирала, надлежало бы возпрепятствовать его бѣгству,

видя жителей Сиракузскихъ противъ него раздраженныхъ, искуснымъ образомъ обратилъ бурю на Діона, предложивъ тотчасъ о раздѣлѣ земель.

Сіе предложеніе, вѣчный источникъ несогласій во многихъ республиканскихъ владѣніяхъ, принято было съ жадностію со стороны простаго народа, который не полагалъ болѣе предѣловъ своимъ требованіямъ. Сопротивленіе Діона возбудило мятежъ, и во мгновеніе истребило изъ памяти всѣ его заслуги. Рѣшено было, чтобъ приступить къ раздѣлу земель, чтобъ преобразить войска Пелопониссқія, и управленіе дѣлъ повѣрить двадцати пяти новымъ градоначальникамъ, между коими назначенъ Ираклидъ.

Оставалось токмо лишить начальства и осудить Діона. Опасаясь чужеземныхъ войскъ, коими онъ окруженъ былъ, покушались отклонить ихъ отъ него самыми лестными обѣщаніями. Но сіи великодушные воины, кои уничижены были лишеніемъ принадлежащей имъ платы, и коихъ еще болѣе унижали тѣмъ, что почитали ихъ способными къ измѣнѣ, окружили полководца своего и прошли чрезъ городъ, бывъ преслѣдуемы и тѣснимы всемъ народомъ. На сіи оскор-

бленія отвѣчали они только упреками въ неблагодарности и вѣроломствѣ, между тѣмъ какъ Діонъ употреблялъ, для утишенія народа, прозьбы и знаки чувствительности. Сиракузяне стыдясь, что его выпустили, послали, для обезпокоенія его при отступленіи, войска, кои обратились въ бѣгство, лишъ только Діонъ далъ знакъ къ сраженію.

Онъ удалился въ землю Леонтинцевъ, кои не только почли себѣ честію принять его, купно съ его товарищами, въ число своихъ согражданъ; но хотѣли еще, по благородному великодушію доставить ему достойное удовлетвореніе, отправя пословъ въ Сиракузы съ жалобою на несправедливость, сдѣланную избавителямъ Сициліи, и принявъ посланныхъ отъ сего города для обвиненія Діона, созвали они своихъ союзниковъ. Дѣло сіе было разсматриваемо въ общемъ собраніи, и поступокъ Сиракузянъ осужденъ былъ единогласно.

Вмѣсто того, чтобъ на сей приговоръ согласиться, радовались они, что въ единое время избавились отъ двухъ тирановъ, кои ихъ попеременно утѣсняли; и радость ихъ усугубилась еще болѣе одержаніемъ нѣкоторыхъ выгодъ надъ кораблями царскими, на

коихъ везены были съестные припасы въ замокъ и посажены были войска подъ предводительствомъ Нипсія Неаполитанскаго.

Сей искусный полководецъ думалъ, что время къ покоренію мятежниковъ наконецъ наступило. Ободренные малыми своими успѣхами, а еще болѣе возбужденные своимъ неистовствомъ, Сиракузане расторгли всѣ узы повиновенія и благопристойности. Дни ихъ протекали въ пиршествахъ, а начальники предавались безчинствамъ, коихъ укротить уже не можно было. Нипсій выходитъ изъ замка, разрушаетъ стѣну, коею она вторично окружена была, беретъ во власть свою одну часть города и предаетъ ее разграбленію. Войска Сиракузскія прогнаны, жители преданы смерти, жены ихъ и дѣти обременены оковами и отведены въ замокъ. Народъ собирается, совѣщанія происходятъ съ замѣшательствомъ: ужасъ объялъ умы, и отчаяніе не находитъ болѣе средствъ ко спасенію. Въ сіе мгновеніе слышны были нѣкоторые голоса, кои требовали возвращенія Діона и его войска. Весь народъ тотчасъ закричалъ: „Да явится онъ! да возвратятъ его „боги! да придетъ воспламенить насъ своимъ „мужествомъ!„

Избранные посланники столь были поспѣшны, что прибыли прежде окончанія дня къ Леонтинцамъ. Они повергаются къ стопамъ Діона обливаясь слезами, и преклоняютъ его къ жалости изображеніемъ бѣдствій, кои отечество его претерпѣваетъ. Приведенные предъ народъ два главные посланника заклинаютъ предстоящихъ спасти городъ, весьма достойный ихъ ненависти и сожалѣнія.

Когда они рѣчь свою окончали, то въ сонмищѣ глубокое сдѣлалось молчаніе. Діонъ хотѣлъ прервать оное, но слезы пресѣкли его слова. Ободренный своими войсками, кои раздѣляли съ нимъ горесть его: „Воины Пело„понисскіе, вѣщалъ онъ, и вы вѣрные союз„ники, вамъ принадлежитъ совѣтовать о „томъ, что до васъ касается. Я съ моей „стороны не имѣю воли къ выбору. Сира„кузы погибаютъ; я долженъ спасти городъ „или пасть подъ его развалинами; я присо„единяюсь къ числу его посланныхъ, и при„совокуплю; мы были неблагоразумнѣйшіе, „а нынѣ несчастнѣйшіе изъ человѣковъ. „Естьли трогаетъ васъ наше раскаяніе, то „спѣшите подать помощь городу, которой „вы спасли въ первой разъ. Естьли же по„ражены токмо нашими несправедливостями,

„что да наградятъ по крайней мѣрѣ боги
„усердіе и вѣрность, коимъ вы столь чув-
„ствительныя подали мнѣ доказательства!
„и не забудьте никогда того Діона, кото-
„рый не оставилъ васъ, когда отечество его
„было виновно и не оставляетъ онаго, когда
„оно злосчастно.„

Онъ хотѣлъ продолжать рѣчь; но всѣ воины, тронутые сими словами, единогласно вскричали: „Будь нашимъ предводителемъ, пойдемъ спасти Сиракузы!„ Посланники, восхищенные радостію и признательностію, бросаются имъ на выю и стократно благословляютъ Діона, который даетъ воинамъ столько времени, чтобы они нѣсколько могли подкрѣпить себя пищею.

Едва вступилъ онъ въ походъ, какъ встрѣчаетъ новыхъ посланниковъ, изъ коихъ одни убѣждаютъ его ускорить своимъ шествіемъ, а другіе умедлить онымъ. Первые говорили отъ лица гражданъ благомыслящихъ; а другіе отъ лица противной стороны. Когда неприятели удалились, то показались опять ораторы и разсѣвали несогласіе въ умахъ. Съ одной стороны простой народъ, увлекаемый ихъ криками, вознамѣрился никому иному не быть обязаннымъ своею сво-

бодою какъ себѣ самому, и овладѣть городскими воротами, дабы не имѣть никакой посторонней помощи; съ другой стороны благоразумные люди, устрашенные столь глупымъ самонадѣянїемъ, сильно умоляли о возвращенїи воиновъ Пелопонисскихъ.

Дїонъ помышлялъ, что не должно ни мѣшкать ни спѣшить. Онъ медленно приближался къ Сиракузамъ, и находился отъ оныхъ только на шестьдесятъ стадїй, какъ увидѣлъ однихъ за другими вѣстниковъ отъ всѣхъ сторонъ, отъ всѣхъ сословїй гражданъ, даже отъ самаго Ираклида, жесточайшаго врага его. Осажденные сдѣлали новую вылазку; одни разрушали окопы; другїе подобно тиграмъ разъяреннымъ, устремлялись на жителей, безъ различїя возраста и пола; иные наконецъ, дабы противупоставить непроницаемый оплотъ чужеземнымъ войскамъ, метали головни и зажженные колья на домы ближайшїя къ замку.

Дїонъ, получивъ о семъ извѣстїе, ускоряетъ свое шествїе. Онъ уже видитъ вихри пламени и дыма, воздымающїеся въ воздухѣ; слышитъ неистовые крики побѣдителей. Онъ является: имя его съ шумомъ раздается во всѣхъ частяхъ города. Народъ у ногъ его,

и удивленные непріятели становятся въ боевый порядокъ при замкѣ. Они избрали сіе мѣсто для того, чтобы быть подъ защитою почти неприступныхъ развалинъ стѣны, ими разрушенной, и еще болѣе тою страшною огненною оградою, которую они въ свирѣпствѣ своемъ для себя сдѣлали.

Между тѣмъ, какъ Сиракузяне прославляли полководца своего тѣми же восклицаніями, тѣми самыми названіями спасителя и бога, съ каковыми принимали его при первомъ его торжествѣ, войска его раздѣленныя на отряды, и возбуждаемыя его примѣромъ, приближалися въ порядкѣ чрезъ горящій пепелъ, и пылающіе брусья, по крови и трупамъ, коими площади и улицы были покрыты, сквозь страшный мракъ густаго дыма, и еще страшнѣйшее пыланіе пожирающаго огня, между развалинами домовъ, кои съ ужаснымъ трескомъ валились подлѣ ихъ и даже на ихъ головы. Достигнувъ до послѣдняго окопа, перешли оный съ одинаковою храбростію, не взирая на упорное и жестокое сопротивленіе Нипсіевыхъ воиновъ, кои были либо совсѣмъ побиты, либо принуждены запереться въ замкѣ.

На другой день жители, потушивъ пожаръ, совершенно успокоились. Ораторы и прочїе начальники заговоровъ добровольно пошли въ изгнанїе, изключая Ираклида и Ѳеодота его дядю. Они столько знали Дїона, что не сомнѣвались обезоружить его признанїемъ въ своемъ проступкѣ. Друзья его съ жаромъ ему представляли, что онъ изъ нѣдръ государства никогда не изкоренитъ духа возмущенїя, злѣйшаго самой тираннїи, ежели отречется отдать обоихъ виновныхъ воинамъ, кои требуютъ ихъ наказанїя; но онъ съ кротостїю отвѣчалъ: „Прочїе полководцы препровождаютъ жизнь свою въ военныхъ подвигахъ, дабы прїобрѣсть нѣкогда такїе успѣхи, коими часто обязаны бываютъ единому случаю. Будучи воспитанъ въ училищѣ Платоновомъ, научился я укрощать свои страсти; и дабы увѣриться о побѣдѣ, которую кромѣ самаго себя никому приписать бы я не могъ, то надлежитъ мнѣ прощать и забывать оскорбленїя. Не ужели для того только, что Ираклидъ унизилъ свою душу вѣроломствомъ и злодѣянїями своими, долженъ и я гнѣвомъ и мщенїемъ осквернить мою душу? Я не хочу превзойти его умомъ и могуществомъ; а хочу

„побѣдить его добродѣтелями и привести его
„къ повиновенію благодѣяніями.„

Между тѣмъ стѣснилъ онъ замокъ столь сильно, что охранное войско не имѣя съѣстныхъ припасовъ, не наблюдало болѣе никакого воинскаго порядка. Аполлократъ, принужденный сдаться на договоръ, получилъ позволеніе удалиться съ своею матерью, сестрою и имуществомъ, на пяти галерахъ. Народъ сбѣжался къ берегу взирать на сіе сладостное зрѣлище, и спокойно наслаждаться симъ приятнымъ днемъ, который освѣтилъ наконецъ свободу Сиракузянъ, удаленіе отрасли ихъ притѣснителей, и совершенное разрушеніе самой сильнѣйшей тиранніи.

Аполлократъ поѣхалъ къ отцу своему Діонисію, находившемуся тогда въ Италіи. По отъѣздѣ его, Діонъ вступилъ въ замокъ. Аристомаха, сестра его, Гиппаринъ его сынъ вышли ему на встрѣчу, и они первые были имъ обласканы. Слѣдовала за ними Аретея трепещуща, въ безпамятствѣ, желая и страшась подъять на него свои очи, наполненныя слезъ. Аристомаха взявъ ее за руку, сказала своему брату: „какъ изъяснить тебѣ все пре-
„терпѣнное нами во время твоего отсутствія?
„Возвращеніе твое и побѣды наконецъ насъ ожи-

„вотворили. Но ахъ! дочь моя, принужден-
„ная вопреки своему и моему благополучїю,
„вступить въ новый союзъ, дочь моя зло-
„счастна посреди всеобщей радости. Ка-
„кими очами взираешь ты на пагубную не-
„обходимость, до которой довела ее жесто-
„кость тирана? должна ли она поклониться
„тебѣ яко своему дядѣ, или яко супругу?„
Дїонъ, не могши удержать слезъ своихъ, об-
нявъ съ нѣжностїю свою супругу, и вручивъ
ей своего сына, просилъ ее раздѣлить съ нимъ
смиренное жилище имъ избранное. Ибо онъ
не хотѣлъ жить въ царскихъ чертогахъ.

Я не имѣлъ намѣренїя писать похваль-
ное слово Дїону: я хотѣлъ токмо сказать
о нѣкоторыхъ его дѣянїяхъ. Хотя участїе,
которое оныя во мнѣ возбуждаютъ, уже за-
вело меня, можетъ быть, съ лишкомъ далеко,
однако не могу лишить себя удовольствїя
слѣдовать до конца поприща такого чело-
вѣка, который будучи во всякомъ состоянїи,
во всѣхъ обстоятельствахъ, всегда столь же
отличался отъ другихъ, сколько походилъ на
самаго себя, и коего жизнь доставила бы на-
илучшїя черты къ исторїи о добродѣтеляхъ.

Послѣ толь многихъ побѣдъ, хотѣлъ онъ
исполнить обще и частно то, чѣмъ онъ былъ

долженъ своимъ сотрудникамъ и гражданамъ, ускорившимъ перемѣну правленія. Однимъ удѣлилъ онъ свою славу, другимъ свои богатства: простъ въ одеждѣ своей, скроменъ за столомъ, во всемъ, что касалось до него собственно, не позволялъ онъ себѣ быть великолѣпнымъ, какъ только въ изъявленіи своей щедрости. Между тѣмъ, какъ онъ возбуждалъ удивленіе не только Сициліи, но и Карѳагена и всей Греціи, между тѣмъ, какъ Платонъ возвѣщалъ ему въ одномъ изъ своихъ писемъ, что вся земля обратила на него взоръ свой, онъ самъ обращалъ свои взоры на то малое число просвѣщенныхъ зрителей, кои не чтитая ни во что ни подвиговъ его, ни успѣховъ, ожидали его во время благоденствія, дабы изъявить ему свое уваженіе или презрѣніе.

Въ его время философы восприяли въ самомъ дѣлѣ твердое намѣреніе преобразить родъ человѣческій. Первый тому опытъ долженствовалъ совершиться въ Сициліи. Въ семъ намѣреніи предприняли они съ начала образовать душу младаго Діонисія, который обманулъ ихъ надежду. Діонъ возобновилъ потомъ оную, и многіе Платоновы ученики слѣдовали за нимъ въ его походѣ. Уже, по

ихъ свѣдѣніямъ, по своимъ собственнымъ, по свѣдѣніямъ нѣкоторыхъ Коринѳянъ, привлеченныхъ стараніемъ его въ Сиракузы, дѣлалъ онъ начертаніе республики, въ которой всѣ власти и всѣ пользы были бы соразмѣрны. Онъ отдавалъ преимущество предъ всѣми смѣшанному правленію, въ коемъ бы главнѣйшіе граждане содержали въ равновѣсіи власть государя и народа. Онъ даже хотѣлъ, чтобы народъ призываемъ былъ къ подаванію голосовъ токмо въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ то дѣлается въ Коринѳѣ.

Между тѣмъ не смѣлъ онъ начать своего предпріятія, остановленъ будучи препятствіемъ почти непреодолимымъ. Ираклидъ не преставалъ, послѣ ихъ примиренія, смущать его явными или скрытными кознями. Поелику онъ былъ обожаемъ отъ простаго народа, то не долженствовало бы ему принимать намѣренія уничтожающаго народное правленіе. Приверженцы Діона нѣсколько разъ предлагали ему избавиться отъ сего безпокойнаго и буйнаго человѣка. Онъ всегда сопротивлялся, но по многимъ настояніямъ, исторгли на то отъ него обѣщаніе. Сиракузяне возмутились; и хотя онъ успѣлъ укротить ихъ, но они худо ему воздали за со-

гласіе, которое обстоятельства казалось оправдывали предъ глазами политиковъ, но наполнило душу его угрызеніями, и разпространило горесть на остатокъ его дней.

Освобожденный отъ сего врага, нашелъ онъ скоро другаго еще вѣроломнѣйшаго и опаснѣйшаго. Во время пребыванія его въ Аѳинахъ, одинъ изъ гражданъ сего города, именемъ Калиппъ, принялъ его въ домъ свой, приобрѣлъ его дружбу, коей онъ не былъ достоенъ, и послѣдовалъ за нимъ въ Сицилію. Достигнувъ до первыхъ военныхъ степеней, оправдалъ онъ выборъ военачальника, и приобрѣлъ довѣренность у войска.

По смерти Ираклида примѣтилъ онъ, что ему нужно сдѣлать токмо одно злодѣяніе, дабы учиниться властелиномъ Сициліи. Простой народъ имѣлъ надобность въ начальникѣ, который бы льстилъ ихъ прихотямъ: оный болѣе и болѣе боялся, чтобъ Діонъ не лишилъ его власти, дабы облещись самому въ оную, или передать ее богатымъ. Между просвѣщенными людьми, политики мнили, что онъ не всегда будетъ противиться прелестямъ царскаго вѣнца, и изъ своихъ подозрѣній составляли вину его. Большая часть воиновъ, приведенныхъ имъ изъ Пелопониса,

и коихъ честь къ нему привязывала, погибли въ сраженіяхъ. Наконецъ всѣ умы, утомленные своимъ недѣйствіемъ и его добродѣтелями, сожалѣли о своевольствѣ и мятежахъ, кои столь долгое время дѣятельность ихъ занимали.

Калиппъ, зная все сіе, уготовлялъ свои ковы. Онъ началъ представленіемъ Діону о истинномъ или подложномъ ропотѣ войскъ, кои, говорилъ онъ, иногда оный обнаруживали; онъ даже принялъ на себя развѣдать о расположеніи умовъ. Тогда входитъ онъ въ довѣренность у воиновъ, возбуждаетъ ихъ, и сообщаетъ свои намѣренія тѣмъ, кои склонны на предложенія. Тѣ, кои ихъ съ негодованіемъ отвергали, тщетно доносили своему полководцу о тайныхъ проискахъ Калиппа; онъ только тѣмъ болѣе былъ тронутъ поступками столь вѣрнаго друга.

Заговоръ ежедневно усиливался, а онъ не удостоивалъ онаго нималѣйшимъ вниманіемъ. Потомъ былъ онъ пораженъ извѣстіями, которыя доходили къ нему о томъ со всѣхъ сторонъ, и кои съ нѣкотораго времени наводили семейству его безпокойство. Но терзаясь всегдашнимъ воспоминаніемъ о смерти Ираклида, отвѣчалъ онъ, что лучше согла-

ится тысячу разъ погибнуть, нежели безпрестанно предостерегаться отъ друзей и враговъ своихъ.

Онъ безъ дальнаго размышленія избиралъ первыхъ; и хотя самъ убѣждался иногда, что большая часть изъ нихъ были подлы и развращенны, однакожъ сего открытія не употреблялъ себѣ въ пользу, либо по тому, что не почиталъ ихъ способными къ чрезмѣрному злодѣйству, либо по тому, что находилъ должнымъ предать себя своей судьбинѣ. Безъ сумнѣнія находился онъ тогда въ одномъ изъ тѣхъ мгновеній, когда и самая добродѣтель лишается бодрости отъ несправедливости и злости человѣческой.

Поелику супруга и сестра его рачительно примѣчали всѣ дѣйствія заговора, то Калиппъ предсталъ предъ нихъ обливаясь слезами; и дабы убѣдить ихъ въ своей невинности, просилъ, чтобъ подвергли его самымъ строжайшимъ наказаніямъ. Онѣ требовали торжественной присяги. Она единая внушаетъ ужасъ даже въ самыхъ злодѣяхъ; онъ сдѣлалъ ее немедленно. Его повели въ подземные ходы храма Цереры и Прозерпины. Послѣ предписанныхъ жертвъ, облекшись въ хламиду единой изъ сихъ богинь, и держа

горящій свѣтильникъ, призывалъ ихъ во свидѣтельство своей невинности, и произносилъ страшныя проклятія на клятвопреступниковъ. По окончаніи обряда, пошелъ онъ приготовлять все къ исполненію своего предпріятія.

Онъ выбралъ для того день празднества Прозерпинѣ; и увѣрясь, что Діонъ изъ дому своего не вышелъ, принялъ начальство надъ нѣсколькими войсками съ острова Закинѳа. Одни окружили домъ; другіе прошли въ одинъ покой нижняго жилья, гдѣ Діонъ бесѣдовалъ со многими своими пріятелями, кои не дерзнули подвергнуть опасности жизнь свою для спасенія его жизни. Злоумышленники, пришедшіе безъ оружія, устремились на него, и мучили его долгое время въ намѣреніи его удушить. А какъ онъ еще дышалъ, то брошенъ былъ къ нимъ въ окно кинжалъ, которой и вонзили ему въ сердце. Нѣкоторыя думаютъ, яко бы Калиппъ извлекъ мечъ свой, однакожъ не дерзнулъ поразить давняго своего благотворителя! Такимъ образомъ умеръ Діонъ, бывъ около пятидесяти пяти лѣтъ отъ роду, въ четвертое лѣто по возвращеніи своемъ въ Сицилію.

Смерть его произвела внезапную перемѣну въ Сиракузахъ. Жители, начинавшіе ненавидѣть его яко тиранна, оплакивали его яко виновника ихъ свободы. Погребеніе его совершено на иждивеніи общественной казны, а гробъ его поставленъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ въ городѣ.

Между тѣмъ, исключая слабое волненіе, въ коемъ пролита была кровь токмо невиновныхъ людей, никто не смѣлъ съ начала на нихъ напасть, и Калиппъ спокойно собиралъ плоды своего злодѣянія. Спустя нѣсколько времени, друзья Діоновы соединились для отмщенія за него, но были побѣждены. Калиппъ, низложенный съ своей стороны Гиппариномъ братомъ Діонисія, Калиппъ, повсюду ненавидимый и отвергаемый, принужденный бѣжать съ остаткомъ разбойниковъ, коихъ судьба сопряжена была съ его жребіемъ, погибъ наконецъ въ крайней бѣдности, спустя годъ и одинъ мѣсяцъ по смерти Діона, и, какъ думаютъ, пораженъ былъ тѣмъ самымъ кинжаломъ, которымъ отнята была жизнь у сего великаго мужа.

Между тѣмъ, какъ старались истребить тираннію въ Сициліи, Аѳины, столько сла=

вящїеся своею свободою, тщетно употребляли всѣ свои усилїя подвергнуть игу народы, отдѣлившїеся за нѣсколько лѣтъ отъ союза съ ними. Аѳины вознамѣрились завладѣть Византїею, и отправили для сего сто двадцать галеръ, подъ предводительствомъ Тимоѳея, Ификрата и Хареса. Сїи послѣднїе прибыли въ Геллеспонтъ, гдѣ непрїятельскїй флотъ, имѣвшїй почти равную силу, до нихъ скоро достигнулъ. Уже съ обѣихъ сторонъ приготовлялись къ сраженїю, какъ наступила сильная буря. Не взирая на то, Харесъ предложилъ учинить нападенїе. А какъ прочїе два полководца, будучи искуснѣе и благоразумнѣе, совѣту его воспротивились; то онъ явно извѣстилъ войско о ихъ сопротивленїи и употребилъ сей случай къ ихъ погубленїю. При чтенїи писемъ, въ коихъ обвинялъ онъ ихъ въ измѣнѣ, народъ возпаленный гнѣвомъ, немедленно ихъ призвалъ, и велѣлъ произвесть надъ ними судъ.

Судъ надъ Тимоѳеемъ и Ификратомъ.

Побѣды Тимоѳея, семдесятъ пять городовъ, присовокупленныхъ имъ къ республикѣ, почести нѣкогда ему воз данныя, старость его, справедливость его дѣла, словомъ, ничто не могло избавить его отъ неправосудїя су-

дей: бывъ осужденъ къ пени, состоявшей во стѣ талантахъ, коихъ онъ заплатить не былъ въ состоянiи, удалился онъ въ городъ Халкиду въ Эвбеѣ, преисполненный негодованiя на гражданъ, коихъ онъ столь часто обогащалъ своими побѣдами, и кои послѣ его смерти, изъявили раскаянiе столь же безплодное, какъ и позднoе. Въ семъ обстоятельствѣ заплатилъ онъ долгъ презрѣнiя, которое всегда имѣлъ къ Харесу.

Однажды, какъ приступали къ выбору полководцевъ, то нѣкоторые наемные ораторы, чтобы изключить изъ онаго Ификрата и Тимоѳея, провозглашали достойнымъ Хареса, приписуя ему качества сильнаго атлета. Онъ еще въ самой силѣ возраста, говорили они, и имѣетъ такую крѣпость, что можетъ перенесть самые тяжкiе труды. „Это „такой человѣкъ, какой для войска и нуженъ.„— Правда, сказалъ Тимоѳей, такой человѣкъ нуженъ для ношенiя клажи.

Осужденiе Тимоѳея не укротило свирѣпства Аѳинянъ, и не могло привести въ боязнь Ификрата, который мужественно защищался. Замѣчено было военное изреченiе, употребленное имъ, дабы представить гла-

замЪ судей поступокЪ полководца, злоумыслившаго ему погибель. „Я увлекаюсь моимЪ „предметомЪ, говорилЪ онЪ; онЪ открылЪ мнѣ „путь узнать дѣйствія Харесовы.„ ВЪ послѣдствіи рѣчи обратилЪ онЪ слово свое кЪ оратору Аристофану, который обвинялЪ его, что онЪ попустилЪ подкупить себя деньгами. „Отвѣчай мнѣ, сказалЪ онЪ ему важ„нымЪ голосомЪ, сдѣлалЪ ли бы ты такое „безчестное дѣло? конечно нѣтЪ, отвѣчалЪ „ораторЪ. И ты хочешь, возразилЪ онЪ, „чтобы ИфикратЪ попустился на то, на „что не осмѣлился бы попуститься и Ари„стофанЪ.„

КЪ пособіямЪ краснорѣчія присовокупилЪ такой способЪ, коего успѣхЪ показался ему не столько ненадежнымЪ. Судилище окружено было многими молодыми военными чиновниками, кои расположены были вЪ его пользу; а самЪ онЪ далЪ усмотрѣть судіямЪ кинжалЪ, который держалЪ подЪ своею одеждою. ОнЪ былЪ оправданЪ и болѣе уже не служилЪ. Когда упрекали его вЪ семЪ наглымЪ поступкѣ, то отвѣчалЪ онЪ: „я долго „носилЪ оружіе для благосостоянія моего „отечества: я былЪ бы глупЪ, ес... бы

„не имѣлъ его при себѣ, когда дѣло идетъ о „моей собственности и безопасности.„

Харесъ однакожъ въ Византїю не отправился. Подъ предлогомъ недостатка въ жизненныхъ припасахъ, онъ вступилъ съ войскомъ своимъ въ службу Сатрапа Артабаза, которой возмутился противу царя Персидскаго Артаксеркса, и которой уже ослабѣвалъ отъ силъ превосходящихъ его собственныя. Прибытїе Аѳинянъ перемѣнило видъ дѣлъ. Войско сего государя было побито; и Харесъ тотчасъ отписалъ къ народу Аѳинскому, что одержалъ надъ Персами побѣду столь же славную, какова была Мараѳонская; но сїе извѣстїе произвело токмо временную радость. Аѳиняне, устрашенные жалобами и угрозами царя Персидскаго, отозвали обратно своего полководца, и поспѣшили предложить миръ и независимость городамъ, предприявшимъ свергнуть съ себя иго сего народа. Такимъ образомъ кончилась война сїя, равно обѣимъ сторонамъ пагубная. Съ одной стороны, нѣкоторые изъ союзныхъ народовъ, истощенные въ людяхъ и деньгахъ, подверглись владычеству Мавзола, царя Карїйскаго; съ другой стороны сверьхъ помощи, которую Аѳины имѣли

Конецъ союзной войны.

отъ ихъ союза, лишились оныя трехъ лучшихъ своихъ полководцевъ, Хабрія, Тимоѳея и Ификрата. Тогда началась другая война, причинившая всеобщее воспламененіе, и открывшая великія дарованія Филиппа, къ несчастію Греціи.

Начало священной войны, при Архонтѣ Агаѳоклѣ въ 356 г. до Р. Х.

Когда собрались Амфиктіоны, коихъ главный предметъ былъ имѣть бдѣніе надъ выгодами Аполлонова храма въ Дельфахъ, то Ѳивяне, кои вмѣстѣ съ Ѳессаліянами управляли дѣлами сего судилища, обвиняли Фокеянъ въ завладѣніи нѣкоторыхъ земель, сему богу посвященныхъ, и заставили ихъ осудить къ великой пени. Мщеніе управляло обвинителями. Ѳессаліяне стыдились еще побѣдъ, которыя Фокеяне нѣкогда одержали надъ ними. Кромѣ соперничества, бывающаго всегда между сосѣдними народами, городъ Ѳивы негодовалъ, что не могъ принудить нѣкоего жителя Фокиды возвратить Ѳивскую женщину, имъ похищенную.

За первымъ приговоромъ послѣдовалъ вскорѣ другой, который посвящалъ богу поля, Фокеянамъ принадлежащія; сверьхъ того далъ оный право союзу Амфиктіонскому строго наказать города, кои до сихъ поръ

не думали повиноваться опредѣленіямъ судилища. Сія послѣдняя статья касалась до Лакедемонянъ, противу коихъ существовало уже за нѣсколько лѣтъ опредѣленіе, оставшееся безъ исполненія.

Во всякомъ другомъ обстоятельствѣ, Фокеане убоялись бы пренебрегать тѣ бѣдствія, коими они были угрожаемы. Но тогда видно было, сколько великія перемѣны зависятъ иногда отъ малыхъ причинъ. За нѣсколько времени предъ симъ двое частныхъ людей въ Фокидѣ желая получить, каждой для своего сына, богатую наслѣдницу, замѣшали весь народъ въ свою ссору, и составили двѣ стороны, кои въ общественныхъ разсужденіяхъ токмо и внимали однимъ совѣтамъ ненависти. И дѣйствительно, едва нѣсколько Фокеянъ предложили повиноваться опредѣленіямъ Амфиктіоновъ, Филомелъ, который по своему богатству и дарованіямъ содѣлался начальникомъ противной стороны, явно утверждалъ, что уступать несправедливости есть самая величайшая и опаснѣйшая подлость; что Фокеяне имѣютъ законныя права не только надъ землями, коихъ обработываніе приписывали имъ въ престу-

плене́, но даже и надъ храмомъ Дельфійскимъ, и что онъ требуетъ токмо ихъ довѣренности, чтобъ избавить ихъ отъ постыднаго наказанія, опредѣленнаго судилищемъ Амфиктіоновъ.

Стремительное его краснорѣчіе завлекаетъ Фокеанъ. Получивъ власть неограниченную, летитъ онъ въ Лакедемонъ, склоняетъ царя Архидама одобрить намѣренія свои, получаетъ отъ него пятнадцать талантовъ, кои присоединивъ къ другимъ пятнадцати талантамъ, которые доставилъ онъ самъ, былъ уже въ состояніи содержать множество наемниковъ, завладѣть храмомъ, окружить его стѣною, и содрать со столбовъ его поносныя опредѣленія, учиненныя Амфиктіонами въ наказаніе народовъ, обвиненныхъ въ святотатствѣ. Локріяне тщетно прибѣгли къ защищенію священнаго убѣжища; они обращены были въ бѣгство, и опустошенныя ихъ поля обогатили побѣдителей. Война продолжалась десять лѣтъ и нѣсколько мѣсяцовъ. Въ своемъ мѣстѣ покажу я главныя оной происшествія.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ.

Письма о дѣлахъ, касающихся до Греціи вообще, писанныя къ Анахарсису и Филоту, во время путешествія ихъ въ Египетъ и Персію.

Во время пребыванія моего въ Греціи, столь часто слыхалъ я о Египтѣ и Персіи, что не могъ сопротивиться желанію объѣхать сіи два государства. Аполлодоръ далъ мнѣ сопутникомъ Филота: онъ обѣщалъ намъ увѣдомлять насъ обо всемъ, что происходить будетъ во время нашего отсутствія; да и прочіе друзья сдѣлали намъ такое же обѣщаніе. Письма ихъ, кои я сообщу или не выпуская изъ нихъ ничего, или въ отрывкахъ, составляли у насъ иногда токмо простыя дневныя записки; а иногда сопровождаемы были размышленіями.

Мы отправились въ концѣ втораго лѣта сто шестой Олимпіады, (весною въ 354 году до Р. Х.) Южная часть Греціи наслаждалась тогда глубокою тишиною; сѣверъ возмущаемъ былъ войною Фокеанъ, и предпріятіями Филиппа, царя Македонскаго.

Филомелъ, предводитель Фокеанъ, укрѣпился въ Дельфахъ. Онъ отправлялъ во всѣ стороны посланниковъ; но ни кто не могъ помыслить, чтобы столь легкія несогласія причинили паденіе той Греціи, которая за сто двадцать шесть лѣтъ предъ симъ сопротивлялась всѣмъ силамъ Персіи.

Филиппъ частые имѣлъ споры съ Ѳракіанами, Иллиріанами и другими варварскими народами. Онъ помышлялъ о завоеваніи Греческихъ городовъ, лежавшихъ на границахъ его государства, и изъ коихъ большая часть были союзники или данники Аѳинянъ. Сіи города оскорбляясь тѣмъ, что онъ удерживалъ принадлежавшій имъ Амфиполь, покушались на непріятельскія противъ него дѣйствія, но не дерзали приступить къ явному разрыву.

При Архонтѣ Діотимѣ въ Аѳинахъ.

Въ 3е лѣто 106й Олимпіады.

(Съ 26го Іюня по нынѣшнему Юліанскому счисленію 354, по 14е Іюля 353 года до Р. Х.)

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Греція преисполнена несогласій. Одни осу-

ждаютъ предпріятіе Филомела, другіе оное оправдываютъ. Ѳивянъ совокупно съ Віотянами, Локріанами съ различными народами Ѳессаліи, изъ коихъ каждому надлежало мстить за какую либо частную себѣ обиду, угрожаютъ отмщеніемъ за оскорбленіе, учиненное Дельфійскому божеству. Аѳиняне, Лакедемоняне и нѣкоторые города Пелопонійскія принимаютъ сторону Фокеанъ, изъ ненависти къ Ѳивянамъ.

Филомелъ торжественно увѣрялъ съ начала, что онъ не коснется сокровищей храма. Устрашенный приготовленіями Ѳивянъ, присвоилъ онъ себѣ часть сихъ богатствъ. Они привели его въ состояніе умножить плату наемникамъ, кои со всѣхъ сторонъ собираются въ Дельфы. Онъ побилъ, однихъ за другими, Локрянъ, Віотянъ и Ѳессаліянъ.

На сихъ дняхъ войско Фокеанъ, зашедъ въ закрытое мѣсто, вдругъ встрѣтилось съ войскомъ Віотянъ, которое превосходило его числомъ. Послѣдніе одержали славную побѣду. Филомелъ, бывъ покрытъ ранами, принужденъ держаться на высотахъ, и окруженъ со всѣхъ сторонъ, лучше захотѣлъ повергнуться съ утеса, нежели предаться въ руки непріятелю. . . .

При Архонтѣ Евдемѣ.

Въ 4е лѣто 106й Олимпіады.

(Съ 14го Іюля 353го по 3е Іюля 352 года до Р. Х.)

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Въ послѣднемъ собраніи Фокеанъ, благоразумнѣйшіе согласились на миръ. Но Ономаркъ, собравшій остатки войска, столько успѣлъ своимъ краснорѣчіемъ и довѣренностію, что рѣшено было продолжать войну, и ввѣрить ему такую же власть, какъ и Филомелу. Онъ набираетъ новыя войска. Золото и серебро, взятыя изъ священнаго сокровища, превращены въ монету; а многіе изъ прекрасныхъ мѣдныхъ истукановъ, находившихся въ Дельфахъ, въ шлемы и мечи! . . .

Слухъ пронесся, что царь Персидскій Артаксерксъ обратитъ оружіе свое противу Греціи. Ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о страшныхъ его приготовленіяхъ. Ему нужно, говорили, не менѣе тысячи двухъ сотъ верблюдовъ, чтобъ вести золото, опредѣленное на плату войскамъ.

Сдѣлалось мятежное собранїе: посреди общаго смущенїя, нѣкоторые предложили призвать къ защищенїю Грецїи всѣ народы, въ ней обитающїе и даже царя Македонскаго, дабы предупредить Артаксеркса и внести войну въ его владѣнїя. Димосөенъ, съ отличїемъ защищавшїй въ гражданскихъ судилищахъ дѣла другихъ, мѣшается съ нѣкотораго времени въ общественныя дѣла, и подалъ голосъ противъ сего мнѣнїя; но твердо настоялъ на необходимость привести себя въ оборонительное состоянїе. Сколько нужно намъ военныхъ судовъ? сколько пѣшихъ и конныхъ? сколько къ тому потребно денегъ? гдѣ ихъ взять? онъ все предвидѣлъ, все напередъ устроилъ. Предложенїя Оратора весьма одобрены. И въ самомъ дѣлѣ, столь благоразумныя мѣры были бы намъ полезны противъ Артаксеркса, когда бы онъ напалъ на Грецїю; и противъ настоящихъ неприятелей нашихъ, когда бы онъ на нее не напалъ! въ послѣдствїи узнали, что сей государь о насъ не думалъ, и мы уже ни о чемъ болѣе не думаемъ.

Я не могу привыкнуть къ симъ переходамъ отъ излишней робости къ излишнему надѣянїю. Умы наши поминут-

но то унижаются, то возвышаются. Частнаго человѣка, который никогда не дѣлается опытнымъ отъ своихъ погрѣшностей, можно оставить собственному его легковѣрїю; но что подумать о цѣломъ народѣ, для котораго настоящее не имѣетъ ни прошедшаго ни будущаго, и который забываетъ свои страхи, подобно какъ забываютъ и громовой ударъ? . . .

Наибольшая часть говоритъ о царѣ Персидскомъ токмо съ ужасомъ, о царѣ Македонскомъ съ единымъ презрѣнїемъ. Они невидятъ того, что сей послѣднїй государь не преставалъ, съ нѣкотораго времени, дѣлать набѣги на наши области; что завладѣвъ островами нашими Имбросомъ и Лемносомъ, наложилъ оковы на тѣхъ изъ нашихъ гражданъ, которые въ сихъ странахъ поселились; что онъ взялъ многїя наши суда на берегахъ Еввейскихъ, и что недавно еще сдѣлалъ онъ высадку въ Мараѳонѣ и овладѣлъ нашею священною галерою. Сїе поруганїе, нанесенное въ томъ самомъ мѣстѣ, которое было прежде сего позорищемъ нашея славы, заставило насъ стыдиться; но стыдъ скоро въ насъ изчезаетъ.

Филиппъ присутствуетъ во всякое время,

во всѣхъ мѣстахъ. Едва оставилъ онъ берега наши, какъ летитъ въ приморскую Ѳракію; беретъ въ оной крѣпость Меѳону, разрушаетъ ее, и плодоносныя оной поля раздѣляетъ своимъ воинамъ, которые его обожаютъ.

Во время осады сего города, переправлялся онъ чрезъ одну рѣку вплавь. Стрѣла пущенная стрѣлкомъ или посредствомъ какого либо орудія, поразила его въ правый глазъ, и не взирая на жестокую боль, которую онъ почувствовалъ, спокойно возвратился къ берегу, отъ коего онъ отплылъ: врачъ его Критовулъ вынулъ весьма искусно стрѣлу; око не обезобразилось, но лишилось зрѣнія.

Сіе приключеніе не уменьшило его жара; онъ осаждаетъ теперь замокъ Герею, на который мы имѣемъ законныя права. Въ Аѳинахъ великое волненіе. Отъ сего произошелъ приговоръ общаго собранія, т: е: собрать шестьдесятъ талантовъ, вооружить сорокъ галеръ, взять въ военную службу тѣхъ, кои не достигли еще сорока пяти лѣтъ. Сіи приготовленія требуютъ времени; зима приближается, и походъ отложится до будущаго лѣта.

Между тѣмъ, какъ опасались замысловъ Персидскаго царя и предпріятій царя Македонскаго, прибыли къ намъ послы отъ Лакедемонскаго царя, и другіе отъ Мегалополитанянъ, коихъ онъ содержитъ въ осадѣ. Архидамъ предлагалъ, чтобъ мы соединились съ Лакедемонянами, дабы привесть Греческіе города въ тоже состояніе, въ которомъ они были до послѣднихъ браней. Все, что было захвачено, надлежало возвратить; всѣ новыя заведенія уничтожить. Ѳивяне отняли у насъ Оропу, они будутъ принуждены возвратить намъ оную; они разорили Ѳесписъ и Платею, ихъ возстановятъ; они построили Мегалополь въ Аркадіи для удержанія набѣговъ отъ Лакедемонянъ, оный будетъ разрушенъ. Ораторы, граждане были разногласны. Димосѳенъ ясно показалъ, что исполненіе сего предположенія по истиннѣ ослабило бы Ѳивянъ, враговъ нашихъ; но увеличило бы силу Лакедемонянъ, нашихъ союзниковъ, и что безопасность наша зависитъ единственно отъ равновѣсія, которое мы должны содержать между сими двумя республиками. На его мнѣніе всѣ согласились.

Между тѣмъ Фокеане дали войска Лакедемонянамъ; Ѳивяне и другіе народы Мега-

лополитанцамъ; уже происходили многія сраженія; скоро заключенъ будетъ миръ, и много будетъ пролито крови.

Не менѣе пролито оной въ сѣверныхъ нашихъ областяхъ. Фокеяне, Віотяне Өессаліяне, бывъ то побѣдителями, то побѣжденными продолжаютъ только войну, которую вѣра и зависть содѣлываютъ чрезвычайно жестокою. Новое приключеніе представляетъ намъ въ будущемъ единую только плачевную участь. Ликофронъ, тиранъ Ферейскій въ Өессаліи, соединился съ Өокеянами для порабощенія Өессаліянъ. Сіи послѣдніе просили вспоможенія отъ Филиппа, который весьма скоро пришелъ къ нимъ на помощь; послѣ нѣкоторыхъ дѣйствій не совсѣмъ рѣшительныхъ, два, одинъ за другимъ послѣдовавшіе урона, принудили его удалиться въ Македонію. Уже думали, что онъ доведенъ до послѣдней крайности; собственные воины начинали его оставлять, какъ вдругъ появился онъ въ Өессаліи. Число войскъ его, и Өессаліянъ его союзниковъ, простиралось свыше 23,000 пѣхоты и до трехъ тысячъ конницы. Ономархъ, имѣя подъ начальствомъ своимъ 20000 человѣкъ пѣхоты и триста

конныхъ, присоединился къ Ликофрону. Фокеяне по упорномъ защищенiи, были разбиты и прогнаны къ берегу морскому, откуда въ нѣкоторомъ разстоянiи видѣнъ былъ флотъ Аѳинской подъ начальствомъ Хареса. Большая часть войска бросившись вплавь погибли съ предводителемъ своимъ Ономархомъ, коего тѣло Филиппъ повелѣлъ вытащить изъ воды и повѣсить оное на висилицѣ. Потеря Фокеянъ весьма велика: шесть тысячъ лишились жизни въ сраженiи, три тысячи, отдавшiеся на волю побѣдителя, повержены были въ море какъ оскорбители божества.

Ѳессалiяне, соединясь съ Филиппомъ, разрушили оплоты, противостоявшiя его честолюбiю. Нѣсколько лѣтъ попускалъ онъ Грековъ ослаблять другъ друга, и съ высоты своего престола, подобно какъ бы съ высокой башни, выжидалъ мгновенiя, когда придутъ униженно выпрашивать у него помощи. Съ сего времени получилъ онъ поводъ мѣшаться въ дѣла Грецiи. Повсюду народъ, не проницающiй его намѣренiй, почитаетъ его одушевленнымъ ревностiю къ вѣрѣ. Повсюду кричатъ, что онъ обязанъ своею побѣдою святости защищаемаго имъ дѣла; и

что боги избрали его на отмщенїе за оскверненїе своихъ жертвенниковъ. Онъ самъ предвидѣлъ сїе; прежде сраженїя повелѣлъ своимъ воинамъ возложить на себя лавровые вѣнки, какъ бы шли они на битву во имя Дельфїйскаго божества, коему посвящено сїе древо.

Намѣренїя, столь справедливыя, успѣхи столь блистательные, приводятъ Грековъ въ удивленїе даже до изступленїя; ни о чемъ не говорятъ, какъ только о семъ государѣ, о его дарованїяхъ, о его добродѣтеляхъ. Вотъ, что я слышалъ объ одномъ его поступкѣ.

Въ войскѣ его былъ одинъ воинъ, славный своею храбростїю, но чрезвычайно корыстолюбивый Сей воинъ отправился на кораблѣ въ дальный походъ; и какъ корабль его разбился, то выброшенъ онъ былъ полумертвымъ на берегъ. При семъ извѣстїи, нѣкоторый Македонянинъ, обработывавшїй небольшее поле близъ сего мѣста, прибѣгаетъ къ нему на помощь, возвращаетъ ему жизнь, ведетъ его въ домъ свой, отдаетъ свое ложе, прилагаетъ объ немъ цѣлой мѣсяцъ всевозможное попеченїе, доставляетъ ему всякое утѣшенїе, какое только жалость и человѣколюбїе внушить могутъ, и снабжаетъ его наконецъ

нужнымъ числомъ денегъ, дабы онъ могъ возвратиться къ Филиппу. Ты узнаешь о моей признательности, сказалъ ему воинъ разставаясь съ нимъ, лишь только бы мнѣ дойти до своего государя. Онъ приходитъ, разсказываетъ Филиппу о своемъ несчастіи, а о томъ, кто ему оказалъ помощь, не говоритъ ни слова и требуетъ въ вознагражденіе за свою потерю малаго домика, находившагося близь тѣхъ мѣстъ, куда былъ онъ принесенъ волнами. То былъ домъ его благодѣтеля. Государь немедлѣнно соглашается на его требованіе. Но вскорѣ узнавъ о истинномъ произшествіи чрезъ письмо, наполненное благородныхъ чувствованій, полученное имъ отъ владѣльца, содрогнулся отъ негодованія, и повелѣлъ правителю той области возвратить сему послѣднему его имѣніе, и раскаленнымъ желѣзомъ напечатлѣть знакъ безчестія на лбу воина.

Поступокъ сей превозносятъ до небесъ: я одобряю оный, не удивляяся ему. Филиппъ заслуживалъ наказаніе болѣе, нежели подлый корыстолюбецъ. Ибо подданный, который проситъ о несправедливомъ дѣлѣ менѣе виновенъ, нежели государь, соглашающійся на

оное безъ изслѣдованія. Что жъ должно было дѣлать Филиппу покрывъ воина безчестіемъ? отказаться отъ пагубнаго права быть столь щедрымъ въ чужомъ имѣніи, и обѣщать всему своему государству не быть болѣе столь скорымъ въ раздаваніи своихъ милостей.

При Архонтѣ Аристодемѣ.

Въ 1е лѣто 107й Олимпіады.

Отъ 3го Іюля 352 года по 22е Іюля 351 года до Р. Х.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Я далъ тебѣ примѣтить въ одномъ изъ предъидущихъ моихъ писемъ, что для предъупрежденія набѣговъ Филипповыхъ, и для удержанія его въ своихъ областяхъ, положено собрать шестьдесятъ талантовъ и послать во Ѳракію сорокъ галеръ съ сильнымъ войскомъ.

Послѣ приготовленій, продолжавшихся около одиннадцати мѣсяцовъ, собрали наконецъ пять талантовъ и вооружили десять галеръ; Харидемъ долженствовалъ ими предводительствовать. Онъ готовъ былъ къ отъ-

ѣзду, какъ слухъ разнесся, что Филиппъ боленъ, что онъ умеръ. Мы тотчасъ распустили войска, а Филиппъ выступилъ въ походъ къ Ѳермопиламъ: онъ готовъ былъ напасть на Фокиду; оттуда могъ онъ перейти сюда. Къ счастію имѣли мы на сосѣднемъ берегу флотъ, которой сопровождалъ къ Фокеянамъ нѣкоторое отдѣленіе войскъ. Навсиклей, предводительствовавшій ими, поспѣшилъ высадить ихъ на землю и стать въ проливѣ. Филиппъ оставилъ свои намѣренія и возвратился въ Македонію.

Сіе произшествіе поселило въ насъ гордость; союзники наши поздравляли насъ съ онымъ; мы положили принесть богамъ жертвы и воздать похвалы войскамъ. Несчастный городъ! который завладѣніе безъ препятства какимъ либо мѣстомъ считаетъ дѣйствіемъ храбрости, и не быть побѣжденнымъ почитаетъ причиною къ торжеству!.

На сихъ дняхъ общее собраніе занималось нашими распрями съ царемъ Македонскимъ. Димосѳенъ появился на каѳедрѣ; онъ изобразилъ живѣйшими красками безпечность и легкомысліе Аѳинянъ, невѣжество и неблагоразумныя мѣры ихъ предводителей, често-

любіе и дѣятельность Филиппа. Онъ предложилъ снарядить флотъ, вооружить отрядъ войскъ, составленныхъ, по крайней мѣрѣ частію, изъ гражданъ; перенесть позорище войны въ Македонію и иначе ее не оканчивать, какъ выгоднымъ договоромъ или рѣшительною побѣдою. Ибо, говорилъ онъ, ежели мы заблаговременно не нападемъ на Филиппа въ его землѣ, то можетъ быть скоро нападетъ онъ самъ на насъ въ землѣ нашей. Онъ назначилъ число воиновъ, коихъ набрать надлежало, и началъ думать о средствахъ къ содержанію оныхъ.

Сіе предпріятіе разстроило бы намѣренія Филиппа, и воспрепятствовало бы ему сражаться съ нами на счетъ нашихъ союзниковъ, у коихъ похищаетъ онъ корабли ненаказанно. Оно возбудило бы въ то же время бодрость народовъ, кои обязаны будучи предаться въ его руки, несутъ иго союза его со страхомъ и ненавистію, кои внушаетъ гордость честолюбиваго государя. Димосѳенъ обнаружилъ сіи намѣренія сильно и ясно. Онъ одаренъ такимъ краснорѣчіемъ, которое принуждаетъ слушателей узнавать себя въ уничижительномъ изображеніи прошедшихъ ихъ заблужденій и настоящаго ихъ положенія.

„Видите ли возопилъ онъ, до какой сте-
„пени наконецъ дошла дерзость Филиппа?
„Онъ лишаетъ васъ свободы избрать войну
„и миръ; угрожаетъ, произноситъ какъ ска-
„зываютъ, наглыя рѣчи; не довольствуясь
„первыми своими побѣдами, онъ замышляетъ
„уже о новыхъ; и между тѣмъ, какъ вы
„здѣсь спокойно сидите, онъ васъ окружаетъ
„и запираетъ со всѣхъ сторонъ. Чегожъ вы
„ожидаете въ бездѣйствіи? Необходимости!
„о праведные боги! была ли когда нибудь
„бо́льшая необходимость для свободныхъ
„душъ, какъ въ настоящее время посрамле-
„нія? не ужели вы будете только собираться
„въ общенародныя мѣста, чтобъ другъ у
„друга спрашивать, нѣтъ ли чего нибудь но-
„ваго? что можетъ быть новѣе того, какъ
„человѣкъ изъ Македоніи, который управля-
„етъ Грецїею и хочетъ покорить Аѳины?.
„Умеръ ли Филиппъ? нѣтъ онъ только бо-
„ленъ. Что вамъ до того нужды? ежели бы
„онъ и умеръ, то вашимъ нерадѣніемъ и ва-
„шею трусостію вы содѣлали бы другаго
„Филиппа.

„Вмѣсто того чтобъ дѣйствовать, вы
„только теряете время въ пустыхъ совѣща-

„нїяхъ. Ваши полководцы, вмѣсто того, „чтобъ явиться къ войскамъ, съ пышностїю „ходятъ за жрецами вашими, чтобъ умно- „жить блескъ общенародныхъ обрядовъ. Вой- „ска состоятъ изъ однихъ только наемни- „ковъ, изъ самой подлости чуждыхъ наро- „довъ, подлыхъ разбойниковъ, кои посыла- „ютъ своихъ предводителей то къ вашимъ „союзникамъ, коимъ наносятъ они ужасъ, то „къ варварамъ, кои похищаютъ ихъ у васъ „въ то мгновенїе, когда наиболѣе нужна вамъ „ихъ помощь; только неизвѣстность и замѣ- „шательство видны въ вашихъ приготовле- „нїяхъ; нѣтъ никакого начертанїя, никакого „предусмотрѣнїя въ вашихъ предприятїяхъ „и въ исполненїи оныхъ. Догадки вами управ- „ляютъ, а случаи упускаете вы непрестан- „но. Вы какъ неискусные бойцы, только отъ „ударовъ защищаетесь. Скажутъ ли, что „Филиппъ въ Херсонесѣ, то тотчасъ опре- „дѣляете послать туда помощь: скажутъ ли, „что онъ въ Ѳермопилахъ? слѣдуетъ другое „опредѣленїе идти туда. Вы стремитесь „на право и на лѣво, повсюда, куда онъ самъ „васъ ведетъ, всегда за нимъ слѣдуете, и „никогда до него не достигаете, какъ развѣ для „того, чтобъ быть свидѣтелями его успѣховъ.„

Все слово наполнено подобными выраженіями. Въ слогѣ сего витіи примѣтенъ слогъ Ѳукидида, который служилъ ему образцомъ. При выходѣ слышу я многихъ Аѳинянъ превозносящихъ его похвалами, и спрашивающихъ извѣстій о Фокеянахъ.

Ты сдѣлаешь мнѣ, можетъ быть, тотъ же вопросъ. Ихъ почитали неимѣющими никакихъ пособій послѣ побѣды Филипповой; но они имѣютъ во власти своей сокровища Дельфійскія; и какъ они умножили плату войскамъ, то привлекаютъ къ себѣ всѣхъ наемниковъ бродящихъ по Греціи. Сей послѣдній походъ кончился ничѣмъ: они то теряли, то одерживали побѣды; они разграбили земли Локрянъ, а собственныя ихъ опустошены Ѳивянами.

Друзья наши, безпрестанно о тебѣ сожалѣющіе, продолжаютъ отъ времени до времени собираться у меня. Въ прошедшій вечеръ былъ вопросъ, почему великіе люди очень рѣдки и появляются токмо по временамъ? Споръ о семъ вопросѣ продолжался долго. Хрисофилъ говорилъ вопреки и утверждалъ, что природа столько же благопріятствуетъ одному вѣку и странѣ, какъ и всякому дру-

тому вѣку и странѣ. Стали ли бы говорить о Ликургѣ, присовокупилъ онъ, естьли бы онъ родился въ рабскомъ состоянiи? объ Омирѣ, естьли бы онъ жилъ въ такiя времена, когда языкъ не былъ еще усовершенствованъ? Кто намъ сказалъ, что бы въ наши времена, между благоустроенными или непросвѣщенными народами, не было Омировъ и Ликурговъ, которые занимаютъ самыя низкiя должности? природа всегда свободная, всегда богатая въ своихъ произведенiяхъ, являетъ случайно людей съ великими дарованiями; а обстоятельства ихъ открываютъ.

При Архонтѣ Ѳессалѣ.

Во 2е лѣто 107й Олимпiяды.

Съ 22го Iюля 351 года по 11е Iюля 350 до Р. Х.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Артемиза, царица Карiйская скончалась. Она жила только два года послѣ Мавзола, своего брата и супруга. Тебѣ извѣстно, что Мавзолъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ царей, коихъ Сузскiй Дворъ имѣетъ вмѣсто охрани-

телей границЪ имперіи, для защищенія оныхЪ отЪ нападенія. ГоворятЪ, что его супруга, которая имЪ управляла, собравЪ его пепелЪ, мѣшала оный, изЪ чрезвычайной кЪ нему любви, вЪ свое питье; говорятЪ, что печаль низвела ее во гробЪ. Она сЪ такимЪ же жаромЪ держалась честолюбивыхЪ намѣреній, которыя сама ему внушала. МавзолЪ кЪ стеченію нѣкоторыхЪ благопріятныхЪ обстоятельствЪ, присовокупилЪ измѣну, дабы завладѣть островами КосомЪ, РодосомЪ и многими Греческими городами. Артемиза удержала ихЪ подЪ своею властію.

Посмотри, прошу тебя, сколь ложны и пагубны понятія управляющія симЪ міромЪ, а особливо понятія владыкЪ о власти и славѣ. Естли бы Артемиза знала истинную пользу своего супруга, то бы она его научила предоставить вѣроломство и насиліе большимЪ государствамЪ; основывать уваженіе кЪ себѣ на благополучіи своей области, и пріобрѣтать кЪ себѣ любовь отЪ народа, который того только требуетЪ отЪ Правительства, чтобЪ сЪ нимЪ не поступали какЪ сЪ неприятелемЪ. Но она изЪ супруга своего хотѣла сдѣлать завоевателя. ТотЪ и дру-

гая истощили кровь и богатство своихъ подданныхъ; съ какимъ же намѣренiемъ? чтобъ украсить малый городъ Галикарнасъ, и прославить память маловажнаго намѣстника царя Персидскаго.

Артемиза никакого не упустила средства, чтобъ память его содѣлать безсмертною; она возбудила наградами отличнѣйшiя дарованiя къ прославленiю дѣянiй Мавзола. Сочинены были въ честь его стихи, трагедiи. Витiи Греческiе приглашены были писать ему похвальное слово. Многiе изъ нихъ вступили въ сiе поприще, и Исократъ состязался съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ. Ѳеопомпъ, трудящiйся надъ дѣеписанiемъ Грецiи, одержалъ верхъ надъ своимъ учителемъ, и имѣлъ слабость тѣмъ похваляться. Я нѣкогда спросилъ его, что при сочиненiи похвальнаго слова человѣку, коего гнусное корыстолюбiе раззорило множество семействъ, не падало ли часто перо изъ рукъ его? онъ отвѣчалъ мнѣ: я говорилъ какъ витiя, въ другое время буду говорить какъ дѣеписатель. Вотъ какое зло позволяетъ себѣ красноречiе, а мы столько слабы, что оное прощаемъ.

Въ тоже время Артемиза велѣла строить Мавзолу гробницу, которая по видимому должна содѣлать вѣчную славу однимъ токмо художникамъ. Я видѣлъ чертежи оной. Она составляетъ длинный четыреугольникъ, имѣющій въ окружности 411 футовъ. Главная часть зданія, окруженная тридцатью шестью столбами, украшена будетъ со всѣхъ четырехъ сторонъ четырьмя изъ славнѣйшихъ ваятелей Греціи Бріаксіемъ, Скопою, Леохаромъ и Тимоѳеемъ. На верхъ поставится пирамида съ колесницею на оной о четырехъ коняхъ. Сія колесница должна быть сдѣлана изъ мрамора и работы Питиса. Вся высота памятника должна состоять изо ста сорока футовъ.

Оный уже весьма высоко былъ выведенъ; а какъ Идріей, преемникъ сестры своей Артемизы, равнаго ей участія въ семъ зданіи не приемлетъ, то художники объявили, что они почтутъ себѣ честію и долгомъ довершить оное безъ всякой платы. Основанія заложены по среди площади, построенной стараніями Мавзола, на мѣстѣ, которое будучи отъ природы разположено въ видѣ ѳеатра, склоняется и продолжается до

самаго моря. Входящїе въ пристань поражаются величественнымъ видомъ оныхъ мѣстъ. Съ одной стороны виденъ дворецъ царской; съ другой храмъ Венеры и Меркурїя, находящїйся близь водомета называемаго Салмасисъ. Прямо, находится торжище и простирается вдоль берега; выше, площадь, а далѣе въ верхней части представляется зрѣнїю замокъ и храмъ Марса, откуда возвышается истуканъ чрезвычайной величины. Гробница Мавзола, привлекающая на себя взоры, когда уже онѣ насладятся разсмотрѣнїемъ сихъ великолѣпныхъ зданїй, безъ сумнѣнїя казаться будетъ превосходнѣйшимъ памятникомъ въ свѣтѣ; но оный долженствовало бы посвятить благотворителю рода человѣческаго.

Идрїей, возшедъ на престолъ, получилъ повелѣнїе отъ Артаксеркса послать отрядъ вспомогательныхъ войскъ противъ царей Кипрскихъ. Фокїонъ начальствуетъ надъ оными купно съ Евагоромъ, который царствовалъ прежде на семъ островѣ. Они намѣрены начать военныя дѣйствїя осадою Саламина.

Царь Персидскїй имѣетъ еще важнѣйшїя намѣренїя; онъ приготовляется къ завоеванїю Египта. Я надѣюсь, что ты уже принялъ

мѣры къ приведенію себя въ безопасность. Онъ требовалъ отъ насъ войскъ; требовалъ оныхъ и отъ другихъ народовъ Греческихъ. Мы ему въ томъ отказали; тоже сдѣлали и Лакедемоняне. Для насъ весьма довольно и того, что мы ему уступили Фокіона. Греческіе города въ Азіи обѣщали ему уже шесть тысячъ человѣкъ войска; Ѳивяне даютъ тысячу; а жители Аргоса три тысячи, кои будутъ находиться подъ предводительствомъ Никострата. Онъ искусный полководецъ и имѣетъ страсть подражать Геркулесу. Онъ показывается въ сраженіяхъ со львиною кожею на плечахъ, и палицею въ рукахъ. Артаксерксъ самъ желалъ его имѣть.

Съ нѣкотораго времени отдаемъ мы въ наемъ нашихъ вождей, нашихъ воиновъ и корабельныхъ служителей царямъ Персидскимъ, любящимъ всегда имѣть въ службѣ своей Грековъ, коимъ платятъ щедро. Разныя причины принуждаютъ наши республики входить въ сей торгъ; нужда освободиться отъ иностранныхъ наемниковъ, коихъ миръ сдѣлалъ безполезными, и кои обременяютъ государство; желаніе доставить обѣднѣвшимъ отъ войны гражданамъ плату могущую воз-

становить ихъ состоянїе, страхъ потерять покровительство или союзъ великаго государя; наконецъ надежда получить отъ него награды, кои могли бы дополнить истощенную общенародную казну. Такимъ-то образомъ недавно Ѳивяне получили отъ Артаксеркса три ста талантовъ. Царь Македонскїй насъ оскорбляетъ! а царь Персидскїй покупаетъ насъ! не довольно ли мы уничижены?

При Архонтѣ Апполлодорѣ.

Въ 3е лѣто 107й Олимпїады

Съ 11 Іюля 350 года по 30е Іюня 349 года до Р. Х.

ПИСЬМО ОТЪ НИКЕТА.

Я смѣюсь надъ тѣмъ страхомъ, каковый хотятъ въ насъ внушить. Могущество Филиппа не можетъ быть продолжительно; оно основано только на клятвопреступленїи, лжи и вѣроломствѣ. Онъ ненавидимъ отъ своихъ союзниковъ, коихъ часто обманывалъ; отъ своихъ подданныхъ и воиновъ, мучимыхъ изнуряющими ихъ походами, отъ коихъ не при-

обрѣтаетъ онъ никакого плода; отъ главныхъ предводителей его воинства, кои наказуются, когда не успѣваютъ, и уничижаются, когда успѣваютъ: ибо онъ столько завистливъ, что лучше проститъ имъ постыдную потерю, нежели самый блистательный успѣхъ. Они всегда живутъ въ смертельномъ ужасѣ, всегда подвержены клеветамъ царедворцевъ и пагубнымъ подозрѣніямъ государя, который предоставилъ себѣ всю славу, каковую только можно приобрѣсть въ Македоніи.

Сіе государство находится въ плачевномъ положеніи. Нѣтъ больше жатвъ, нѣтъ торговли. Будучи бѣдно и слабо само по себѣ, ослабляется оно еще своимъ увеличеніемъ. Малѣйшее несчастіе можетъ разрушить то благоденствіе, коимъ Филиппъ обязанъ токмо неспособности нашихъ военачальниковъ, и развращенію, которое онъ къ стыду нашему ввелъ во всю Грецію.

Единомышленники его превозносятъ личныя его качества; но вотъ что мнѣ о томъ говорили люди, знавшіе его коротко.

Честныхъ нравовъ онъ не уважаетъ, а пороки почти всегда снискиваютъ его дружбу; онъ презираетъ гражданина, имѣющаго однѣ токмо добродѣтели, отвергаетъ просвѣщеннаго мужа, подающаго ему совѣты, и гоняется за лестью съ такимъ же стремленіемъ, какъ лесть гоняется за другими государями. Хочешь ли ему нравиться, получить отъ него милости, быть допущену въ его общество? то будь такъ здоровъ, чтобъ ты могъ раздѣлять съ нимъ его разпутства, имѣй столько дарованій, чтобъ его забавлять и заставлять смѣяться. Острыя слова, сатирическія выраженія, балагурство, стихи, нѣсколько весьма позорныхъ сочиненій, сего довольно, чтобъ придти къ нему въ великую милость. И дѣйствительно, изключая Антипатра, Парменіона и нѣкоторыхъ другихъ людей съ достоинствами, Дворъ его есть не иное что, какъ скверное сборище разбойниковъ, музыкантовъ, стихотворцевъ и шутовъ, кои похваляютъ его равно въ худомъ и добромъ дѣлѣ. Они стекаются въ Македонію со всѣхъ сторонъ Греціи.

Каллій, который весьма искусно представляетъ тѣхъ, кои достойны смѣха,

Каллій, бывшій прежде сего всѣмъ извѣстнымъ рабомъ въ городѣ, изъ коего онъ былъ выгнанъ, нынѣ находится въ числѣ главныхъ его царедворцевъ: другой рабъ, Агаѳоклъ, возвысился тѣми же средствами; Филиппъ въ награжденіе его, сдѣлалъ его начальникомъ одного отряда своихъ войскъ, наконецъ Ѳрасидій, самый скудоумнѣйшій и отважнѣйшій изъ льстецовъ, получилъ верховное начальство въ Ѳессаліи.

Сіи люди безъ правилъ и безъ нравовъ общенародно именуются друзьями государя и бичами Македоніи. Число ихъ чрезвычайное, сила ихъ неограниченная. Не будучи довольны сокровищами, кои онъ на нихъ расточаетъ, угнетаютъ они частныхъ граждан, лишаютъ ихъ имѣнія, или жертвуютъ ими своему мщенію. Съ ними-то погружается онъ въ самое ужасное пьянство, препровождая ночи за столомъ; будучи почти всегда пьянъ, всегда неистовъ, бьетъ всѣхъ безъ разбору и предается неистовствамъ, о коихъ безъ стыда вспомнить не можно.

Не токмо во внутренности своихъ чертоговъ; но и предъ лицемъ народовъ унич-

жаетъ онъ величество престола. Еще не давно, у Ѳессалїйцевъ, столь знаменитыхъ по ихъ невоздержности, не видали ли его, что онъ приглашалъ ихъ часто на пиршества; упивался вмѣстѣ съ ними, забавлялъ ихъ острыми шутками, скакалъ, плясалъ и представлялъ попеременно то шута, то пантомима?

Нѣтъ, я не могу повѣрить, Анахарсисъ, чтобъ такой фигляръ сотворенъ былъ для покоренїя Грецїи.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Отъ того же числа, въ которое и предъидущее было писано.

Я не могу успокоиться въ разсужденїи состоянїя Грецїи. Сколько бы мнѣ ни говорили о многочисленности ея жителей, о храбрости ея воиновъ, о славѣ древнихъ ея побѣдъ; сколько бы мнѣ ни говорили, что Филиппъ ограничитъ свои завоеванїя, и что предприятїя его прекращены были до нынѣ благовидными предлогами; я полагаюсь на наши силы и не довѣряю его намѣренїямъ.

Народы Греческїе ослабѣли и развратились. Нѣтъ ни законовъ, ни истинныхъ гра-

жданъ; и никакого понятія о славѣ, никакой привязанности къ общественному благу. Вездѣ подлые наемники вмѣсто воиновъ, и разбойники вмѣсто военоначальниковъ.

Республики наши никогда не соединятся противъ Филиппа. Нѣкоторыя завлечены въ войну, которая довершаетъ ихъ разрушеніе; другія не имѣютъ ничего общаго между собою, кромѣ зависти и притязаній, препятствующихъ имъ жить въ согласіи. Примѣръ, показанный Аѳинянами, сдѣлалъ бы, можетъ статься, въ нихъ болѣе впечатлѣнія, нежели ихъ собственныя выгоды; но у насъ ни чѣмъ болѣе не отличаются, какъ только позорищами и празднествами. Мы переносимъ оскорбленія отъ Филиппа съ такою же бодростію, какъ отцы наши преодолѣвали опасности. Сильное краснорѣчіе Димосѳена не можетъ возбудить насъ отъ усыпленія. Когда вижу его въ судилищѣ, то мнится мнѣ, что слышу его восклицающаго среди гробницъ, заключающихъ въ себѣ остатки древнихъ нашихъ воиновъ. Хладные прахи, изсохшіе кости, возстаньте и отмстите за отечество!

Съ другой стороны замѣть, что Филиппъ, единственный хранитель своихъ тайнъ, единственный раздаятель своихъ сокровищъ, искуснѣйшій военоначальникъ Греціи, храбрѣйшій ратникъ въ своемъ воинствѣ, замышляетъ, предвидитъ, изполняетъ все самъ, предупреждаетъ произшествія, пользуется ими когда можетъ, и уступаетъ имъ, когда должно. Примѣть, что войска его весьма хорошо обучены, что онъ занимаетъ ихъ военнымъ упражненіемъ безпрестанно, что въ мирное время онъ заставляетъ ихъ проходить по триста стадій съ оружіемъ и со всемъ воинскимъ снарядомъ, что во всякое время самъ ими предводительствуетъ; что онъ съ удивительною скоростію переводитъ ихъ съ одного конца своего государства къ другому; что они научились отъ него не полагать различія между зимою и лѣтомъ, между утомленіемъ и покоемъ. Примѣть, что ежели внутренность Македоніи чувствуетъ бѣдствія отъ войны, то находитъ онъ изобильныя пособія въ золотыхъ рудникахъ, ему принадлежащихъ, въ добычѣ отъ покоряемыхъ имъ народовъ, въ торговлѣ чужестранцевъ, начинающихъ приходить въ гавани, коими завладѣлъ онъ въ Ѳессаліи. Примѣть, что

съ тѣхъ поръ, какъ онъ на престолѣ, имѣетъ онъ одно только намѣреніе, и такъ терпѣливъ, что съ медлѣнностію приводитъ оное въ дѣйство; что онъ не дѣлаетъ ни единаго поступка не обдумавъ о немъ прежде; что онъ не дѣлаетъ втораго поступка не увѣрясь въ успѣхѣ перваго; что сверьхъ того жаденъ и ненасытенъ въ разсужденіи славы; что онъ ищетъ ее въ опасностяхъ, въ побоищѣ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она приобрѣтается самою дорогою цѣною. Примѣть наконецъ, что дѣйствія его всегда соображены со временемъ и мѣстомъ: онъ противуполагаетъ частымъ возмущеніямъ Ѳракіянъ, Иллиріянъ и другимъ чужеземнымъ народамъ, сраженія и побѣды: народамъ Греціи, покушенія къ изпытанію ихъ силъ; защитительныя слова для оправданія его предприятій, искуство раздѣлять ихъ для ихъ ослабленія, и искуство подкупать ихъ для покоренія.

Онъ распространилъ посреди ихъ сію великую и пагубную заразу, отъ коей изсыхаетъ честь даже въ своемъ корнѣ; всѣ народные ораторы, главные граждане и цѣлые города имъ подкуплены. Иногда уступаетъ онъ завоеванія свои союзникамъ, кои содѣлываются чрезъ

то орудіями его величія, пока не содѣлаются жертвами оной. Поелику люди съ дарованіями имѣютъ нѣкоторое дѣйствіе надъ мнѣніемъ народнымъ, то содержитъ съ ними всегдашнее сношеніе, и предлагаетъ имъ прибѣжище при дворѣ своемъ, когда имѣютъ они причины жаловаться на свое отечество.

Единомышленники его такъ многочисленны, такъ бываютъ подкрѣпляемы тайными его переговорами, что, не взирая на сумнѣнія о святости его слова и клятвъ, не взирая на увѣренность, которую бы имѣть надлежало, что ненависть его менѣе пагубна, нежели его дружба, Ѳессаліяне безъ всякаго колебанія предались ему; и многіе другіе народы ожидаютъ только случая послѣдовать ихъ примѣру.

Однакожъ думаютъ, что могущество его слабо, потому что оно только возникаетъ. Ты услышишь отъ людей, даже просвѣщенныхъ, что предпріятія, приписуемыя Филиппу, съ лишкомъ превосходятъ силы его государства. Здѣсь разумѣется Македонія. Дѣло идетъ о владычествѣ, составленномъ въ десять лѣтъ постепенными и твердыми приращеніями; дѣло идетъ о государѣ, коего

умъ изобрѣтаетъ многочисленныя пособія государства, и коего дѣятельность не менѣе удивительная съ таковою же соразмѣрностію умножаетъ число его войскъ и дни его жизни.

Мы тщетно ласкаемъ себя, что дни сіи протекаютъ въ невоздержаніи и разпутствѣ; тщетно клевета представляетъ намъ его самымъ презрѣннымъ и развращеннымъ человѣкомъ. Время, которое другіе государи проводятъ въ скукѣ, употребляетъ онъ на забавы, а то, которое они проводятъ въ забавахъ, посвящаетъ онъ попеченіямъ о своемъ государствѣ. О когда бы вмѣсто приписуемыхъ ему пороковъ, имѣлъ онъ только недостатки! чтобъ онъ былъ ограниченъ въ своихъ намѣреніяхъ, упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, невнимателенъ при выборѣ своихъ гражданскихъ правителей и военачальниковъ, не бдителенъ и неосновdтеленъ въ своихъ предпріятіяхъ! Филиппъ имѣетъ, можетъ быть, слабость удивляться умнымъ людямъ, какъ будто бы онъ всѣхъ почиталъ умнѣе себя. Острое слово плѣняетъ его, но не управляетъ имъ.

Наконецъ наши ораторы, чтобы внушить довѣренность въ народѣ, говорятъ ему без-

престанно, что могущество основанное на несправедливости и вѣроломствѣ не можетъ пребывать долго. Безъ сомнѣнія, ежели бы другіе народы не были столь же вѣроломны и столь же несправедливы, какъ и сіе могущество. Но владычество добродѣтелей миновалось; теперь единой силѣ принадлежитъ управлять людьми.

Любезный Анахарсисъ! когда я помышляю о томъ безмѣрномъ поприщѣ, которое Филиппъ прошелъ въ столь малое число лѣтъ, когда подумаю о многихъ превосходныхъ качествахъ и благопріятныхъ обстоятельствахъ, кои вкратцѣ я изобразилъ, то не могу не заключить, что Филиппъ сотворенъ для покоренія Греціи.

ПИСЬМО ОТЪ КАЛЛИМЕДОНА,

Писанное въ одинъ день съ двумя предъидущими.

Я весьма уважаю Филиппа. Онъ любитъ славу, дарованія, женщинъ и вино. На престолѣ, онъ величайшій государь; въ обществѣ, любезнѣйшій человѣкъ. Какую онъ цѣну даетъ уму другихъ! какъ другіе плѣняются

его умомъ! какая гибкость въ его нравѣ! какая вѣжливость въ его обращенїи! сколько приятности во всемъ томъ, что ни говоритъ, сколько приятства во всемъ томъ, что ни дѣлаетъ!

Царь Македонскїй принужденъ бываетъ иногда поступать жестоко съ побѣжденными; но Филиппъ человѣколюбивъ, кротокъ, снисходителенъ, и въ самомъ дѣлѣ добръ; я въ томъ увѣренъ, потому что онъ хочетъ быть любимъ; а сверьхъ того, я слыхалъ, что говорили, не знаю кому, а можетъ быть и мнѣ, что тотъ не золъ, кто очень веселъ.

Гнѣвъ его возпламеняется и погасаетъ въ едино мгновенїе. Въ немъ нѣтъ ни злости, ни злопамятства; онъ равнодушенъ, къ обидамъ и похваламъ. Наши ораторы осыпаютъ его съ каѳедръ своихъ ругательствами; самые его подданные говорятъ ему иногда оскорбительныя истинны. Онъ отвѣтствуетъ, что благодаритъ первыхъ за то, что они изправляютъ его слабости, а послѣднихъ за то, что научаютъ его въ исполненїи должностей. Одна простая женщина приходитъ и проситъ его объ окончанїи своего дѣла. — Я не имѣю на то времени. —

За чемъ не оставляешь престола? при семъ словѣ онъ останавливается, и тотчасъ повелѣваетъ себѣ донести о всѣхъ запущенныхъ дѣлахъ. Въ другое время при чтенїи тяжебнаго дѣла онъ дремлетъ, а между тѣмъ дѣлаетъ несправедливый приговоръ о заплатѣ извѣстнаго количества денегъ. „Я подамъ прозьбу мою далѣе, вскричалъ осужденный. — Кому же? — государю, который внимательнѣе.„ Тотчасъ приказываетъ доложить о семъ дѣлѣ снова, призналъ свою ошибку, и самъ заплатилъ приговоренную пеню.

Ежели ты хочешь знать, забываетъ ли онъ показанныя ему услуги? Назадъ тому лѣтъ десять Филонъ оказалъ Филиппу услуги въ то время, когда сей былъ заложникомъ у Ѳивянъ. Недавно Ѳивяне отправили къ нему повѣренныхъ. Филонъ былъ въ числѣ ихъ. Государь хотѣлъ наградить его богатствами, но услышалъ одни токмо отказы: для чего, сказалъ онъ ему, завидуешь мнѣ въ славѣ и удовольствїи превзойти тебя благодѣянїями?

При взятїи нѣкотораго города одинъ изъ плѣнныхъ, выведенный на продажу, напомнилъ ему о прежнемъ своемъ дружествѣ.

Изумленный государь повелѣлъ ему подойти: государь тогда сидѣлъ; незнакомый сказалъ ему на ухо: сними съ себя порфиру, ты не въ пристойномъ положенїи. Онъ говоритъ правду, вскричалъ Филиппъ; онъ изъ числа моихъ друзей; снимите съ него оковы.

Я бы могъ привести тебѣ многїе примѣры его кротости и умѣренности. Придворные его хотѣли, чтобъ онъ поступилъ жестоко противъ Никанора, который непреставалъ порицать его правленїя и поступокъ. Онъ отвѣчалъ имъ: „Сей человѣкъ „еще не самый злѣйшїй изъ Македонянъ; мо„жетъ быть я самъ въ томъ виноватъ, что „его пренебрегъ.„ Онъ о немъ навѣдался; узналъ, что нужда довела Никанора до огорченїя, и подалъ ему помощь. Поелику Никаноръ не иначе говорилъ о немъ, какъ съ похвалою, то Филиппъ сказалъ доносщикамъ: „Вы видите, что отъ государя зависитъ „возбудить или прекратить жалобы своихъ „подданныхъ.„ Другой человѣкъ насмѣхался надъ нимъ весьма огорчительнымъ и остроумнымъ образомъ. Ему совѣтовали изгнать его. „Я сего не сдѣлаю, отвѣтствовалъ Фи„липпъ, онъ вездѣ будетъ говорить то же, „что и здѣсь.

При осадѣ одной крѣпости, ранили его въ плечо камнемъ. Врачъ его, перевязывая ему рану, просилъ у его нѣкоей милости. ,,Я не могу отказать, сказалъ ему Филиппъ смѣясь, ты держишь меня за горло.,, (а)

Дворъ его есть пристанище дарованій и увеселеній. Великолѣпіе блистаетъ на его празднествахъ; веселіе за трапезою. Вотъ дѣла его. Меня честолюбіе его нимало не безпокоитъ. Думаешь ли теперь, чтобы человѣкъ, живущій подъ правленіемъ такого государя, былъ несчастливъ? когда онъ нападетъ на насъ, мы сразимся; естли же онъ насъ побѣдитъ, то мы будемъ только съ нимъ пить и смѣяться.

При Архонтѣ Каллимахѣ.

Въ 4е лѣто 107й Олимпіады.

(Съ 3го Іюня 349го по 18е Іюля 348 года до Р. Х.)

Въ бытность нашу въ Египтѣ и Персіи,

(а) Собственныя слова суть: ,,Бери все, что ты ,,хочешь, ты держишь ключъ въ своей рукѣ.,, Греческое слово означающее *плечную кость*, знаменуетъ такъ же *ключъ*.

пользовались мы всѣми случаями, чтобъ извѣщать друзей нашихъ въ Аѳинахъ о подробностяхъ нашего путешествія. Я нашелъ въ бумагахъ моихъ токмо одинъ сей отрывокъ письма, писаннаго мною къ Аполлодору, спустя нѣсколько времени по прибытіи нашемъ въ Сузы, одинъ изъ главныхъ городовъ Персіи.

Отрывокъ письма

ОТЪ АНАХАРСИСА.

Мы проѣхали многія области сего пространнаго государства. Въ Персеполѣ кромѣ могилъ, изсѣченныхъ на возвышеннѣйшей части каменной горы, дворецъ царской удивилъ наши взоры, привыкшіе, съ нѣкотораго времени, къ памятникамъ Египетскимъ. Сказываютъ, что сей дворецъ былъ построенъ около двухъ вѣковъ назадъ, при царствованіи Дарія, сына Истаспова, Египетскими художниками, приведенными Камбизомъ въ Персію. Его окружаютъ три стѣны, изъ коихъ одна имѣетъ шестьдесятъ локтей вышины, мѣдныя врата, многочисленные столбы, изъ коихъ нѣкоторые вышиною въ семьдесятъ футовъ. Большія марморныя плиты съ весьма многими выпуклыми изображеніями, подземные хранилища безчисленныхъ сокровищъ, все изъявляетъ

тамъ великолѣпіе и ужасъ; ибо сей дворецъ служитъ также вмѣсто крѣпости.

Цари Персидскіе воздвигнули еще другіе дворцы, правда не столь многоцѣнные, но удивительной красоты, въ Сузахъ, Экватанѣ, по всѣмъ городамъ, гдѣ препровождаютъ они различныя времена года.

Они имѣютъ также большіе звѣринцы, называемые у нихъ *раями*, кои раздѣляются на двѣ части. Въ одной, вооруженные стрѣлами и копьями преслѣдуютъ на коняхъ, по лѣсамъ, красныхъ звѣрей, коихъ тамъ запираютъ. Въ другой, гдѣ садоводство истощило все свое искуство, разводятъ они самые прекрасные цвѣты и собираютъ наилучшіе плоды: не менѣе стараются они о возращеніи тамо отличныхъ древесъ, кои располагаютъ обыкновенно по пяти вмѣстѣ. Въ различныхъ мѣстахъ, находятся таковыежъ *раи*, принадлежащіе Сатрапамъ или вельможамъ.

Между тѣмъ были мы еще болѣе поражены великимъ покровительствомъ, которое государь изъявляетъ земледѣлію, не временными соизволеніями, но тою просвѣщен-

ною бдительностію, которая имѣетъ болѣе силы, нежели указы и законы. Въ каждой округѣ постановилъ онъ по два правителя, одного по военной, а другаго по гражданской части. Первый обязанъ сохранять общественное спокойство, а вторый ускорять успѣхи промышленности и земледѣлія. Ежели одинъ не исполняетъ своей должности, то другой имѣетъ право приносить о томъ жалобу главноуправляющему въ области, или самому государю, который отъ времени до времени объѣзжаетъ часть, своихъ владѣній. Когда онъ видитъ мѣста изобилующія лѣсами, жатвою и всѣми произведеніями, къ коимъ почва способна, то награждаетъ почестями обоихъ начальниковъ, и распространяетъ ихъ область. Когда же находитъ не воздѣланныя земли, то правителей тотчасъ отрѣшаетъ и на ихъ мѣста опредѣляетъ другихъ. Безкорыстные повѣренные и облеченные его властію наблюдаютъ ту же справедливость въ округахъ, по коимъ онъ не путешествуетъ.

Въ Египтѣ часто слыхали великія похвалы о томъ Арзамѣ, который съ давныхъ лѣтъ былъ первымъ совѣтникомъ царя Персидскаго. Въ пристаняхъ Финикійскихъ, пока-

зывали намъ новопостроенныя крѣпостцы, множество военныхъ судовъ на верьфи, лѣса и снасти привозимыя отвсюду, и сими выгодами обязаны бдительности Арзама. Полезные граждане говорили намъ: „торговля наша угрожаема была близкимъ паденїемъ; довѣренность Арзама оную поддержала.„ Въ то же время получено извѣстїе, что важный островъ Кипръ, бывъ долгое время подверженъ бѣдствїямъ безначалїя, покорился Персїи, и сїе было плодомъ политики Арзама. Внутри государства заслуженные военные чиновники говорили намъ со слезами: „мы усердно служили государю; но при награжденїяхъ мы забыты; мы прибѣгли съ прозьбою къ Арзаму, не зная его; онъ насъ успокоилъ при старости, и никому о томъ не говорилъ.„ Къ сему одинъ частный человѣкъ присовокупилъ: Арзамъ, предубѣжденный моими неприятелями, почелъ за нужное употребить противъ меня власть; но вскорѣ узнавъ мою невинность, призвалъ меня: я нашелъ его въ большемъ прискорбїи, нежели въ какомъ я былъ самъ; онъ просилъ меня помочь ему исправить несправедливость, коею терзалась душа его, и взялъ съ меня обѣщанїе, чтобъ я всегда прибѣгалъ къ нему, когда буду имѣть нужду

въ покровительствѣ. И прозьбы мои никогда не оставались тщетными.,,

Повсюду тайное его влїянїе возбуждало дѣятельность. Военные весьма были довольны, что онъ произвелъ между ими соревнованїе; а народы радовались миру, которой онъ имъ доставилъ, не взирая на препятствїя почти непреодолимыя. Наконецъ народъ попеченїями достигъ паки до того великаго уваженїя, коего онъ несчастными войнами лишился между чужеземными державами.

Арзамъ государственными дѣлами болѣе не управляетъ. Онъ препровождаетъ спокойные дни въ своемъ *раю*, отдаленномъ отъ Сузъ около сорока парасанговъ. Друзья его осталися ему преданными; тѣ, коихъ заслуги онъ столь хорошо отличалъ, вспомнили о его благотворенїяхъ и обѣщанїяхъ. Всѣ посѣщаютъ его еще съ бо́льшимъ усердїемъ, нежели когда онъ правилъ государственными дѣлами.

Случай привелъ насъ въ прелестное его обиталище. Его благосклонность удерживаетъ насъ тамъ нѣсколько мѣсяцовъ, и я незнаю, можно ли намъ будетъ оставить такое

общество, каковое могло составиться въ Аѳинахъ, и въ то время, когда вѣжливость, благопристойность и изящный вкусъ наиболѣе въ семъ городѣ царствовали.

Оно составляетъ благоденствїе Арзама; а онъ служитъ ему утѣшенїемъ. Бесѣда его одушевленна, непринужденна, привлекательна, часто украшаемая острыми словами, кои вырываются у него подобно молнїямъ; всегда сопровождаема прїятностями и веселїемъ, которое, равно какъ благоденствїе, сообщается всѣмъ его окружающимъ. Нѣтъ никакой надменности въ словахъ его; нѣтъ выраженїй несвойственныхъ или съ лишкомъ отборныхъ, но всегда совершенная благопрїятность, даже и при величайшей свободѣ: таковъ есть образъ бесѣды мужа, имѣющаго въ высочайшемъ степени даръ нравиться, и изящное чувствованїе благопристойности.

Соединенїе таковыхъ качествъ его весьма восхищаетъ, когда онъ находитъ или предполагаетъ оное въ другихъ. Онъ слушаетъ съ ласковымъ вниманїемъ; съ восторгомъ похваляетъ острое слово, лишь бы оно сказано было вдругъ; новую мысль, лишь бы

она была справедлива; благородное чувствование, когда оно не съ лишкомъ увеличено.

Въ дружескомъ обращенiи, ласковость его еще болѣе обнаруживаемая, кажется при каждомъ мгновенiи новою. Въ связи не столько тѣсной показываетъ такую удобопреклонность нравовъ, коей образецъ начертанъ Аристотелемъ. Часто встрѣчаются, сказалъ мнѣ однажды сей философъ, душевныя качества столь слабыя, что они одобряютъ все, дабы не оскорбить никого, а другiя столь упорныя, что ничего не одобряютъ, хотя бы они не понравились чрезъ то и всему свѣту. Есть средина, которая не имѣетъ имени на нашемъ языкѣ, потому что весьма мало людей, кои бы умѣли найти оную. Сiе есть естественное расположенiе, которое не заключая въ себѣ истинной дружбы, имѣетъ видъ оной, и нѣкоторымъ образомъ ея прiятности; одаренный онымъ равно избѣгаетъ и ласкательства и оскорбленiя чьего либо самолюбiя. Онъ прощаетъ слабости, сноситъ погрѣшности, не ставитъ себѣ въ похвалу обнаруживать нелѣпости; не старается давать наставленiй, и умѣетъ располагать съ такою соразмѣрностiю и справедливостiю

изъявляемое имъ почитанїе и участїе, что всякой думаетъ, будто бы нашелъ въ немъ желаемую степень любви и почтенїя къ себѣ.

Вотъ прелесть, привлекающая и привязывающая сердца къ Арзаму. Онъ имѣетъ нѣкоторое всеобщее благорасположенїе, которое въ немъ тѣмъ привлекательнѣе, что непремѣнно присоединяется оно ко блеску славы и простотѣ кротости. Однажды случилось въ присутствїи его говорить о нѣкоторыхъ великихъ его качествахъ; онъ тотчасъ началъ увеличивать свои недостатки. Въ другой разъ разсуждали о дѣлахъ, кои онъ производилъ во время своего правленїя; мы хотѣли говорить ему о его успѣхахъ, а онъ говорилъ намъ о своихъ ошибкахъ.

Сердце его, весьма чувствительное, воспламеняется при повѣствованїи о какомъ нибудь благородномъ дѣянїи и умиляется надъ жребїемъ несчастнаго, въ коемъ возбуждаетъ признательность не требуя оной. Въ домѣ его, вокругъ его жилища, все изъявляетъ сїю великодушную благость, которая предупреждаетъ желанїя всѣхъ, и удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ. Уже оставленныя земли

покрылись жатвами; уже бѣдные обитатели сосѣдственныхъ селъ, упрежденные его благотвореніями приносятъ ему дань любви, которая его болѣе трогаетъ, нежели ихъ почитаніе.

Любезный Аполлодоръ пусть дѣеписаніе представитъ другаго Министра, который бы бывъ въ величайшей у государя милости и не имѣя никакихъ наемныхъ ласкателей, искалъ своей чести токмо въ славѣ и благополучіи своего народа. Я сообщилъ тебѣ о первыхъ впечатлѣніяхъ, какія возъимѣли мы находясь при немъ; можетъ быть въ послѣдствіи скажу я нѣчто и о другихъ душевныхъ его качествахъ. Ты конечно мнѣ простишь въ томъ: путешественники не должны пренебрегать толь рѣдкихъ подробностей; поелику описаніе о великомъ мужѣ гораздо полезнѣе описанія великолѣпнаго зданія.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Извѣстно тебѣ, что въ сосѣдствѣ владѣній Филипповыхъ въ приморской Ѳракіи, простирается вдоль морскаго берега Халкидика, гдѣ основались нѣкогда разныя Греческія поселенія, изъ коихъ Олинѳъ есть главное. Олинѳъ есть городъ крѣпкой, богатой,

многолюдной; онъ, лежа частію на возвышенномъ мѣстѣ, издалека привлекаетъ взоры красотою своихъ зданій и обширною своею окружностію.

Жители онаго неоднократно показывали славные опыты своего мужества. При вступленіи Филиппа на престолъ, они готовились заключить съ нами союзъ. Онъ умѣлъ уничтожить сей союзъ, обольстивъ насъ обѣщаніями, а ихъ благотвореніями; онъ увеличилъ ихъ области, уступивъ Анѳемонтъ и Потидею, коими онъ завладѣлъ. Прельстясь сими великодушными пожертвованіями, допускали его чрезъ многіе годы усиливаться; а ежели иногда и оказывали свою къ нему недовѣрчивость, то онъ немедленно отправлялъ къ нимъ пословъ, которые, будучи подкрѣплены многими единомышленниками, коихъ онъ успѣлъ приобрѣсть себѣ въ городѣ, удобно сіе временное безпокойство отвращали.

Наконецъ открыли они глаза и рѣшились прибѣгнуть къ нашему покровительству; сверхъ того съ давнаго времени отрекались они выдать царю двухъ его братьевъ отъ другаго брака, снискавшихъ у нихъ убѣжище, и имѣвшихъ право на престолъ Македонскій.

Сїе то самое служитъ ему поводомъ къ исполненїю давно уже воспрїятаго имъ намѣренїя, присовокупить къ областямъ своимъ Халкидику. Онъ безъ труда завладѣлъ нѣкоторыми сей области городами; и другїе вскорѣ подвергнутся его власти. Олинѳъ угрожаетъся осадою; посланные отъ онаго просили нашей помощи. Димосѳенъ говорилъ въ ихъ пользу; и мнѣнїе было принято, не смотря на сопротивленїе Демада, краснорѣчиваго оратора, но подозрѣваемаго въ согласїи съ Филиппомъ.

Харесъ отправился съ тридцатью галерами, и двумя тысячами человѣкъ, легко вооруженныхъ; онъ нашелъ на близь лежащемъ берегу отъ Олинѳа, малый отрядъ наемныхъ войскъ царя Македонскаго; и бывъ доволенъ, что обратилъ оный въ бѣгство, и взявъ въ плѣнъ ихъ предводителя прозваннаго Пѣтухомъ, возвратился къ намъ торжествовать свою побѣду. Олинѳянамъ не было подано помощи; но по принесенїи благодарственныхъ жертвъ, военоначальникъ нашъ на городской площади угостилъ народъ, которой въ радостномъ восторгѣ, опредѣлилъ поднесть ему златый вѣнецъ.

Между тѣмъ, какъ Олинѳъ послалъ къ намъ новыхъ повѣренныхъ, мы отправили осмнадцать галеръ, четыре тысячи иностранныхъ воиновъ легко вооруженныхъ и сто пятдесятъ человѣкъ конныхъ, подъ предводительствомъ Харидема, которой превосходилъ Хареса одними только злодѣянїями. Опустошивъ сосѣднюю страну, вступилъ онъ въ городъ, гдѣ ежедневно отличается своимъ невоздержанїемъ и распутствомъ.

Хотя многїе утверждаютъ здѣсь, что сїя война для насъ чужда; но я увѣренъ, что ничего нѣтъ важнѣе для Аѳинянъ, какъ сохраненїе Олинѳа. Ежели Филиппъ завладѣетъ онымъ, кто заградитъ ему путь въ Аттику? Между имъ и нами остаются только Ѳессалїйцы, его союзники; Ѳивяне наши неприятели, и Фокеяне немогущїе защищать даже и самихъ себя.

ПИСЬМО ОТЪ НИКЕТА.

Я ожидалъ отъ Филиппа одного токмо неблагоразумнаго поступка: онъ опасался и щадилъ Олинѳянъ; вдругъ приближился онъ къ стѣнамъ ихъ города на сорокъ стадїй.

Они выслали къ нему повѣренныхъ. „Или „вы должны выдти изъ города, или я изъ „Македонїи.„ Вотъ его отвѣтъ. Итакъ онъ забылъ, что недавно принудили они отца его Аминта уступить имъ часть своего государства, и что потомъ весьма долго противились его войскамъ, соединеннымъ съ Лакедемонянами, у коихъ онъ просилъ помощи.

Сказываютъ, что при самомъ прибытїи своемъ принудилъ ихъ бѣжать. Но какъ возможетъ онъ преодолѣть стѣны сїи, искуствомъ укрѣпленныя и цѣлымъ воинствомъ защищаемыя. Во первыхъ представить надобно, что у нихъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ пѣхоты, и тысяча конницы, набранныхъ въ Халкидикѣ; во вторыхъ множество храбрыхъ воиновъ, присланныхъ къ нимъ отъ старыхъ союзниковъ; присовокупи къ тому войска Харидема, и новое подкрѣпленїе, состоящее изъ двухъ тысячъ человѣкъ, тяжело вооруженныхъ, и трехъ сотъ конныхъ, кои всѣ Аѳиняне, нами теперь лишь отправленные.

Филиппъ никогда бы не предпринялъ сего похода, естьли бы предвидѣлъ слѣдствїя онаго; онъ надѣялся всемъ вдругъ овладѣть.

Другое внутреннее безпокойство его мучитъ: Ѳессалїяне его союзники, скоро соединятся съ его врагами; онъ отнялъ у нихъ городъ Пагасъ, они его требуютъ; онъ чаялъ укрѣпить Магнезїю; они тому противятся. Онъ собираетъ пошлины въ ихъ пристаняхъ и на ихъ торжищахъ, они хотятъ соблюсти ихъ для себя. Лишась сего пособїя, чѣмъ будетъ содержать сїе многочисленное наемное войско, всю силу его составляющее. Съ другой стороны думаютъ, что Иллирїяне и Пеоняне, не приобыкшїе къ рабству, скоро свергнутъ съ себя иго, наложенное на нихъ отъ такого государя, коего побѣды содѣлали продерзскимъ.

Чѣмъ бы мы не пожертвовали для возбужденїя Олинѳянъ противъ него? событїе превзошло мѣру нашего ожиданїя. Скоро услышите вы, что могущество и слава Филиппова сокрушились при стѣнахъ Олинѳа.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Филиппъ имѣлъ въ Эвбеѣ единомышленниковъ; онъ тайно переправлялъ туда свои войска. Уже большая часть городовъ были подкуплены. Овладѣвъ симъ островомъ, со-

дѣлался бы онъ скоро владыкою всея Греціи. По прошенію Плутарха Еретрійскаго отправили мы Фокіона съ небольшимъ числомъ конницы и пѣхоты. Мы полагались на приверженныхъ къ вольности и на иностранцевъ, коихъ Плутархъ содержалъ на своемъ иждивеніи. Но подкупъ имѣлъ столь великіе успѣхи, что весь островъ возсталъ противу насъ; Фокіонъ подвергся величайшей опасности, и мы отправили туда остальную часть конницы.

Фокіонъ занималъ высоту, отдѣленную неглубокимъ рвомъ отъ долины Таминской. Неприятели, державшіе его нѣсколько времени въ осадѣ, вознамѣрились наконецъ сбить его съ мѣста. Они приближались, а онъ взиралъ на то спокойно. Но Плутархъ, вопреки его приказанія, вышелъ изъ окоповъ съ иностранными войсками; наша конница за нимъ послѣдовала; тѣ и другіе напали въ безпорядкѣ и обращены были въ бѣгство. Весь станъ сильно вознегодовалъ; но Фокіонъ удерживалъ мужество воиновъ, подъ видомъ, что жертвоприношенія ничего добраго не предзнаменовали. Коль скоро увидѣлъ онъ, что неприятели разрушали укрѣпленіе стана, то далъ знакъ къ нападенію, смѣло ихъ отразилъ и

преслѣдовалъ ихъ по равнинамъ: битва была кровопролитная, а побѣда совершенная. Ораторъ Эсхинъ принесъ о томъ извѣстіе. Онъ отличился въ сраженіи.

Фокіонъ выгналъ изъ Эретріи Плутарха, который былъ мучителемъ оной, а изъ Эввеи всѣхъ малыхъ деспотовъ, подкупленныхъ Филиппомъ. Онъ ввелъ охранное войско въ крѣпость Заретру, для обезпеченія независимости острова; и по окончаніи похода, коему знатоки удивляются, онъ опять вступилъ въ число простыхъ гражданъ Аѳинскихъ.

Изъ слѣдующихъ двухъ поступковъ ты увидишь, сколь онъ былъ благоразуменъ, человѣколюбивъ. Предъ сраженіемъ запретилъ онъ чиновникамъ удерживать воиновъ отъ побѣга, который избавлялъ ихъ отъ множества трусовъ и мятежниковъ; послѣ же побѣды повелѣлъ отпустить всѣхъ Греческихъ плѣнниковъ, опасаясь, чтобы народъ не произвелъ надъ ними своего мщенія и жестокости. . .

Въ одной изъ послѣднихъ нашихъ бесѣдъ, Ѳеодоръ объяснялъ намъ свойство и движеніе свѣтилъ небесныхъ. Діогенъ, вмѣ-

сто всякаго привѣтствія, спросилъ его давно ли онъ сошелъ съ неба? Пантѳіонъ читалъ намъ потомъ чрезвычайно длинное сочиненіе. Діогенъ, сидѣвшій подлѣ него, взглядывалъ отъ времени до времени на рукопись, и примѣтя, что уже близко къ концу, вскричалъ: „земля! земля! друзья мои, потерпите немного.„

Вскорѣ потомъ вопрошаемо было, по какимъ признакамъ иностранецъ, прибывшій въ городъ, узнать можетъ, что тамъ не брегутъ о воспитаніи. Платонъ отвѣчалъ: „по двумъ; когда тамъ нужны врачи и судьи.„

При Архонтѣ Ѳеофилѣ.

Въ 1е лѣто 108й Олимпіяды.

Съ 18го Іюля 348 года по 8е Іюля 347 до Р. Х.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

На сихъ дняхъ прогуливаясь за Ѳракійскими воротами, увидѣли мы человѣка верхомъ, прискакавшаго съ великою поспѣшностію; мы его остановили: откуда ты? не знаешь ли чего объ осадѣ Олинѳа! Я ѣхалъ въ По-

тидію, сказалъ онъ намъ; а возвращаясь оттуда, я уже не видалъ Олинөа. При сихъ словахъ онъ насъ оставилъ и скрылся. Мы возвратились въ городъ, и чрезъ нѣсколько минутъ потомъ погибель сего города распространила повсюду сѣтованіе.

Олинөа уже нѣтъ: богатства его, силы, союзники, четырнадцать тысячъ воиновъ, коихъ мы туда въ разныя времена посылали, ни что не могло спасти сего города. Филиппъ, отражаемый при всякомъ приступѣ, ежедневно терялъ людей своихъ. Но измѣнники, въ стѣнахъ его находившіеся, каждый день приближали минуту его паденія. Филиппъ подкупилъ градоправителей и военачальниковъ. Главные изъ нихъ, Эвөикратъ и Ласөенъ приказали пяти стамъ человѣкамъ конницы, коими они предводительствовали, передаться къ Филиппу; и послѣ другихъ не менѣе пагубныхъ измѣнъ, ввели его въ городъ, который тотчасъ преданъ былъ грабежу. Домы, портики, храмы, все было истреблено пламенемъ и мечемъ; и скоро станутъ вопрошать: гдѣ стоялъ сей городъ? Филиппъ велѣлъ продавать жителей онаго, и умертвить двухъ своихъ братьевъ, удалившихся за нѣсколько лѣтъ въ сіе убѣжище.

Грецiя находится въ великомъ страхѣ; она боится потерять свое могущество и вольность. Повсюду разсѣяны лазутчики и непрiятели. Какъ предохранить себя отъ продажныхъ душъ? Какъ защитить себя отъ такого государя, который часто говоритъ, и доказываетъ дѣлами, что нѣтъ такой стѣны, чрезъ которую бы не могъ пройти скотъ, навьюченный золотомъ? Другiе народы превозносили похвалою грозные наши приговоры противу измѣнившихъ Олинѳянамъ. Надобно отдать справедливость побѣдителямъ; вознегодовавъ на сiе вѣроломство, упрекали они виновниковъ явно. Эвѳикратъ и Ласѳенъ приносили о томъ жалобу Филиппу, который имъ отвѣчалъ: „Македонскiе воины еще весьма грубы; они называютъ каждую вещь ея именемъ.„

Между тѣмъ какъ Олинѳяне, обремененные оковами, плакали сидя на пеплѣ раззореннаго своего отечества, или влеклись толпами по большимъ дорогамъ за новыми своими повелителями, Филиппъ не страшился приносить благодаренiе Небу за бѣдствiя, имъ самимъ причиненныя, и отправлялъ великолѣпныя игры въ честь Юпитера Олимпiй-

скаго. Онъ призвалъ отличнѣйшихъ художниковъ, искуснѣйшихъ лицедѣевъ. Они приглашены были къ пиршеству, коимъ кончились сіи ненавистныя празднества. Тамъ восхищаясь побѣдою и забавами, государь старался предупреждать или удовлетворять желаніямъ присутствовавшихъ, не жалѣя ни благодѣяній, ни обѣщаній. Но Сатиръ, самый превосходный комическій лицедѣй, соблюдалъ угрюмое молчаніе. Филиппъ сіе примѣтивъ упрекалъ его въ томъ. „Какъ! говорилъ онъ ему, развѣ ты сумнѣваешся въ моей щедрости; въ моемъ почтеніи? не ужели ты не хочешь просить никакой милости?„ Хочу просить объ одной, отвѣчалъ Сатиръ, которая единственно отъ тебя зависитъ; но боюсь, ты откажешь. „Говори, сказалъ Филиппъ, и будь увѣренъ, что получить все, чего ни попросишь.„

„Лицедѣй отвѣтствовалъ: я имѣлъ тѣсную связь по гостепріимству и дружбѣ съ Апполофаномъ Пиднійскимъ. Его предали смерти по ложнымъ доносамъ. Послѣ него остались двѣ дочери, еще въ весьма юныхъ лѣтахъ. Родственники ихъ, дабы привесть ихъ въ безопасность, препроводили ихъ въ

Олинѳъ. Онѣ въ оковахъ, принадлежатъ тебѣ, и я осмѣливаюсь просить о ихъ свободѣ. Я пекусь объ ихъ только чести. Намѣренїе мое состоитъ въ томъ, чтобъ снабдить ихъ приданымъ, избрать имъ жениховъ и не допустить ихъ ни до чего такого, чтобъ было предосудительно ихъ отцу и его другу.,, По всей храминѣ раздались похвалы, кои заслуживалъ Сатиръ; и Филиппъ, умилившись болѣе прочихъ, тотчасъ повелѣлъ отдать ему обѣихъ юныхъ плѣнницъ. Такой милосердый поступокъ тѣмъ похвальнѣе, что Аполлофанъ обвиненъ былъ, вмѣстѣ съ другими злоумышленниками, въ лишенїи престола и жизни Александра, брата Филиппова.

Я не говорю тебѣ о войнѣ Ѳокеянъ; она длится безъ достопамятныхъ приключенїй. Дай богъ, чтобы она не такъ кончилась, какъ война Олинѳская!

ПИСЬМО ОТЪ НИКЕТА.

Я не ожидалъ, чтобъ съ Олинѳянами случилось несчастїе, потому что не льзя было ожидать такой въ нихъ слѣпоты. Они

погибли только отъ того, что съ самаго начала не истребили приверженцевъ Филиппа. Предводительствовалъ конницею Олинѳянъ, Аполлонидъ, военоначальникъ искусный, гражданинъ превосходный: его вдругъ изгнали, потому что единомышленники Филиппа достигли до того, что привели его въ подозрѣніе. Ласѳенъ, коего опредѣляютъ на его мѣсто, Евѳикратъ, коего даютъ ему въ помощь, получали изъ Македоніи строевой лѣсъ, стада воловъ и другія богатства, коихъ приобрѣсти они не были въ состояніи; связь ихъ съ Филиппомъ была доказана, а Олинѳяне того не примѣчали. При осадѣ, въ распоряженіяхъ начальниковъ видимо было явное соглашеніе съ царемъ, а Олинѳяне оставались въ томъ же ослѣпленіи. Вездѣ было извѣстно, что онъ покорилъ города Халкидики болѣе подарками, нежели храбростію своихъ войскъ, и Олинѳяне симъ примѣромъ не воспользовались.

Примѣръ Эвѳикрата и Ласѳена устрашитъ отнынѣ тѣхъ подлецовъ, которые попустились бы на таковое жъ безчестное дѣло. Оба сіи презрительные человѣка бѣдственно погибли. Филиппъ, пользующійся

измѣнниками и ихъ презирающій, почелъ долгомъ отдать ихъ на поруганіе своимъ воинамъ, кои потомъ изрубили ихъ въ куски.

Взятіе Олинѳа не только не разрушаетъ нашей надежды, но еще служитъ къ возстановленію оной. Ораторы наши воспламенили умы. Мы отправили великое множество посланниковъ. Они должны искать повсюду непріятелей Филиппу и назначить всеобщій сеймъ для разсужденія на ономъ о войнѣ. Оный долженъ быть здѣсь. Эсхинъ отправился къ Аркадянамъ, кои обѣщали приступить къ союзу. Другіе народы начинаютъ волноваться; Греція скоро вся вооружится.

Республика ничего уже не щадитъ. Кромѣ приговоровъ, учиненныхъ противу тѣхъ, кои погубили Олинѳъ, мы явно приняли къ себѣ тѣхъ жителей онаго, кои избѣгли отъ пламени и рабства. При такихъ мужественныхъ дѣйствіяхъ Филиппъ увидитъ, что между нами и имъ дѣло пойдетъ не на потаенныхъ нападеніяхъ, ни на жалобахъ, ни на переговорахъ и мирныхъ постановленіяхъ.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

15го Өаргеліона.

(25 Маія 347 лѣтъ до Р. Х.)

Прими участіе въ печали нашей. Незапная смерть похитила у насъ Платона 7го числа сего мѣсяца, въ самый день его рожденія. Онъ не могъ отказаться отъ присутствія на одномъ брачномъ пиршествѣ. Я сидѣлъ подлѣ него. Онъ сѣлъ по обыкновенію своему нѣсколько оливъ. Никогда не былъ онъ столь любезенъ, никогда здравіе его не было столь благонадежно. Когда я началъ его съ тѣмъ поздравлять, онъ почувствовалъ дурноту. Приходитъ въ безпамятство, и упадаетъ ко мнѣ въ руки. Всякая помощь была безполезна; мы велѣли перенести его къ нему въ домъ. На столѣ его увидѣли мы послѣднія строки, писанныя имъ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, и поправки, кои онъ дѣлалъ отъ времени до времени въ разсужденіи своемъ о республикѣ; мы оросили ихъ слезами. Онъ сопровожденъ былъ во гробъ общенароднымъ сѣтованіемъ и слезами его друзей. Онъ погребенъ подлѣ Академіи, ему было ровно 81 годъ.

Въ его завѣщаніи описано все его имѣніе; два загородные дома, наличными деньгами три мины; четыре невольника; два серебреные сосуда, одинъ вѣсомъ во сто шестьдесятъ пять драхмъ, другой въ сорокъ пять; одно золотое кольцо; серга изъ того же металла, которую онъ носилъ въ своемъ дѣтствѣ. Онъ объявляетъ, что нѣтъ на немъ никакого долгу; отказываетъ одинъ изъ своихъ загородныхъ домовъ сыну брата своего Адиманта, и даетъ свободу Діанѣ, коей ревность и попеченія такой знакъ благодарности заслуживали. Сверхъ того учреждаетъ все, что относится до его погребенія и гробницы. Племянникъ его Спевсиппъ назначенъ, въ числѣ прочихъ, исполнителемъ послѣдней его воли, и долженъ заступить мѣсто его въ Академіи.

Между бумагами его найдены письма о философическихъ предметахъ. Онъ говаривалъ намъ нѣсколько разъ, что въ бытность свою въ Сициліи, имѣлъ онъ съ младшимъ Діонисіемъ, царемъ Сиракузскимъ, нѣкоторыя разсужденія о свойствѣ перваго начала и о происхожденіи зла; что Діонисій присовокупивъ къ столь слабымъ понятіямъ свои собствен-

ныя мысли, и мысли нѣкоторыхъ другихъ философовъ, изложилъ ихъ въ сочиненіи, обнаруживающемъ токмо его невѣжество.

Спустя нѣсколько времени по возвращеніи Платона, царь прислалъ къ нему философа Архедема, просить его о объясненіи безпокоившихъ его сумнѣній. Платонъ въ отвѣтѣ своемъ, которой я теперь лишь прочелъ, не осмѣливается изъяснить свои мысли о первомъ началѣ. Онъ боится, чтобы письмо его не затерялось. То, что онъ сказалъ при концѣ, чрезвычайно меня удивляетъ; сообщу тебѣ оное вкратцѣ.

„Ты вопрошаешь меня, сынъ Діонисіевъ, „о причинѣ золъ удручающихъ вселенную. Нѣ„когда въ саду твоемъ подъ тѣнію лавровыхъ „древесъ, сказалъ ты мнѣ, что ее постигнулъ. „Я отвѣчалъ тебѣ, что я во всю жизнь мою „сею задачею занимался, и доселѣ никого не „нашелъ, кто бы оную разрѣшить могъ. Я „подозрѣваю, что ты пораженный первымъ лу„чемъ свѣта, предался потомъ симъ изслѣдо„ваніямъ съ новымъ жаромъ; но не имѣя твер„дыхъ основаній, допустилъ свой разумъ го„няться безъ обузданія и безъ путеводителя

„за обманчивыми видами. Не съ однимъ тобою „сіе случилось. Всѣ тѣ, коимъ я сообщилъ „мое ученіе, въ началѣ болѣе или менѣе без-„покоились подобною неизвѣстностію. Вотъ „средства къ разсѣянію твоего сомнѣнія. Ар-„хедемъ принесетъ тебѣ первый мой отвѣтъ. „Размышляй о немъ на досугѣ; сравнивай оный „съ отвѣтами другихъ философовъ. Ежели „оный представитъ тебѣ новыя затрудненія, „то Архедемъ возвратится, и въ два или въ „три его путешествія ты увидишь, что твои „сомнѣнія исчезнетъ.

„Но остерегайся говорить о сихъ пред-„метахъ предъ всѣми. То, что возбуждаетъ „удивленіе и восторгъ въ однихъ, быть мо-„жетъ для другихъ предметомъ презрѣнія и „смѣха. Ученіе мое, преданное долговремен-„ному испытанію, исходитъ изъ онаго подоб-„но золоту, очищенному въ горнилѣ. Я видѣлъ „очень умныхъ людей, кои послѣ тридцати-„лѣтняго размышленія признались наконецъ, „что они не находятъ ничего кромѣ очевид-„ности и достовѣрности тамъ, гдѣ чрезъ „столь долгое время находили токмо неиз-„вѣстность и темноту. Но я тебѣ уже ска-„залъ, что о предметѣ, столь возвышенномъ

„надобно разсуждать только изустно. Я нико-„гда не излагалъ, и никогда не буду излагать „на письмѣ истинныхъ моихъ мыслей; я обна-„родовалъ токмо мысли Сократовы. Прощай, „послѣдуй моимъ совѣтамъ, и, прочитавъ пись-„мо мое нѣсколько разъ, сожги оное.„

Какъ! писанія Платоновы не содержатъ въ себѣ истинныхъ его мыслей о происхожденіи зла? Какъ! онъ почитаетъ за должное скрывать ихъ отъ свѣта, когда съ такимъ краснорѣчіемъ истолковалъ систему Тимея Локрскаго? Тебѣ извѣстно, что въ семъ сочиненіи Сократъ не поучаетъ, но токмо слушаетъ. Какое же есть то таинственное ученіе, о коемъ говоритъ Платонъ? какимъ ученикамъ повѣрилъ оное? говорилъ ли онъ когда о томъ тебѣ? я теряюсь во множествѣ догадокъ. . . .

Потеря Платона причиняетъ мнѣ другую трату, весьма для меня чувствительную. Аристотель насъ оставляетъ по нѣкоторымъ неудовольствіямъ, о коихъ разскажу тебѣ по твоемъ возвращеніи. Онъ удаляется къ Евнуху Эрмію, коему царь Персидскій поручилъ правленіе города Атарнеи

вЪ Мисіи. Я сожалѣю о его дружбѣ, о его просвѣщеніи, о его бесѣдѣ. ОнЪ обѣщалЪ мнѣ возврашиться; но какое различіе между наслажденіемЪ и ожиданіемЪ! увы! онЪ самЪ говаривалЪ словами Пиндара, что надежда есть не иное что, какЪ сонЪ человѣка неспящаго: я похвалялЪ тогда его опредѣленіе; нынѣ желаю, чтобы оно было ложно.

Жалѣю, что не собралЪ его изреченій. ОнЪ-то разсуждая нѣкогда о дружбѣ, вскричалЪ вдругЪ такЪ забавно: „о друзья мои! нѣтЪ друзей!„ Спрашивали его, кЪ чему служитЪ философія? „Дѣлать добровольно, сказалЪ онЪ, то, что только изЪ страха кЪ закону принуждены бываютЪ дѣлать.„ ОтЪ чего происходитЪ сказалЪ ему нѣкто вчера у меня бывшій, что трудно разстаться сЪ прекрасными особами? ВопросЪ сей приличенЪ слѣпцу „отвѣчалЪ онЪ. Ты жилЪ сЪ нимЪ вмѣстѣ, и знаешь, что хотя онЪ имѣетЪ знаній больше всѣхЪ на свѣтѣ, но можетЪ быть онЪ имѣетЪ еще болѣе остроты, нежели знаній.

При Архонтѣ Ѳемистоклѣ.

Во 2е лѣто 108й Олимпіяды.

Сь 8 Іюля 347 года по 28е Іюня 346 года до Р. Х.

ПИСЬМО ОТЪ КАЛЛИМЕДОНА,

Филиппъ извѣстясь о веселіи, которое царствуетъ вѣ нашихъ собраніяхъ (*), прислалъ къ намъ одинъ талантъ. Онъ желаетъ, чтобъ мы сообщали ему рѣшенія каждаго засѣданія. Общество не приминетъ исполнить его приказаній въ точности. Я предложилъ послать ему изображеніе нѣкоторыхъ нашихъ министровъ и военачальниковъ. Я немедленно сообщилъ ему о весьма многихъ смѣшныхъ произшествіяхъ. Я постараюсь нѣкоторыя привесть себѣ на память.

(*) Сіи собранія состояли изъ людей разумныхъ и имѣющихъ вкусъ, числомъ до шестидесяти, кои собирались по временамъ для разсужденія о всѣхъ смѣха достойныхъ дѣлахъ, какія до свѣдѣнія ихъ доходили. Я говорилъ о семъ выше. (Зри главу XX).

Демадъ нѣсколько времени отличался между невольниками нашихъ галеръ; онъ дѣйствовалъ весломъ съ такимъ же искуствомъ и такою же силою, какъ дѣйствуетъ нынѣ словомъ. Первое его состоянїе доставило ему ту честь, что къ нашимъ пословицамъ прибавилъ еще одну, и именно *отъ весла на каѳедру*, что нынѣ означаетъ дорогу, какою кто нибудь достигъ высокихъ достоинствъ.

Въ немъ много ума, а особливо искуства прїятно шутить, хотя онъ живетъ съ самыми непотребными женщинами. Разсказываютъ о многихъ острыхъ его словахъ. Все, что онъ ни говоритъ, кажется вдохновеннымъ; мысль и пристойное выраженїе оной попадаются ему въ одно и тоже мгновенїе: потому-то онъ и не принимаетъ на себя труда писать свои рѣчи, и рѣдко о нихъ размышляетъ. Ежели дѣло идетъ въ общемъ собранїи о непредвидимомъ произшествїи, гдѣ и самъ Димосѳенъ не дерзаетъ прервать молчанїе? то призываютъ Демада; онъ говоритъ тогда съ такимъ краснорѣчїемъ, что единогласно отдаютъ ему преимущество надъ всѣми нашими ораторами. Онъ еще имѣетъ и другїя преимущества: онъ можетъ спорить,

что ниодинъ изъ Аѳинянъ не можетъ упиваться столь часто, какъ онъ, и ниодинъ изъ царей земныхъ не можетъ его корыстолюбіе насытить богатствомъ. Поелику онъ весьма сговорчивъ въ торгу, то продаетъ себя, на нѣсколько лѣтъ тому, кто только купитъ его захочетъ. Онъ кому-то сказалъ, что онъ даже и приданое дочери своей соберетъ отъ иностранныхъ державъ.

Филократъ не столь краснорѣчивъ, но столь же сластолюбивъ, и гораздо не воздержнѣе. За столомъ все предъ нимъ изчезаетъ; онъ кажется дѣйствуетъ тогда за многихъ: сіе-то заставило стихотворца Эввула сказать въ одномъ изъ своихъ сочиненій: у насъ случились два непобѣдимые гостя, Филократъ и Филократъ. Онъ такъ же еще изъ числа тѣхъ людей, у коихъ на челѣ кажется написаны, какъ бы на дверяхъ дома, слѣдующія слова большими буквами: *отдается въ наймы, продается.*

Димосѳенъ совсѣмъ не таковъ. Онъ показываетъ великое усердіе къ отечеству. Ему нужна такая наружность для преодолѣнія своихъ соперниковъ, и для сисканія довѣрен-

ности отъ народа. Можетъ быть онъ намъ измѣнитъ, когда онъ не въ силахъ будетъ препятствовать другимъ измѣнять намъ.

Онъ воспитанъ былъ съ небреженіемъ; онъ не зналъ приятныхъ искуствъ, могшихъ исправить недостатки, которыхъ въ немъ было множество: я бы желалъ представить его таковымъ, какимъ онъ показался при первыхъ случаяхъ на каѳедрѣ. Представь себѣ человѣка вида суроваго и печальнаго, которой часто чешетъ у себя въ головѣ, пожимаетъ плечами, говоритъ непріятно и слабо, имѣетъ дыханіе прерывающееся: голосъ пронзительной; его произношеніе грубо, слогъ еще грубѣе; періоды съ лишкомъ обильны, безконечны, непонятны, и сверьхъ того наполнены школьными доводами. Онъ выводилъ насъ изъ терпѣнія; но и мы ему за то отплатили: онъ былъ освистанъ, осмѣянъ, и принужденнымъ нѣсколько времени скрываться. Но онъ воспользовался своимъ несчастіемъ, какъ человѣкъ превосходный. Неслыханныя усилія уничтожили нѣкоторую часть его недостатковъ, и каждый день доставляетъ ему новый лучъ славы: она ему дорого стоитъ; ему надобно долго размышлять о пред-

мешѣ, и разумЪ свой обращашь разными образами, чшобЪ принудишь его кЪ произведенію.

Непріяшели его утверждаютЪ, чшо сочиненія его пахнутЪ лампадою. Разборчивые люди находятЪ нѣчшо низкое вЪ его дѣйствованіи; они называютЪ его выраженія грубыми; а мешафоры странными. Чшо до меня касается, мнѣ кажется онЪ столь же худымЪ шушомЪ, какЪ смѣшнымЪ ревнишелемЪ кЪ своему убранству. Самая нѣжнѣйшая женщина не имѣетЪ лучшаго бѣлья; и сія разборчивость составляетЪ странную прошивуположность сЪ грубостію его свойствЪ.

Я не отвѣчаю за его честность. При нѣкоторомЪ шяжебномЪ дѣлѣ, писалЪ онЪ вЪ пользу и исца и соперника. Я говорилЪ о семЪ одному изЪ его пріятелей, человѣку весьма разумному, который сказалЪ мнѣ смѣючись: „онЪ былЪ тогда еще очень молодЪ.„

Нравы его, хотя не совсѣмЪ безпорочны, однако не неблагопристойны. Хотя и говорятЪ, что онЪ посѣщаетЪ прелестницЪ, одѣвается иногда какЪ и онѣ, и что вЪ юности его, одно свиданіе стоило ему всего того, что ему защитительныя рѣчи приносили

въ цѣлой годъ. Все сїе еще ничего не значитъ. Говорятъ еще, что онъ продалъ однажды жену свою молодому Кнозїону. Сїе важнѣе; но это дѣло домашнее, въ которое я не мѣшаюсь.

Во время послѣднихъ празднествъ въ честь Вакху, предводительствовалъ онъ въ качествѣ хороначальника своего колѣна, надъ собранїемъ молодыхъ людей, кои состязалися въ пляскѣ. Посреди торжества, Мидїй, человѣкъ богатый и достойный всякаго посмѣянїя, далъ ему одну изъ жесточайшихъ наградъ, заушивъ его въ присутствїи безчисленнаго множества зрителей. Димосѳенъ жаловался въ судилищѣ: дѣло кончилось къ удовольствїю того и другаго. Мидїй далъ деньги, а Димосѳенъ ихъ принялъ. Нынѣ ужè извѣстно, что неболѣе трехъ тысячъ драхмъ стоитъ, чтобъ заушить хороначальника.

Нѣсколько времени потомъ, обвинялъ онъ одного изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ въ томъ, что будто бы ранилъ его опасно; онъ показывалъ рану на головѣ, о коей подозрѣвали, что онъ сдѣлалъ ее самъ себѣ. Какъ онъ хотѣлъ имѣть удовлетворенїе и возмез-

діе, то сказали, что голова Димосѳенова презящный приноситъ доходъ.

Можно смѣяться и надъ его самолюбіемъ, но не можно на оное сердиться, потому что оно съ лишкомъ явно. Однажды случилось мнѣ быть съ нимъ на улицѣ; одна женщина, несшая воду, показывала на него пальцемъ другой женщинѣ: „посмотри, вотъ Димосѳенъ.„ Я притворился, будто того не слышу, но онъ мнѣ далъ сіе замѣтить.

Эсхинъ приобыкъ съ юности своей говорить предъ народомъ. Мать рано позволила ему вступить въ свѣтъ. Онъ ходилъ вмѣстѣ съ нею въ домы для наставленія черни таинствамъ Вакха; онъ являлся на улицахъ предводительствуя надъ хоромъ вакхантовъ, увѣнчанныхъ укропомъ и тополовыми вѣтвями, и производилъ вмѣстѣ съ ними, но съ отличною пріятностію, всѣ сумазбродства страннаго ихъ богослуженія. Онъ пѣлъ, плясалъ, вылъ, сжимая руками своими змѣй, коими потрясалъ надъ своею головою. Чернь осыпала его благословеніями, а старухи давали ему пирожки.

Сей успѣхъ возбудилъ въ немъ честолюбіе. Онъ вступилъ въ общество лицедѣевъ, но токмо третьимъ лицемъ. Не смотря на пріятный его голосъ, народъ объявилъ ему вѣчную брань. Онъ оставилъ свое ремесло, сдѣлался приказнымъ служителемъ въ нижнемъ судилищѣ, а послѣ того государственнымъ министромъ.

Поведеніе его потомъ было всегда добропорядочное и благопристойное. Въ обществѣ, показываетъ онъ разумъ, вкусъ, вѣжливость, знаніе отдавать каждому приличное почтеніе. Краснорѣчіе его отличается пристойнымъ выборомъ словъ, изобиліемъ и ясностію мыслей, великою легкостію слога, коею онъ обязанъ не столько искуству, сколько природѣ. Онъ не имѣетъ недостатка въ силѣ, хотя уступаетъ въ оной Димосѳену. Сначала онъ ослѣпляетъ, потомъ увлекаетъ; покрайней мѣрѣ слышу я сіе отъ людей, въ томъ свѣдущихъ. Онъ имѣетъ слабость стыдиться прежняго своего состоянія, и неловкость напоминать о томъ другимъ. Когда онъ прогуливается на общенародной площади, мѣрными шагами, въ длинной хламидѣ, поднявъ голову, и надувая щеки, то слышно

со всѣхъ сторонъ: „не это ли приказный служитель нижняго суда, сынъ Тромеса, школьнаго учителя, и Главкоѳеи, которую называли прежде домовымъ? не онъ ли вытиралъ скамейки въ школѣ, когда мы были въ классахъ, и который во время Вакховыхъ празднествъ кричалъ по улицамъ изо всей силы *Эвое, Сабое?* „ (*)

Удобно можно примѣтить зависть между имъ и Димосѳеномъ. Они первые должны были сїе примѣтить; ибо тѣ, кои имѣютъ одинакїя притязанїя, тотчасъ угадываютъ одинъ другаго. Я не знаю, дастъ ли Эсхинъ себя подкупить; но кто столь любезенъ, тотъ весьма бываетъ слабъ. Я долженъ присовокупить, что онъ мужъ весьма храбрый; онъ отличился во многихъ сраженїяхъ, и Фокїонъ засвидѣтельствовалъ о его мужествѣ.

Никто не имѣетъ столько смѣшныхъ качествъ, какъ сей послѣднїй; я говорю о Фокїонѣ. Онъ никогда не зналъ, что онъ живетъ въ семъ вѣкѣ и въ семъ городѣ. Онъ бѣденъ, и тѣмъ не унижается; онъ дѣлаетъ добро, и тѣмъ не

(*) Варварскїя выраженїя для призыванїя Вакка.

тщеславится; онъ подаетъ совѣты, хотя весьма увѣренъ, что имъ не будутъ послѣдовать; онъ имѣетъ дарованія безъ честолюбія, и служитъ государству безъ корысти. Предводительствуя войскомъ, довольствуется возстановленіемъ добраго порядка и пораженіемъ неприятеля; на каѳедрѣ не возмущается крикомъ народа и не обольщается его ободреніями. Въ одной изъ рѣчей своихъ предлагалъ онъ о расположеніи похода; одинъ голосъ его прервалъ и осыпалъ его ругательствами. Фокіонъ замолчалъ, и когда тотъ пересталъ бранить, онъ началъ опять рѣчь свою хладнокровно: „Я говорилъ вамъ о конницѣ и пѣхотѣ, остается мнѣ сказать вамъ и проч. и проч.„ Въ другое время услышалъ онъ, что его хвалятъ; я находился случайно подлѣ него, онъ оборотясь ко мнѣ спросилъ: „ не сказалъ ли я какой глупости? „

Мы смѣемся надъ его шутками; но мы нашли удивительный способъ отмстить ему за его къ намъ презрѣніе. Онъ только одинъ у насъ изъ военачальниковъ остался, и мы его никогда почти не употребляемъ: онъ есть самый честнѣйшій и можетъ быть просвѣщеннѣйшій изъ нашихъ ораторовъ, и мы

его еще менѣе слушаемъ. Правда, что мы не истребимъ въ немъ его правилъ; но, о боги! и онъ въ насъ не истребитъ нашихъ; и подлинно не скажутъ того, чтобы съ симъ сборищемъ обвѣтшалыхъ добродѣтелей, и со старинными его нравами, Фокіонъ довольно былъ силенъ исправить любезнѣйшій народъ въ свѣтѣ.

Посмотри на Хареса, который примѣрами своими научаетъ молодыхъ нашихъ людей открытымъ образомъ слѣдовать развращенію: онъ самый первый плутъ и самый неискуснѣйшій изъ нашихъ военачальниковъ, но при томъ наибольшую имѣющій довѣренность. Онъ препоручилъ себя покровительству Димосѳена и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ. Онъ даетъ пиршества народу. Когда надобно снарядить флотъ? то Харесъ управляетъ онымъ, и располагаетъ по своему соизволенію. Ему повелѣваютъ идти въ одну сторону, а онъ идетъ въ другую. Вмѣсто того, чтобы защищать наши владѣнія, соединяется онъ съ морскими разбойниками, и вмѣстѣ съ ними грабитъ острова и похищаетъ всѣ находимыя имъ суда: въ немногіе годы потерялъ онъ у насъ болѣе ста кораблей; онъ издержалъ тысячу

пять сотъ талантовъ на безполезные для государства походы, но весьма прибыточные для него и для главныхъ его военныхъ чиновниковъ. Иногда не удостоиваетъ онъ насъ, чтобъ сообщать намъ извѣстія, однакожъ мы ихъ имѣемъ противъ его желанія; и недавно отправили мы легкое судно съ повелѣніемъ разъѣзжать по морямъ, и освѣдомляться, куда дѣвался флотъ и военачальникъ.

ПИСЬМО ОТЪ НИКЕТА.

Фокеяне, изтощенные войною, которая продолжается около десяти лѣтъ, просили у насъ о помощи. Они соглашаются отдать намъ Ѳроній, Никею, Алпенъ при входѣ пролива Ѳермопильскаго. Проксенъ, начальствующій нашимъ флотомъ въ окрестностяхъ, приближался, чтобъ принять оныя отъ нихъ. Онъ введетъ въ оные охранное войско, и Филиппъ долженъ уже навсегда отказаться отъ предпріятія преодолѣть Ѳермопильскій проходъ.

Мы рѣшились въ тоже время снарядить другой флотъ изъ пятидесяти кораблей. Отборнѣйшіе изъ нашихъ юношей готовы уже

къ походу; мы взяли въ службу всѣхъ тѣхъ, коимъ еще не было тридцати лѣтъ; и получаемъ извѣстіе, что Архидамъ, царь Лакедемонскій, предложилъ Фокеянамъ всѣ силы своей республики. Война не избѣжна, а не менѣе того и погибель Филиппова.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Наши любезнѣйшія Аѳинянки завидуютъ похваламъ, приписываемымъ тобою супругѣ и сестрѣ Арсама; наши искуснѣйшіе политики согласуются въ томъ, что намъ потребенъ былъ такой же разумъ, каковъ Арсамовъ, дабы противоположить оный уму Филиппову.

Здѣсь повсюду звукъ оружій раздавался; одно слово сего государя насъ обезоружило. Сказываютъ, что во время осады Олинѳа оказалъ онъ неоднократно желаніе жить въ добромъ согласіи съ нами. При семъ извѣстіи, которое народъ принялъ съ восхищеніемъ, намѣренъ онъ былъ начать переговоры, кои по разнымъ препятствіямъ остановлены. Онъ взялъ Олинѳъ, и мы дышали токмо войною. Скоро потомъ двое изъ нашихъ

лицедѣевъ, Аристодемъ и Неоптолемъ, къ коимъ сей государь былъ весьма благосклоненъ, увѣрили насъ, по своемъ возвращеніи, что онъ твердо оставался при прежнихъ своихъ расположеніяхъ, а мы токмо и думаемъ объ мирѣ.

Мы отправили въ Македонію десять повѣренныхъ, отличныхъ своими дарованіями, Ктезифона, Аристодема, Іатрокла, Кимона, и Навсиклея, кои присоединили къ себѣ Деркилла, Ѳринона, Филократа, Эсхина и Димосѳена; надлежитъ прибавить къ нимъ Аглаокреона Тенедосскаго, которой беретъ на себя попеченіе о пользахъ нашихъ союзниковъ. Они должны условиться съ Филиппомъ о главныхъ статьяхъ мира, и побудить его на отправленіе къ намъ полномочныхъ для окончанія онаго здѣсь.

Я уже ничего болѣе не знаю о нашихъ въ разсужденіи сего поступкахъ. Сей государь изъявляетъ нѣкоторыя увѣренія въ дружбѣ, сумнительныя, и можетъ быть коварныя; а мы, не внимая совѣтамъ мужей благоразумныхъ, недовѣряющихъ его намѣреніямъ, не дождавшись возвращенія пословъ, отправленныхъ къ народамъ Греціи, дабы возбудить

ихъ противу общаго врага, отлагаемъ наши приготовленія, дѣлаемъ нужныя предложенія, кои онъ употребитъ во зло, ежели ихъ приметъ; и кои насъ уничижатъ, когда ихъ отвергнетъ. Для приобрѣтенія его благоволенія нужно, чтобы наши повѣренные ему понравились. Лицедѣй Аристодемъ вошелъ въ обязательство съ нѣкоторыми городами, въ которыхъ назначено быть зрѣлищамъ; сенатъ послалъ къ нимъ усердно просить, чтобъ они не осудили Аристодема къ пени потому, что республика имѣетъ въ немъ надобность въ Македоніи. И Димосѳенъ есть виновникомъ сего приговора; Димосѳенъ, который въ рѣчахъ своихъ говорилъ о семъ государѣ съ такою гордостью и презрѣніемъ!

ПИСЬМО ОТЪ КАЛЛИМЕДОНА.

Наши посланники невѣроятную употребили поспѣшность: они уже и возвратились. По видимому они дѣйствуютъ согласно; но Димосѳенъ недоволенъ своими товарищами, а они съ своей стороны жалуются на Димосѳена. Я разскажу тебѣ нѣкоторыя приключенія, случившіяся имъ въ путешествіи; я узналъ объ

нихъ вчера за ужиномъ, гдѣ находились главнѣйшіе изъ оныхъ посланниковъ: Ктезифонъ, Эсхинъ, Аристодемъ и Филократъ.

Сперва должно тебѣ сказать, что во время всего пути, чрезвычайно много они претерпѣли отъ тщеславія Димосѳенова. Но они вооружились терпѣніемъ. Въ обществѣ легко бываютъ терпимы и несносные люди! но болѣе всего приводилъ ихъ въ безпокойство умъ и преимущество Филиппа. Они весьма чувствовали, что не столь были сильны въ политикѣ. Они ежедневно совѣтовались между собою, кому изъ нихъ и какъ поступать; расположились къ нападенію: положено было, чтобы старѣйшіе лѣтами приступали первые къ осадѣ; Димосѳенъ, яко младшій, долженъ былъ дѣйствовать послѣдній. Онъ обѣщалъ имъ открыть неизсякаемые источники своего краснорѣчія. Не бойтесь Филиппа, присовокуплялъ онъ, я ему такъ сожму ротъ, что онъ принужденъ будетъ возвратить намъ Амфиполь.

Когда они были представлены государю, Ктезифонъ и другіе изъяснились кратко, Эсхинъ краснорѣчиво и продолжительно; Ди-

мосѳенъ . . . . . ты увидишь. Онъ всталъ съ мѣста обмирая отъ страху. То было не судилище Аѳинское, ни сія толпа ремесленниковъ, кои составляютъ наши собранія. Филиппъ окруженъ былъ своими царедворцами, большею частію людьми разумными: между прочими находился тамъ Пиѳонъ Византійскій, который почитаетъ себя краснорѣчивымъ писателемъ, и Леосѳенъ, нами изгнанный, который, сказываютъ, есть одинъ изъ величайшихъ Греческихъ ораторовъ. Всѣ слышали о великолѣпныхъ обѣщаніяхъ Димосѳена: всѣ ожидали слѣдствія оныхъ съ нетерпѣніемъ, что самое и привело его въ совершенное смятеніе. Запинаясь и трепеща произноситъ онъ невнятное вступленіе; и самъ сіе примѣчаетъ, смущается, забывается и умолкаетъ. Царь тщетно старался его ободрить; онъ нѣсколько поободрился, но только для того, чтобъ еще скорѣе смутиться. Позабавясь нѣсколько минутъ его молчаніемъ, провозвѣстникъ далъ знакъ посланникамъ выдти.

Димосѳену надлежало первому смѣяться надъ симъ произшествіемъ; но онъ того не сдѣлалъ, а обвинялъ Эсхина. Укорялъ его

съ досадою за то, что говорилъ онъ съ царемъ съ лишкомъ вольно и тѣмъ вовлекъ республику въ войну, коей она выдержать не въ состоянiи. Лишь только Эсхинъ хотѣлъ оправдываться, какъ посланниковъ опять позвали. Когда они сѣли, Филиппъ разбиралъ по порядку ихъ требованiя, отвѣчалъ на ихъ жалобы; остановился наипаче на рѣчи Эсхиновой, и нѣсколько разъ начиналъ съ нимъ говорить; потомъ въ кроткихъ и милостивыхъ выраженiяхъ засвидѣтельствовалъ самое искреннее желанiе къ заключенiю мира.

Во все сiе время, Димосѳенъ, съ безпокойствомъ таковаго царедворца, которой угрожается немилостiю, дѣлалъ разныя движенiя, чтобы привлечь на себя вниманiе государя; но онъ не дождался ни одного слова, ниже взгляда.

Онъ вышелъ изъ собранiя съ досадою, которая произвела самыя смѣшныя слѣдствiя. Онъ подобенъ былъ ребенку, избалованному ласками своихъ родителей, и вдругъ униженному успѣхами своихъ товарищей. Негодованiе его продолжалось нѣсколько дней. Наконецъ примѣтилъ онъ, что судиться было безполезно. Онъ хотѣлъ примириться съ про-

чими посланниками. Они были тогда на возвратномъ пути. Онъ подходилъ къ каждому порознь, обѣщалъ имъ свое покровительство у народа. Одному говорилъ онъ, я поправлю твое состоянїе; другому, я доставлю тебѣ начальство надъ войскомъ. Онъ употреблялъ все свое искусство въ разсужденїи Эсхина, и облегчалъ свою зависть безмѣрно похваляя достоинство своего соперника. Похвалы его долженствовали быть съ лишкомъ безмѣрны; Эсхинъ говоритъ, что онъ ему наскучилъ.

Въ одинъ вечеръ, не знаю, въ которомъ городѣ Ѳессалїйскомъ, шутитъ онъ въ первый разъ надъ случившимся съ нимъ; присовокупляетъ, что никто въ свѣтѣ не имѣетъ такого краснорѣчїя, какъ Филиппъ. Всего болѣе удивило меня, отвѣчаетъ Эсхинъ, точность, съ какою онъ повторялъ всѣ наши рѣчи. А я, прервалъ Ктезифонъ, хотя уже и очень старъ, не видывалъ человѣка столь любезнаго и столь веселаго. Димосѳенъ ободряя плескалъ руками; весьма хорошо, сказалъ онъ, но вы бы не осмѣлились того сказать предъ народомъ. А для чего, отвѣчали прочїе? Онъ въ томъ усумнился, а они утверждали; онъ потребовалъ отъ нихъ обѣ-

щанїе, что сдержутЪ свое слово, они на то согласились.

Не извѣстно, какое онЪ изЪ того хочетЪ сдѣлать употребленїе; мы увидимЪ сїе при первомЪ народномЪ собранїи. Все наше общество намѣрено вЪ ономЪ присутствовать; ибо изЪ сего надлежитЪ произойти чему нибудь смѣшному. Ежели ДимосфенЪ дурачился только для одной Македонїи, то я сего никогда ему не прощу.

Меня тревожитЪ то, что онЪ велЪ себя порядочно вЪ собранїи сената. Когда Филиппово письмо представлено было оному, ДимосфенЪ поздравлялЪ республику, что она повѣрила дѣла свои посланникамЪ, столь же похвалу заслуживающимЪ за ихЪ краснорѣчїе, какЪ и за честность. ОнЪ предложилЪ, чтобы данЪ былЪ имЪ масличный вѣнокЪ, и чтобы они приглашены были на другой день на ужинЪ вЪ Пританнею. Сенатское опредѣленїе было согласно сЪ его предложенїемЪ.

Я не прежде запечатаю мое письмо, какЪ послѣ общаго собранїя.

Я теперь лишЪ изЪ онаго выхожу; ДимосфенЪ дѣлалЪ чудеса. Повѣренные доно-

сили, каждый въ свою очередь, о разныхъ обстоятельствахъ посольства. Эсхинъ сказалъ нѣчто о краснорѣчіи Филиппа и о великой его памяти; Ктезифонъ о красотѣ его лица, о пріятностяхъ его ума и о веселости его за рюмкою вина. Ихъ хвалили. Димосѳенъ возшелъ на каѳедру съ важнѣйшимъ, нежели обыкновенно, видомъ. Чесавъ себѣ долгое время лобъ, ибо онъ всегда такимъ образомъ начинаетъ, „я удивляюсь, сказалъ онъ, и тѣмъ, кои говорятъ, и тѣмъ, кои слушаютъ. Какъ можно „заниматься такими мѣлочами въ дѣлѣ столь „важномъ. Я съ моей стороны подамъ вамъ „отчетъ о посольствѣ. Пусть читаютъ „опредѣленіе народа, насъ отправившаго, и „данное намъ отъ царя письмо.„ По окончаніи сего чтенія: „вотъ данныя намъ предписанія; „мы ихъ исполнили. Вотъ что отвѣчалъ „Филиппъ; остается только разсуждать „о томъ.„

Сіи слова возбудили нѣкоторый шумъ въ собраніи. Какая краткость! какое искуство! говорили одни; какая зависть! какая злость! говорили другіе. Что до меня, я смѣялся смущенному виду Ктезифона и Эсхина. Не давъ имъ времени оправиться, продолжалъ

онъ: „Вамъ говорили о красноречіи и памя-
„ти Филиппа; всякой другой, облеченный
„такою же властію, получилъ бы тѣже по-
„хвалы. Возвышали прочія его качества, но
„онъ не пригожѣе лицедѣя Аристодема, и не
„лучше пьетъ, какъ Филократъ. Эсхинъ
„сказалъ вамъ, что предоставлялъ мнѣ, по
„крайней мѣрѣ отъ части, разсужденіе о пра-
„вахъ нашихъ надъ Амфиполемъ; но сей ора-
„торъ никогда не дастъ ни вамъ, ни мнѣ
„свободы говорить. Впрочемъ это токмо
„мѣлочи. Я намѣренъ предложить о сдѣла-
„ніи опредѣленія. Провозвѣстникъ Филиппа
„прибылъ, послы его скоро за нимъ послѣду-
„ютъ. Я требую, чтобы позволено было
„вести съ ними переговоры, и чтобъ Прита-
„ны созвали народъ, коего собраніе будетъ
„продолжаться два дня сряду, и въ коемъ
„будутъ совѣтоваться о заключеніи мира и
„союза. Я требую такъ же, чтобы возданы
„были похвалы посланникамъ, ежели они сіе
„заслуживаютъ, и чтобы они приглашены
„были въ завтрешній день на ужинъ въ При-
„танею.„ Сей приговоръ принятъ почти еди-
ногласно, и ораторъ паки одержалъ верхъ.

Я весьма почитаю Димосѳена; но не

довольно того, чтобъ имѣть дарованія, не должно быть и смѣшнымъ. Между знаменитыми людьми и нашимъ обществомъ есть подразумѣваемое условіе: мы имъ платимъ нашимъ почтеніемъ; а они должны платить намъ своими глупостями.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Посылаю тебѣ дневную записку о томъ, что происходило въ нашихъ собраніяхъ до заключенія мира.

8го *Элафеболіона.* Въ день праздника Эскулапія (a) Пританы собрались; и сообразно опредѣленію народа, назначили два общія собранія для разсужденія о мирѣ. Оныя будутъ 18 и 19 числъ.

12го *Элафеболіона, въ первый день празднествъ Вакховыхъ.* (b) Антипатръ, Парменіонъ, Эврилохъ въ собраніе прибыли. Они

(a) 8е число сего мѣсяца соотвѣтствовало, что касается до сего года, 8му Марта 346 года до Р. Х.

(b) 12е Марта того же года.

присланы отъ Филиппа для заключенія мирнаго договора, и для утвержденія присягою въ непремѣнномъ онаго исполненіи.

Антипатръ есть по Филиппѣ искуснѣйшій политикъ въ Греціи; будучи дѣятеленъ, неутомимъ, обращаетъ онъ попеченія свои на всѣ почти части управленія. Царь часто говоритъ „мы можемъ предаться покою и за„бавамъ; Антипатръ бодрствуетъ вмѣсто „насъ.„

Парменіонъ любимый государемъ, а еще болѣе воинами, отличился уже множествомъ военныхъ подвиговъ: онъ былъ бы первый полководецъ въ Греціи, естьли бы не было Филиппа. По дарованіямъ сихъ двухъ посланниковъ можно судить о достоинствѣ Эврилоха, ихъ сотоварища.

15го *Елафеболїона* (*). Посланники Филипповы присутствуютъ всегда на зрѣлищахъ, кои мы даемъ въ сіи празднества. Димосѳенъ назначилъ имъ отъ имени сената отличное мѣсто. Онъ имѣетъ попеченіе, чтобъ при-

(a) 15го Марта 346 лѣтъ, до Р. Х.

носимы имъ были подушки и ковры изъ багряницы. При самомъ разсвѣтѣ дня провожаетъ онъ ихъ самъ въ ѳеатръ; они живутъ въ его домѣ. Многїе люди ропщутъ на сїи излишнїя уваженїя, кои почитаютъ они подлостями. Они думаютъ, что не могши прiобрѣсти въ Македонїи благоволенїе отъ Филиппа, хочетъ онъ ему нынѣ доказать, что онъ того былъ достоинъ.

18 *Элафеболїона* (а). Народъ собрался. Прежде нежели сообщу тебѣ о совѣщанїи народномъ, долженъ я напомнить о главныхъ онаго предметахъ.

Обладанїе Амфиполемъ есть первый источникъ всѣхъ нашихъ распрей съ Филиппомъ. Сей городъ принадлежитъ намъ; Филиппъ завладѣлъ онымъ; мы требуемъ, чтобъ онъ намъ его возвратилъ.

Онъ объявилъ войну нѣкоторымъ изъ нашихъ союзниковъ; для насъ бы постыдно и опасно было ихъ оставить. Въ семъ числѣ суть города Ѳракїйскаго Херсониса, и города Фокиды. Царь Котисъ похитилъ у насъ пер-

(а) 18го Марта того же года.

вые. Керсоблептъ, сынъ его возвратилъ намъ ихъ за нѣсколько мѣсяцовъ; но мы еще не вступили во владѣнiе оныхъ. Наша польза требуетъ удержать оные за собою, потому что они обезпечиваютъ мореплаванiе наше въ Геллеспонтѣ, и торговлю нашу въ Черномъ морѣ. Мы должны покровительствовать другимъ, потому что они защищаютъ проходъ Ѳермопильскiй, и составляютъ ограду Аттики на Матерой землѣ, такъ какъ Ѳракiйскiе со стороны моря.

Когда наши посланники простились съ государемъ, онъ направлялъ путь свой ко Ѳракiи, но обѣщалъ не нападать на Керсоблепта во время мирныхъ переговоровъ. Мы не столько спокойны въ разсужденiи Фокеянъ. Посланники его объявили намъ, что онъ не хочетъ включить ихъ въ сей договоръ; но единомышленники его увѣряютъ, что Филиппъ не показываетъ себя явнымъ другомъ Фокеянъ для того, чтобъ не раздражить еще Ѳивянъ и Ѳессалiянъ, ихъ непрiятелей.

Онъ намѣренъ также исключить изъ сего договора жителей Гала въ Ѳессалiи, кои находятся съ нами въ союзѣ, и коихъ теперь

осаждаетъ, въ отмщеніе за набѣги ихъ на жителей Фарсальскихъ, его союзниковъ.

Я оставляю другія не столько важныя статьи.

Нынѣшнее собраніе открыто чтеніемъ опредѣленія, которое повѣренные союзники имѣли предосторожность начертать. Содержаніе его есть слѣдующее: „что какъ на-„родъ Аѳинскій разсуждаетъ о мирѣ съ Фи-„липпомъ, то союзники онаго опредѣлили, „что когда посланники, отправленные Аѳи-„нянами къ различнымъ народамъ Греціи, „возвратятся, и сдѣлаютъ свое донесеніе въ „присутствіи Аѳинянъ и союзниковъ, то При-„таны должны созвать два собранія, для „разсужденія о мирѣ; чтобъ союзники пред-„варительно утвердили все, что въ оныхъ „собраніяхъ рѣшено будетъ; и чтобъ назна-„чили три мѣсяца сроку прочимъ народамъ, „кои захотятъ приступить къ сему дого-„вору.„

Послѣ сего чтенія, Филократъ предложилъ опредѣленіе, коего одна изъ статей именно изключала изъ договора жителей Гала и Фокиды. Народъ покраснѣлъ тогда отъ стыда. Умы разгорячились. Ораторы отвер-

гали всѣ пути къ примиренію. Они увѣщевали насъ обратить взоры на памятники нашихъ побѣдъ, и на гробницы отцовъ нашихъ. „Станемъ подражать нашимъ предкамъ, отвѣчалъ Эсхинъ, когда они защищали свое „отечество противъ безчисленнаго Персид„скаго воинства; но не будемъ подражать имъ, „когда, презрѣвъ свои пользы, имѣли они не„благоразуміе послать войска свои въ Сици„лію для вспоможенія Леонтинцамъ, своимъ „союзникамъ.„ Онъ настоялъ о заключеніи мира; прочіе ораторы утверждали то же, и мнѣніе было принято.

Между тѣмъ, какъ разсуждали о договорахъ, представлены были письма отъ военачальника нашего Проксена. Ему предписано было завладѣть нѣкоторыми крѣпостями находящимися у входа въ Ѳермопилы. Фокеяне предложили намъ оныя взять. Въ теченіи сего времени, случились несогласія между ими. Сильнѣйшая сторона не согласилась сдать сіи крѣпости Проксену. Такое было содержаніе его писемъ.

Мы сожалѣли о ослѣпленіи Фокеянъ; однако жъ ихъ не оставляли. Въ опредѣленіи

Филократа уничтожили статью, изключающую ихъ изъ договора, и помѣстили, что Аѳины заключаютъ условія именемъ какъ своимъ, такъ и всѣхъ своихъ союзниковъ.

Всѣ говорили, выходя изъ собранія, что наши распри съ Филиппомъ скоро окончатся; но что, по видимому, мы не прежде можемъ заключить съ нимъ союзъ, какъ снесшись о томъ съ повѣренными Греціи, кои должны сюда прибыть.

19го *Элафеболїона.* Димосѳенъ, возшедъ на каѳедру, говорилъ, что всѣ мѣры, принимаемыя республикою къ заключенію мира, останутся тщетными, ежели они сдѣланы будутъ безъ посланниковъ Македоніи; что не должно изторгать мирнаго союза, [сїе есть точное выраженїе имъ употребленное]; что не надлежитъ ждать рѣшеній прочихъ Греческихъ народовъ, кои могутъ замедлиться; каждый особенно долженъ рѣшиться на миръ или на брань. Посланники Македонскїе присутствовали. Антипатръ отвѣчалъ согласно съ мнѣнїемъ Димосѳена, который обратилъ къ нему рѣчь свою. Сей предметъ не былъ основательно разсмотрѣнъ. Предъидущее

опредѣленіе повелѣвало, что въ первое собраніе, каждый гражданинъ можетъ изъясняться о предметахъ совѣтованія, и что на другой день председательствующіе тотчасъ соберутъ голоса. Они ихъ собрали. Мы дѣлаемъ вдругъ договоръ мирный и союзный.

Вотъ главныя онаго статьи. Мы уступаемъ Филиппу права наши надъ Амфиполемъ: но намъ подаютъ надежду получить въ замѣну, либо островъ Эвбею, коимъ оные нѣкоторымъ образомъ располагать можетъ, либо городъ Оропу, который отняли у насъ Ѳивяне. Мы льстимъ себя также надеждою, что онъ дозволитъ намъ пользоваться Херсонисомъ Ѳракійскимъ. Мы включили въ договоръ всѣхъ нашихъ союзниковъ, и чрезъ то спасемъ царя Ѳракійскаго, жителей Гала и Фокеянъ. Мы предоставляемъ Филиппу все то, чѣмъ онъ теперь владѣетъ, и будемъ почитать нашими врагами тѣхъ, кои захотятъ оное у него отнять.

Предметы, столь важные долженствовали бы утверждены быть на общемъ собраніи всей Греціи. Мы-было оное созывали, и союзники наши того желали; но дѣло приняло

столь быстрое теченіе, что все вдругъ кончено, и заключено. Филиппъ писалъ къ намъ, что естьли мы съ нимъ соединимся, то изъяснится онъ явственнѣе о уступкахъ, кои намъ сдѣлать можетъ. Сіе неопредѣленное обѣщаніе прельстило народъ, а желаніе ему понравиться, прельстило нашихъ ораторовъ. Хотя посланники его ничего не обѣщали; но мы предъ ними утвердили клятвою договоръ и назначили повѣренныхъ, что бы скорѣе отправились къ Филиппу получить отъ него присягу.

Число ихъ простирается до десяти, нещитая повѣренныхъ отъ нашихъ союзниковъ. Нѣкоторые были изъ числа перьваго посольства, какъ то Димосѳенъ и Эсхинъ. Данныя имъ наставленія заключаютъ въ себѣ между прочимъ слѣдующее: что договоръ распространяется на союзниковъ Аѳинскихъ и союзниковъ Филиппа; что повѣренные явятся къ сему государю для истребованія отъ него подтвержденія; что они избѣгать будутъ всякаго частнаго съ нимъ сообщенія; что они должны испросить у него свободу Аѳинянамъ, коихъ содержитъ у себя въ оковахъ; что въ каждомъ союзномъ ему городѣ примутъ они присягу отъ тѣхъ

кои начальствуютъ надъ управленіемъ; что сверьхъ того, повѣренные дѣлать будутъ, смотря по обстоятельствамъ, что сочтутъ за приличнѣйшее пользамъ республики. На сенатъ возложено ускорить ихъ отправленіе.

25го *Элафеболіона* (a). Повѣренные нѣкоторыхъ изъ нашихъ союзниковъ вручили посланникамъ Филиппа клятвенное утвержденіе договора.

3го *Мунихіона* (b). Польза Филиппа требуетъ, чтобъ продлить подтвержденіе договора, а наша, чтобъ ускорить оное: ибо наши приготовленія отложены, а онъ напротивъ никогда не былъ столь дѣятеленъ, какъ нынѣ. Онъ справедливо думаетъ, что не будутъ ему оспоривать тѣхъ побѣдъ, кои онъ въ теченіи сего времени сдѣлаетъ. Димосѳенъ предвидѣлъ его намѣренія. Онъ побудилъ сдѣлать въ сенатѣ, коего онъ членъ, опредѣленіе, повелѣвающее нашимъ повѣреннымъ отправиться наискорѣе. Они не замедлятъ пуститься въ путь.

(a) 25 Марта 346 года, до Р. Х.
(b) 1 Апрѣля 346 года до Р. Х.

15го *Фаргеліона* (а). Филиппъ не подписалъ еще договора. Наши посланники не спѣшатъ съ нимъ увидѣться; они въ Македоніи, а онъ во Ѳракіи. Не смотря на данное имъ слово не касаться до земель царя Керсоблепта, взялъ часть оныхъ, и готовится взять и послѣднюю. Сіи земли весьма умножатъ его силы и доходы. Сверьхъ того, что сія земля богата и многолюдна, пошлина, которую царь Ѳракійскій собираетъ ежегодно въ гаваняхъ оной, простирается до двухъ сотъ талантовъ. Намъ удобно было предупредить сію побѣду. Наши посланники могли прибыть въ Геллеспонтъ менѣе нежели въ десять дней, а можетъ быть и менѣе нежели въ три или четыре дня. Они бы нашли Филиппа въ окрестностяхъ, и предложили бы ему на выборъ, либо согласиться на мирные договоры, либо оные отвергнуть. Въ первомъ случаѣ, обязался бы онъ не касаться до владѣній нашихъ союзниковъ, и слѣдовательно до владѣній царя Ѳракійскаго: во второмъ, войско наше, соединенное съ войскомъ Ѳракіянъ, удержало бы его въ Ѳермопилахъ; наши флоты

(а) Маія того же года.

обладая морями, воспрепятствовали бы его флотам сдѣлать высадку въ Аттикѣ: мы не допустили бы его въ наши пристани; и что бы не нанести вреда своей торговлѣ, онъ бы принялъ наши требованія и уважилъ наши права.

Таково было расположеніе Димосѳена. Онъ хотѣлъ идти моремъ: Эсхинъ, Филократъ и большая часть посланниковъ предпочли ѣхать сухимъ путемъ; и ѣхавъ медленно прибыли чрезъ двадцать три дня въ Пеллу, главный городъ Македоніи. Они бы могли тотчасъ прибыть въ станъ Филиппа, или по крайней мѣрѣ разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ для принятія присяги отъ его союзниковъ; но они почли за благо дожидаться въ семъ городѣ спокойно, пока походъ его кончится.

По возвращеніи своемъ, вмѣститъ онъ новыя свои пріобрѣтенія въ число тѣхъ владѣній, кои мы ему предоставили; а естьли мы будемъ укорять его въ похищеніи земель Ѳерсоблепта, такъ какъ въ нарушеніи договора, то будетъ онъ отвѣчать, что во время побѣды не видалъ онъ еще нашихъ посланниковъ, ниже подписалъ договоръ, кото-

рый бы могъ остановить теченіе военныхъ его подвиговъ.

Между тѣмъ, какъ Ѳивяне просили помощи у него противу Фокеянъ, то мало довольствуясь тѣмъ, чтобы послать имъ войска, возпользовался онъ симъ случаемъ, чтобы собрать въ главномъ своемъ городѣ повѣренныхъ отъ главнѣйшихъ городовъ Греціи. Предлогъ сего рода Сейма есть тотъ, чтобы окончить войну Фокеянъ и Ѳивянъ; а намѣреніе Филиппа есть то, чтобы содержать Грецію въ бездѣйствіи, пока исполнитъ онъ замышляемыя имъ предпріятія.

13го *Скирофоріона*. Наши посланники наконецъ возвратились. Послѣ завтра подадутъ они отчетъ сенату о препорученномъ имъ дѣлѣ; а въ слѣдующій потомъ день народному собранію.

15го *Скирофоріона* (а). Нѣтъ ничего беззаконнѣе и мерзостнѣе, какъ поступокъ нашихъ посланниковъ, ежели вѣрить Димосѳену. Онъ обвиняетъ ихъ, что они продали себя Филиппу, что измѣнили республикѣ и ея союз-

(а) 11го Іюня того же года.

никамъ. Онъ ихъ сильно понуждалъ явиться предъ сего государя; но они ожидали его прибытія чрезъ двадцать семь дней въ Пеллу, и увидѣлись уже съ нимъ не прежде, какъ чрезъ пятьдесятъ дней послѣ отъѣзда своего изъ Аѳинъ.

Онъ нашелъ повѣренныхъ отъ первыхъ городовъ Греціи, собравшихся въ его столицѣ, и еще болѣе безпокоющихся о намѣреніи его приблизиться немедленно къ Ѳермопиламъ. Они не знали его намѣреній, и старались оныя проникнуть. Придворные сего государя говорили нѣкоторымъ изъ нашихъ посланныхъ, что города Віотійскіе будутъ возстановлены, изъ чего заключить должно, что городъ Ѳивы былъ въ опасности. Посланники Лакедемонскіе подтверждали сей слухъ, и соединясь съ нашими, убѣждали Филиппа привести оный въ настоящее дѣйство. Посланники Ѳессалійскіе говорили, что походъ касается единственно до нихъ.

Между тѣмъ, какъ они находились въ страхѣ и надеждѣ, Филиппъ употреблялъ, для привлеченія ихъ къ себѣ, то подарки, кои казались быть токмо свидѣтельствами почтенія, то ласки, кои можно было принять

за изъявленія дружбы. Подозрѣваютъ, что Эсхинъ и Филократъ не нечувствительны были къ симъ двумъ родамъ обольщенія.

Въ назначенный день для приема посланниковъ заставилъ онъ себя ждать. Онъ еще спалъ, когда они явились. Посланники роптали. „Не удивляйтесь, сказалъ имъ Парме-„нїонъ, что Филиппъ спитъ, когда вы бди-„те; онъ бдѣлъ, когда вы спали.„ Наконецъ онъ вышелъ; а посланники представили, каждый въ свою очередь, о предметѣ своего посольства. Эсхинъ разпространился о намѣреніи, которое государь принялъ, окончить войну съ Фокеянами. Онъ умолялъ его, когда будетъ въ Дельфахъ, возвратить свободу городамъ Віотїйскимъ, и возстановить тѣ, кои разрушены были Ѳивянами; не предавать симъ послѣднимъ безъ различїя несчастныхъ жителей Фокиды, но отдать судъ надъ тѣми, кои осквернили храмъ и сокровище Аполлоново, на рѣшеніе народовъ Амфиктїонскихъ, на коихъ и прежде возложено было разбирательство таковыхъ преступленій.

Филиппъ не далъ яснаго отвѣта на сїи требованія. Онъ отпустилъ прочихъ послан-

никовъ, а съ нашими отправился въ Ѳессалїю; и не прежде какъ въ городѣ Ферѣ на постояломъ дворѣ подписалъ договоръ, въ наблюденїи коего онъ далъ клятву. Онъ отринулъ включить въ оный Фокеянъ, дабы не нарушить клятвы, данной имъ Ѳесалїйцамъ и Ѳивянамъ; но далъ обѣщанїе и письмо. Наши посланники отправились въ путь, а войска Филипповы приближались къ Ѳермопиламъ.

Сенатъ собрался сего утра. Палата дополна была народу. Димосѳенъ старался доказать, что товарищи его поступили противъ данныхъ имъ наставленїй, что они въ согласїи съ Филиппомъ, и что единственное наше спасенїе есть, чтобъ летѣть на помощь Фокеянамъ и завладѣть Ѳермопилами.

Письмо Филиппово не могло успокоить умы. „Я далъ клятву на письмѣ, говоритъ онъ, вашимъ посланникамъ. Вы тамъ „увидите имена тѣхъ изъ моихъ союзниковъ, „кои при томъ находились. Я буду также „присылать вамъ письменныя обязательства „и другихъ.„ А далѣе: „ваши посланники „отправились бы къ принятїю оныхъ обязательствъ на мѣстахъ; но я ихъ удержалъ

„при себѣ; я имѣлъ въ нихъ нужду, дабы по-
„мирить посланниковъ изъ Галы съ Фарсаль-
„скими.„

Въ письмѣ ни слова не сказано о Фокеянахъ, ниже о надеждѣ, каковая намъ съ его стороны подаваема была, и каковую онъ самъ являлъ намъ при заключеніи мира. Онъ объявилъ намъ тогда, что ежели мы согласимся соединиться съ нимъ, то изъяснится онъ явственнѣе о услугахъ, кои оказать намъ может. Но, въ послѣднемъ письмѣ, говоритъ онъ съ холодностію, что не знаетъ, чѣмъ намъ услужить можетъ. Сенатъ вознегодовавъ, сдѣлалъ опредѣленіе согласно со мнѣніемъ Димосѳена. Оный не назначилъ похвалъ посланникамъ и не пригласилъ ихъ къ столу въ Пританеѣ; строгость, каковой сенатъ никогда посланникамъ не оказывалъ, и которая безъ сумнѣнія возбудитъ народъ противъ Эсхина и его сообщниковъ.

ПИСЬМО ОТЪ КАЛЛИМЕДОНА,

16го *Скирофоріона* (*). Я нахожусь у

(*) 12го Іюня 346 года до Р. Х.

важнаго Аполлодора. Я пришелъ съ нимъ повидаться; онъ хотѣлъ тебѣ писать; я вырываю у него изъ рукъ перо и продолжаю дневную его записку.

Я знаю теперь моего Димосѳена на изъусть. Хочешь ли видѣть отмѣнное и высокое дарованiе? Дай ему взойти на каѳедру; хочешь ли видѣть человѣка непроворнаго, неловкаго? то представь его только двору Македонскому. Онъ спѣшилъ говорить первый, когда наши посланники паки явились предъ Филиппа. Сначала ругательства противъ своихъ товарищей; потомъ длинное изчисленiе услугъ, оказанныхъ имъ сему государю; скучное чтенiе опредѣленiй, сдѣланныхъ имъ для ускоренiя мира, учтивство его, что далъ у себя жилище посланникамъ Македонскимъ, что доставилъ имъ хорошiя подушки на зрѣлищахъ, что выбралъ имъ три упряжки лошаковъ, когда они отправились, что сопровождалъ ихъ самъ верхомъ, и все сiе на зло завистникамъ, открыто, въ единственномъ намѣренiи понравиться государю. Сотоварищи его закрывали себѣ лице, дабы скрыть свой стыдъ. Онъ все еще продолжалъ. „Я не говорилъ о твоей красотѣ, сiе есть

„достоинство женскаго пола; ни о твоей па-„мяти, оно есть достоинство ритора; ни о „дарованіи твоемъ пить, сіе есть достоин-„ство губки„ Онъ столько насказалъ, что наконецъ всѣ громко засмѣялись.

Я раскажу тебѣ еще о другомъ произшествіи. Я лишь только теперь вышелъ изъ общаго собранія. Всѣ ожидали, что оно будетъ шумное и весьма спорное. Наши посланники доносили различнымъ образомъ объ отвѣтѣ Филиппа, хотя оный и былъ главнымъ предметомъ ихъ посольства. Эсхинъ говорилъ, что государь сей желаетъ доставить намъ безчисленныя выгоды; о нѣкоторыхъ изъ нихъ вошелъ онъ въ подробность; о другихъ же изъяснялся съ тонкою политикою, въ полслово, какъ человѣкъ, удостоенный довѣренности отъ государя, и какъ единственный хранитель его таинъ. Подавъ высокую мысль о своей способности, сошелъ онъ важно съ каѳедры. Димосѳенъ занялъ его мѣсто; онъ отрицалъ все, что первый утверждалъ. Эсхинъ и Филократъ стали подлѣ него, по правую и по лѣвую руку; они прерывали его на каждомъ реченіи крикомъ или шутками. Народъ дѣлалъ тоже. „По-

„елику вы опасаетесь, присовокупилъ онъ, „чтобъ я не уничтожилъ вашихъ ожиданій, „то всенародно объявляю, что помянутыя „обѣщанія тщетны, и схожу съ сего мѣста. „Остановись, прервалъ Эсхинъ, еще на мину„ту. Увѣрь насъ по крайней мѣрѣ, что впредь „не будешь себѣ приписывать успѣховъ сво„ихъ сотоварищей. Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ „Димосѳенъ съ язвительною улыбкою, я нико„гда васъ симъ не обижу.„ Тогда началъ говорить Филократъ такимъ образомъ: „Аѳи„няне, не удивляйтесь, что Димосѳенъ и я „не одного мнѣнія; онъ пьетъ одну только воду, а я одно вино.„ Сіи слова произвели чрезвычайной смѣхъ; и Филократъ остался побѣдителемъ.

Аполлодоръ увѣдомитъ тебя, чѣмъ кончилось сіе странное явленіе; потому что наша каѳедра не иное что есть, какъ ѳеатральное позорище, а наши ораторы суть гаэры, кои разногласятъ или въ рѣчахъ своихъ, или въ своихъ поступкахъ. Сказываютъ, что въ семъ случаѣ нѣкоторые изъ нихъ распространили сіе право съ лишкомъ далеко. Я того не знаю; но вижу ясно, что Филиппъ надъ ними насмѣялся, что они смѣ-

ются надъ народомъ, и что лучшее дѣло есть смѣяться надъ народомъ и надъ тѣми, кои онымъ управляютъ.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Я присовокуплю то, чего не достаетъ въ повѣствованіи глупаго Каллимедона.

Народъ былъ встревоженъ прибытіемъ Филиппа къ Ѳермопиламъ. Естьли бы сей государь соединился съ Ѳивянами, нашими непріятелями, и раззорилъ Ѳокеянъ, нашихъ союзниковъ; то какая бы надежда оставалась республикѣ? Эсхинъ ручался за благопріятныя разположенія царя, и за цѣлость Фокиды. Онъ говорилъ, что мы чрезъ два или три дни, не выходя изъ нашей земли, не принимая оружія, услышимъ, что городъ Ѳивы осажденъ, что Віотія свободна, что стараются о возстановленіи Платеи и Ѳеспіи, разоренныхъ Ѳивянами. Святотатство, произведенное ими во оскорбленіе храма Аполлонова, будетъ судимо Амфиктіонами: злодѣяніе нѣкоторыхъ частныхъ людей не падетъ на цѣлый народъ Фокейскій. Мы уступаемъ Амѳиполь;

но мы получимъ соразмѣрное пожертвованію нашему удовлетвореніе.

Послѣ сей рѣчи, народъ упоенный надеждою и радостію не хотѣлъ и слушать Димосѳена; а Филократъ предложилъ опредѣленіе, которое принято безпрекословно. Въ немъ содержится похвала Филиппу, обязательство хранить тѣсный союзъ съ его потомствомъ, и многія другія статьи, изъ коихъ важнѣйшая есть слѣдующая. „Ежели „Фокеяне не уступятъ храма Дельфійскаго „Амфиктіонамъ, то Аѳиняне отправятъ противъ нихъ войска„

Остановясь на семъ намѣреніи народъ избралъ новыхъ посланниковъ къ Филиппу, кои должны наблюдать за исполненіемъ его обѣщаній. Димосѳенъ отъ посольства отказался; Эсхинъ притворился больнымъ; и тотчасъ выбраны другіе. Стефанъ, Дерхиллъ и другіе немедлѣнно отправились. Чрезъ нѣсколько дней мы узнаемъ, на кого обратилась буря, на приятелей нашихъ или на неприятелей, на Фокеянъ или Ѳиванъ.

27го Скирофоріона (*). Фокида и жи-

(*) 23 Іюня 346 года до Р. Х.

шели ея погибли. Народное собранїе было сего дня въ Пиреѣ; тамъ разсуждаемо было о нашихъ оружейницахъ. Дерхиллъ, одинъ изъ нашихъ посланниковъ, вдругъ явился. Онъ узналъ въ Эвбейской Халкидѣ, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ Фокеяне отдались Филиппу, который предастъ ихъ Ѳивянамъ. Я не могу тебѣ описать печали, унынїя и страха, объявшихъ всѣхъ жителей.

28 *Скирофорїона* (*). Мы находимся въ безпокойствѣ, которое тѣмъ несноснѣе для насъ, что мы чувствуемъ свою слабость. Военачальники, по совѣту сената, созвали чрезвычайное собранїе. Оно повелѣваетъ забрать немедлѣнно изъ селъ: женъ, дѣтей, домашнїе приборы, и всѣ пожитки; тѣхъ, кои находятся не далѣе 120 стадїй въ городъ и въ Пирею; а тѣхъ, кои живутъ далѣе, въ Элевсисъ, Филею, Афидвею, въ Рамнонтъ и Сунїй; поправить Аѳинскїя стѣны и другїя крѣпости, и принести жертвы въ честь Иракла, что мы дѣлаемъ обыкновенно во время общенародныхъ бѣдствїй.

(*) 24. Іюня того же года.

30 *Скирофоріона* (*). Вотъ нѣкоторыя подробности о несчастіяхъ Фокеянъ. Между тѣмъ, какъ Эсхинъ и Филократъ дѣлали намъ великія обѣщанія именемъ Филиппа, онъ уже прошелъ Ѳермопилы. Фокеяне, не зная его намѣреній и колеблясь между страхомъ и надеждою, не думали, чтобъ должно было занять сіе важное мѣсто; а заняли мѣста, находящіяся близь сего узкаго прохода; царь старался вступить съ ними въ договоръ; они ему не довѣряли, а хотѣли узнать о нашихъ намѣреніяхъ. Вскорѣ, узнавъ чрезъ повѣренныхъ, у насъ недавно бывшихъ, о томъ, что происходило въ собраніи нашемъ 16 сего мѣсяца, они удостовѣрились, что Филиппъ, согласясь съ нами, враждовалъ только на Ѳивянъ, и не почли за нужное защищаться. Фалекъ, ихъ военачальникъ, отдалъ ему Никею и крѣпости, близь Ѳермопилъ находящіяся. Онъ получилъ позволеніе выдти изъ Фокиды съ осьмью тысячами человѣкъ, коими онъ предводительствовалъ. При семъ извѣстіи, Лакедемоняне, шедшіе подъ начальствомъ Архидама на помощь Фокеянамъ, спокойно возвратились къ Пеллопонису; а Филиппъ, безъ малѣйшаго препятствія, безъ усилій, не потерявъ ни одного человѣка, держалъ

въ рукахъ своихъ судьбину такого народа, который десять лѣтъ сопротивлялся нападенiямъ Ѳивянъ и Ѳессалiянъ, злобно ждавшихъ его погибели. Она и была неизбѣжна; поелику Филиппъ долженъ свершить оную и обѣщалъ то своимъ союзникамъ; онъ даже почтетъ ее нужною для своихъ выгодъ. Онъ будетъ гнать Фокеянъ, яко святотатцевъ. Ежели онъ поступитъ съ ними безчеловѣчно, то онъ будетъ вездѣ осуждаемъ малымъ числомъ мудрыхъ, но повсюду обожаемъ простымъ народомъ.

Какъ онъ насъ обманулъ! или лучше сказать, какъ мы хотѣли быть обмануты! Когда онъ заставлялъ ждать столь долгое время посланниковъ нашихъ въ Пеллѣ, не очевидно ли было, что хотѣлъ безпрепятственно совершить походъ свой во Фракiю? Когда онъ ихъ удерживалъ у себя, отпустивъ другихъ, не ясно ли было, что намѣревался окончить свои приготовленiя, и воспрепятствовать нашимъ! Когда онъ ихъ прислалъ къ намъ обратно со всѣми возможными обѣщанiями на словахъ, и съ письмомъ, которое ничего не обѣщевало, то не было ли сiе доказательствомъ, что онъ не вошелъ ни въ какое съ нами обязательство?

Я забылъ тебѣ сказать, что въ семъ письмѣ предлагалъ онъ намъ, что бы мы послали наши войска, и чтобы обще съ нимъ окончили войну съ Фокеянами; но онъ вѣрно зналъ, что мы получимъ его письмо тогда уже, какъ овладѣетъ онъ Фокидою.

Мы не имѣемъ теперь другой помощи, кромѣ снисхожденія или сожалѣнія сего государя. Сожалѣніе! Тѣни Ѳемистокла и Аристида! . . . Сдѣлавъ съ нимъ союзъ, заключивъ вдругъ миръ въ то время, когда мы приглашали другіе народы къ поднятію оружія, потеряли мы наши владѣнія и союзниковъ нашихъ. Къ кому теперь прибѣгнуть? вся сѣверная Греція предалась Филиппу. Въ Пелопонисѣ, Элида, Аркадія и Арголида, наполненные его единомышленниками, не могутъ, такъ какъ и прочіе народы сихъ округовъ, простить насъ за союзъ нашъ съ Лакедемонянами. Сіи послѣдніе, не взирая на пылкое мужество Архидама, царя своего, предпочитаютъ миръ войнѣ. Съ нашей стороны, когда я обращу взоры на состояніе морской и сухопутной силы и на доходы: то вижу въ оныхъ токмо слабые остатки могущества, бывшаго прежде сего столь страшнымъ.

Всеобщій ропотъ возсталъ противу нашихъ посланниковъ; они весьма виновны, естьли намъ измѣнили, весьма несчастны, естьли не винны. Я спрашивалъ у Эсхина, за чѣмъ они останавливались въ Македоніи? Онъ отвѣчалъ: мы не имѣли повелѣнія слѣдовать далѣе. — За чѣмъ онъ насъ манилъ столь лестными обѣщаніями? я донесъ о слышанномъ и о видѣнномъ мною, такъ какъ мнѣ было сказывано, и такъ какъ я самъ видѣлъ. Сей ораторъ, извѣстясь о успѣхахъ Филиппа, отправился внезапно, чтобы соединиться съ третьимъ посольствомъ, которое мы къ сему государю отправляемъ, и отъ коего онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ отказался.

При Архонтѣ Архіѣ.

Въ 3е лѣто 108й Олимпіады.

Съ 27 Іюня 346 года по 15е Іюля 345 года до Р. Х.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

7 *Метагейтніона* (*). Еще позволено намъ

(*) 1 Августа 346 года до Р. Х.

быть свободными. Филиппъ не обратитъ на насъ оружїя своего. Дѣла съ Фокидою занимали его до нынѣ, а вскорѣ и другїя важныя обстоятельства принудятъ его возвратиться въ Македонїю.

Вскорѣ по прибытїи своемъ въ Дельфы, собралъ онъ Амфиктїоновъ для того, чтобъ опредѣлить примѣрное наказанїе тѣмъ, кои завладѣли храмомъ и священнымъ сокровищемъ. Порядокъ былъ законной; мы назначили оный сами опредѣленїемъ нашимъ отъ 16 Скирофорїона (*); поелику Өивяне и Өессалїяне, по множеству своихъ голосовъ, располагаютъ, по волѣ своей, рѣшенїями сего судилища, то ненависть и жестокость необходимо должны были имѣть влїянїе въ сужденїе. Главные виновники святотатства преданы всенародному поруганїю; позволено преслѣдовать ихъ во всѣхъ мѣстахъ. Народъ, яко соучастникъ ихъ злодѣянїя, потому что принялъ ихъ подъ свою защиту, теряетъ право подавать два голоса, которое онъ имѣлъ въ собранїи Амфиктїоновъ, и сїе право всег-

(*) 12 Iюня 346 года до Р. Х.

да было не отъемлемо отъ царей Македонскихъ. Изключая три города, коихъ довольствуются разрушенiемъ укрѣпленiй, всѣ будутъ до основанiя срыты и превращены въ деревушки о пятидесяти малыхъ дворахъ, на нѣкоторое одна отъ другой разстоянiе. Жители Фокиды, лишенные права приносить въ храмѣ жертвы, и участвовать въ священныхъ обрядахъ, должны воздѣлывать свои земли, и вносить ежегодно въ священное сокровище по шестидесяти талантовъ; доколѣ не возвратятъ сполна всего ими похищеннаго; отдать свое оружiе и своихъ коней, и не прежде могутъ имѣть другихъ, какъ по внесенiи сокровища. Филиппъ, согласно съ Вiотянами и Ѳессалiянами; предсѣдательствовать будетъ на Пиѳическихъ играхъ на мѣсто Коринѳянъ, обвиненныхъ въ благопрiятствованiи Фокеянамъ. Другiя статьи имѣютъ предметомъ возстановить согласiе между народами Грецiи и величiе богослуженiя въ храмѣ Аполлоновомъ.

Мнѣнiе, поданное Этеанами Ѳессалiйскими было жестоко, потому что оное было сообразно съ законами, предписанными о святотатствѣ. Они предложили истребить ме-

честивое племя Фокеянъ, низверженіемъ дѣтей ихъ съ высоты утеса. Эсхинъ защищалъ сильно ихъ сторону и утвердилъ въ надеждѣ многія несчастныя семейства.

Филиппъ повелѣлъ исполнить опредѣленіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, съ жестокою строгостію; а по мнѣнію другихъ, съ большею умѣренностію, нежели каковую оказали Өивяне и Өессаліяне. Двадцать два города, окруженные стѣнами, составляли украшеніе Фокиды; наибольшая часть представляетъ токмо груды пепла и развалинъ. Въ селеніяхъ видны токмо старики, жены, дѣти, немощныя, коихъ слабые и трепещущіе руки едва исторгаютъ изъ земли нѣкоторыя грубыя снѣди. Дѣти ихъ, супруги, и отцы принуждены были ихъ оставить. Одни, проданные съ торгу, стонаютъ въ оковахъ; другіе, изгнанные или убѣжавшіе, не находятъ прибѣжища въ Греціи. Мы нѣкоторыхъ приняли, и уже Өессаліяне причли намъ то въ преступленіе. Ежели бы благоприятнѣйшія обстоятельства и привели опять ихъ въ отечество, то сколько времени потребно имъ будетъ, чтобы возвратить Дельфійскому храму то золото и серебро, которое военачаль-

ники ихъ изъ онаго въ теченіи войны похитили. Цѣну ихъ полагаютъ въ десять тысячъ талантовъ.

Послѣ собранія, Филиппъ принесъ жертвы благодаренія; и за великолѣпною трапезою, за коею находилось двѣсти собесѣдниковъ, включая въ число ихъ повѣренныхъ Греціи и въ особенности нашихъ, слышны были токмо хвалы въ честь боговъ, и побѣдныя пѣсни въ честь государя.

1 го *Пуанепсіона.* Филиппъ прежде возвращенія въ свои области, исполнилъ обязательства, заключенныя имъ съ Ѳивянами и Ѳессаліянами. Первымъ отдалъ онъ Орхоменъ, Коронею, и другіе города Віотіи, кои они разрушили; а вторымъ, Никею и мѣста, находящіяся при выходѣ изъ Ѳермопилъ, и взятыя Фокеянами у Локрянъ. Итакъ Ѳессаліяне остаются повелителями прохода; но ихъ столь легко обманутъ можно, что Филиппъ ничего не теряетъ, ввѣривъ имъ храненіе онаго. Что до него касается, онъ получилъ отъ похода своего плодъ, коего ожидалъ, т. е. свободный проходъ чрезъ Ѳермопилы, когда онъ разсудитъ за благо, честь

окончанія войны за вѣру, право предсѣдательствовать на Пиѳическихъ играхъ, и право, еще важнѣйшее, присутствовать и подавать голосъ въ собраніи Амфиктіоновъ.

Поелику сіе послѣднее преимущество можетъ ему дать весьма великій перевѣсъ въ дѣлахъ Греціи, то онъ весьма ревнителенъ къ сохраненію онаго. Онъ имѣетъ оное до нынѣ токмо отъ Ѳивянъ и Ѳессаліянъ. Дабы содѣлать оное законнымъ, нужно согласіе прочихъ союзныхъ народовъ. Его и Ѳессалійскіе послы приходили недавно просить нашего на то согласія; они не получили онаго, хотя Димосѳенъ и совѣтовалъ на то согласиться. Онъ боялся, что бы отказъ не раздражилъ народовъ Амфиктіонскихъ, и не содѣлалъ бы изъ Аттики вторую Фокиды.

Мы такъ недовольны послѣднимъ миромъ, что намъ весьма было приятно изъявить ему сіе неудовольствіе. Ежели онъ оскорбленъ нашимъ сопротивленіемъ, то мы должны быть оскорблены его поступками. И дѣйствительно, мы ему все уступили, а онъ согласился только на статью о городахъ Ѳракійскихъ, кои намъ принадлежали. Вскорѣ возродится

съ обѣихъ сторонъ нѣкое недовѣріе; а отъ сего произойдутъ ссоры и примиренія, кои окончатся какимъ нибудь пагубнымъ слѣдствіемъ.

Ты удивляешься нашей смѣлости. Народъ не боится болѣе Филиппа, съ того времени какъ онъ удалился; мы весьма его страшились, когда онъ былъ въ сосѣдственныхъ странахъ. Образъ, коимъ онъ велъ войну съ Фокеянами, безкорыстіе его въ раздѣлѣ добычъ, отъ нихъ полученныхъ, наконецъ поступки его, разсмотрѣнные основательнѣе, должны насъ столько же обезпечить въ разсужденіи настоящаго, сколько устрашить въ разсужденіи будущаго, которое можетъ быть уже недалеко. Другіе побѣдители спѣшатъ завладѣть землею, не помышляя о ихъ жителяхъ, и въ новыхъ подданныхъ имѣютъ токмо рабовъ, готовыхъ возмутиться. Филиппъ хочетъ покорить Грековъ прежде Греціи; онъ хочетъ насъ привлечь къ себѣ, пріобрѣсть нашу довѣренность, приучить насъ къ оковамъ, принудить насъ, можетъ быть, чтобъ ихъ у него просили, и медленными и кроткими средствами содѣлаться нечувствительно нашимъ посредникомъ, защитникомъ и повелителемъ.

Я окончу приведенiемъ двухъ поступковъ, кои мнѣ о немъ разсказывали. Въ то время, когда онъ былъ въ Дельфахъ, узналъ онъ, что одинъ Ахеянинъ, по имени Аркадiонъ, человѣкъ острый и скорый на отвѣты, его ненавидѣлъ и старался избѣгать его присутствiя; онъ встрѣтился съ нимъ нечаянно. „Долго ли будешь ты меня убѣгать, сказалъ онъ ему ласково? До тѣхъ поръ, отвѣчалъ Аркадiонъ, пока не приду въ такiя „мѣста, гдѣ имя твое совсѣмъ не извѣстно." Царь засмѣялся, и своими ласками заставилъ его притти къ его обѣду.

Сей государь сдѣлался такъ уже великъ, что я ожидалъ отъ него какой либо слабости. Я и не обманулся въ моемъ ожиданiи: онъ запретилъ употребленiе колесницъ въ своихъ областяхъ. Знаешь ли для чего? нѣкоторый прорицатель предсказалъ ему, что онъ погибнетъ отъ колесницы. (*)

(*) Писатели, упоминающiе о семъ приключенiи, присовокупляютъ, что вырѣзана была колесница на рукояткѣ того кинжала, коимъ сей государь былъ умерщвленъ.

При Архонтѣ Эвбулѣ.

Въ 4е лѣто 108й Олимпіяды.

Съ 15го Іюля 345 года по 4е Іюля 344 до Р. Х.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Сюда прибылъ недавно Тимонидъ Левкадскій. Ты его зналъ въ Академіи. Тебѣ извѣстно, что тринадцать лѣтъ тому назадъ, какъ ѣздилъ онъ съ Діономъ въ Сицилію, и во время сраженія всегда при немъ находился. Въ сочиняемой имъ исторіи онъ подробно опишетъ сей славный походъ.

Нѣтъ ничего жалостнѣе того состоянія, въ которомъ онъ оставилъ сей нѣкогда весьма процвѣтавшій островъ. Кажется, что судьба избрала сіе мѣсто позорищемъ для показанія наономъ всѣхъ перемѣнъ дѣлъ человѣческихъ, въ теченіи весьма не многихъ лѣтъ. Сперва выводитъ она на сіе позорище двухъ тиранновъ, угнѣтающихъ Сицилію полвѣка. Она вооружаетъ противъ послѣдняго изъ сихъ государей дядю его Діона; про-

тивЪ Дїона, друга его Каллиппа; противЪ сего нечестиваго убійцы, Гиппарина, коему спустя два года потомЪ попускаетЪ погибнуть насильственною смертїю; она даетЪ ему многихЪ, вскорѢ одного за другимЪ, преемниковЪ ДеспотовЪ, менѢе сильныхЪ, но столь же жестокихЪ, какЪ и первые.

Сїи различныя, такЪ сказать, изверженїя тираннїи, кои были предшествуемы, сопровождаемы и послѢдуемы страшными ударами, отличаются всѢ, подобно изверженїямЪ Этны, ужасными слѢдами. Таковыя же явленїя возобновляются непрестанно вЪ главныхЪ городахЪ Сицилїи. Большая часть изЪ нихЪ расторгла связи, кои составляли ихЪ силу, сохраняя ихЪ приверженность кЪ столицѢ, и ввѢрились предводителямЪ, кои ихЪ поработили, обѢщая имЪ вольность. ГиппонЪ завладѢлЪ Мессиною; МамеркЪ Катаною; Икета ЛеонтомЪ; Нисей Сиракузами; ЛептинЪ Аполлонїею; другїе города стонутЪ подЪ игомЪ Никодима, Аполлонїада и проч. Сїи перемѢны произведены были не иначе, какЪ сЪ пролитїемЪ потоковЪ крови, сЪ непримиримыми враждами и ужасными злодѢянїями.

Карѳагеняне, занимающїе многїя мѣста въ Сицилїи, разпространяютъ свои побѣды, и ежедневно дѣлаютъ набѣги на владѣнїя Греческихъ городовъ, коихъ жители непрерывно претерпѣваютъ ужасы брани чужеземной и междоусобной; безпрестанно подвержены нападенїямъ варваровъ, предприятїямъ Сиракузскаго тиранна, покушенїямъ частныхъ своихъ тиранновъ буйству разныхъ крамолъ, простершемуся до того, что даже и честные люди вооружились одни противъ другихъ.

Толикое множество бѣдствїй содѣлали изъ Сицилїи мрачную пустыню, пространную могилу. Деревни и селенїя всѣ изчезли. Невоздѣланныя поля полуразрушенные и пустые города, отъ ужаса цѣпенѣютъ взирая на грозный видъ зáмковъ, заключающихъ въ себѣ ихъ тиранновъ, окруженныхъ служителями смерти.

Ты видишь, Анахарсисъ, что для народа, оставившаго всякое благонравїе, нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ покушенїе разрушать свои оковы. Сицилїйскїе Греки такъ были развращены, что не могли сохранить своей свободы, и такъ тщеславны, что не могли сносить раб-

ства. Несогласія ихъ, брани ихъ не отъ чего инаго произошли, какъ отъ чрезъестественнаго союза, что они хотѣли любовь къ независимости соединить съ безмѣрною склонностію къ забавамъ. При мучительномъ къ достиженію цѣли сей безпокойствѣ, содѣлались они несчастнѣйшими людьми и подлѣйшими рабами.

Тимонидъ теперь лишь со мною разстался: онъ получилъ письмо изъ Сиракузъ. Діонисій возшелъ паки на престолъ, онъ свергнулъ съ онаго Нисея, сына единаго съ нимъ отца, но отъ другой матери. Нисей царствовалъ нѣсколько лѣтъ, и продолжалъ со славою тираннію своихъ предшественниковъ. Бывъ преданъ отъ своихъ ближнихъ, заключенъ въ темницу, осужденъ на смерть, препровелъ онъ послѣдніе дни свои въ безпрестанномъ пьянствѣ; онъ умеръ такъ какъ и братъ его Иппаринъ, царствовавшій прежде его; и жилъ также какъ и другой изъ его братьевъ, именемъ Аполлократъ.

Діонисій имѣетъ причину жестоко мстить своимъ подданнымъ. Они лишили его верховной власти; онъ сносилъ нѣсколько лѣтъ въ

Италїи жестокое поруганїе и презрѣнїе. Опасаются высокомѣрной буйности его нрава; опасаются духа, ожесточеннаго злосчастїемъ: сїе подаетъ новый случай къ важной трагедїи, которую судьба представитъ въ Сицилїи.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Получены новыя извѣстїя изъ Сицилїи. Дїонисїй почиталъ себя благополучнымъ на престолѣ, многократно оскверненномъ кровїю его сродниковъ: то было пагубное время, ему жребїемъ его назначенное. Его супруга, дщери, младшїй изъ сыновъ, погибли всѣ вмѣстѣ смертїю самою медленною и самою мучительною. Поѣхавъ изъ Италїи въ Сицилїю, оставилъ онъ ихъ въ столицѣ Локрянъ Эпизефирейскихъ, кои возпользовавшись отсутствїемъ его, осадили ихъ въ замкѣ. Завладѣвъ онымъ, сняли съ нихъ одежду, и предали ихъ неистовымъ желанїямъ необузданной черни, коея свирѣпство не укротилось симъ крайнимъ уничиженїемъ. Умертвили ихъ запустивъ имъ иглы подъ ногти; кости ихъ раздробили въ ступѣ; остатки ихъ тѣлъ, раздроблен-

ныхъ въ куски, брошены были то въ огонь, то въ море, когда сперва каждый гражданинъ принужденъ былъ вкусить отъ оныхъ тѣлъ.

Діонисій обвиняемъ былъ, что онъ согласившись съ врачами, прекратилъ жизнь своего отца ядомъ; онъ былъ обвиняемъ, что погубилъ нѣсколькихъ изъ своихъ братьевъ и сродниковъ, кои казались ему подозрительными. Наконецъ сдѣлался онъ палачемъ своей супруги и дѣтей. Когда народы стремятся къ столь страннымъ жестокостямъ, то надобно употреблять дальнѣйшее изслѣдованіе, чтобъ найти виновнаго. Разсмотри поступокъ Локрянъ: они жили спокойно подъ законами, содержавшими порядокъ и благопристойность въ ихъ городѣ. Діонисій, изгнанный изъ Сиракузъ, проситъ у нихъ убѣжища; они приемлютъ его тѣмъ съ большимъ уваженіемъ, что имѣли съ нимъ союзный договоръ, и что мать его родилась между ними. Отцы ихъ, позволяя противъ законовъ благоразумной политики, выбирать изъ частнаго семейства царицу Сициліи, не предвидѣли, что Сицилія будетъ имъ платить за нее тираномъ. Діонисій, съ помощію своихъ сродниковъ и войскъ, беретъ во владѣніе свое за-

нокъ, отъемлетъ имѣніе у богатыхъ граждан, кои всѣ почти, по его повелѣнію, умерщвлены, предаетъ женъ ихъ и дщерей самому поноснѣйшему поруганію, и въ краткое время разрушаетъ на вѣки законы, нравы, спокойствіе и благополучіе народа, который отъ толь многихъ оскорбленій содѣлался жестокимъ.

Страшное злополучіе, его постигшее, разпространило ужасъ по всему государству. Нѣтъ сумнѣнія, что Діонисій превзойдетъ отца своего въ жестокостяхъ, и содѣлаетъ истиннымъ предвѣщаніе, о коемъ нѣкоторый Сициліянецъ мнѣ на сихъ дняхъ разсказывалъ.

Между тѣмъ, какъ всѣ подданные Діонисія старшаго проклинали его, услышалъ онъ съ удивленіемъ, что одна женщина Сиракузская чрезвычайно престарѣлая просила боговъ каждое утро, чтобы ей не пережить сего государя. Онъ ее призвалъ и хотѣлъ знать причину сего толь нѣжнаго участія. „Я тебѣ скажу сію причину, отвѣчала она. Въ „моемъ дѣтствѣ, сіе уже весьма давно, слы„шала я, что всѣ жаловалися на того, кто „нами управлялъ, и я вмѣстѣ съ прочими же„лала его смерти: онъ умерщвленъ. Насту-

„пилъ другой, который завладѣвъ замкомъ, „заставилъ сожалѣть о первомъ. Мы умоля„ли боговъ, чтобъ насъ отъ него избавили: „они насъ услышали. Явился ты, и приклю„чилъ намъ болѣе зла, нежели оба первые. „Теперь я думаю, что четвертый будетъ „еще жесточѣе тебя, и для того каждый „день возсылаю молитвы къ небу о сохране„нїи твоей жизни.„ Дїонисїй, пораженный откровенностїю сей женщины, поступилъ съ нею весьма милостиво: онъ не приказалъ ее умертвить.

При Архонтѣ Ликискѣ.

Въ 1е лѣто 109й Олимпїяды.

Отъ 4го Іюля 344 года по 23е Іюля 343 года до Р. Х.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

Цари Македонскїе ненавидѣли Иллирїянъ, кои часто ихъ побивали: Филиппъ не имѣетъ ненависти ни къ какому народу, потому что ни котораго не боится. Онъ хочетъ токмо ихъ всѣхъ покорить.

Послѣдуй, ежели можешь, за быстрыми успѣхами послѣдняго его похода. Онъ собираетъ сильное воинство, нападаетъ на Иллирїю, беретъ во владѣнїе свое многїя города, получаетъ многочисленную добычу, возвращается въ Македонїю, входитъ въ Ѳессалїю, куда единомышленники его призываютъ, освобождаетъ ее отъ всѣхъ малыхъ угнѣтавшихъ ее тиранновъ, раздѣляетъ ее на четыре большїе округа, ставитъ тѣхъ начальниковъ, коихъ она сама желаетъ, и кои ей преданы, привязываетъ къ себѣ новыми узами обитающихъ въ ней народовъ, утверждаетъ за собою права къ собиранїю пошлинъ въ ихъ пристаняхъ, и возвращается спокойно въ свои области. Чтожъ отъ сего происходитъ? Между тѣмъ, какъ варвары, трепеща отъ ярости, влачатъ оковы, на нихъ имъ наложенные, ослѣпленные Греки сами повергаются въ рабство. Они почитаютъ его врагомъ тираннїи, своимъ приятелемъ, благодѣтелемъ, спасителемъ. Одни ищутъ его союза; а другїе просятъ его покровительства. Даже и теперь принимаетъ онъ съ надмѣнностїю подъ свою защиту Мессенянъ и Аргїянъ; доставляетъ имъ войска и деньги; приказываетъ объявить Лакедемонянамъ, что ежели они по-

думаютъ на нихъ напасть, то онъ вступитъ въ Пеллопонисъ. Димосѳенъ отправился въ Мессинію и Арголиду: тщетно старался онъ вразумить сіи народы въ разсужденіи собственныхъ ихъ выгодъ.

Отъ него же.

Къ намъ прибыли посланники отъ Филиппа. Онъ жалуется на разсѣваемыя нами противъ него клеветы, по случаю послѣдняго мира. Онъ утверждаетъ, что не входилъ ни въ какое обязательство и ничего не обѣщалъ: онъ настоитъ, что мы противное сему доказали. Итакъ повѣренные наши безчестнымъ образомъ насъ обманули; имъ надлежитъ оправдаться или понести наказаніе. Сіе-то самое предлагалъ Димосѳенъ.

Сіе скоро должно съ ними послѣдовать. Ораторъ Иперидъ донесъ недавно на Филократа, и открылъ безчестные его поступки. Всѣ возстали противъ обвиняемаго, который пребывалъ спокоенъ. Онъ ожидалъ только того, что бы бѣшенство простаго народа укротилось. „Защищайся же, сказалъ ему „нѣкто. — Еще не время. — Чегожъ ты

„ожидаешь? — Чтобы народъ осудилъ еще „кого нибудь другаго изъ ораторовъ.„ — Однакожъ наконецъ будучи уличенъ, что получилъ отъ Филиппа богатые подарки, бѣжалъ онъ для спасенія себя отъ наказанія.

ПИСЬМО ОТЪ КАЛЛИМЕДОНА.

Ты слыхалъ, что во времена нашихъ предковъ, назадъ тому десять или двѣнадцать вѣковъ, боги, пресытившись своимъ благополучіемъ, низходили иногда на землю раздѣлять забавы со дщерями смертныхъ. Ты думаешь, что имъ наконецъ наскучило сіе обращеніе; въ томъ обманываешся.

Недавно видѣлъ я одного атлета, по имени Аттала, родомъ изъ Магнезіи, города лежащаго при рѣкѣ Меандрѣ во Фригіи. Онъ пришелъ съ Олимпійскихъ игръ, и вмѣсто всякой славы, получилъ тамъ на сраженіи тяжкія раны. Я изъявилъ свое удивленіе, потому что онъ имѣлъ, какъ мнѣ казалося, непобѣдимую силу. Отецъ его, бывшій съ нимъ, сказалъ мнѣ: пораженіе его должно приписать единой его неблагодарности; записы-

вался не объявилъ онъ истиннаго своего отца, который за то ему отмстилъ лишенїемъ побѣды. — Такъ развѣ онъ не сынъ твой? — Нѣтъ, Меандръ произвелъ его на свѣтъ. Такъ онъ сынъ рѣки? Конечно, жена моя о томъ мнѣ сказала, и вся Магнезїя была тому свидѣтельницею. По обычаю весьма древнему, наши дѣвы предъ бракосочетанїемъ, купаются въ водахъ Меандра, и первыя свои ласки посвящаютъ сему богу: онъ часто ихъ отвергаетъ; но отъ жены моей принялъ. Мы видѣли издалека сего божка въ видѣ прекраснаго юноши, ведшаго ее въ густые кустарники, коими берегъ покрытъ. — А почему ты знаешь, что то была рѣка Меандръ? — Конечно, надлежало быть Меандру; голова его увѣнчана была тростникомъ. — Я вѣрю сему доказательству.

Я сообщилъ многимъ изъ моихъ приятелей о семъ странномъ разговорѣ; они мнѣ привели примѣръ нѣкоего Эпидамнскаго музыканта, именемъ Карїона, который думаетъ, что одинъ изъ его сыновей родился отъ Иракла. Эсхинъ разсказалъ мнѣ слѣдующее произшествїе. Я сообщаю собственныя слова его.

Я былъ въ Троадѣ съ младымъ Кимономъ. Я читалъ Иліаду свѣряя ее съ описанными въ ней мѣстами; Кимонъ занимался совсѣмъ другимъ дѣломъ. Надлежало выдать за мужъ нѣкоторое число дѣвицъ. Каллироя, прекраснѣйшая изъ всѣхъ, пошла купаться въ Скамандрѣ. Кормилица ея осталась на берегу, въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи. Каллироя едва вошедъ въ рѣку, громко сказала: Скамандръ, прими дань, коею мы тебѣ должны. Я оную приемлю, отвѣчалъ молодой человѣкъ, вышедшій изъ средины кустарниковъ. Я, и весь народъ стояли такъ далеко, что не можно было различить черты лица сего юноши! Впрочемъ голова его покрыта была тростникомъ. Вечеромъ, смѣялся я съ Кимономъ простотѣ сихъ людей.

Чрезъ четыре дня потомъ, новобрачные появились во всѣхъ своихъ украшеніяхъ, въ торжественномъ шествіи, которое установлено было въ честь Венеры. Въ продолженіи сего шествія Каллироя, увидѣвъ подлѣ меня Кимона, вдругъ упадаетъ къ его ногамъ, и восклицаетъ съ простосердечною радостію: о моя Кормилица! Вотъ богъ Скамандръ, мой первый супругъ! Кормилица произноситъ

громкій крикъ; обманъ открылся. Кимонъ уходитъ; я за нимъ слѣдую. Пришедъ домой, я называю его неосторожнымъ, преступникомъ; а онъ смѣется надо мною; онъ приводитъ мнѣ въ примѣръ Атлета Аттала, музыканта Каріона. Сверхъ того, присовокупилъ онъ, Омиръ помѣстилъ Скамандра въ трагедію, а я въ комедію. Я сдѣлаю еще болѣе; я доставлю сына и Вакху и Аполлону. Очень хорошо, отвѣчалъ я, но между тѣмъ сожгутъ насъ живыхъ, ибо я вижу народъ, приближающійся съ горящими головнями. Мы едва успѣли спастись задними дверьми, и убраться скорѣе на корабль.

Любезный Анахарсисъ, когда говорятъ, что вѣкъ просвѣщенъ, то значитъ сіе, что находятъ болѣе просвѣщенія въ однихъ городахъ, нежели въ другихъ; и что въ первыхъ, главная часть гражданъ просвѣщена болѣе прежняго. Простый народъ, не исключая и Аѳинскаго, тѣмъ болѣе держится своихъ суевѣрій, чѣмъ болѣе употребляется усилій для отвлеченія отъ оныхъ. Во время послѣднихъ Элевзійскихъ празднествъ молодая и прекрасная Фринея, сложивъ съ себя одежду, и распустивъ по плечамъ своимъ

прекрасные свои волосы, вошла въ море и играла долгое время по среди волнъ. Безчисленное множество зрителей покрывало берегъ; когда она вышла, то всѣ воскликнули: „это Венера, изъ водъ исходящая.„ Народъ принялъ бы ее за богиню, естьли бы она не столь много была извѣстна, или даже естьли бы просвѣщенные люди захотѣли споспѣшествовать подобному ослѣпленію.

Не сумнѣвайся, люди имѣютъ двѣ любимыя страсти, коихъ философія никогда не истребитъ; то есть страсть къ заблужденію и страсть къ рабству. Но оставимъ философію и возвратимся къ Фринеѣ. Явленіе, представленное намъ ею, и столько понравившееся, что не льзя было его опять не повторить, безъ сумнѣнія обратится въ пользу искуствъ. Живописецъ Апеллесъ и ваятель Пракситель были на берегу; оба вознамѣрились изобразить рожденіе Венеры, по образцу, который предъ глазами имѣли.

По возвращеніи своемъ увидишь ты сію Фринею и согласишся, что никакая красота въ Азіи не представляла твоему взору столько прелестей вдругъ. Пракситель чрезвычайно въ нее влюбленъ. Онъ знаетъ вкусъ въ красотѣ;

онъ признается, что никогда ничего не находилъ столь совершеннаго. Она хотѣла имѣть какую нибудь наилучшую работу отъ сего художника. Я тебѣ даю оную съ удовольствїемъ, сказалъ онъ ей, съ такимъ условїемъ, чтобы ты сама ее выбрала. Но что можно выбрать изъ толь превосходныхъ произведенїй? Между тѣмъ, какъ она колебалась, одинъ, подкупленный рабъ, прибѣжалъ объявить своему господину, что его мастерская загорѣлась; что большая часть истукановъ разрушились, а другїе также скоро разрушатся. Ахъ! я погибъ, вскричалъ Праксителъ, есть ли не будутъ спасены Амуръ и Сатиръ. Успокойся, сказала ему Фринея смѣясь: симъ ложнымъ извѣстїемъ я хотѣла принудить тебя открыть мнѣ, что я должна выбрать. Она взяла изображенїе Амура, съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобы украсить имъ городъ Ѳеспїю, мѣсто ея рожденїя. Говорятъ также, что сей городъ хочетъ ей поставить истуканъ въ оградѣ Дельфїйскаго храма, и помѣстить ее возлѣ истукана Филиппа. И въ самомъ дѣлѣ прилично, чтобъ прелестница была подлѣ завоевателя.

Я прощаю Фринеѣ, что раззоряетъ своихъ любовниковъ; но не прощаю ей того, что она скоро потомъ ихъ оставляетъ. Наши законы, снисходительнѣйшіе прочихъ, не обращали вниманія на частыя ея невѣрности, и на развратность ея нравовъ; подозрѣваютъ ее, что она, по примѣру Алкивіада, осквернила тайны Элевзійскія. На нее донесено было въ судилищѣ Геліастовъ; она предстала, и орошала своими слезами руки всѣхъ входящихъ судей. Эвѳій, который на нее доносилъ, присуждалъ ее къ смерти. Иперидъ защищалъ ее. Сей славный ораторъ, который ее любилъ, и еще любитъ, примѣтя, что краснорѣчіе его никакого не дѣлало впечатлѣнія, вдругъ предался обладавшей имъ страсти. Онъ велитъ приближиться Фринеѣ, срываетъ съ груди ея покрывало, и сильно убѣждаетъ, что было бы безбожно осудить на смерть жрицу Венерину. Судьи, пораженные набожнымъ страхомъ, а паче еще ослѣпленныя прелестями, взору ихъ представленными, признали Фринею невинною.

Съ нѣкотораго времени содержаніе иностранныхъ войскъ стоило намъ болѣе тысячи талантовъ. Мы потеряли семдесятъ пять

городовъ, намъ принадлежавшихъ; но мы приобрѣли можетъ быть столько же красотъ, одну любезнѣе другой. Онѣ безъ сумнѣнія умножаютъ приятности общества, но также умножаютъ и число смѣшныхъ онаго членовъ. Наши ораторы, философы, самыя степенныя особы похваляются любовными дѣлами. Наши щеголихи учатся математикѣ. Гнаѳена не имѣетъ нужды въ семъ пособіи, чтобы нравиться. Дифиллъ, любящій ее много, издалъ недавно комедію, коей неудачу не могъ онъ приписать заговору недоброхотовъ. Чрезъ минуту потомъ пришелъ я къ его любовницѣ. Онъ туда же пришелъ въ горести. Входя просилъ онъ ее омыть ему ноги. Тебѣ нѣтъ въ томъ надобности, сказала она ему; всѣ зрители принесли тебя сюда на плечахъ.

Онъ же, обѣдая нѣкогда у Гнаѳены, спросилъ ее, отъ чего у нее вино бываетъ такъ прохладно? отъ того, отвѣчала она, что я прохлаждаю его въ колодезѣ, въ которой обыкновенно бросаю я театральныя твои сочиненія.

Прежде, нежели окончу письмо мое, скажу я тебѣ о приговорѣ, какой произнесъ Филиппъ. Представили ему двухъ злодѣевъ

равно виновныхЪ: они достойны были смерти; но ФилиппЪ не любитЪ проливать крови. Одного выслалЪ онЪ изЪ своихЪ областей, а другому велѣлЪ слѣдовать за первымЪ, пока не приведетЪ его вЪ Македонію.

ПИСЬМО ОТЪ АПОЛЛОДОРА.

ИсократЪ показалЪ мнѣ теперь письмо, писанное имЪ кЪ Филиппу. Старый ЦаредворецЪ не лучше бы умѣлЪ польстить государю. ОнЪ проситЪ извиненія, что осмѣливается подавать ему совѣты, но находитЪ себя кЪ тому принужденнымЪ: польза АѳинЪ и Греціи сего требуетЪ; дѣло идетЪ о важномЪ предметѣ; о попеченіи, которое царь Македонскій принять долженЪ о сохраненіи своей жизни. Весь свѣтЪ тебя порицаетЪ за то, говоритЪ онЪ, что ты вдаешся вЪ опасность сЪ меньшею осторожностію, нежели простый воинЪ. Славно умереть за свое отечество, за дѣтей своихЪ, за тѣхЪ, отЪ кого мы получили жизнь; но нѣтЪ ничего непростительнѣе, какЪ подвергать опасности жизнь, отЪ коей зависитЪ жребій государства, и пагубною отважностію помрачить

блистательное поприще толь многихъ подвиговъ. Онъ приводитъ ему въ примѣръ царей Лакедемонскихъ, кои обыкновенно бываютъ окружаемы въ битвѣ многими воинами, охраняющими ихъ жизнь; Ксеркса, царя Персидскаго, который не смотря на свое пораженіе, спасъ свое царство сохраняя собственную жизнь; многихъ другихъ военачальниковъ, кои за то, что не сберегали самихъ себя, были причиною погибели войскъ своихъ.

Онъ бы желалъ утвердить между Филиппомъ и Аѳинянами искреннюю дружбу, и устремить ихъ силы противъ Персидскаго государства; онъ защищаетъ честь республики; онъ соглашается, что мы во многомъ виновны, но и сами боги въ глазахъ нашихъ не всегда правы.

Я оканчиваю письмо, и удивляюсь, что человѣкъ, имѣющій болѣе девяноста лѣтъ отъ роду, пресмыкается еще, пресмыкавшись всю жизнь свою. Прискорбно только то, что многіе изъ Аѳинянъ мыслятъ также, какъ и онъ; и ты долженъ заключить изъ того, что послѣ твоего отъѣзда, мысли наши весьма перемѣнились.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРАЯ.

О существѣ правленій по мнѣнію Аристотеля и другихъ философовъ.

Послѣднія письма, мною здѣсь помѣщенныя, вручены намъ были въ Смирнѣ, по возвращеніи нашемъ изъ Персіи (*). Мы узнали въ семъ городѣ, что Аристотель препроводивъ три года при Гермiѣ, правителѣ Атарнейскомъ, основалъ свое жилище въ Митиленѣ, главномъ городѣ Лесвоса.

Мы бывъ отъ Аристотеля такъ близко и не видавъ его долгое время, рѣшились посѣтить его нечаянно; таковое наше къ нему вниманіе крайне его обрадовало. Онъ готовился ѣхать въ Македонію; Филиппъ наконецъ убѣдилъ его принять на себя попеченіе о воспитаніи сына его Александра. Я жертвую моею свободою, сказалъ онъ намъ, но вотъ чѣмъ могу извиниться? Онъ показалъ намъ письмо отъ государя: оно содержало въ себѣ слѣдующія слова: „Я имѣю сына, и

(*) Весною 343 года до Р. Х.

„благодарю боговъ не столько за то, что они „мнѣ его даровали, сколько за то, что онъ родился въ твое время. Я надѣюсь, что твоимъ „стараніемъ и просвѣщеніемъ содѣлается онъ „достойнымъ меня и моего государства.„

Мы провождали цѣлые дни вмѣстѣ съ Аристотелемъ. Мы сообщили ему подробное извѣстіе о нашемъ путешествіи. Слѣдующія обстоятельства, кажется, обратили на себя его вниманіе. Мы были, говорилъ я ему, въ Финикіи; насъ пригласили обѣдать вмѣстѣ съ нѣкоторыми Персидскими вельможами, къ Сатрапу той области; бесѣда, по обыкновенію, была токмо о великомъ обладателѣ Персіи. Ты знаешь, что владычество его менѣе уважается въ странахъ, отъ столицы отдаленныхъ. Они многими примѣрами доказывали его самовластіе и гордость. Надлежитъ признаться, сказалъ Сатрапъ, что цари думаютъ, будто бы ихъ порода совсѣмъ отлична отъ нашей. Нѣсколько дней спустя, бывъ вмѣстѣ со многими нижшими чиновниками, служившими въ сей области, слышали мы отъ нихъ о несправедливостяхъ, претерпѣваемыхъ ими отъ Сатрапа. Все, что я изъ того заключаю, сказалъ одинъ изъ нихъ,

состоитъ въ томъ, что Сатрапъ о себѣ думаетъ, будто онъ отличной отъ насъ породы. Я разспрашивалъ ихъ рабовъ; всѣ жаловались на жестокость своего жребія, и согласно говорили, что господа ихъ почитаютъ себя такъ же высшей предъ ними породы. А мы согласно со мнѣніемъ Платона, признаемъ, что большая часть людей, какъ рабовъ, такъ и тиранновъ вопіетъ противъ несправедливости, не столько по ненависти, которую она заслуживаетъ, сколько отъ страха, каковый она внушаетъ.

Въ бытность нашу въ Сузахъ, разговаривая съ однимъ Персомъ, мы сказали ему, что состояніе деспотовъ тѣмъ несчастнѣе, что они имѣютъ много силы къ произведенію величайшихъ золъ. Посему сожалѣли мы о рабствѣ, до какого доведено его отечество, а напротивъ того хвалили вольность, коею наслаждается Греція. Онъ отвѣчалъ намъ съ усмѣшкою: вы были во многихъ нашихъ областяхъ; какъ онѣ вамъ показались? Въ весьма цвѣтущемъ состояніи, сказалъ я; въ нихъ нашли народъ многочисленный, торговлю обширную, земледѣліе въ почтеніи и сильно государемъ покровительствуемое, ре-

месла въ дѣятельности, спокойствіе совершенное, нѣкоторыя притомъ обиды отъ областныхъ правителей.

Не вѣрь же, сказалъ онъ, пустымъ разглашеніямъ вашихъ писателей. Я знаю ту Грецію, которую ты хвалишь; я препроводилъ въ ней многіе годы; я разсматривалъ ея установленія, и былъ свидѣтелемъ возмущеній, раздирающихъ оную. Приведи мнѣ въ примѣръ (я не говорю цѣлый народъ) хотя одинъ городъ, который бы каждодневно не былъ подверженъ жестокостямъ самовластія или потрясеніямъ безначалія. Ваши законы преизящны, а исполняются не лучше нашихъ; мы имѣемъ законы весьма мудрые, но они остаются безъ дѣйствія, потому что государство съ лишкомъ богато и съ лишкомъ обширно. Когда государь наблюдаетъ оные, то мы не промѣняемъ нашей участи на вашу; когда же и нарушаетъ ихъ, то народъ имѣетъ по крайней мѣрѣ утѣшеніе надѣяться, что громовый ударъ поразитъ токмо главныхъ гражданъ, и послѣ падетъ опять на того, кто оный нанесъ. Однимъ словомъ, мы бываемъ иногда несчастны отъ злоупотребленія власти, а вы почти всегда несчастны отъ излишества вольности.

Сіи разсужденія нечувствительно побудили Аристотеля говорить съ нами о различныхъ образахъ правленій; онъ занимался симъ предметомъ со времени нашего отъѣзда. Сперва началъ онъ собирать законы и постановленія всѣхъ почти Греческихъ и другихъ народовъ; онъ показалъ намъ оные приведенными въ порядокъ и съ своими примѣчаніями въ особенныхъ разсужденіяхъ, числомъ болѣе ста пятидесяти (*). Онъ надѣялся еще пополнить современемъ сіе собраніе. Въономъ находятся узаконенія Аѳинъ, Лакедемона, Ѳессаліянъ, Аркадіянъ, Сиракузъ, Марсельи, даже до островка Итаки.

Сіе превеликое собраніе могло бы само по себѣ прославить сочинителя; но онъ почиталъ его подножіемъ для памятника еще драгоцѣннѣйшаго. Потребныя къ сему свѣдѣнія были собраны; въ нихъ означены весьма яснымъ образомъ разности и противурѣчія; для извлеченія изъ нихъ слѣдствій полез-

(*) Діогенъ Лаерцій говоритъ, что число сихъ разсужденій было сто пятьдесятъ восемь. Аммоній, въ жизни Аристотеля, простираетъ оное до двухъ сотъ пятидесяти пяти.

ныхъ роду человѣческому, надлежало сдѣлать то, чего еще не было сдѣлано, то есть вникнуть въ происхожденіе законовъ, и послѣдовать за ними въ ихъ дѣйствіяхъ; разсмотрѣть сообразно опыту многихъ вѣковъ, причины сохраненія или разрушенія государствъ; представить средства къ отвращенію недостатковъ, не разлучно соединенныхъ съ узаконеніемъ, и къ удаленію поводовъ къ измѣненію съ онымъ узаконеніемъ несовмѣстному; наконецъ начертать для каждаго законодателя ясное уложеніе, по коему бы онъ могъ избрать правленіе наиболѣе согласное съ свойствомъ народа и обстоятельствами времени и мѣста.

Сіе великое твореніе было почти довершено, когда мы прибыли въ Митилену и издано спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того. Аристотель позволилъ намъ его прочесть. Здѣсь сообщу я краткую изъ онаго выписку о различныхъ родахъ правленій.

О различныхъ родахъ правленій.

Во первыхъ надлежитъ различать два

рода правленій; вЪ одномЪ общая польза составляетЪ все, а вЪ другомЪ, оная почитается за ничто. ВЪ первомЪ родѣ помѣстимЪ мы единодержавіе умѣренное, правленіе вельможедержавное, и республиканское, собственно такЪ называемое: образЪ правленія можетЪ быть преизященЪ, хотя бы власть была вЪ рукахЪ единаго, хотя бы она была вЪ рукахЪ многихЪ, или бы находилась вЪ рукахЪ народа.

Вторый родЪ заключаетЪ вЪ себѣ тираннію, олигархію, демократію, кои не иное что суть, какЪ изкаженіе первыхЪ трехЪ родовЪ правленія: ибо единодержавіе умѣренное прераждается вЪ тираннію или самовластное правленіе, когда государь, почитая все своею собственностію не полагаетЪ никакихЪ предѣловЪ своей власти; вельможедержавіе вЪ олигархію, когда верховная власть не состоитЪ вЪ рукахЪ извѣстнаго числа добродѣтельныхЪ особЪ, но малаго числа людей отличающихся только своимЪ богатствомЪ; правленіе республиканское вЪ народное, когда беднѣйшіе люди имѣютЪ сЪ лишкомЪ много вліянія вЪ общенародныя сужденія.

Поелику имя *Монархъ* означаетъ равно царя и самовластителя, и поелику можетъ случиться, что власть одного будетъ столь же не ограниченна, какъ и власть другаго; то положимъ между ими два главныя различія; первое возмемъ отъ употребленія ихъ власти; второе отъ расположеній, каковыя они находятъ въ своихъ подданныхъ. Что касается до перваго, то мы уже сказали, что царь относитъ все къ своему народу, а тиранъ къ себѣ единому. Чтожъ принадлежитъ до втораго, то говоримъ, что власть самая неограниченная, содѣлывается законною, ежели подданные согласятся оную утвердить или сносить.

По симъ предварительнымъ понятіямъ найдемъ мы въ дѣеписаніи народовъ, пять видовъ царскихъ правленій.

О царскомъ правленіи.

Первый видъ таковыхъ правленій часто находимъ во временахъ ироическихъ. Государь имѣлъ право начальствовать надъ войсками, наказывать смертію во все время своего начальствованія, предсѣдательствовать при жертвоприношеніяхъ, судить распри частныхъ людей и передавать власть свою дѣтямъ своимъ. Вторый видъ царскаго правленія введенъ,

когда непримиримыя распри принуждали какой либо городъ отдать надъ собою власть частному человѣку, либо на всю его жизнь, либо на нѣсколько лѣтъ. Третїй находится у варварскихъ народовъ въ Азїи. Государь имѣетъ тамъ безпредѣльную власть, которую однакожъ получилъ отъ предковъ своихъ, и на которую народы не роптали. Четвертый принятъ въ Лакедемонѣ: оный кажется сообразнѣе всѣхъ съ законами, кои предоставили оному только начальство надъ войсками и должности, относящїяся къ богослуженїю. Наконецъ пятый, который назову я правленїемъ царскимъ или единодержавїемъ умѣреннымъ, есть тотъ, въ коемъ государь въ своихъ владѣнїяхъ употребляетъ такую же власть, какую отецъ семейства внутри своего дома.

О семъ единомъ правленїи я здѣсь разсуждать буду. Я не буду говорить о первомъ, потому что оный съ давняго времени почти всюду уничтоженъ; ни о второмъ, потому что онъ былъ не иное что, какъ временное токмо препорученїе; ни о третьемъ, потому что оный приличенъ токмо Азїатскимъ народамъ, болѣе приобыкшимъ къ рабству, нежели Греки и Европейцы; ниже о Ла-

кедемонскомъ, потому что, будучи заключенъ въ предѣлахъ весьма тѣсныхъ, составляетъ онъ токмо часть государственнаго постановленія и самъ по себѣ не есть особенное правленіе.

Вотъ какое имѣемъ мы понятіе объ истинномъ правленіи царскомъ. Государь имѣетъ верховную власть, и печется о всѣхъ частяхъ управленія, такъ какъ и о спокойствіи государства.

Онъ долженъ наблюдать за исполненіемъ законовъ; и какъ съ одной стороны не можетъ онъ ихъ защитить отъ нарушителей оныхъ, естьли не имѣетъ въ разпоряженіи своемъ нѣсколько войскъ, съ другой же стороны могъ бы употребить сіе средство во зло; то постановимъ мы общимъ правиломъ, что онъ долженъ имѣть столько силы, чтобъ обуздать частныхъ людей, но не столько, чтобъ утѣснять народъ.

Онъ можетъ дѣлать постановленія на такіе случаи, коихъ при сочиненіи законовъ не льзя было предвидѣть. Попеченіе о соблюденіи справедливости, и о наказаніи виновныхъ должно быть препоручено судьямъ.

Поелику не возможно ему ни всего видѣть, ни всего распорядить самимъ собою, то нужно ему имѣть совѣтъ, который будетъ ему способствовать своими познанїями, и облегчать во всемъ, касающемся до управленїя.

Налоги не должны быть иначе вводимы, какъ только при случаѣ войны, или при другой какой либо государственной нуждѣ. Онъ не будетъ ругаться надъ бѣдностїю народною, расточая ихъ имѣнїя на иностранцевъ, фигляровъ и прелестницъ. Сверьхъ того нужно, чтобъ имѣя прямое понятїе о власти, коею облеченъ, былъ удобоприступенъ своимъ подданнымъ, и жилъ посреди ихъ какъ отецъ среди дѣтей своихъ; нужно, чтобы онъ болѣе занимался ихъ выгодами, нежели своею собственною; чтобы блескъ, его окружающїй, внушалъ къ нему почтенїе, а не страхъ; что бы честь была пружиною всѣхъ его предприятїй, а любовь народная къ нему была бы за то наградою; что бы различалъ и награждалъ заслуги, и что бы подъ его правленїемъ, богатые спокойно владѣя своимъ имуществомъ, а бѣдные будучи покровительствуемы отъ покушенїй людей богатыхъ, научались почитать самихъ себя, и любить

наилучшее постановленіе, между людьми введенное.

Но какъ превосходство онаго единственно зависитъ отъ умѣренности государя, то и явствуетъ, что безопасность и свобода подданныхъ должны отъ оной такъ же зависѣть; и по сей то причинѣ въ городахъ Греціи всѣ граждане почитая себя равными, и имѣя право всѣ участвовать въ верховной власти, болѣе поражаются неудобствами, нежели выгодами правленія, которое попеременно можетъ содѣлать и счастіе и несчастіе народа.

Поелику царское правленіе основано токмо на единой довѣренности, каковую оно внушаетъ, то и разрушается оно тогда, когда государь содѣлываетъ себя ненавистнымъ своимъ самовластіемъ, или презрѣннымъ по своимъ порокамъ.

О тираніи. При владѣніи тиранна, всѣ силы народа обращаются противу его самаго. Правительство ведетъ непрестанную войну съ подданными; оно нападаетъ на ихъ со стороны законовъ, ихъ имущества и чести; а имъ оставляетъ единое глубокое чувствованіе собственнаго ихъ бѣдствія.

Государь имѣетъ въ предметѣ своемъ славу своего царствованія и благо своего народа, а тираннъ не имѣетъ другаго намѣренія, какъ только привлечь къ себѣ все государственное богатство, и употреблять оное на гнусное свое сластолюбіе.

Діонисій, царь Сиракузскій такъ умножилъ налоги, что въ теченіи пяти лѣтъ, имѣнія всѣхъ частныхъ людей перешли въ его казну. Поелику тираннъ царствуетъ токмо посредствомъ внушаемаго имъ страха, то безопасность его и должна быть единственнымъ предметомъ его вниманія. И потому стража царя составлена изъ гражданъ, коихъ собственная польза соединена съ общею пользою, а стража тиранна состоитъ токмо изъ чужестранцевъ, кои служатъ орудіемъ его неистовствъ и своенравія.

Таковый родъ правленія, ежели токмо можно его такъ назвать, заключаетъ въ себѣ всѣ пороки правительствъ самыхъ развращенныхъ. И такъ по необходимости поддерживается оно одними только средствами самыми насильственными и постыдными, а потому и оно должно заключать въ себѣ всѣ возможныя причины собственнаго разрушенія.

Тираннія поддерживается тѣмъ, когда государь старается истреблять гражданъ слишкомъ возвышающихся надъ другими; когда онъ препятствуетъ успѣхамъ въ знаніяхъ могущихъ просвѣтить подданныхъ, возбраняетъ имѣть общенародныя пиршества и собранія, могущія соединять ихъ: когда по примѣру царей Сиракузскихъ разсылаетъ между ими соглядашелей, кои содержатъ ихъ въ непрестанномъ безпокойствѣ и страхѣ; когда ухищренными способами разсѣваетъ раздоръ въ семействахъ, несогласія въ различныхъ чинахъ государства, недовѣрчивость въ самыхъ тѣснѣйшихъ связяхъ; когда народъ изнуренный общественными работами, угнѣтенный налогами, вовлекаемый въ брани, съ умысломъ возбужденныя, доведенный до того, что не имѣетъ ни возвышенности въ мысляхъ, ни благородства въ чувствованіяхъ, а чрезъ то лишился мужества и средствъ свергнуть съ себя угнѣтающее иго; когда престолъ окруженъ токмо подлыми льстецами и низшими тиранами, кои тѣмъ полезнѣе деспоту, что не удерживаются ни стыдомъ, ни угрызеніемъ совѣсти.

При всемъ томъ есть средство способ-

нѣйшее къ продолженїю власти его; то есть когда сохраняя во всей обширности свое могущество, захочетъ онъ подвергнуть себя такому образу поведенїя, который смягчалъ бы жестокость онаго могущества, и показывать себя подданнымъ болѣе въ видѣ отца, коего они суть наслѣдїе, нежели подъ видомъ лютаго звѣря, коего содѣлываются они жертвами.

Поелику подданные должны быть увѣрены, что они своимъ благосостоянїемъ общему, а не его собственному, жертвуютъ благу; то нужно, чтобъ онъ раченїемъ своимъ заставилъ ихъ почитать себя искуснымъ въ правленїи. Весьма полезно для него будетъ имѣть качества, внушающїя почтенїе, и наружности добродѣтелей, привлекающихъ любовь. Не менѣе полезно для него казаться привязаннымъ, но безъ суевѣрїя, къ обрядамъ богослуженїя: народъ почтетъ его имѣющимъ страхъ къ богамъ, и не дерзнетъ возстать противу государя, ими покровительствуемаго.

Особливо не долженъ онъ возвышать кого либо изъ своихъ подданныхъ до такого степени величїя, которое сей могъ бы употребить во зло; но еще паче воздерживаться

на отъ оскорбленія частныхъ людей, и отъ нанесенія безчестія семействамъ. Многіе изъ государей, сверженныхъ съ престола за злоупотребленіе власти, погибли въ наказаніе за личныя обиды, которыхъ были или сами они виновниками, или другимъ позволяли дѣлать оныя.

Таковыми предосторожностями самовластіе поддерживалось въ Сикіонѣ цѣлое столѣтіе; въ Коринѳѣ почти столько же времени. Управлявшіе сими двумя государствами приобрѣли почтеніе, или довѣренность народную, одни воинскими своими дарованіями, иные ласковостію своею, а другіе уваженіемъ, которое они въ извѣстныхъ случаяхъ имѣли къ законамъ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ тираннія существовала болѣе или менѣе, по мѣрѣ небреженія къ сокрытію своихъ злоупотребленій. Иногда обезоруживала она раздраженный народъ; иногда разторгала оковы рабовъ, и призывала ихъ къ себѣ на помощь: но по всей необходимости надобно, чтобъ толь чудовищное правленіе рано или поздо прекратилось; ибо ненависть или презрѣніе, внушаемое онымъ, должно рано или поздо отмстить за оскорбленіе величія народовъ.

Когда по уничтоженіи царскаго правленія власть перешла паки къ обществамъ, отъ коихъ оная произтекла, то нѣкоторыя общества предприняли исполнять оную цѣлымъ народомъ, а другіе препоручили ее нѣкоторому числу гражданъ.

Аристократія, или Вельможеправленіе.

Тогда возстали двѣ сильныя стороны, одна изъ вельможей, а другая изъ всего народа; обѣ обуздываемы были прежде властію единаго, а потомъ занимались болѣе изтребленіемъ другъ друга, нежели содержаніемъ себя въ равновѣсіи. Несогласія ихъ вездѣ почти изпровергли первоначальное постановленіе, а другія причины способствовали къ измѣненію онаго; таковы суть несовершенства, открытыя опытомъ въ различныхъ системахъ законодателей; злоупотребленія, сопряженныя съ употребленіемъ власти даже самой законной; перемѣны, испытанныя народами въ ихъ могуществѣ, въ ихъ нравахъ, въ ихъ отношеніяхъ съ другими народами. Посему у Грековъ, равно воспламененныхъ любовію къ свободѣ, не найдешь двухъ народовъ или двухъ городовъ, сколь бы они ни были смѣжны, у коихъ было бы точно тоже законодательство и тотъ же образъ правленія;

но вездѣ увидишь, что постановленіе склоняется къ самовластію вельможей, или простаго народа.

Изъ сего слѣдуетъ, что надобно различать многіе роды аристократіи; одни болѣе или менѣе приближающіеся къ совершенству, каковое сіе правленіе имѣть способно; другіе преклоняющіеся болѣе или менѣе къ олигархіи, которая составляетъ испорченное вельможеправленіе.

Истинная аристократія была бы та, въ коей власть находилась бы въ рукахъ извѣстнаго числа градоправителей просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ. Подъ словомъ добродѣтели, разумѣю я добродѣтель гражданственную, которая есть не иное что, какъ любовь къ общему благу или къ отечеству: ежели бы оной воздаваемы были всѣ почести, то и была бы она основаніемъ сего правленія.

Дабы сіе постановленіе утвердить, надлежало бы оное привесть въ такую мѣру, чтобъ главные граждане находили въономъ выгоды олигархіи, а народъ выгоды народоправленія (Демократія). Два закона способствовали бы къ произведенію сего сугубаго дѣйствія; одинъ

происходящій отъ основанія сего правленія, препоручалъ бы высшія начальства людямъ извѣстнымъ по своимъ достоинствамъ, не приемля въ уваженіе ихъ богатства; а другой дабы воспрепятствовать, чтобъ градоправители могли въ должностяхъ своихъ набогащаться, обязывалъ бы ихъ подавать народу отчетъ въ государственныхъ доходахъ.

По первому закону, всякой гражданинъ можетъ домогаться главныхъ государственныхъ должностей, а по второму граждане нижнихъ состояній могутъ отрещися отъ права, коего ищутъ только по тому, что почитаютъ оное полезнымъ.

Поелику опасаться можно, чтобъ въ продолженіи времени добродѣтель, имѣющая всю власть, не ослабѣла, или не возбудила зависти; то во многихъ аристократіяхъ стараются ограничивать власть градоправителей, и узаконено, чтобъ оная чрезъ каждые шесть мѣсяцовъ переходила въ другія руки.

Ежели необходимо нужно, чтобы въ нѣкоторыхъ судебныхъ мѣстахъ судіи избираемы были изъ знаменитѣйшихъ гражданъ, то потребно по крайней мѣрѣ, чтобъ въ другія су-

дилища избираемы были судіи изъ всякихъ состояній.

Такое только правленіе можетъ учреждать власти, которыя пеклись бы о воспитаніи дѣтей и надзирали бы за поведеніемъ женщинъ. Такой надзоръ былъ бы безъ дѣйствія въ демократіи и въ олигархіи; въ первой потому, что простой народъ хочетъ пользоваться непомѣрною вольностію, а во второй по тому, что правители подаютъ первые примѣръ развращенія и ненаказанности.

Нѣтъ нигдѣ такой системы правленія, въ которой бы добродѣтельный человѣкъ не былъ когда либо отличенъ отъ гражданина обыкновеннаго; естьли бы требовалось оную привести въ дѣйствіе, то были бы нужны другіе законы и другіе уставы. Чтобы судить о различныхъ аристократическихъ правленіяхъ, довольно и того, ежели мы разсмотримъ ихъ основаніе, ибо отъ него-то наипаче зависитъ доброта правленія; основаніе истинной аристократіи заключало бы въ себѣ политическую добродѣтель, или любовь къ общему благу. Ежели въ нынѣшнихъ аристократіяхъ сія любовь имѣетъ болѣе или менѣе вліянія въ выборъ градоправителей, то дол-

жно заключать изъ того, что постановленіе въ оном болѣе или менѣе выгодно. Потому-то правленіе Лакедемонское болѣе подходитъ къ истинной аристократіи, нежели правленіе Карѳагенское, хотя они впрочемъ много между собою сходствуютъ. Въ Лакедемонѣ потребно, чтобы избранный градоправитель одушевленъ былъ любовію къ отечеству, и разположенъ былъ споспѣшествовать пользѣ народа: а въ Карѳагенѣ нужно, чтобъ онъ сверьхъ того имѣлъ достаточное имѣніе, отъ чего происходитъ, что сіе правленіе болѣе склоняется къ олигархіи.

Въ аристократіи постановленіе бываетъ въ опасности, когда выгоды главныхъ гражданъ не соглашены съ выгодами народа такъ хорошо, чтобъ ни одно изъ сихъ отдѣленій не находило чрезвычайной выгоды въ присвоеніи себѣ власти; когда законы позволяютъ, чтобъ всѣ богатства переходили нечувствительно въ руки нѣкоторыхъ частныхъ людей; когда закрываютъ глаза при перьвомъ появленіи новизны, нарушающей постановленіе, когда градоправители, завистливые или нерадивые угнѣтаютъ знаменитыхъ гражданъ или изключаютъ ихъ изъ градона-

чальствѣ, или допускаютъ ихъ сдѣлаться столь сильными, что они наконецъ могутъ поработить свое отечество.

Несовершенная аристократія столько имѣетъ сходства съ олигархіею, что необходимо нужно разсуждать объ нихъ вмѣстѣ, когда хотимъ подробно изобразить причины, разрушающія, либо сохраняющія оба сіи рода правленія.

Въ олигархіи власть находится въ рукахъ малаго числа богатыхъ людей. Поелику существо сего правленія требуетъ, чтобъ по крайней мѣрѣ главныя градоначальства были избирательныя, и чтобы при порученіи оныхъ соображались съ переписью имѣнія частныхъ людей, въ такомъ случаѣ богатство должно быть предпочтено всему; оно производитъ величайшее неравенство между гражданами, и желаніе къ пріобрѣтенію онаго есть основаніе правительства.

Многіе города избрали сами собою сію систему правленія. Лакедемоняне стараются ввести оную и между другими народами съ тою же ревностію, съ какою Аѳиняне хотятъ учредить у нихъ демократію; но вездѣ оно бываетъ различно, смотря по переписи имѣ-

нїй такихъ людей, которые могутъ домогаться первыхъ должностей; смотря потому, какъ онѣ на нихъ возлагаются, и наконецъ по власти градоначальства, болѣе или менѣе ограниченной. Сверьхъ того вездѣ небольшее число управляющихъ гражданъ старается удержать власть свою надъ великимъ числомъ гражданъ повинующихся.

Употребляемое къ тому во многихъ государствахъ средство состоитъ въ томъ, чтобы предоставлять всѣмъ гражданамъ право присутствовать въ общихъ народныхъ собранїяхъ, занимать мѣста градоначальства, подавать голоса свои въ судилищахъ, имѣть оружїе въ домахъ своихъ, укрѣплять свои силы гимнастическими упражненїями. Но никакого не опредѣлено наказанїя бѣднымъ, кои о сихъ выгодахъ не радѣютъ, а богатые не могутъ отъ того отречься не подвергаяся пени. Снисхожденїе, оказываемое къ первымъ, основанное по видимому на многочисленности ихъ трудовъ и нуждъ, отдаляетъ ихъ отъ дѣлъ и приобучаетъ ихъ почитать общенародныя разсужденїя, попеченїя о разправѣ, и другїя подробности управленїя тягостнымъ бременемъ, которое могутъ и должны сносить одни только люди богатые.

Для постановленія лучшей олигархіи потребно, чтобъ перепись имѣнія, показующая отдѣленіе первыхъ гражданъ, не была съ лишкомъ велика; ибо чѣмъ сіе отдѣленіе многочисленнѣе, тѣмъ болѣе думать можно, что управляютъ законы, а не люди.

Потребно, чтобъ многія градоначальства вдругъ не переходили въ единое и то же семейство, потому что оно весьма бы усилилось. Въ нѣкоторыхъ городахъ при отцѣ изключается отъ правленія сынъ его, а при старшемъ братѣ младшій его братъ.

Во избѣжаніе весьма неравнаго раздѣленія богатствъ потребно, чтобъ никто не могъ разполагать собственнымъ своимъ имѣніемъ во вредъ законныхъ наслѣдниковъ, а съ другой стороны, чтобъ два наслѣдства не доставались одному человѣку.

Потребно, чтобъ народъ состоялъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ правленія, чтобъ оно ему болѣе благопріятствовало нежели богатымъ, къ отраженію всякихъ причиняемыхъ ему обидъ, и чтобъ никакой законъ, никакая сила не противуполагала препятствій къ его содержанію, или его благо-

состоянію. Народъ мало пекущійся о чинахъ, кои доставляютъ одну токмо честь служить отечеству, съ удовольствіемъ взирать будетъ, что оные переходить станутъ въ другія руки, ежели токмо изъ собственныхъ его рукъ не изторгнутъ плода его трудовъ.

А чтобы болѣе привязать народъ къ правленію, надлежитъ препоручить ему нѣкоторое число неважныхъ, но прибыточныхъ должностей, и не лишать его надежды, что онъ посредствомъ заслугъ можетъ возвышаться до нѣкоторыхъ важныхъ градоначальствъ, какъ то дѣлается въ Марсиліи.

Законъ, возпрещающій во многихъ олигархіяхъ торговлю градоправителямъ, производитъ два превосходныя дѣйствія; оный препятствуетъ имъ жертвовать собственнымъ своимъ выгодамъ тѣмъ временемъ, которое они обязаны употреблять на пользу государства, и производитъ монополію, которая можетъ разорить прочее купечество.

Когда градоправители стараются превзойти другъ друга пожертвованіемъ, одинъ предъ другимъ, части своихъ имѣній на украшеніе столицы, на празднества, зрѣлища, на

общенародныя пиршества, тогда такое соревнованїе служитъ къ сбереженїю государственной казны. Оно приводитъ въ надлежащїе предѣлы чрезвычайныя богатства нѣкоторыхъ частныхъ людей: народъ охотно терпитъ власть, изъявляемую такими благотворенїями; оный тогда менѣе поражается блескомъ чиновъ, нежели тягостными должностями, съ коими оныя сопряжены, и существенными выгодами, кои отъ того приобрѣтаетъ.

Но когда количество имущества, показующее отдѣленїе гражданъ, назначаемыхъ къ управленїю, весьма велико; то сїе отдѣленїе бываетъ съ лишкомъ малочисленно. Тѣ, кои своими происками или своими дарованїями вступятъ въ управленїе дѣлъ, вскорѣ стараться будутъ удержаться на своихъ мѣстахъ тѣми же средствами: они нечувствительно распространятъ права свои, чтобъ получить власть выбирать себѣ общниковъ и оставлять мѣста свои дѣтямъ своимъ, уничтожатъ наконецъ всякїе установленные обряды, и, не боясь наказанїя, волю свою поставятъ закономъ. Правленїе дойдетъ до послѣдняго степени разврата, и олигархїя будетъ въ са-

мой олигархіи, какъ то и случилось въ городѣ Элидѣ.

Тираннія малаго числа гражданъ не долѣе будетъ существовать, какъ тираннія единаго; она ослабѣетъ отъ безмѣрнаго излишества своей власти. Богатые, исключенные изъ правленія, для уничтоженія онаго, соединятся тогда съ простымъ народомъ: такимъ то образомъ въ Книдѣ олигархія вдругъ перемѣнилась въ демократію.

Такой же должно ожидать перемѣны, когда богатые тѣсно между собою соединятся, для того, чтобы поступать съ прочими гражданами какъ съ рабами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дерзаютъ они произносить сію сколь варварскую, столь безразсудную клятву: „Я „содѣлаю народу всякое зло, какое только „могу сдѣлать.„ Но какъ народъ бываетъ равно опасенъ, онъ ли пресмыкается предъ другими, или другіе предъ нимъ пресмыкаются; то не должно, чтобъ онъ имѣлъ изключительное право судить, и чтобы отъ него зависѣло препорученіе всѣхъ градоначальствъ; ибо когда богатые принуждены будутъ низкимъ образомъ изпрашивать у него голоса,

то онъ скоро увѣрится, что ему столь же легко удержать власть, какъ и располагать ею.

Нравы могутъ содѣлать правленіе народнымъ, хотя оно и не есть таково, или превратить олигархію въ демократію. Хотя сіи перемѣны приводятъ правленіе въ противуположность съ принятымъ постановленіемъ, однакожъ онѣ могутъ быть неопасны, потому что происходятъ медленно, и съ согласія всѣхъ чиновъ государства. Но нѣтъ ничего нужнѣе, какъ останавливать съ самаго начала введеніе новизны, крайне нарушающей принятое постановленіе; и дѣйствительно въ такомъ правленіи, которое желаетъ соблюсти нѣкоторое равновѣсіе между волею двухъ сильныхъ отдѣленій гражданъ, малѣйшее нарушеніе постановленныхъ законовъ приготовляетъ разрушеніе онаго. Въ Туріумѣ, закономъ непрежде позволялось вступать въ другой разъ въ воинскую должность, какъ по истеченіи пяти лѣтъ. Молодые люди, подкрѣпленные довѣренностію войскъ и согласіемъ народа, заставили отмѣнить сей законъ, не взирая на сопротивленіе градоправителей; и вскорѣ дерзновеннѣйшими предпріятіями

перемѣнили благоразумное и умѣренное правленїе сего народа въ жестокую тиранїю.

Вольность можетъ существовать только въ народномъ правленїи, говорятъ ослѣпленные защитники народной власти: она есть основанїе сего правленїя; она даетъ каждому гражданину свободу повиноваться, и власть повелѣвать; она дѣлаетъ его владыкою надъ самимъ собою, равнымъ другимъ, и драгоцѣннымъ государству, коего составляетъ онъ часть. О демократїи.

И такъ необходимо нужно, чтобы въ семъ правленїи всѣ градоначальства или по крайней мѣрѣ бо́льшая оныхъ часть, препоручаемы были по жребїю всякому частному человѣку; чтобы должности, изключая военныя, весьма рѣдко возлагаемы были на того, кто уже ихъ единожды исправлялъ; чтобы всѣ граждане попеременно распредѣлялись по разнымъ судилищамъ; чтобъ учрежденъ былъ сенатъ для разбирательствъ дѣлъ, кои должны рѣшиться въ народномъ собранїи, въ которомъ бы могъ присутствовать всякой гражданинъ; чтобъ предоставлено было право присутствовать тѣмъ, кои неопустительно бываютъ въ семъ

собранiи, такъ какъ и въ сенатѣ и въ другихъ судилищахъ.

Таковый образъ правленiя подверженъ тѣмъ же перемѣнамъ, какъ и аристократiя. Оный бываетъ умѣренъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, для отдаленiя невѣжественной и безпокойной черни, требуется средственнаго имущества отъ тѣхъ гражданъ, кои желаютъ участвовать въ управленiи; въ мѣстахъ, гдѣ по благоразумнымъ уставамъ первое отдѣленiе гражданъ не бываетъ жертвою ненависти и зависти послѣднихъ отдѣленiй; наконецъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ среди самыхъ шумныхъ волненiй, законы говорятъ сильно и убѣдительно. Но правленiе сiе содѣлывается тиранническимъ повсюду, гдѣ бѣдные имѣютъ великое влiянiе въ общiя разсужденiя.

По многимъ причинамъ они присвоили себѣ сiю излишнюю власть. Первая есть уничтоженiе показанiя капитала, по коему надлежало разпредѣлять должности; отъ того и послѣднiе граждане получили право вмѣшиваться въ общiя дѣла. Вторая, награжденiе, которое опредѣлялось бѣднымъ, и въ коемъ отказывалось богатымъ, хотя сiи подавали свои голоса какъ въ общихъ собранiяхъ, такъ

и вЪ судебныхЪ мѣстахЪ: оно для побужденія вторыхЪ кЪ нѣкоему роду прилѣжанія, было весьма недостаточно, а для вознагражденія первыхЪ вЪ разсужденіи отвлеченія ихЪ отЪ собственныхЪ трудовЪ было довольно; и отЪ того-то произошло множество ремесленниковЪ и наемниковЪ, подающихЪ повелительный голосЪ вЪ мѣстахЪ священныхЪ, вЪ коихЪ разсуждается о пользахЪ отечества. Третія причина есть сила, которую государственные ораторы приобрѣли надЪ простымЪ народомЪ.

Прежде сего руководствовали имЪ военные, кои неоднократно употребляли довѣренность его во зло для его порабощенія; и какЪ жребій его есть, быть порабощеннымЪ, то вЪ сіи послѣднія времена возстали любочестивые люди, употребляющіе дарованія свои на ласкательство его страстямЪ и порокамЪ, на внушеніе вЪ него высокаго мнѣнія о его могуществѣ и славѣ, на возбужденіе ненависти кЪ богатымЪ, презрѣніе кЪ правиламЪ, и любови кЪ независимости. Торжество ихЪ есть торжество краснорѣчія, которое кажется для того только вЪ наши времена и усовершилось, чтобы ввести деспотизмЪ вЪ нѣдра

самой вольности. Республики, благоразумно управляемыя, никогда не предаются симъ опаснымъ людямъ; но вездѣ, гдѣ они имѣютъ силу, правленіе скоро доходитъ до высочайшей степени поврежденія, и народъ присвояетъ себѣ пороки и жестокость, свойственные тираннамъ.

Почти всѣ наши правленія, въ какомъ бы видѣ оныя основаны ни были, имѣютъ въ самихъ себѣ многія начала разрушенія. Поелику большая часть Греческихъ республикъ заключается только въ одномъ городѣ или единомъ округѣ, то несогласія частныхъ людей, содѣлавшіяся несогласіями цѣлаго государства, бѣдствія войны, кои кажется истребляютъ всѣ средства къ пособію, закоренѣлая и всегда возраждающаяся зависть въ различныхъ отдѣленіяхъ гражданъ, быстрое послѣдованіе непредвидимыхъ приключеній могутъ тамо въ единое мгновеніе поколебать, или разрушить порядокъ правленія.

Народное правленіе уничтожилось въ городѣ Ѳивахъ отъ потери одного сраженія; въ Гераклеи, Кумѣ и Мегарѣ, отъ возвращенія главныхъ гражданъ, коихъ народъ изгналъ,

дабы обогатить общественное сокровище их имуществомъ. Образъ правленія въ Сиракузахъ перемѣнился отъ любовныхъ пронырствъ: въ городѣ Эретріи отъ обиды, сдѣланной одному частному человѣку, въ Эпидаврѣ отъ пени, наложенной такъ же на частнаго человѣка. Сколько произошло возмущеній, коихъ причины были столь же маловажны, и кои распространясь постепенно возбуждали наконецъ кровавыя брани!

Между тѣмъ, какъ сіи слѣдствія удручаютъ большую часть Греціи, три народа, Критяне, Лакедемоняне и Карѳагеняне наслаждаются въ мирѣ, нѣсколько вѣковъ такимъ правленіемъ, которое разнится отъ всѣхъ прочихъ, хотя и соединяетъ въ себѣ ихъ выгоды. Критяне въ древнѣйшія времена признали заблаго могущество вельможъ умѣрить могуществомъ народа; а Лакедемоняне и Карѳагеняне, безъ сомнѣнія, по примѣру ихъ, разсудили согласить царскую власть съ вельможедержавіемъ и народнымъ правленіемъ.

Здѣсь Аристотель представляетъ вкратцѣ системы, принятыя въ Критѣ, въ Лакедемонѣ, въ Карѳагенѣ; я скажу мысль его о сей

послѣдней, присовокупя къ тому нѣкоторыя слабыя мнѣнія къ его начертанію.

Въ Карѳагенѣ, верховная власть раздѣлена между двумя царями, сенатомъ, и собраніемъ народнымъ.

Оба царя не избираются изъ двухъ только семействъ, какъ въ Лакедемоняне; но избираются ежегодно то изъ одного, то изъ другаго дома; требуется, чтобъ они отличны были породою, богатствомъ и добродѣтелями.

Сенатъ весьма многочисленъ. Царямъ принадлежитъ созывать оный. Они въ немъ предсѣдательствуютъ: разсуждаютъ тамо о войнѣ, о мирѣ, о важнѣйшихъ дѣлахъ государства. Избранные правители, числомъ сто четыре, обязаны подкрѣплять въономъ пользы народа. Можно обойтись безъ того, чтобъ отсылать дѣло къ народу, ежели мнѣнія согласны; но должно оное сообщать ему, когда мнѣнія несогласны.

Въ общемъ собраніи, цари и сенаторы представляютъ причины согласія или несогласія въ голосахъ. Послѣдній гражданинъ можетъ возразить противъ ихъ приговора; или

противъ различныхъ мнѣній остановившихъ рѣшеніе дѣла; народъ рѣшитъ окончательно.

Всѣ должности, царей, сенаторовъ, судей и областныхъ начальниковъ, распредѣляются по большинству избирательныхъ голосовъ и заключаются въ предѣлахъ предписанныхъ законами. Единаго только военачальника власть безпредѣльна: онъ самовластенъ, когда предводительствуетъ войсками; но по возвращеніи своемъ долженъ дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ предъ судилищемъ, состоящимъ изо ста сенаторовъ, и коихъ судъ производится съ чрезвычайною строгостію.

Такимъ-то благоразумнымъ распредѣленіемъ и надлежащимъ исполненіемъ сихъ различныхъ властей, народъ многочисленный, сильный, дѣятельный, столько же ревностный къ своей свободѣ, сколько гордый по своему богатству, всегда отражалъ усилія тиранніи, и съ весьма давныхъ временъ наслаждается спокойствіемъ, которое едва возмущаемо бываетъ нѣкоторыми временными бурями, неразрушающими первоначальнаго его постановленія.

Однакожъ, не взирая на превосходство сего постановленія, оно имѣетъ свои пороки; и первый изъ нихъ есть тотъ, что почитается похвальнымъ отличіемъ соединеніе многихъ начальствъ въ одной особѣ, потому что тогда бываетъ выгоднѣе умножать свои должности, нежели исполнять ихъ, и привыкаютъ думать, что получать мѣста значитъ тоже, что ихъ заслуживать. Еще другой порокъ есть тотъ, что богатство уважается наравнѣ съ добродѣтелью, когда дѣло идетъ о выборѣ начальниковъ. Коль скоро въ государствѣ деньги дѣлаются средствомъ къ возвышенію, то уже о другихъ средствахъ и не помышляютъ; все честолюбіе гражданина состоитъ въ собираніи богатствъ, и правленіе сильно клонится къ олигархіи.

Дабы содержать оное въ равновѣсіи, думали въ Кареагенѣ, что надлежитъ предоставить нѣкоторыя выгоды народу, и посылать иногда начальниковъ сего отдѣленія въ частные города съ такими препорученіями, кои подаютъ имъ способъ набогащаться. Сіе средство до сихъ поръ поддерживало республику; но какъ оно не касается непосредственно до законодательства, и заключаетъ

въ самомъ себѣ сокровенный порокъ, то успѣхъ онаго должно приписать единому только случаю; и ежели народъ, содѣлавшись съ лишкомъ богатымъ и сильнымъ, когда либо отдѣлять будетъ свои пользы отъ пользъ прочихъ гражданъ, то нынѣшніе законы недостаточны будутъ къ удержанію его требованій, и родъ правленія долженъ рушиться.

Изъ всего нами сказаннаго удобно видѣть можно, какую долженъ имѣть цѣль верховный начальникъ въ исполненіи своей власти, или, ежели угодно, какое есть основаніе правленія во всякомъ постановленіи. Въ монархіи, оно есть достоинство и честность; ибо государь долженъ желать славы своего царствованія, и приобрѣтать оную средствами честными. Въ тиранніи, безопасность тирана: ибо онъ держится на престолѣ единымъ токмо внушаемымъ отъ него страхомъ. Въ аристократіи, добродѣтель, потому что начальники не иначе могутъ въономъ отличиться какъ любовію къ отечеству. Въ олигархіи, богатства, потому что токмо между богатыми избираются правители государства. Въ народномъ правленіи, свобода каждаго гражданина; но сіе основаніе вездѣ почти прераждается въ своевольство.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЯ.

Діонисій, царь Сиракузскій, въ Коринѳѣ. Подвиги Тимолеона.

По возвращеніи въ Аѳины, послѣ одиннадцатилѣтняго отсутствія, казалось намъ, что мы прибыли туда какъ будто въ первый разъ. Смерть лишила насъ многихъ нашихъ пріятелей и знакомыхъ; цѣлыя семейства изчезли, и на мѣсто ихъ возникли новыя: принимали насъ яко иностранцевъ въ тѣхъ самыхъ домахъ, въ коихъ мы прежде были весьма знакомы; повсюду зрѣлище было одно и тоже, а лицедѣи были другіе.

На ораторскихъ каѳедрахъ безпрестанно раздавалися жалобы противу Филиппа. Одни приходили отъ того въ безпокойство, а другіе пребывали равнодушны. Димосѳенъ обвинялъ недавно Эсхина въ томъ, что былъ онъ подкупленъ Филиппомъ въ то время, когда посланъ былъ въ Македонію для заключенія послѣдняго мира; и какъ Эсхинъ послѣдовалъ скромности древнихъ ораторовъ, кои говоря къ народу удержались отъ непристойнаго движенія рукъ: нѣтъ! нѣтъ! вскри-

чалъ Димосѳенъ, не на каѳедрѣ, но въ посольствѣ скрывать должно руки свои подъ епанчу. Сія насмѣшка возъимѣла успѣхъ, однакожъ обвиненіе осталось безъ всякаго слѣдствія.

Нѣсколько времени мучили насъ вопросами о Египтѣ и Персіи; потомъ принялся я за прежнія мои упражненія. Нѣкогда проходя чрезъ общенародную площадь увидѣлъ я великое множество охотниковъ до новостей, кои ходя туда и сюда толпились, и не знали какъ изъявить свое удивленіе. Что такое случилось? сказалъ я подошедъ къ нимъ. Діонисій въ Коринѳѣ, отвѣчали мнѣ. Какой Діонисій?— Царь Сиракузскій толико сильный и толико страшный. Тимолеонъ свергнулъ его съ престола и повелѣлъ посадить его на галеру, на которой привезенъ теперь въ Коринѳъ. Онъ прибылъ (въ 343 году до Р. Х.) безъ прислуги, безъ друзей, безъ родственниковъ; онъ потерялъ все, изключая воспоминаніе о томъ, чѣмъ онъ былъ прежде.

Сіе извѣстіе вскорѣ подтвердилъ Эвріалъ, коего я увидѣлъ у Аполлодора. Эвріалъ былъ родомъ Коринѳянинъ, съ коимъ я былъ знакомъ, и который нѣкогда имѣлъ такъ же

связи съ Діонисіемъ: ему надобно было чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ возвратиться въ Коринѳъ; я вознамѣрился ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и посмотрѣть на одно изъ страннѣйшихъ явленій человѣческаго счастія.

По прибытіи въ сей городъ, увидѣли мы, при дверяхъ гостинницы, толстаго человѣка, весьма худо одѣтаго, коему хозяинъ дома, какъ казалось, изъ одной жалости, подавалъ вино, оставшееся въ разныхъ бутылкахъ. Онъ принималъ и отражалъ, смѣясь, грубыя насмѣшки нѣкоторыхъ распутныхъ женщинъ, и острыя его слова забавляли собравшуюся около него чернь.

Эвріалъ предложилъ мнѣ, подъ нѣкоторымъ предлогомъ, выдти изъ повозки и не отставать отъ сего человѣка. Мы пошли за нимъ въ одно мѣсто, гдѣ обучали женщинъ, кои долженствовали въ наступающій праздникъ пѣть въ хорахъ: онъ заставлялъ ихъ повторять выученное ими, управлялъ ихъ голосами, и спорилъ съ ними, какимъ образомъ лучше выразить нѣкоторыя мѣста. Потомъ пошелъ онъ къ нѣкоему продавцу благовоній, у коего нашли мы философа Діогена и музыканта

Аристоксена, которые за нѣсколько дней прибыли въ Коринѳъ. Первый подошедъ къ незнакомцу, сказалъ ему: „Ты не заслуживаешь теперешняго твоего жребія. — Такъ ты „ сожалѣешь о моихъ бѣдствіяхъ? отвѣчалъ „ сей несчастный; благодарю тебя. — Мнѣ „ сожалѣть о твоихъ бѣдствіяхъ, сказалъ „ Діогенъ; ты обманываешься подлый рабъ; „ тебѣ долженствовало жить и умереть, по„ добно отцу твоему, въ ужасѣ тиранновъ, „ и мнѣ досадно, что вижу тебя въ такомъ „ городѣ, гдѣ ты безъ страха можешь еще „ наслаждаться нѣкоторыми удовольствія„ ми. „

Эвріалъ, сказалъ я тогда будучи въ великомъ удивленіи, такъ это царь Сиракузскій? Точно такъ, отвѣчалъ Эвріалъ: онъ меня не узнаетъ; зрѣніе его притупилось отъ излишества вина; послушаемъ, что будутъ говорить далѣе! Діонисій продолжалъ разговоръ разумно, скромно. Аристоксенъ вопросилъ его о причинѣ немилости, въ которую впалъ Платонъ. „ Всякія бѣдствія окружаютъ ти„ рана, отвѣчалъ онъ; опаснѣйшее состоитъ „ въ томъ, что онъ имѣетъ друзей, скры„ вающихъ отъ него истинну. Я послѣдовалъ

„ ихъ совѣтамъ; я удалилъ Платона. Что „ изъ того воспослѣдовало? я былъ царемъ въ „ Сиракузахъ, а теперь школьнымъ учителемъ „ въ Коринѳѣ.„ Въ самомъ дѣлѣ, видѣли мы его не однократно на одномъ перекресткѣ преподавающаго дѣтямъ начальныя правила грамматики.

Та же причина, которая привела меня въ Коринѳъ, привлекала туда ежедневно множество иностранныхъ. Нѣкоторые при видѣ сего злосчастнаго государя показывали знаки сожалѣнія; большая же часть съ удовольствіемъ наслаждалась зрѣлищемъ, которое обстоятельства содѣлывали привлекательнѣйшимъ. Поелику Филиппъ готовъ уже былъ наложить оковы на Грецію, то насыщали они, надъ царемъ Сиракузскимъ, ненависть, которую внушалъ имъ къ себѣ царь Македонскій. Поучительный примѣръ тиранна, погруженнаго вдругъ въ глубочайшее уничиженіе, скоро содѣлался единственнымъ утѣшеніемъ сихъ гордыхъ республиканцевъ; нѣсколько времени спустя Лакедемоняне отвѣчали на угрозы Филиппа только сими выразительными словами: *Діонисій въ Коринѳѣ.*

Мы нѣсколько разъ разговаривали съ симъ послѣднимъ; онъ охотно признавался въ своихъ погрѣшностяхъ, вѣроятно потому, что онѣ ему ничего не стоили. Эвріалъ хотѣлъ знать, что онъ думалъ о почестяхъ, кои воздаваемы были ему въ Сиракузахъ. Я содержалъ въ чертогахъ моихъ, отвѣчалъ онъ, множество софистовъ и стихотворцевъ; я ихъ не уважалъ, однакожъ они меня прославляли. Царедворцы мои примѣтили, что зрѣніе мое начинало ослабѣвать; и они сдѣлались, такъ сказать, всѣ слѣпыми; они ничего болѣе не хотѣли видѣть; встрѣчаясь другъ съ другомъ на пиршествахъ нашихъ принужденъ я былъ водить ихъ руки, кои, какъ казалось, блуждались по столу. И ты не оскорблялся такою подлостію, спросилъ его Эвріалъ. „Иногда, отвѣчалъ Діонисій; но прощать весьма пріятно.„

Въ сіе самое время, одинъ Коринѳянинъ, который хотѣлъ подшутить, и коего честность была подозрительна, появился въ дверяхъ; онъ остановился, и дабы показать, что нѣтъ у него подъ одеждою кинжала, нѣсколько разъ потрясалъ оную, какъ то обыкновенно дѣлаютъ подходящіе къ тиранну. Сей

обрядъ будетъ приличнѣе, сказалъ ему Діонисій, когда ты отсюда выдешь.

Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ другой человѣкъ, и выводилъ его изъ терпѣнія своими докуками. Діонисій тихонько сказалъ намъ, вздохнувъ: „Счастливы тѣ, кои съ мла„денчества своего терпѣть научились.„

Подобныя оскорбленія непрестанно возобновлялись: онъ самъ старался ихъ на себя навлекать; покрытый рубищемъ, провождалъ онъ свое время въ шинкахъ, на улицахъ, съ людьми низкаго состоянія, кои сдѣлались товарищами въ его забавахъ. Видны были еще въ душѣ его тѣ основанія низкихъ склонностей, кои получилъ отъ природы, и тѣ возвышенныя чувствія, коими обязанъ онъ былъ первому своему состоянію; онъ говорилъ какъ мудрый, а поступалъ какъ безумный. Я не могъ проникнуть въ тайныя причины его поведенія; одинъ Сиракузянинъ, наблюдавшій со вниманіемъ его поступки, сказалъ мнѣ: сверьхъ того, что онъ умомъ столько слабъ и легковѣренъ, что не можетъ принять лучшихъ мѣръ какъ въ несчастіи, такъ и въ благополучіи, онъ еще примѣтилъ, что видъ тиранна, даже свергнутаго съ престола, раз-

пространяетъ недовѣрчивость и ужасъ между свободными людьми. Естьли бы онъ предпочелъ низкое состоянїе уничиженїю, то скромность его была бы подозрительна Коринѳянамъ, способствующимъ возмущенїю Сицилїи. Онъ боится, чтобы они его не боялись, и ихъ презрѣнїемъ къ себѣ ограждается отъ ихъ ненависти.

Въ семъ онъ совершенно успѣлъ, ибо во время пребыванїя моего въ Коринѳѣ, онъ былъ въ величайшемъ презрѣнїи; а въ послѣдствїи заслужилъ оное и отъ всей Грецїи. По бѣдности ли, или отъ помѣшательства въ умѣ, вступилъ онъ въ число жрецовъ Цибеллы; пробѣгалъ съ ними города и села, съ кимваломъ въ рукѣ, воспѣвая и пляшучи около изображенїя богини, и протягая руку для полученїя нѣкоторыхъ малыхъ подаянїй.

До сихъ уничижительныхъ явленїй, имѣлъ онъ позволенїе отлучиться изъ Коринѳа и путешествовать по Грецїи. Царь Македонскїй принялъ его съ отличїемъ. При первомъ ихъ свиданїи, Филиппъ спросилъ его, почему онъ могъ потерять государство, которое отецъ его сохранялъ столь долгое

время? „Потому отвѣчалъ онъ, что я былъ „ наслѣдникомъ власти, а не счастія его.„ Нѣкоему Коринѳянину, вопросившему его о томъ же, онъ отвѣчалъ: „Когда отецъ „ мой вступилъ на престолъ, тогда Сираку- „ зяне были утомлены отъ народнаго прав- „ ленія; а когда меня принудили оставить „ оный, тогда были они утомлены отъ ти- „ ранніи. „ Нѣкогда за столомъ царя Македонскаго былъ разговоръ о стихотвореніяхъ Діонисія старшаго. Но какое время избиралъ отецъ твой, сказалъ ему Филиппъ, для сочиненія столь великаго множества твореній? „ То, отвѣчалъ онъ, которое мы съ тобою „ употребляемъ здѣсь на пьянство.„

Его пороки два раза наводили ему несчастія, и судьбы его противуполагали ему каждый разъ одного изъ величайшихъ мужей, симъ вѣкомъ произведенныхъ. Во первыхъ Діона, а потомъ Тимолеона. Я буду говорить о Тимолеонѣ, и разскажу, что слышалъ о немъ въ послѣдніе годы пребыванія моего въ Греціи.

Выше сего сказано, что Тимолеонъ, по смерти брата своего, удалился на нѣкоторое

время въ Коринѳѣ, а отъ общественныхъ дѣлъ навсегда. Онъ пробылъ около двадцати лѣтъ въ семъ добровольномъ изгнанiи, когда Сиракузяне, не могши болѣе сопротивляться своимъ тираннамъ, просили помощи отъ Коринѳянъ, отъ коихъ они произошли. Сiи послѣднiе вознамѣрились набрать войско; но какъ они колебались о выборѣ военачальника, то нѣкто произнесъ случайно имя Тимолеона, на что въ ту же минуту воспослѣдовало вдругъ всеобщее одобренiе. Доносъ, нѣкогда противъ него сдѣланный, былъ токмо на время оставленъ безъ изслѣдованiя; судьи предоставили ему самому рѣшить оное. Тимолеонъ, сказали они ему: по будущимъ твоимъ поступкамъ въ Сицилiи, мы заключимъ, что ты предалъ смерти или брата или тиранна.

Сиракузяне почитали себя тогда лишенными всѣхъ пособiй. Ицетасъ, предводитель Леонтинянъ, отъ коихъ они просили помощи, помышлялъ токмо о ихъ порабощенiи; онъ соединился съ Карѳагенянами. Завладѣвъ Сиракузами, содержалъ онъ Дiонисiя осажденнымъ въ крѣпости. Флотъ Карѳагенскiй ходилъ въ окрестностяхъ для перенятiя

флота Кориноскаго. Во внутренности острова пагубный опытЪ научилЪ города Греческїе, не довѣрять всѣмЪ тѣмЪ, кои усердствовали вспомоществовать имЪ.

ТимолеонЪ отправляется сЪ десятью галерами и малымЪ числомЪ воиновЪ; не взирая на Карѳагенскїй флотЪ, пристаетЪ онЪ кЪ Италїи, и вскорѣ потомЪ приходитЪ кЪ Тавромену вЪ Сицилїи. Между симЪ городомЪ и Сиракузами находится городЪ АдранумЪ, коего жители призывали, одни Ицета, а другїе Тимолеона. Оба они выступаютЪ вЪ походЪ вЪ одно время; первый предводительствуя пятью тысячами человѣкЪ, вторый тысячью двѣсти. ВЪ тридцати стадїяхЪ отЪ Адрана, ТимолеонЪ увѣдомляется, что войска Ицетовы прибыли и располагаются около города; онЪ ускоряетЪ походЪ свой, и устремляется на нихЪ сЪ такимЪ порядкомЪ и сЪ такою быстротою, что они безЪ сопротивленїя оставляютЪ станЪ свой, обозЪ и множество плѣнныхЪ.

УспѣхЪ сей вдругЪ перемѣнилЪ расположенїе умовЪ и состоянїе дѣлЪ; перемѣна была столь скорая, что ТимолеонЪ чрезЪ пять-

десять дней, по прибытіи своемъ въ Сицилію, увидѣлъ, что народы сего острова домогалися его союза, и что нѣкоторые тиранны присоединяли силы свои къ его силамъ. Самъ Діонисій сдается на волю побѣдителя, и уступаетъ ему крѣпость Сиракузскую съ сокровищами и войсками, кои туда собралъ.

Я не намѣренъ изобразить здѣсь подробности столь славнаго похода, а скажу токмо, что ежели Тимолеонъ, будучи еще молодъ, показалъ въ сраженіяхъ зрѣлость возмужалаго возраста, то явилъ онъ въ преклонности лѣтъ своихъ жаръ и дѣятельность юности: я скажу, что онъ показалъ всѣ дарованія, всѣ качества великаго полководца, что предводительствуя малымъ числомъ войскъ, свободилъ онъ Сицилію отъ угнѣтавшихъ оную тирановъ и защитилъ ее противу еще страшнѣйшей силы, поработить ее хотѣвшей; что съ шестью тысячами человѣкъ войска обратилъ онъ въ бѣгство семьдесять тысячъ Карѳагенянъ; и что наконецъ предприятія его обдуманы съ такою мудростію, что казалося, яко бы онъ управлялъ случаями и располагалъ произшествіями.

Но слава Тимолеона состоитъ не въ сей быстрой безпрерывности успѣховъ, кои онъ самъ приписывалъ счастїю, и коихъ блескъ относилъ онъ на свое отечество; оная основана на завоеванїяхъ болѣе достойныхъ признательности человѣковъ.

Мечемъ изтреблена часть жителей Сицилїи; другїе, въ великомъ числѣ, укрывшись бѣгствомъ отъ угнѣтенїя своихъ деспотовъ, разсѣялись по Грецїи, по островамъ Егейскаго моря, по берегамъ Азїи. Коринѳъ исполненный тѣмъ же ужасомъ, какъ и ихъ военачальникъ, побудилъ ихъ чрезъ своихъ посланныхъ, возвратиться въ свое отечество; оный далъ имъ корабли, предводителей, оберегателей, и по прибытїи ихъ въ Сицилїю, раздѣлилъ имъ земли. Въ то же время провозвѣстники, отъ имени его, объявили на торжественныхъ играхъ Грецїи, что оный признаетъ независимость Сиракузъ и всея Сицилїи.

При сихъ кликахъ свободы, раздавшихся такъ же по всей Италїи, шестьдесять тысячъ человѣкъ прибыли въ Сиракузы, одни, дабы наслаждаться правами гражданъ; другїе,

дабы основать жилище свое во внутренности острова.

Образъ правленія претерпѣлъ недавно различныя перемѣны, и законы не имѣли силы. Оные были приведены въ порядокъ во время войны Пелопонисской, собраніемъ мужей просвѣщенныхъ, изъ коихъ первый былъ тотъ Діоклесъ, коего память была почтена храмомъ, разрушеннымъ отъ Діонисія старшаго. Сей строгій законодатель запретилъ, подъ смертною казнію, являться съ оружіемъ на общенародныхъ площадяхъ. Спустя нѣсколько времени, когда неприятели ворвались въ окрестности Сиракузъ, выходитъ онъ съ мечемъ въ рукѣ. Въ то же мгновеніе узнаетъ онъ, что на площади произошло возмущеніе; онъ бѣжитъ туда. Нѣкоторый частный человѣкъ восклицаетъ: „Ты нарушаешь законъ „ свой. — Скажи паче, что я оный подтвер- „ ждаю, отвѣчалъ онъ, вонзивъ мечь въ „ грудь свою. „

Законы его утверждали народное правленіе; но дабы исправить погрѣшности сего правленія, оные сильно преслѣдовали всякаго рода неправды; и дабы ничего не предоста-

вить прихотямъ судей, оные опредѣляли, сколько возможно, рѣшенїе на всякую тяжбу, наказанїе за всякое преступленїе. Однакоже, какъ они писаны древнимъ нарѣчїемъ, то чрезвычайная ихъ краткость затмѣваетъ ясность оныхъ. Тимолеонъ разсмотрѣлъ ихъ вновь съ Кефаломъ и Дїонисїемъ, двумя Коринѳянами, коихъ къ себѣ призвалъ. Тѣ законы, кои относятся къ частнымъ людямъ, сохранены были съ истолкованїями опредѣляющими смыслъ ихъ; передѣлали тѣ, кои касаются до образа правленїя, и обуздали своевольство народа, не вредя его свободѣ. Дабы утвердить навсегда сїю свободу, Тимолеонъ предложилъ народу разрушить всѣ крѣпости, служившїя виталищемъ тираннамъ.

Мощная республика Карѳагенская, принужденная просить мира у Сиракузянъ, притѣснители Сицилїи одинъ за другимъ истребленные, города въ блескѣ своемъ возстановленные, села покрытыя жатвами, процвѣтающая торговля, повсюду изображенїе согласїя и благополучїя, се благотворенїя по сей прекрасной странѣ, Тимолеономъ распространенныя! Се плоды имъ самимъ пожатые!

Вступивъ добровольно въ состоянїе простаго частнаго человѣка, видѣлъ онъ уваженїе къ себѣ со дня на день возраставшимъ. Жители Сиракузскїе, противъ воли его, отвели ему въ городѣ своемъ знатный домъ, а въ окрестностяхъ приятное жилище, гдѣ онъ препровождалъ спокойные дни съ супругою и дѣтьми своими, коихъ призвалъ изъ Коринѳа. Онъ получалъ тамо безпрестанно данъ почитанїя и признательности, которую приносили ему народы, признавшїе его вторымъ своимъ основателемъ. Всѣ договоры, всѣ уставы, производимые въ Сицилїи, подвергаемы были посредственно, либо непосредственно его разсмотрѣнїю, и ничего не исполнялось безъ его одобренїя.

Онъ потерялъ зрѣнїе въ лѣтахъ довольно престарѣлыхъ. Сиракузяне, тронутые злосчастїемъ его болѣе, нежели онъ самъ, усугубили свою къ нему внимательность. Они приводили къ нему иностранцевъ, туда приѣзжавшихъ. Се, говорили они, нашъ благодѣтель, нашъ отецъ; блистательному торжеству, ожидавшему его въ Коринѳѣ, славѣ, которую бы могъ приобрѣсти въ Грецїи, предпочелъ онъ удовольствїе жить посреди чадъ своихъ.

молеонъ противуполагалъ похваламъ, коими его осыпали, слѣдующій токмо скромный отвѣтъ: „богамъ угодно было спасти Сицилію; благодарю, что они избрали меня орудіемъ своихъ благостей.„

Любовь Сиракузянъ болѣе обнаружилась, когда въ общественномъ собраніи, разсуждали о нѣкоемъ важномъ предметѣ. Посланные приглашали его быть въ оное; онъ ѣхалъ въ колесницѣ; какъ скоро онъ показался, весь народъ привѣтствовалъ его громкими кликами: Тимолеонъ съ своей стороны привѣтствовалъ народъ; и когда восхищенія радости и любви престали, освѣдомился онъ о предметѣ разсужденія и подалъ свое мнѣніе, коему послѣдовали всѣ голоса. При возвращеніи своемъ, онъ ѣхалъ тѣмъ же мѣстомъ, и тѣ же восклицанія слѣдовали за нимъ, пока потеряли его изъ виду.

Признательность Сиракузянъ была безпредѣльна. Они опредѣлили, чтобы день его рожденія почитался праздникомъ, и чтобы требовать военачальника отъ Коринѳа всякой разъ, когда будутъ имѣть войну противу какого либо чужеземнаго народа.

При смерти его, всеобщее прискорбїе находило утѣшенїе свое только въ почестяхъ, памяти его воздаваемыхъ. Назначено было время жителямъ сосѣдственныхъ городовъ собираться въ Сиракузы для присутствїя при его погребенїи. Молодые люди, избранные по жребїю, несли тѣло его на раменахъ своихъ. Оно лежало на одрѣ, богато украшенномъ; безчисленное множество мужей и женъ его сопровождали; увѣнчанные цвѣтами, облеченныя въ бѣлыя одежды, наполняли они воздухъ именемъ и похвалами Тимолеона; но стенанїя и слезы ихъ лучше еще свидѣтельствовали ихъ любовь и прискорбїе.

Когда тѣло положено было на костеръ, провозвѣстникъ прочелъ громкимъ гласомъ слѣдующее опредѣленїе: „Народъ Сиракузскїй въ признательность за то, что Тимолеонъ истребилъ тиранновъ, побѣдилъ варваровъ, возстановилъ многїя большїя города и далъ законы Сицилїянамъ, опредѣлилъ посвятить двѣсти минъ на его погребенїе, и чествовать ежегодно пренїями въ искуствѣ Мусикїйскомъ, ристанїемъ на коняхъ и гимнастическими играми.„

Другїе военачальники отличились блистательнѣйшими побѣдами; но ни который не совершилъ столь великихъ дѣлъ. Онъ предприялъ войну, дабы споспѣшествовать благополучїю Сицилїи; и когда оную кончилъ, то не оставалось въ немъ никакого другаго любочестїя, какъ быть любимымъ.

Онъ заставилъ чтить и любить верховную власть, пока оною облеченъ былъ; а когда съ себя сложилъ, то чтилъ и любилъ ее паче другихъ гражданъ. Нѣкогда, въ полномъ собранїи, два оратора дерзнули обвинять его въ злоупотребленїи по должностямъ, которыя онъ отправляетъ. Онъ удержалъ народъ противу нихъ возставшїй. „Я только для „того преодолѣлъ столько трудовъ и опа„сностей, сказалъ онъ, чтобы привести „малѣйшаго изъ гражданъ въ состоянїе за„щищать законы и говорить свободно.„

Онъ обладалъ сердцами совершенно, потому, что былъ кротокъ, воздерженъ, простъ, безкорыстенъ и особливо весьма справедливъ. Толь многїя добродѣтели обезоруживали тѣхъ, коимъ несносенъ былъ блескъ его подвиговъ, и превосходство его ума. Тимолеонъ

испыталЪ, что оказавЪ великія услуги народу, довольно предоставить дѣйствовать ему самому, чтобЪ быть отЪ него обожаему.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Продолженіе о Библіотекѣ. Физика. Естественная Исторія. Отмѣнные умы. (Геніи).

По прибытіи моемъ изъ Персіи опять возвратился я къ Эвклиду; мнѣ оставалось обозрѣть часть его библіотеки; я нашелъ его въ оной съ Метономъ и Анаксархомъ. Первый былъ родомъ изъ Агригента въ Сициліи, и родственникъ славнаго Эмпедокла; второй изъ Абдеры во Ѳракіи и школы Демокритовой: оба они, держа книгу въ рукѣ, казались погруженными въ глубокое размышленіе.

Эвклидъ показалъ мнѣ нѣкоторыя сочиненія о животныхъ, о растеніяхъ, о ископаемыхъ тѣлахъ. Сего рода книгъ имѣю я не много, сказалъ онъ мнѣ; вкусъ къ Естественной Исторіи и Физикѣ, собственно такъ называемой, получили мы за нѣсколько токмо лѣтъ предъ симъ. Сіе происходитъ однакожъ не отъ того, чтобъ многіе мужи отмѣнныхъ дарованій не занимались прежде сего разсматриваніемъ природы: нѣкогда показывалъ я тебѣ ихъ творенія, и ты конечно по-

мнишь о томъ разговорѣ, въ которомъ первосвященникъ Цереры сообщилъ тебѣ подробное понятїе о ихъ системахъ. Ты узналъ тогда, что они старались познавать болѣе причины, нежели дѣйствїя, болѣе вещество бытїй, нежели ихъ образованїе.

Сократъ устремлялъ философїю къ общей пользѣ; и ученики его, послѣдуя ему, посвящали все свое старанїе на изученїе человѣка. Философїя о прочихъ частяхъ вселенныя, остававшаяся въ небреженїи почти чрезъ цѣлое столѣтїе, и въ наши дни возобновленная, разсматриваетъ нынѣ съ большимъ просвѣщенїемъ и мудростїю. Правда, что продолжаютъ еще спорить о тѣхъ общихъ вопросахъ, кои раздѣляли древнихъ философовъ; но въ тоже время стараются восходить отъ дѣйствїй къ причинамъ, отъ извѣстнаго до неизвѣстнаго. Посему занимаются подробностями съ особеннымъ раченїемъ, и начинаютъ собирать событїя и сравнивать ихъ между собою.

Погрѣшность существенная нѣкогда остановляла успѣхи сей науки; тогда не довольно старались, чтобъ изъяснять суще-

ство каждаго тѣла, и опредѣлять употребляемыя тогда названія тѣлъ; сіе нерадѣніе простиралось до того, что внушило столько отвращенія къ изученію физикѣ, что оное оставлено было въ то время, когда начали стараться о точнѣйшемъ опредѣленіи вещей. Сіе было во время Сократа.

При сихъ словахъ, Анаксархъ и Метонъ къ намъ подошли. Развѣ Димокритъ, сказалъ первый, не далъ точныхъ опредѣленій? Развѣ Эмпедоклъ, сказалъ второй, не занимался раздробленіемъ тѣлъ? Чаще, нежели прочіе философы, отвѣтствовалъ Эвклидъ, но не столь часто, какъ бы сему быть надлежало. Разговоръ сдѣлался тогда гораздо живѣе. Эвклидъ сильно защищалъ ученіе Аристотеля, своего друга; Анаксархъ и Метонъ ученіе своихъ соотечественниковъ. Неоднократно обвиняли они Аристотеля за то, что въ сочиненіяхъ своихъ превращалъ системы древнихъ, дабы удобнѣе ихъ опровергать. Метонъ обвиненія свои простеръ далѣе; онъ утверждалъ, что Аристотель, Платонъ, и самый Сократъ почерпнули въ писаніяхъ Пиѳагорійцевъ Италійскихъ и Сицилійскихъ почти все свое ученіе о природѣ, политикѣ

и нравственности. Въ сихъ-то счастливыхъ странахъ, продолжалъ онъ, истинная философія возпріяла свое начало, и благотвореніемъ симъ обязаны Пиѳагору.

Я имѣю глубокое почитаніе къ сему великому мужу, прервалъ Эвклидъ; но какъ онъ и другіе философы присвоили себѣ, не объявя о томъ, богатства Египта, Востока и всѣхъ тѣхъ народовъ, коихъ называемъ мы варварами; то не имѣли ли мы того же права пренести ихъ въ Грецію? Осмѣлимся извинить другъ друга во взаимныхъ нашихъ похищеніяхъ; отдай же другу моему справедливость, которую онъ заслуживаетъ. Я часто слыхалъ отъ него, что надлежитъ разбирать мнѣнія съ правотою безпристрастнаго судіи; ежели онъ удалился отъ сего правила, то я его осуждаю. Онъ не всегда приводитъ тѣхъ писателей, отъ коихъ заимствуетъ познанія, потому что онъ объявилъ вообще, что намѣреніе его было возпользоваться ими; онъ ихъ чаще приводитъ, когда опровергаетъ, потому что слава имени ихъ весьма могла способствовать къ принятію заблужденій, которыя онъ истребить старался.

Аристотель овладѣлъ хранилищемъ познаній, и приумножилъ оныя вашими и нашими стараніями; онъ усугубитъ его своими трудами, и предавъ оное потомству, воздвигнетъ великолѣпнѣйшій памятникъ, не тщеславію какого либо частнаго училища, но славѣ всѣхъ нашихъ училищъ.

Я узналъ его въ Академіи, дружба наша укрѣпилась лѣтами, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ изъ Аѳинъ, я имѣю съ нимъ всегдашнюю переписку. Вы, кои не можете о немъ судить иначе, какъ только по малому числу изданныхъ имъ твореній, познайте, какое есть пространство его предначертаній, и укоряйте его, ежели содѣлать сіе смѣете, въ заблужденіяхъ и упущеніяхъ.

Природа, которая отъ большей части людей скрываетъ себя, заблаговременно увѣдомила его, что она избрала его своимъ наперсникомъ и истолкователемъ. Я не скажу вамъ того, что родясь съ счастливѣйшими расположеніями, оказалъ онъ самые быстрые успѣхи въ поприщѣ наукъ и художествъ, что видѣли его, съ самой младости, тщательно занимающагося твореніями филосо-

фовъ, находящаго удовольствіе свое въ твореніяхъ піитовъ, присвоющаго себѣ познанія всѣхъ земель и всѣхъ времень; сія похвала была бы таже, каковую приписывают обыкновенно великимъ мужамъ. Отличающее его свойство есть вкусъ и глубокомысліе въ наблюденіяхъ; искуство соединять въ изслѣдованіяхъ удивительнѣйшую дѣятельность съ неутомимымъ постоянствомъ; проницательность и чрезвычайная быстрота разума, приводящая его въ одно мгновеніе къ рѣшеніямъ, могущая часто заставить вѣрить, что умъ его дѣйствуетъ паче по внушенію, нежели по размышленію; наконецъ приобрѣтенное понятіе, что все природою и искуствомъ взору нашему представляемое есть токмо безмѣрный рядъ событій, общею цѣпію соединенной, часто столь другъ другу подобныхъ, что удобно могутъ быть смѣшанными, и столь различныхъ, что необходимо различать ихъ должно. Посему-то и возпріялъ онъ намѣреніе утвердить свои разсужденія посредствомъ сомнѣнія, объяснять оныя частымъ употребленіемъ опредѣленій, раздѣленій и подраздѣленій, и не иначе приближаться къ обиталищу истинны, какъ познавъ внѣшнюю ограду, въ которой она заключается.

Таковъ есть способъ, коему последуетъ онъ въ исполнении предприятія, которое устрашило бы всякаго другаго, кромѣ его; то есть всеобщая и частная естественная исторія. Сначала займется онъ великими громадами, происхожденіемъ или вѣчностію міра; причинами, началами и существомъ бытій; свойствомъ и взаимнымъ дѣйствіемъ стихій; составленіемъ и разложеніемъ тѣлъ. Тамо будетъ упомянуто и разсуждаемо о вопросахъ, касающихся до безпредѣльности, до движенія, пустоты, пространства и времени.

Онъ опишетъ вообще или частію то, что существуетъ, и что происходитъ въ небесахъ, во внутренности и на поверхности земнаго нашего шара; въ небесахъ, воздушныя явленія, разстоянія и перемѣны планетъ, свойство свѣтилъ и сферъ, къ коимъ оныя принадлежатъ; въ нѣдрахъ земли, изкопаемыя тѣла, минералы, сильныя потрясенія, шаръ земной измѣняющія; на поверхности ея, моря, рѣки, растенія и животныя.

Послику человѣкъ подверженъ безчисленному множеству нуждъ и обязанностей, то последуетъ онъ за ними во всѣхъ его отно-

шенїяхъ. Разъятїе тѣла человѣческаго, свойство и способности души, предметы и орудїя чувствованїй; правила способствующїя къ управленїю тончайшими дѣйствїями ума и сокровеннѣйшими движенїями сердца, законы, правленїя, науки, художества; на всѣ сїи важные предметы дѣеписатель обратитъ свѣденїя свои со свѣденїями вѣковъ прешедшихъ; и слѣдуя многимъ философамъ, примѣняя всегда физику къ нравственности, содѣлаетъ онъ насъ просвѣщеннѣйшими для большаго благополучїя нашего.

Вотъ начертанїе философїи Аристотеля, сколько я могъ понять изъ его разговоровъ и писемъ: я не знаю, будетъ ли онъ строго слѣдовать порядку, мною теперь изъясненному. А для чего бы и не слѣдовать оному, сказалъ я? Для того, отвѣчалъ Эвклидъ, что нѣкоторые предметы требуютъ предварительныхъ объясненїй. Не выходя изъ своего покоя, которой обогатилъ онъ драгоцѣнною библїотекою, онъ въ состоянїи разсуждать о весьма многихъ предметахъ; но когда должно будетъ начертать дѣеписанїе и нравы всѣхъ животныхъ по землѣ распространенныхъ, то сколь продолжительныя и мно-

готрудныя потребны будутъ ему наблюденія? Однакожъ отважное его предпріятіе подкрѣпляется самыми препятствіями; кромѣ свѣденій, какія уже онъ имѣетъ, полагаетъ онъ несомнѣнную надежду на покровительство Филиппа, отъ коего заслужилъ почтеніе, и на покровительство Александра, коего онъ будетъ воспитывать. Ежели правда, какъ то говорятъ, что сей юный государь показываетъ весьма великую любовь къ наукамъ, то надѣюсь я, что возшедъ на престолъ, приведетъ онъ наставника своего въ состояніе ускорить успѣхи оныхъ.

Едва Эвклидъ окончилъ рѣчь свою, какъ Анаксархъ началъ говорить: я бы могъ приписать Димокриту тоже предпріятіе, кое ты приписываешь Аристотелю. Здѣсь вижу я множество изданныхъ имъ сочиненій о свойствѣ и различныхъ частяхъ вселенныя, о животныхъ и растеніяхъ; о душѣ нашей, чувствахъ, должностяхъ нашихъ и добродѣтеляхъ, о врачебномъ искуствѣ, трупоразъятіи, земледѣліи, умословіи, геометріи, звѣздословіи, землеописаніи и сверьхъ того о музыкѣ и стихотворствѣ. Я умалчиваю о семъ плѣнительномъ слогѣ, который разли-

ваетъ красоты на отвлеченнѣйшіе предметы. Общее уваженіе помѣстило его въ первомъ ряду физиковъ, приспособлявшихъ дѣйствія къ причинамъ. Въ сочиненіяхъ его удивляются умозаключеніямъ новымъ, иногда съ лишкомъ смѣлымъ и часто удачнымъ. Извѣстно тебѣ, что по примѣру Левкиппа своего учителя, коего онъ усовершилъ систему, признаетъ онъ пустоту, атомы, вихри; что почиталъ луну, яко землю населенную обитателями; что принималъ млечный путь за множество малыхъ звѣздъ; что включилъ всѣ наши чувствованія въ одно чувство осязанія, и что всегда отвергалъ, чтобъ цвѣты и другія чувствамъ подлежащія качества, находилися въ самыхъ тѣлахъ.

Нѣкоторыя изъ сихъ умствованій были и прежде предлагаемы; но онъ превосходнѣе другихъ тѣмъ, что принявъ ихъ, еще разпространилъ оныя. Другія жъ умствованія родилися въ немъ первомъ, и потомство судить будетъ, приписывать ли ихъ высокому дару или заблужденію разума: можетъ быть оно откроетъ и то, о чемъ онъ только догадывался. Ежели бы я могъ подозрѣвать вашихъ философовъ въ зависти, то ска-

залъ бы я, что въ твореніяхъ своихъ, Платонъ наименовать его не хочетъ, а Аристотель безпрестанно противъ него вооружается.

Эвклидъ возражалъ противу сего нареканія. Снова начали говорить о предметахъ, о коихъ уже разсуждали, то каждый соперникъ сражался безъ поборника; то третій долженъ былъ выдерживать усилія двухъ другихъ. Умалчивая о преніяхъ, дабы остаться только при рѣшеніяхъ, представлю я въ краткихъ словахъ мнѣніе Аристотеля и Эмпедокла о началѣ и управленіи вселенныя. Я уже привелъ въ другомъ мѣстѣ мнѣніе Димокрита о томъ же предметѣ.

Общая Физика. Всѣ философы, говоритъ Эвклидъ, утверждали, что міръ созданъ, по мнѣнію однихъ, для вѣчнаго существованія, по мнѣнію другихъ нѣкогда долженъ онъ кончиться; а по мнѣнію еще нѣкоторыхъ, долженъ онъ кончиться, и по временамъ начинаться снова. Аристотель утверждаетъ, что міръ всегда былъ и всегда существовать будетъ. Позволь мнѣ прервать твои слова, сказалъ Метонъ: до Аристотеля, многіе изъ нашихъ Пиѳагорейцовъ, и между прочими Океллъ Луканійскій допу-

скалъ вѣчность міра. Я въ томъ согласенъ, отвѣчалъ Эвклидъ; но Аристотель подкрѣпилъ сіе мнѣніе новыми доказательствами. Съ меня довольно и тѣхъ, которыя онъ выводитъ отъ движенія. Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, что ежели движеніе началось, то въ самомъ началѣ своемъ оказалось оно въ бытіяхъ предсуществовавшихъ; сіи бытія или произведены были, или отъ самой вѣчности существовали. Въ первомъ случаѣ они не могли быть произведены иначе, какъ движеніемъ предшествовавшимъ тому, которое мы полагаемъ первымъ; во второмъ случаѣ надобно сказать, что сіи бытія прежде, нежели приведены въ движеніе, находились въ покоѣ; за понятіемъ же о покоѣ слѣдуетъ всегда понятіе о движеніи остановленномъ, уничтоженіе котораго есть покой. Итакъ движеніе есть вѣчно.

Нѣкоторые допускаютъ вѣчность вещества, и полагаютъ начало вселенныя; части вещества, говорятъ они, двигались безъ порядка въ хаосѣ до того времени, когда онѣ соединились вкупѣ для составленія тѣлъ. Мы отвѣтствуемъ, что движеніе оныхъ долженствовало быть сообразно или противно законамъ природы, поелику мы законовъ дру-

тихъ не знаемъ. Ежели оно было имъ сообразно, то мiръ всегда существовалъ: естьли же противно, то онъ никогда не могъ существовать: ибо въ первомъ предположенiи части вещества сами собою и отъ самой вѣчности восприяли бы то устройство, каковое онѣ сохраняютъ; во второмъ случаѣ, никогда бы онѣ не могли восприять онаго, потому что движенiе противуестественное раздѣляетъ и разрушаетъ, а не соединяетъ и не составляетъ. И кто можетъ постигнуть когда либо, чтобъ движенiя неправильныя могли составить существа, какъ то кости, плоть и прочiя части нашего тѣла.

Мы усматриваемъ повсюду непрерывную цѣпь движительныхъ силъ, которыя дѣйствуя одна на другую, производятъ безпрерывность причинъ и дѣйствiй. Такимъ образомъ камень двигается палкою, палка рукою, рука волею, и проч. Цѣпь оныхъ силъ, не могши продолжаться до безконечности, останавливается на движителяхъ или паче на единомъ безпосредственномъ движителѣ, отъ вѣка существующемъ: сей самый движитель есть Богъ: Онъ непремѣненъ, всевѣдущъ, не раздѣлимъ и не имѣетъ пространства; Онъ

пребываетъ выше предѣловъ міра; тамо находитъ блаженство во созерцаніи самаго себя.

Поелику могущество его всегда дѣйствуетъ, то Онъ сообщаетъ и будетъ сообщать непрерывно движеніе первой движимости, кругу небесному, гдѣ находятся неподвижныя звѣзды; Онъ сообщилъ оное отъ вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, какая бы сила удержала или бы могла удержать десницу его? Для чего бы движенію быть начату въ одно время паче нежели въ другое? Для чего бы оному нѣкогда окончиться надлежало?

Движеніе первой движимости сообщается низшимъ сферамъ и заставляетъ ихъ обращаться ежедневно отъ востока къ западу; но каждый изъ сихъ сферъ имѣетъ сверхъ того одно или многія движенія, направляемыя существами вѣчными и невещественными.

Сіи вторыя дѣйствующія силы подчинены первому движителю почти такъ же, какъ въ войскѣ прочіе чиновники своему предводителю. Сіе ученіе не новое. По преданію древнихъ, божество объемлетъ всю природу. Хотя оное искажено нелѣпыми басня-

ми, но при всемъ томъ сохраняетъ остатки истиннаго ученія.

Поелику первая движимость бываетъ движима непосредственнымъ дѣйствіемъ перваго движенія, то дѣйствіе всегда простое, всегда одинаковое не претерпѣваетъ никакой перемѣны, возрожденія, ни поврежденія. Въ семъ-то постоянномъ и спокойномъ единообразіи блистаетъ свойство безсмертія.

То же разумѣть должно и о низшихъ сферахъ или кругахъ небесныхъ; но различіе ихъ движеній производитъ на землѣ и въ странахъ подлунныхъ, безпрестанныя перемѣны, каковы суть разрушеніе и новое тѣлъ возрожденіе.

Эвклидъ стараяся объяснить связь сихъ дѣйствій съ причинами, какія имъ приписывалъ, продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

Изящество и красота вселенныя состоятъ въ порядкѣ, дѣлающемъ ее вѣчною; въ порядкѣ, который явствуетъ болѣе въ небесахъ, нежели на землѣ; въ порядкѣ, къ которому всякое бытіе стремится прямо болѣе или менѣе. Какъ въ благоучрежденномъ домѣ,

свободные люди, рабы, яремный скотъ способствуютъ къ поддержанію общаго устройства съ большею или меньшею ревностію и успѣхомъ, смотря потому, болѣе или менѣе приближаются они къ главѣ дома; такъ и во всеобщей системѣ вещей всѣ усилія направляются къ сохраненію цѣлаго съ большею скоростію и согласіемъ въ небесахъ, гдѣ вліяніе перваго Движителя есть ощутительнѣе; но съ большею медленностію и замѣшательствомъ въ подлунныхъ пространствахъ, поелику сіи усилія болѣе удалены отъ взора перваго Движителя.

Изъ сего всеобщаго стремленія бытій къ одной и той же цѣли слѣдуетъ, что природа вмѣсто того, чтобы дѣлать что либо безполезное, ищетъ всегда, сколько возможно, лучшаго, и предполагаетъ себѣ цѣль во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ.

При сихъ словахъ, оба иностранца вдругъ возкликнули: но за чѣмъ прибѣгать къ конечнымъ причинамъ? Кто тебѣ сказалъ, что природа избираетъ то, что наиболѣе приличествуетъ каждому виду бытій? Поля наши орошаются дождями; развѣ сіе для ихъ опло-

дотворенія? Безъ сумнѣнія нѣтъ; но потому, что пары, привлеченные солнцемъ и сгущенные холодомъ, чрезъ соединеніе свое приобрѣтаютъ тяжесть, низвергающую ихъ на землю. По случаю только они произращаютъ вамъ хлѣбъ, и приводятъ его въ гнилость, когда онъ собранъ бываетъ на току. По случаю токмо имѣемъ мы зубы, изъ коихъ одни способствуютъ къ раздѣленію яствъ, а другіе къ разжевыванію оныхъ. Въ началѣ вещей, присовокупилъ Метонъ, когда случай первое дѣлалъ начертаніе животнымъ, образовалъ онъ головы, кои не были еще прикрѣплены къ выямъ. Вскорѣ появились человѣки съ бычачьею головою, а быки съ лицемъ человѣческимъ. Событія сіи подтверждаются преданіемъ, которое по разрѣшеніи хаоса выставляетъ гигантовъ, тѣла со множествомъ рукъ, людей, имѣвшихъ только по одному глазу. Племена сіи погибли по каковому либо недостатку въ сложеніи тѣла; другія остались. Вмѣсто того, чтобы сказать, что сіи послѣднія лучше были образованы, предполагали соразмѣрность между ихъ дѣйствіями и мнимымъ ихъ концемъ.

Никто почти изъ древнихъ философовъ, отвѣтствовалъ Эвклидъ, не думалъ, чтобъ

должно было принять за начало то, что называется случаемъ или рокомъ. Сіи неопредѣлительныя слова употребляемы были только для изъясненія дѣйствій непредвидимыхъ, и такихъ, кои происходятъ отъ причинъ отдаленныхъ, или доселѣ еще неизвѣстныхъ. Собственно говоря, рокъ и случай сами собою ничего не производятъ; хотя, сообразуясь съ простонароднымъ языкомъ, почитаемъ мы ихъ за причины случайныя, но неменѣе чрезъ то признаемъ вышшій разумъ и природу за первыя причины.

Извѣстно тебѣ, сказалъ тогда Анаксархъ, что слово *природа* имѣетъ различныя знаменованія. Въ какомъ смыслѣ приемлешь ты оное? Я разумѣю подъ симъ словомъ, отвѣтствовалъ Эвклидъ, начало движенія существующаго самимъ собою въ стихіяхъ, то есть въ воздухѣ, огнѣ, землѣ и водѣ. Ея дѣйствіе въ небесахъ всегда единообразно; часто воспящается оно препятствіями въ странѣ подлунной. Напримѣръ, естественное свойство огня есть то, чтобъ подниматься въ верьхъ, между тѣмъ посторонняя сила принуждаетъ оный часто принимать противуположное направленіе. И что касается до сей страны, то природа не только

есть начало движенія, но такъ же случайно покоя и перемѣны.

Природа представляетъ намъ въ сей самой странѣ перемѣны постоянныя и правильныя, дѣйствія неизмѣняемыя или почти всегда тѣже самыя. Позволь, чтобъ я на семъ только и остановился; дерзнешь ли ты перемѣны сіи почитать за случайныя произшествія? Не разпространяясь о удивительномъ порядкѣ, блистающемъ въ вышшихъ кругахъ, не ужели ты скажешь, что дожди, случайно всегда чаще бываютъ зимою, нежели лѣтомъ, а жары сильнѣе лѣтомъ, нежели зимою. Обрати взоръ свой на растенія и наипаче на животныхъ, гдѣ природа выражается явственнѣйшими чертами: хотя послѣднія дѣйствуютъ безъ разбору и размышленія, не смотря на то, дѣйствія ихъ такъ соображены, что можно усумниться, не одарены ли разумомъ пауки и муравьи? Ежели ласточка свивая свое гнѣздо, и паукъ соплетая паутину, имѣютъ какую нибудь цѣль; ежели растенія покрываются листьями для сбереженія плодовъ; и ежели корни ихъ вмѣсто того, чтобы возвышаться, углубляются въ землю для принятія питательныхъ соковъ изъ оной; то

не признаешь ли ты, что конечная причина ясно показывается въ сихъ дѣйствiяхъ, всегда тѣмъ же образомъ вновь производимыхъ.

Искуство удаляется иногда отъ своей цѣли, даже когда оно размышляетъ; а иногда достигаетъ оной и безъ размышленiя; но при всемъ томъ цѣль свою имѣетъ. Тоже самое можно сказать о природѣ. Съ одной стороны, когда препятствiя останавливаютъ оную въ ея дѣйствiяхъ, и тогда чудовищныя произведенiя суть знаки ея отступленiя отъ цѣли; съ другой, принуждая бытiя неспособныя къ размышленiю вновь возраждаться, приводитъ она ихъ къ тому концу, который себѣ предполагаетъ.— Какой же есть сей конецъ? безпрерывное продолженiе породъ. — А какое есть величайшее благо сихъ породъ? Существованiе и сохраненiе оныхъ.

Между тѣмъ, какъ Эвклидъ изъяснялъ такимъ образомъ мысли Аристотелевы, Анаксархъ и Метонъ исторгали изъ него признанiя, кои тотчасъ противъ него жъ самаго обратили.

Ты признаешь, сказали они ему, Бога, перваго Движителя, коего непосредственное дѣйствіе содержитъ вѣчный порядокъ въ небесахъ; но ты не объявилъ намъ, до какой степени вліяніе его дѣйствуетъ на землѣ. Ты, по нашимъ возраженіямъ, утверждалъ сначала, что небо и природа отъ него зависятъ: а потомъ ты сказалъ съ ограниченіемъ, что всѣ движенія ему *нѣкоторымъ образомъ* подчинены, что онъ *кажется* быть причиною и началомъ всему; что онъ *кажется* приемлющимъ нѣкоторое попеченіе о дѣлахъ человѣческихъ: ты присовокупилъ наконецъ, что онъ не можетъ и во вселенной видѣть ничего инаго, кромѣ самаго себя; что воззрѣніе на злодѣяніе и безпорядокъ осквернило бы его очи, что онъ не можетъ быть содѣтелемъ ни благоденствія злыхъ, ни злосчастія людей честныхъ. Къ чему сіи сумнѣнія, сіи ограниченія? Скажи намъ точно, промыслъ его простирается ли на людей?

Такъ какъ бдительность отца семейства, отвѣтствовалъ Эвклидъ, простирается даже на послѣдняго изъ рабовъ его. — Правило, принятое у него для содержанія дома, а не для частнаго ихъ блага, тѣмъ не

менѣе существуетъ, хотя они часто отъ онаго удаляются; онъ не взираетъ на ихъ несогласія, и пороки неразлучные съ ихъ семействомъ. Удручаютъ ли ихъ болѣзни, истребляютъ ли они себя взаимно, тотчасъ ихъ мѣста заступаютъ другія. Такъ и въ семъ маломъ мірѣ, гдѣ опредѣлено жить людямъ, порядокъ поддерживается общимъ впечатлѣніемъ воли всевышняго существа. Несчастныя перемѣны, бывающія на семъ шарѣ и бѣдствія, удручающія человѣчество, не останавляютъ шествія вселенныя: земля существуетъ, поколѣнія возобновляются; и важная цѣль перваго Движителя ужѐ исполнена.

Извините, сказалъ Эвклидъ, что я не вхожу въ бо́льшія подробности: Аристотель не объяснилъ еще совершенно сей статьи ученія, и можетъ быть оную оставитъ въ небреженіи; ибо онъ занимается болѣе началами физики, нежели богословіи. Я даже не знаю, хорошо ли понялъ его мысли: изъясненіе такого мнѣнія, которое извѣстно токмо по краткимъ бесѣдамъ, безъ порядку, безъ связи, уподобляется часто сочиненіямъ обезображеннымъ невнимательностію и невѣденіемъ переписчиковъ.

Система Эмпедоклова.

Эвклидъ кончилъ свою рѣчь, а Метонъ началъ говорить слѣдующее: Емпедоклъ прославилъ отечество своими законами, а философію своими сочиненіями. Поэма его о природѣ, и всѣ прочія его стихотворенія изобилуютъ красотами, которыя и самъ бы Омиръ одобрилъ. Не смотря на то признаюсь я, что инорѣченія его, сколь ни удачныя впрочемъ, затмѣваютъ его мысли, и служатъ иногда блистательнымъ покровомъ дѣяніямъ природы. Что касается до правилъ его ученія, то послѣдовалъ онъ Пиѳагору, не съ слѣпымъ подобострастіемъ простаго воина, но съ благородною отважностію предводителя и независимостію такого человѣка, который лучше любилъ жить частнымъ человѣкомъ въ свободномъ городѣ, нежели царствовать надъ рабами. Хотя онъ наипаче занимался явленіями природы, но притомъ излагалъ и мнѣніе свое о первыхъ причинахъ.

Въ мірѣ семъ, который есть токмо малая частица всего, и за предѣлами коего нѣтъ ни движенія, ни жизни, различаемъ мы два начала: одно дѣйствующее, которое есть Богъ, другое страдательное, которое есть вещество.

Богъ, верховный разумъ, источникъ истинны, можетъ быть постигнутъ токмо умомъ. Вещество было не иное что, какъ собранie частицъ тонкихъ, подобныхъ, круглыхъ, неподвижныхъ, имѣющихъ существенно два свойства, кои означаемъ словами: любовь и ненависть, изъ коихъ одна опредѣлена къ соединенiю частей, а другая къ ихъ раздѣленiю. Для образованiя мiра, Богу стоило только привесть въ дѣйствiе сiи двѣ побудительныя силы, дотолѣ не дѣйствовавшiя; тотчасъ онѣ восколебались, и хаосъ сдѣлался жертвою ужасовъ, ненависти и любви. Въ нѣдрѣ его совершенно возмущенномъ, потоки вещества стремительно проливались, и ударялись одинъ о другой; однородныя части то привлекаемыя, то отталкиваемыя, наконецъ соединились и составили четыре стихiи, кои послѣ новыхъ противуборствъ, произвели безобразныя тѣла, чудовищныя существа, замѣщенныя потомъ тѣлами, коихъ орудное строенie было совершеннѣе.

Такимъ образомъ вышелъ мiръ изъ хаоса; такимъ же образомъ онъ въ него и паки обратится; ибо то, что составлено, имѣ.

етъ начало, средину и конецъ. Все движется и существуетъ, пока любовь содѣлываетъ одну вещь изъ многихъ, а ненависть дѣлаетъ многія изъ единой; все останавляется и разлагается, когда сіи два противныя начала не находятся болѣе въ равновѣсіи одно съ другимъ. Сіи взаимныя прехожденія отъ движенія къ покою, отъ существованія тѣлъ къ ихъ разрушенію, возвращаются въ періодическія времена. Боги и геніи на небесахъ, частныя души въ животныхъ и растеніяхъ, всеобщая душа въ мірѣ, поддерживаютъ повсюду движеніе и жизнь. Сіи духи, коихъ существо составляетъ огонь чистѣйшій и тончайшій, подчинены всевышнему существу, подобно какъ хоръ музыки хороначальнику, воинство полководцу; но какъ они отъ сего существа происходятъ, то школа Пиѳагорова нарицаетъ ихъ именемъ божественныхъ существъ, и оттолѣ происходятъ обыкновенныя его выраженія: „Что мудрый есть „Богъ; что божество есть духъ и душа „міра; что оно проницаетъ въ вещество, „составляетъ съ нимъ единое тѣло и оживотворяетъ оное.„ Однакожъ не заключайте изъ того, яко бы естество божества раздѣлено было на безчисленное множество

частицЪ. БогЪ есть самое единство; ОнЪ сообщается, но не раздѣляется.

ОнЪ обитаетЪ вЪ высочайшей части небесЪ; исполнители его воли, нижнїе боги живутЪ вЪ свѣтилахЪ небесныхЪ, а генїй на землѣ, такЪ же и вЪ пространствѣ непосредственно ее окружающемЪ. ВЪ сферахЪ, ближайшихЪ кЪ его обиталищу, все устроено хорошо, все вЪ порядкѣ, потому что совершеннѣйшїя бытїя помѣщены были близь его престола, и слѣпо повинуются судьбѣ, то есть законамЪ, кои онЪ самЪ постановилЪ. БезпорядокЪ начинаетЪ показываться вЪ посреднихЪ пространствахЪ; а зло совершенно преодолѣваетЪ добро вЪ странѣ подлунной, потому что тамо отложился осадокЪ и подонки всѣхЪ тѣхЪ существЪ, кои отЪ многократныхЪ ударовЪ любви и ненависти не могли приведены быть кЪ совершенству. Тамо четыре главныя причины имѣютЪ влїянїе вЪ наши дѣйствїя: БогЪ, потому что онЪ приемлетЪ о насЪ попеченїе; воля наша, потому что мы размышляемЪ прежде, нежели дѣйствуемЪ; судьба и счастїе, потому что наши предприятїя часто бываютЪ опровергаемы произшествїями, по виду, своему сходными

съ постановленными законами, либо имъ противными.

Мы имѣемъ двѣ души, одну чувственную, грубую, тлѣнную, преходящую, состоящую изъ четырехъ стихій; другую разумную, неразрушимую, изшедшую изъ самаго божества. Я буду говорить токмо о сей послѣдней. Она постановляетъ тѣснѣйшее соотношеніе между нами, богами, геніями, животными, растеніями, со всѣми бытіями, коихъ души общее имѣютъ начало съ нашею. Итакъ природа одушевленная и живущая составляетъ токмо единое семейство, коего глава есть Богъ.

На семъ-то сродствѣ основывается ученіе о прехожденіи душъ, и заимствованное нами отъ Египтянъ, допускаемое отъ нѣкоторыхъ съ разными ограниченіями, и къ коему Емпедоклъ почелъ себѣ позволительнымъ примѣшать вымыслы, украшающіе поэзію.

Сіе мнѣніе предполагаетъ паденіе, наказаніе и возстановленіе душъ. Число сихъ ограничено; а жребій ихъ, жить благополучно въ которой либо изъ планетъ. Когда онѣ содѣлаются виновными, то отметаются

и низвергаются на землю. Тогда, будучи осуждены облещися въ грубое вещество, безпрестанно переходятъ онѣ изъ одного тѣла въ другое, претерпѣвая бѣдствія, сопряженныя со всѣми состояніями жизни, не могши сносить новаго своего положенія, и столько несчастливыя, что всегда помнятъ прежнее свое достоинство. Коль скоро смерть разрываетъ узы, связывавшія ихъ съ веществомъ, то одинъ изъ небесныхъ геніевъ ихъ захватываетъ; провождаетъ ихъ въ адъ, и предаетъ на нѣсколько времени фуріямъ тѣ изъ оныхъ, кои осквернили себя тяжкими злодѣяніями, и преноситъ въ звѣзды тѣ, кои шествовали путемъ правды. Но часто непреложныя судьбы боговъ подвергаютъ и тѣхъ и другихъ жесточайшимъ искушеніямъ; изгнаніе ихъ и прехожденіе продолжаются многія тысячи лѣтъ; оно оканчивается, когда порядочнѣйшимъ поведеніемъ заслужатъ онѣ быть паки къ Творцу ихъ приближенными, и нѣкоторымъ образомъ раздѣлять съ нимъ чести божества.

Емпедоклъ описываетъ такимъ образомъ мученія, кои, какъ ему казалось, претерпѣлъ онъ самъ. „Я попеременно являлся въ видѣ

„ юноши, младой дѣвицы, растенія, птицы,
„ рыбы. Въ одномъ изъ сихъ преселеній блу-
„ ждалъ я нѣсколько времени, подобно легко-
„ му привидѣнію, въ пространствахъ небес-
„ ныхъ; но вскорѣ низринутъ я былъ въ мо-
„ ре, паки выброшенъ на землю, ввержень
„ въ солнце, и паки низьерженъ въ вихри
„ воздушные. Къ ужасу прочимъ и мнѣ са-
„ мому, всѣ стихіи меня отвергали, подобно
„ рабу, бѣжавшему отъ своего господина.

Метонъ окончивъ рѣчь свою сдѣлалъ примѣчаніе, что большая часть сихъ мыслей были общія съ мыслями учениковъ Пиѳагора; но что Эмпедоклъ первый предположилъ разрушеніе и попеременное паки возрожденіе міра, поставилъ четыре стихіи за основаніе, и привелъ стихіи въ дѣйствіе помощію любви и ненависти.

Согласись, сказалъ мнѣ тогда Анаксархъ смѣючись, что Димокритъ имѣетъ причину думать, что истинна удалена въ кладезѣ безмѣрной глубины. Согласись такъ же, отвѣчалъ я ему, что она бы весьма удивилась, когда бы пришла на землю, особливо въ Грецію. Она бы весьма скоро назадъ возврати-

лась, сказалъ Эвклидъ, мы бы ее приняли за заблужденіе.

Предъидущія системы касаются до начала міра. Столь же мало согласовались о состояніи земнаго нашего шара послѣ его образованія, и о перемѣнахъ, онымъ доселѣ претерпѣнныхъ. Оный былъ долгое время погруженъ подъ водами морскими, сказалъ Анаксархъ; жаръ солнечный изпареніями истребилъ часть оныхъ, и земля показалась; отъ илу, оставшагося на ея поверхности, и приведеннаго въ броженіе отъ того же жара, возпріяли начало свое разныя породы животныхъ и растеній. Мы имѣемъ тому еще поразительный примѣръ въ Египтѣ; по наводненіи Нила, вещества, на поляхъ водою оставленныя, производятъ безчисленное множество малыхъ животныхъ. Сумнѣваюсь о томъ, сказалъ я тогда; мнѣ разсказывали о семъ въ Өиваидѣ, и никогда не могъ того подтвердить опытомъ! Мы бы безъ затрудненія сіе допустили, отвѣчалъ Эвклидъ, мы, кои не иное какое произхожденіе приписываемъ извѣстнымъ родамъ рыбъ, какъ тину и пески морскіе.

Анаксархъ продолжалъ: я сказалъ, что въ послѣдствіи вѣковъ, количество водъ, покрывавшихъ землю, дѣйствіемъ солнца уменьшилось. А какъ таже причина всегда существуетъ, то придетъ время, что море совершенно изсякнетъ. Мнѣ кажется по истиннѣ, прервалъ Эвклидъ, что слышу Езопа разсказывающаго своему кормщику слѣдующую басню: „Харибда отверзала дважды огромную пасть свою, и дважды воды, покрывавшія землю, низпровергались во глубину ея; въ первой разъ показались горы; во второй острова; въ третій море изчезнетъ. Какъ Демокритъ не могъ знать, что когда безмѣрное количество паровъ притягивается жаромъ солнечнымъ, то они тотчасъ опять превращаются въ дождь, упадаютъ опять на землю, и въ скоромъ времени возвращаютъ морю то, что оно потеряло. Не признаешься ли, сказалъ Анаксархъ, что поля нынѣ изобилующія жатвою, прежде сего скрывались подъ водою. А какъ она принуждена была мѣста сіи оставить, то слѣдовательно должна была уменшиться въ количествѣ. Ежели въ извѣстныхъ мѣстахъ, отвѣчалъ Эвклидъ, земля преодолѣла море, то въ другихъ море преодолѣло землю.

Анаксархъ хотѣлъ было продолжать рѣчь свою далѣе, но я началъ тотчасъ говорить и сказалъ Эвклиду: теперь понимаю, почему находятся раковины въ горахъ и въ нѣдрахъ земли, окаменѣлыя рыбы въ ломняхъ Сиракузскихъ. Море имѣетъ шествіе медленное и правильное, по коему обтекаетъ оно всѣ страны нашего земнаго шара, одну за другою; оно погрузитъ безъ сомнѣнія нѣкогда Аѳины, Лакедемонъ и величайшіе города Греціи Ежели мысль сія нелестна для народовъ, полагающихся на вѣчность своея славы, то напоминаетъ она по крайней мѣрѣ сіи удивительныя перемѣны небесныхъ тѣлъ, о коихъ говорили мнѣ жрецы Египетскіе. Опредѣлено ли время перемѣнъ морскихъ?

Воображеніе твое разгорячается, отвѣчалъ мнѣ Эвклидъ: успокойся. Море и матерая земля, по мнѣнію нашему, суть аки бы два великія царства, никогда мѣста своего неперемѣняющія, и часто спорящіяся о владѣніи какихъ либо малыхъ сопредѣльныхъ земель. Море, то принуждено бываетъ подвинуть назадъ свои предѣлы по причинѣ илу и песковъ, приносимыхъ въ оное рѣками, то распространяетъ ихъ дѣйствіемъ своихъ

волнъ, и по другимъ особеннымъ причинамъ. Въ Акарнанїи, въ долинѣ Илїонской, близъ Эфеса и Милета, наносная земля въ устьяхъ рѣчныхъ увеличила матерую землю.

Когда я прибылъ, сказалъ я ему, ко озеру Меотїйскому, то увѣдомили меня, что осадки, оставляемыя тамо ежедневно Танаисомъ, (Дономъ) такъ возвысили дно сего озера, что съ нѣкотораго времени корабли, приходящїе туда для торговли, были менѣе нежели прежде. Я могу привести убѣдительнѣйшїй примѣръ, отвѣчалъ онъ: та часть Египта, которая простирается отъ сѣвера къ югу, отъ моря до Ѳиваиды, есть творенїе и даръ Нила. Тамо существовалъ въ первѣйшїя времена заливъ, простиравшїйся по направленїю почти параллельному съ Чермнымъ моремъ. Нилъ завалилъ оный слоями ила, который осаждаетъ тамо каждый годъ. Удобно можно въ томъ убѣдиться, не только по преданїямъ Египтянъ, по качеству почвы, по раковинамъ находимымъ въ горахъ лежащихъ выше Мемфиса; но такъ же по наблюденїю доказывающему, что не смотря на теперешнее ея возвышенїе, поверхность земли Египта еще не сравнялась съ уровнемъ сосѣдственныхъ

странъ. Сезострисъ, Нехосъ, Дарій и другіе цари, покушаясь привести каналы для сообщенія между Чермнымъ моремъ и Ниломъ, примѣтили, что поверхность сего моря была выше почвы Египта.

Между тѣмъ, какъ море допускаетъ похищать въ предѣлахъ своихъ владѣній, замѣняетъ оно ихъ отъ времени до времени похищеніями отъ земли. Безпрестанныя онаго усилія отверзаютъ ему вдругъ проходы сквозь земли, кои не примѣтно промывало: оно, по видимому, отдѣлило отъ Италіи Сицилію, отъ Віотіи Эввею, отъ сосѣдственной матерой земли множество другихъ острововъ: обширныя страны поглощены были внезапнымъ нашествіемъ волнъ его. Страшныя сіи перемѣны не были описаны нашими дѣеписателями, потому что дѣеписаніе объемлетъ токмо нѣкоторыя мгновенія жизни народовъ; но онѣ оставляли иногда неизгладимые слѣды въ памяти народной.

Перейди въ Самоѳракію, ты узнаешь, что воды Понта Эвксинскаго, долгое время заключавшіяся въ водоемѣ, отвсюду запертомъ, и безпрестанно прираставшія отъ водъ

Европейскихъ и Азїйскихъ, проложили ходъ Восфора и Геллеспонта, и стремительно низвергаясь въ Егейское море, распространили предѣлы онаго къ ущербу береговъ, коими оно окружено было. Празднества, установленныя на островѣ, свидѣтельствуютъ еще о злосчастїи, коимъ древнїе обитатели угрожаемы были, и о благотворенїи боговъ, ихъ отъ онаго оградившихъ. Справься съ баснословїемъ: Ираклъ, коего дѣянїя угодно было смѣшать съ дѣянїями природы, сей Ираклъ, раздѣляющїй Европу отъ Африки, не означаетъ ли, что Атлантическое море истребило перешеекъ, соединявшїй сїи двѣ части земли, и излилося далѣе внутрь моря.

Другїя причины умножили сїи пагубныя и чудесныя дѣйствїя. За проливомъ, о коемъ я теперь говорилъ, существовалъ, какъ извѣстно изъ древнихъ преданїй; островъ, такъ же большой какъ Азїя и Африка; отъ землетрясенїя поглощенъ онъ вмѣстѣ съ злосчастными онаго обитателями безднoю Атлантическаго моря. Сколько странъ потоплено водами небесными! Сколько разъ неукротимые вѣтры преносили песчаныя горы на плодоносныя равнины! Воздухъ, вода, огонь,

кажется, возстали противъ земли; между тѣмъ сіи ужасныя произшествія, угрожающія цѣлому міру близкимъ разрушеніемъ, едва повреждаютъ нѣкоторыя точки поверхности земнаго шара, который есть токмо точка вселенной.

Выше видѣли мы, что море, и твердая земля похищали одно у другой владычество по праву побѣды, и слѣдовательно ко вреду злосчастныхъ смертныхъ. Воды, протекающія или пребывающія неподвижными на землѣ, не менѣе измѣняютъ ея поверхность. Неговоря о рѣкахъ, попеременно обогащающихъ и опустошающихъ какую либо землю, должны мы примѣтить, что въ различныя эпохи одна и таже страна бываетъ преизбыточно достаточна, и совершенно скудна водою, въ которой она имѣетъ нужду. Во время войны Троянской, около Аргоса была земля болотистая и не имѣвшая довольно людей къ ея обработыванію, между тѣмъ какъ почва земли Микенской, еще содержавшая въ себѣ сѣмена всякихъ прозябеній, представляла богатыя жатвы и великое многолюдство; солнечный зной, въ теченіи осьми вѣковъ, истребившій излишнюю влажность первой изъ

сихъ областей, и влажность нужную другой, содѣлалъ безплодными поля Микенскія и оплодотворилъ поля Аргосскія.

Что природа произвела здѣсь вмалѣ, то производитъ она въ большемъ видѣ по всей землѣ. Она содѣйствіемъ солнца похищаетъ у нея безпрестанно соки, къ ея плодородію служащіе. Но какъ она могла бы изтощить ее совершенно, то производитъ отъ времени до времени наводненія, кои, подобно продолжительной зимѣ, вознаграждаютъ въ краткое время трату, каковую нѣкоторыя страны въ теченіе многихъ вѣковъ претерпѣли. О семъ упоминаютъ лѣтописи наши, что нѣкоторые люди, избавившіеся конечно отъ потопленія своей земли, поселилися на высотахъ, построили плотины, и дали теченіе водамъ, оставшимся въ долинахъ. Тако въ древнѣйшія времена, нѣкоторый царь Лакедемонской заключилъ въ канале воды, коими Лаконія была покрыта и тѣмъ произвелъ рѣку Эвроту.

По симъ примѣчаніямъ можемъ заключить, что Нилъ, Танаисъ и всѣ рѣки, называемыя вѣчными, сначала были не иное что какъ озера, составившіяся въ безплодныхъ доли-

нахъ отъ незапныхъ наводненій, и принужденныя потомъ трудами людей, либо по другимъ какимъ либо причинамъ, проложить себѣ путь чрезъ земли. Должно такъ же предполагать, что онѣ оставили свое русло, когда новыя перемѣны на землѣ принудили ихъ разлиться по мѣстамъ, кои нынѣ сухи и безплодны. Такимъ-то образомъ, по мнѣнію Аристотеля, разлились воды, которыя природа доставляетъ различнымъ странамъ земли.

Но до того времени, доколѣ мы ихъ не видимъ, гдѣ она ихъ сокрываетъ? гдѣ помѣстила начало источниковъ и рѣкъ? Нѣкоторые говорятъ: она ископала пространныя водохранилища въ нѣдрахъ земли; туда-то скопляются большею частію небесныя воды; оттуда-то истекаютъ онѣ съ большимъ или меньшимъ изобиліемъ и продолжительностію, смотря по обширности вмѣстилища, оныя въ себѣ заключающаго. Но другіе отвѣтствуютъ: какое пространство возможетъ когда либо вмѣщать въ себѣ такое количество воды, которое въ большихъ рѣкахъ протекаетъ чрезъ цѣлый годъ. Допустимъ, ежели угодно, что есть въ землѣ пустоты для вмѣщенія излишнихъ дождей; но какъ оныхъ

было бы недостаточно на ежедневное наполненіе рѣкъ и источниковъ, то признаемъ, что во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, воздухъ, или паче наполняющіе его пары, сгущенные стужею, превращаются въ воду въ нѣдрѣ земномъ и на ея поверхности, такъ какъ они перемѣняются въ дождь въ атмосферѣ. Сіе дѣйствіе еще удобнѣе производится на горахъ, потому что поверхность ихъ удерживаетъ необъятное количество паровъ; да и примѣтили, что изъ величайшихъ горъ протекаютъ величайшія рѣки.

Физика частная.

Когда Анаксархъ и Метонъ простились съ Эвклидомъ, то просилъ я его сообщить мнѣ нѣкоторыя его мысли о той части физики, которая разсматриваетъ въ особенности сущность, свойства и взаимное дѣйствіе тѣлъ. Сія наука, отвѣчалъ Эвклидъ, имѣетъ нѣкоторое соотношеніе съ гадательною наукою: одна должна показать намѣреніе природы въ обыкновенныхъ случаяхъ; другая, волю боговъ, въ произшествіяхъ чрезвычайныхъ; но свѣтъ первыя рано или поздно разсѣетъ обманы ея соперницы. Пріидетъ время, когда чудеса, устрашающія народъ, помѣщены будутъ въ статью дѣлъ естественныхъ,

когда единое теперешнее его ослѣпленіе почитаемо будетъ какъ бы родомъ чуда.

Какъ дѣйствія природы безконечно разнообразны, а причины ихъ безконечно темны, то физика доселѣ отваживалась подавать однѣ только мнѣнія; нѣтъ, можетъ быть, истинны, которой бы она не проникла, нѣтъ и нелѣпости, которой бы она не утверждала. Итакъ, въ нынѣшнее время, она долженствовала бы ограничиваться наблюденіемъ, а рѣшеніе предоставить слѣдующимъ вѣкамъ. Однакожъ она, хотя едва, такъ сказать, вышла изъ младенчества, показываетъ уже нескромность и высокомѣріе возраста совершеннаго; она стремительно пробѣгаетъ свое поприще, вмѣсто того, что бы итти по оному тихо; и не взирая на строгія свои правила, она ежедневно созидаетъ системы на простыхъ вѣроятностяхъ, или на обманчивой наружности.

Я не буду упоминать о томъ, что было говорено въ различныхъ школахъ о каждомъ явленіи, чувства наши поражающемъ. Ежели я останавливаюсь на умозрительномъ понятіи о стихіяхъ, и на сдѣланномъ изъ онаго употребленіи, то сіе единственно потому, что

оно только, какъ кажется мнѣ, подаетъ справедливѣйшее понятіе объ остроуміи Греческихъ философовъ. Мало въ томъ нужды, что ихъ правила имѣютъ хорошее или худое основаніе: можетъ быть будутъ укорять ихъ нѣкогда въ томъ, что они не имѣли точныхъ понятій о физикѣ, однакожъ согласятся по крайней мѣрѣ въ томъ, что они заблуждались, яко люди умные.

Могли ли ожидать успѣховъ первые физики, хотѣвшіе познать начала, которыя составляютъ существа, нашимъ чувствамъ подлежащія? Искуство не представляло никакого средства къ разложенію сихъ существъ; раздѣленіе, до какого бы степени оно доведено ни было, представляетъ взору или вoображенію наблюдателя, только поверхности болѣе или менѣе протяженныя; между тѣмъ казалося, будто бы, послѣ многихъ покушеній примѣчено, что нѣкоторыя существа преобразовались въ другія существа; а изъ сего мало по малу заключили, что въ природѣ находятся тѣла простыя и смѣшенныя; что послѣднія суть токмо слѣдствія соединеній первыхъ; наконецъ, что простыя тѣла сохраняли въ смѣшенныхъ тѣ же качества, тѣ же

свойства, кои прежде имѣли. Съ того времени открытъ путь, и казалось нужнымъ узнать прежде всего свойство простыхъ тѣлъ. Вотъ нѣкоторыя наблюденія о семъ предметѣ; я заимствовалъ ихъ отъ Аристотеля.

Земля, вода, воздухъ и огонь суть стихіи всѣхъ тѣлъ; а посему каждое тѣло можетъ разрѣшиться на которую нибудь изъ сихъ стихій.

Стихіи будучи тѣла простыя, не могутъ раздѣлиться на тѣла другаго свойства; но онѣ взаимно себя раждаютъ и перемѣняются безпрестанно одна въ другую.

Не льзя съ точностію опредѣлить, какъ соединяются начала, изъ коихъ составлено каждое тѣло; и такъ Эмпедоклъ сказалъ по одной только догадкѣ, что кость состоитъ изъ двухъ частей воды, двухъ частей земли, и четырехъ огня.

Не лучше знаемъ мы и видъ составныхъ частицъ въ стихіяхъ: тщетно трудилися тѣ, кои предпринимали опредѣлить сей видъ. Для изъясненія свойствъ огня, говорили нѣкоторые: частицы его должны

имѣть видъ пирамидальный; другіе говорили: онѣ должны имѣть видъ сферическій. Твердость обитаемаго нами шара заставила думать, что частицы земляной стихіи имѣютъ видъ кубическій.

Стихіи сіи заключаютъ сами въ себѣ начало движенія и покоя, которое отъ нихъ неотъемлемо: сіе начало побуждаетъ земляную стихію стремиться къ средоточію вселенныя; воду возвышаться надъ землею; воздухъ надъ водою; огонь надъ воздухомъ. И такъ положительная тяжесть, и безъ примѣси легкости, принадлежитъ только землѣ; положительная легкость, безъ примѣси тяжести, принадлежитъ только огню: двѣ посреднія стихіи, воздухъ и вода, имѣютъ въ отношеніи къ двумъ крайностямъ токмо относительную тяжесть и легкость, потому что оные легче земли и тяжелѣе огня. Относительная тяжесть изчезаетъ, когда имѣющая оную стихія низпускается въ мѣсто, низшее того, которое ей свойственно: такимъ образомъ воздухъ теряетъ тяжесть свою въ водѣ, а вода въ землѣ.

Слѣдовательно, ты думаешь, сказалъ

я Эвклиду, что воздухъ имѣетъ тяжесть? Не льзя въ томъ сумнѣваться, отвѣчалъ онъ; пузырь надутый вѣситъ больше, нежели пустой.

Къ четыремъ стихїямъ принадлежатъ четыре существенныя свойства, холодъ, жаръ, сухость и влажность. Первыя два дѣйствующїя, а два другїе страждущїя. Каждая стихїя имѣетъ оныхъ два; земля холодна и суха; вода холодна и влажна; воздухъ теплъ и влаженъ; огонь сухъ и теплъ. Противуположенность сихъ качествъ поспѣшествуетъ намѣренїямъ природы, которая дѣйствуетъ посредствомъ противныхъ; и оныя суть единственные способы употребляемые ею для произведенїя всѣхъ ея дѣйствїй.

Стихїи, имѣющїя общее свойство, удобно премѣняются одна въ другую: для произведенїя сего довольно, чтобъ разрушить въ которой либо изъ нихъ свойство, ихъ различающее. Ежели посторонняя причина отнимется у воды холодъ и сообщитъ ей жаръ, то вода будетъ тепла и влажна; итакъ она будетъ имѣть оба отличительныя свойства воздуха, и не льзя будетъ ее различить

отъ сей стихіи; а по сей причинѣ вода чрезъ кипѣніе изпаряется и поднимается въ страну воздушную. Ежели въ сихъ возвышенныхъ мѣстахъ другая причина лишитъ ея теплоты, и сообщитъ ей естественный холодъ, то приметъ она паки прежній свой видъ и низпадетъ опять на землю; что доказывается дождями. Отними также у земли естественный ея холодъ, то превратишь ее въ огонь; отними у нея сухость, то превратишь въ воду.

Стихіи, не имѣющія никакого общаго свойства, также взаимно превращаются; но сіи перемѣны рѣже и медленнѣе производятся.

По симъ положеніямъ, на опытахъ или на заключеніяхъ основаннымъ, удобно понять можно, что смѣшенныя тѣла должны имѣть болѣе или менѣе тяжести, смотря потому, что оныя содержатъ болѣе или менѣе частицъ тѣхъ стихій, кои имѣютъ положительную, или относительную тяжесть. Возми два тѣла равной величины: ежели одно тяжелѣе другаго, то заключай изъ того, что земляная стихія преимуществуетъ въ первомъ, а вода или воздухъ въ другомъ.

Вода отъ жару испаряется, а отъ стужи замерзаетъ; итакъ жидкости, подвергающіяся тѣмъ же перемѣнамъ, по большой части состоятъ изъ сей стихіи. Жаръ изсушаетъ и дѣлаетъ твердою землю, итакъ всѣ тѣла, надъ коими оный такимъ же образомъ дѣйствуетъ, наипаче состоятъ изъ земляной стихіи.

Отъ свойства сихъ четырехъ стихій, отъ существенныхъ имъ принадлежностей, кои суть, какъ я сказалъ, жаръ и холодъ, сухость и влажность, происходитъ не только тяжесть и легкость; но также плотность и рѣдкость, мягкость и твердость, хрупкость и гибкость, и всѣ прочія качества смѣшанныхъ тѣлъ. По сему-то можно изъяснить безпрестанныя ихъ перемѣны; посему изъясняются явленія небесныя и произведенія земли. Въ небѣ, воздушныя явленія; въ нѣдрѣ земнаго нашего шара, изкопаемыя тѣла, металлы и проч: суть токмо произведенія изпареній сухихъ, либо влажныхъ паровъ.

Слѣдующій примѣръ яснѣе покажетъ употребленіе, какое можно сдѣлать изъ

предъидущихъ понятій. Физики различно думаютъ о причинѣ землетрясеній: Демокритъ, между прочими, приписывалъ оныя изобильнымъ дождямъ, проникающимъ землю, кои въ извѣстныхъ случаяхъ, не могши удерживаться въ пространныхъ водохранилищахъ, кои предполагалъ во внутренности земнаго шара, силились исторгнуться изъ оной. Аристотель, сообразно съ правилами, мною теперь показанными, мнитъ напротивъ того, что дождевая вода, разрѣженная внутреннею теплотою земли, либо солнечнымъ жаромъ, превращается въ воздухъ, который не находя себѣ выхода, потрясаетъ и поднимаетъ верхніе слои земнаго шара.

Естественная Исторія.

Древніе философы сперва старались знать, какимъ образомъ вещи составились, а потомъ ужѐ познавать, каковы онѣ. Книга природы отверзта была предъ ихъ глазами, вмѣсто того, чтобы читать оную, начали ее толковать. Послѣ долговременныхъ и безполезныхъ околичностей, поняли наконецъ, что, дабы познать животныхъ, растенія и различныя произведенія природы, надлежитъ разсматривать ихъ съ упорнымъ постоянствомъ. Отъ сего произошло собраніе на-

блюденій; новая наука, любопытнѣйшая, полезнѣйшая древней физики. Ежели занимающійся оною хочетъ сообщить мнѣ свои долговременныя изслѣдованія о свойствѣ животныхъ, то онъ обязанъ исполнить двѣ существенныя должности: сперва должность историка, а потомъ истолкователя.

Яко историкъ, будетъ онъ говорить о ихъ рожденіи, величинѣ, видѣ, цвѣтѣ, пищѣ, свойствѣ, нравахъ. Онъ постарается представить изложеніе внутренности тѣлъ ихъ, коихъ части будутъ ему извѣстны посредствомъ трупоразъятія.

Яко истолкователь, долженъ онъ заставить меня удивляться премудрости природы, въ соотношеніи орудняго ихъ образованія съ обязанностями, кои оныя исполнять должны, съ стихіею, въ коей должны существовать, съ началомъ ихъ жизни; онъ долженъ мнѣ показать оную въ дѣйствіи различныхъ ея пружинъ, производящихъ движеніе, такъ какъ и въ средствахъ, употребляемыхъ для сохраненія и продолженія каждой породы.

Сколь ни ограничено ученіе о тѣлахъ небесныхъ и вѣчныхъ, однако оно приводитъ

ихъ въ большій восторгъ, нежели ученіе о существахъ земныхъ и тлѣнныхъ. Можно сказать, что зрѣлище небесъ дѣлаетъ надъ физикомъ тоже впечатлѣніе, какое дѣлаетъ красота надъ человѣкомъ, который, дабы имѣть предметъ, коимъ онъ плѣненъ, согласился бы не смотрѣть на всѣ прочія части міра. Но ежели физика, восходя въ вышшія страны, удивляетъ насъ величіемъ своихъ открытій; то по крайней мѣрѣ оставаясь на земли, привлекаетъ она насъ множествомъ доставляемыхъ намъ познаній и съ избыткомъ вознаграждаетъ труды, намъ ею причиняемые.

Въ самомъ дѣлѣ какихъ пріятностей не разливаетъ природа на труды философа, который увѣренъ будучи, что она ничего тщетно не дѣлаетъ, проникаетъ въ таинства ея дѣйствій, повсюду находитъ печать ея величія, и не подражаетъ тѣмъ безразсудно гордымъ умамъ, кои почитаютъ за низость обращать взоры свои на насѣкомое. Нѣкоторые иностранцы пришли просить совѣта у Ираклита; они нашли его грѣющагося предъ печью, потому что погода была тогда холодная. Они какъ бы отъ стыда остановились

въ дверяхъ ,,Войдите сказалъ онъ имъ, сами без-
,,смертные боги удостоиваютъ сіи мѣста
,,своимъ присутствіемъ. ,, Величество природы такимъ же образомъ возвышаетъ и ну существъ самыхъ презрѣнныхъ въ нашихъ глазахъ; сія общая матерь дѣйствуетъ повсюду съ глубокою мудростію, и, шествуетъ надежными путями, приводящими оную къ предположенной цѣли.

При первомъ обозрѣніи безчисленнаго множества ея произведеній, всякъ удобно почувствуетъ, что для успѣшнаго разсматриванія оныхъ, для понятія ихъ соотношеній, и для точнаго ихъ описанія, надлежитъ привести ихъ въ нѣкоторый порядокъ, и раздѣлить ихъ сперва на малое число главныхъ статей, каковы суть животныя, растенія и минералы. Естьли разсмотрѣть потомъ каждую изъ сихъ главныхъ статей, то найдемъ, что существа, ихъ составляющія, имѣя между собою болѣе или менѣе примѣтныя сходства или разности, должны быть раздѣляемы и подраздѣляемы на многіе виды, пока дойдутъ до недѣлимыхъ.

Таковую постепенность удобно бы можно было составить, ежелибы возможно было по-

знать переходъ одного вида въ другой. Но какъ таковыя прехожденія совершаются непримѣтнымъ образомъ, то каждый разъ можно ошибкою смѣшать то, что должно быть отличено, и отличать то, что должно быть смѣшано. Въ семъ-то состоитъ погрѣшность методовъ доселѣ извѣстныхъ. Въ однихъ изъ таковыхъ разпредѣленій съ удивленіемъ видимъ нѣкоторыхъ птицъ, помѣщенныхъ между водяными животными, или между породами столь же имъ неприличными. Сочинители сихъ разпредѣленій ошиблись въ самомъ основаніи, они судили о цѣломъ по единой части: принявъ крылья за отличительный признакъ, раздѣлили они всѣхъ животныхъ на двѣ большія статьи, къ одной изъ нихъ относятся крылатыя, къ другой безкрылыя, а того и не примѣтили, что между животными одной и тойже породы, какъ напримѣръ между муравьями, есть крылатыя и безкрылыя.

Раздѣленіе на животныхъ домашнихъ и дикихъ, хотя нѣкоторыми естествословами и принято, есть также недостаточно; ибо человѣкъ и тѣ животныя, коихъ нравы онъ укротить умѣлъ, не имѣютъ собственной

разности отъ человѣка, коня и пса, живущихъ въ лѣсахъ.

Всякое раздѣленіе тогда только бываетъ точнымъ, когда оно полагаетъ существенное отличіе между предметами, кои отдѣляетъ; всякая разность тогда только означаетъ существеннымъ особенной видъ, когда въ одной и тойже породѣ соединяетъ каждое животное или каждую вещь, къ оной породѣ принадлежащія; то есть всѣ тѣ, кои совершенно между собою сходны или въ маломъ чѣмъ между собою разнятся.

Поелику сіи условія весьма трудно исполнить, то Аристотель изобрѣлъ самый выгодный образъ раздѣленія, который не имѣетъ никакихъ неудобствъ, заключающихся въ предъидущихъ методахъ. Онъ изъяснитъ его въ одномъ изъ своихъ разсужденій; и сіе разсужденіе безъ сумнѣнія будетъ твореніемъ мужа трудолюбиваго, который ничего не пренебрегаетъ, и мужа остроумнаго, который видитъ все (*)

(*) Бюффонъ весьма хорошо изъяснилъ сей образъ разпредѣленія въ предисловіи къ первому тому Естественной Исторіи.

Между наблюденіями, коими обогатитъ онъ свою исторію о животныхъ, есть нѣкоторыя, кои онъ мнѣ сообщилъ, и о коихъ я упомяну, дабы показать тебѣ, какимъ образомъ нынѣ разсматриваютъ природу.

1) При разсматриваніи животныхъ по отношенію къ климату, найдено, что дикія животныя свирѣпѣе въ Азіи, сильнѣе въ Европѣ, и многоразличнѣе видами своими въ Африкѣ: живущія на горахъ злѣе тѣхъ, кои живутъ на равнинахъ. Впрочемъ я не знаю, происходитъ ли сіе различіе отъ мѣстъ, ими населенныхъ, или отъ недостатка въ пищѣ? ибо въ Египтѣ, гдѣ всякіе роды животныхъ снабдѣны всемъ нужнымъ пропитаніемъ, какъ свирѣпѣйшія, такъ и кротчайшія живутъ между собою мирно, и крокодилъ ласкается къ жрецу, который его питаетъ.

Климатъ великое имѣетъ вліяніе въ ихъ нравы. Излишество хлада и жара содѣлываетъ ихъ дикими и жестокими: иногда производятъ въ нихъ большія перемѣны вѣтры, воды, и пища. Полуденные народы боязливы и робки; сѣверныя храбры и довѣрчивы: но первые просвѣщеннѣе, можетъ быть потому, что они болѣе изнѣжены.

Таже самая причина, отъ которой происходитъ сія нравственная разность между людьми, дѣйствуетъ также и на самый ихъ составъ. Между прочими доказательствами, глаза обыкновенно бываютъ голубые въ холодныхъ странахъ, а черные въ странахъ жаркихъ.

2) Птицы весьма чувствительны къ суровостямъ годовыхъ временъ. При наступленіи зимы или лѣта, одни опускаются на равнины, или отлетаютъ на горы; другія оставляютъ свое жилище и улетаютъ въ отдаленнѣйшія страны, гдѣ воздухъ умѣреннѣе. Посему-то для избѣжанія излишествъ стужи и жара, царь Персидскій переводитъ дворъ свой то въ сѣверную, то въ южную часть своего государства.

Время отлетанія и возвращенія птицъ бываетъ около равноденствій. Слабѣйшія отлетаютъ прежде: всѣ же почти летятъ вмѣстѣ, и какъ бы поплеменно. Иногда, для достиженія мѣста своего пребыванія, пускаются они въ весьма дальній путь; журавли прилетаютъ изъ Скиѳіи къ болотамъ, находящимся выше Египта, откуда Нилъ нача-

ло свое имѣетъ: тамъ то обитаютъ Пигмеи. Какъ! прервалъ я, ты вѣришь что есть Пигмеи! ведутъ ли они еще войну съ журавлями, какъ то было во времена Омира? Война сія, отвѣчалъ онъ, есть вымыслъ стихотворца, которому не повѣрятъ повѣствователи Естественной Исторіи (*); но Пигмеи существуютъ: они суть племя людей весьма малорослыхъ, такъ какъ и ихъ лошади; они черны, и проводятъ жизнь свою въ пещерахъ, подобно Троглодитамъ.

Таже самая причина, присовокупилъ Эвклидъ, которая побуждаетъ нѣкоторыхъ птицъ отлучаться ежегодно изъ своего отечества, дѣйствуетъ въ глубинѣ водъ. Когда находимся въ Византіи; то видимъ, въ извѣстныя времена, многія породы рыбъ, то поднимающихся въ понтъ Эвксинскій, то спускающихся въ Егейское море; онѣ идутъ цѣлыми племенами, подобно птицамъ; и путь ихъ, такъ, какъ наша жизнь уставленъ, сѣтьми, ожидающими ихъ во время перехода.

(*) Аристотель не упоминаетъ о сей басни, хотя нѣкоторые писатели его въ томъ и обвиняли, основываясь на Латинскомъ переводѣ.

Нѣкоторые, дѣлавшїе изслѣдованїя надъ продолжительностїю жизни животныхъ, думаютъ, что они примѣтили, якобы во многихъ породахъ, самки живутъ долѣе нежели самцы Но, не привязываясь къ сему различїю, можемъ мы утвердить, что жизнь собакъ простирается обыкновенно до четырнадцати или пятнадцати, а иногда и до двадцати лѣтъ; волы живутъ почти стольколже лѣтъ; лошади обыкновенно до осьмнадцати или двадцати, а иногда до тридцати, и даже до пятидесяти лѣтъ; ослы болѣе тридцати a); верблюды болѣе пятидесяти, b), а нѣкоторые доживаютъ до ста лѣтъ. Слоны живутъ, по мнѣнїю нѣкоторыхъ, двѣсти, а по мнѣнїю другихъ, до трехъ сотъ лѣтъ. Древле мнили, что олень живетъ въ четверо долѣе вороны, а ворона въ девятеро долѣе человѣка. Все что нынѣ достовѣрнаго объ оленяхъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что время ношенїя ихъ въ утробѣ и скорое ихъ возвращенїе, не позволяютъ думать, чтобы они жили долговременно.

Природа дѣлаетъ иногда изключенїя въ общихъ своихъ законахъ. Аѳиняне приве-

a) По мнѣнїю Бюффона, ослы и лошади живутъ 25 или 30 лѣтъ.

b) По мнѣнїю Бюффона, 40 или 50 лѣтъ.

дутъ тебѣ въ примѣръ лошака, умершаго на восьмидесятомъ году. По чрезвычайной его старости дали ему, во время построенія храма Минервина, свободу; но онъ продолжалъ ходить впереди другихъ лошаковъ, ободряя ихъ своимъ примѣромъ, и раздѣляя съ ними ихъ труды. По народному опредѣленію запрещено купцамъ отгонять его, когда онъ приближался къ кошницамъ съ зернами и плодами, выставленными на продажу.

4 Примѣчено, какъ я уже тебѣ сказалъ, что природа переходитъ отъ одного рода и вида къ другимъ неощутительными постепенностями и, начиная отъ человѣка до существъ почти непримѣтныхъ, всѣ ея произведенія соединены, кажется, непрерывною цѣпію.

Возьмемъ въ примѣръ минералы, составляющіе первое кольцо таковой цѣпи; я вижу токмо вещество страдательное, безплодное, безорудное и слѣдовательно ни нуждъ, ни должностей не имѣющее. Вдругъ мнится мнѣ, что примѣчаю въ нѣкоторыхъ растеніяхъ родъ движенія, весьма слабое чувствованіе, искру жизни; а во всѣхъ постоян-

ное возрожденіе, но лишенное матерьнихъ попеченій, оному поспѣшествующихъ. Я выхожу на брега морскія; и видя раковины, могъ бы усумниться, принадлежатъ ли онѣ къ царству животныхъ, или къ царству растеній. Я возвращаюсь, и знаки жизни умножаются предъ моими глазами. Вотъ существа, движущіяся, дышущія, имѣющія вожделѣнія и должности. Ежели есть изъ нихъ такія, кои, подобно растеніямъ, мною упомянутымъ, съ самаго младенчества своего преданы были на произволъ случая, то находятся и такія, о воспитаніи коихъ приложено было болѣе или менѣе попеченія. Сіи живутъ въ обществѣ съ плодомъ своей любви; а тѣ содѣлались чуждыми для своихъ семействъ. Многіе представляютъ взору моему нѣкое подобіе нашихъ нравовъ; я нахожу между ими свойства удобопреклонныя: нахожу непокоривыхъ; я вижу въ нихъ черты кротости, мужества, отважности, лютости, боязни, трусости, иногда даже образъ благоразумія и разсудка. Мы имѣемъ разумъ, мудрость и искуства; а онѣ имѣютъ способности, замѣняющія сіи выгоды.

Сей рядъ подобія приводитъ насъ напослѣдокъ къ самому концу той цѣпи, гдѣ по-

мѣщенъ человѣкъ. Между качествами, назначающими ему верховную степень, примѣчаю два существенныя: первое есть разумъ, возвышающій его, во время жизни, до созерцанія вещей небесныхъ; второе есть счастливое устроеніе его орудій, а особливо осязаніе, первое, нѣжнѣйшее и изящнѣйшее изъ нашихъ чувствъ, источникъ промышленности, и орудіе способнѣйшее къ споспѣшенію дѣйствіямъ ума. Философъ Анаксагоръ сказалъ, что человѣкъ обязанъ рукѣ частію своего превосходства.

Духи. Для чего, сказалъ я тогда, помѣщаешь ты человѣка на концѣ помянутой цѣпи? Неизмѣримое пространство, отдѣляющее его отъ божества, развѣ есть пространная пустыня? Египтяне, волхвы Халдейскіе, Фригіяне, Ѳракіяне, наполняютъ оную обитателями столько же насъ превосходящими, сколько мы превосходимъ скотовъ.

Я говорилъ, отвѣчалъ Эвклидъ, только о видимыхъ существахъ. Можно думать, что надъ нами существуетъ безконечное множество другихъ, отъ взора нашего сокрывающихся. Отъ грубѣйшаго существа мы взо-

шли непримѣтными степенями до нашей породы; дабы отъ сего предѣла дойти до божества, должно безъ сомнѣнія пройти разныя степени разумныхъ существъ, кои тѣмъ блистательнѣе и чище, чѣмъ болѣе приближаются къ престолу Предвѣчнаго.

Сіе мнѣніе, сообразное шествію природы, есть стольже древнее, какъ и общее между народами; отъ нихъ мы оное заимствовали. Мы населяемъ землю и небеса духами, коимъ Всевышнее Существо препоручило управленіе вселенныя; мы размѣщаемъ ихъ повсюду, гдѣ природа кажется одушевленною, а наипаче въ тѣхъ странахъ, кои разпространяются около насъ и надъ нами, начиная отъ земли до сферы лунной. Тамъ то властвуя безпредѣльно, раздаютъ они жизнь и смерть, добро и зло, свѣтъ и мракъ.

Каждый народъ, каждый частный человѣкъ находитъ въ сихъ невидимыхъ силахъ друга ревностнаго къ его защитѣ, и врага неменѣе ревностнаго къ его гоненію. Они облечены тѣломъ воздушнымъ; существо ихъ находится въ срединѣ между существомъ божественнымъ и нашимъ; они превосходятъ насъ разумѣніемъ; нѣкоторые подвержены

страстямъ нашимъ, большая же часть перемѣнамъ, возводящимъ ихъ на вышшую степень. Ибо безчисленный народъ духовъ раздѣленъ на четыре главныя статьи; перьвая есть статья боговъ, коихъ простый народъ обожаетъ, и кои обитаютъ въ свѣтилахъ; вторую составляютъ Генїи, собственно такъ называемые; третью ирои; оказавшїе, во время жизни своей великїя услуги человѣчеству; четвертую, наши души по разлученїи ихъ съ тѣломъ. Мы опредѣляемъ первымъ тремъ почести, кои нѣкогда будутъ удѣломъ и нашихъ душъ, и кои вознесутъ насъ постепенно до достоинства ироевъ, Генїевъ и боговъ.

Эвклидъ, понимавшїй не лучше, какъ и я, причины сихъ повышенїй присовокупилъ, что нѣкоторые Генїи, подобно намъ, снѣдаются печалїю; подобно намъ они суть смертны. Я вопросилъ, какой предѣлъ назначается ихъ жизни? По мнѣнїю Исїода, отвѣтствовалъ онъ, нимфы живутъ тысячу лѣтъ; по мнѣнїю Пиндара, Гамадрїада умираетъ вмѣстѣ съ деревомъ, которое ее въ себѣ заключаетъ.

Ученые люди недовольно еще занимались, прервалъ я, предметомъ столь важнымъ:

существенное однакожъ былобы дѣло познать родъ власти, которую сіи духи надъ нами имѣютъ: можетъ быть надлежитъ имъ приписать многія дѣйствія, коихъ мы незнаемъ причины; можетъ быть отъ нихъ бываютъ непредвидимыя произшествія какъ въ игрѣ счастія, такъ и въ перемѣнахъ политическихъ. Я признаюсь тебѣ, мнѣ наскучила исторія о человѣкахъ, я бы желалъ видѣть исторію о существахъ невидимыхъ. Вотъ тотъ человѣкъ, отвѣчалъ Эвклидъ, который можетъ тебя снабдить весьма любопытными записками.

Послѣдователь Пиѳагоровой секты Телесиклей, вошедъ въ сіе время, узналъ опредметѣ нашего разговора, и удивился, что мы никогда не видали духовъ. Правда, сказалъ онъ, что они сообщаются только душамъ, которыя приготовлялись къ тому долгое время чрезъ размышленіе и молитву; потомъ признался онъ, что его духъ дѣлалъ ему иногда честь своимъ присутствіемъ, и что согласясь нѣкогда на неотступныя его прозьбы, перенесъ онъ его въ царство духовъ. Разскажи намъ, сказалъ я ему о твоемъ путешествіи; молю тебя о семъ *именемъ того, кто показалъ тебѣ си-*

лу чиселъ 1, 2, 3, 4. (*) Телесиклей болѣе не сопротивлялся, и началъ сими словами.

,,Когда время нашего отшествія настало, то я почувствовалъ, что душа моя отдѣлилась отъ узъ, сопрягавшихъ ее съ тѣломъ, и я увидѣлъ себя въ новомъ мірѣ существъ одушевленныхъ, добрыхъ и злыхъ веселыхъ, и печальныхъ, благоразумныхъ и безразсудныхъ; мы слѣдовали за ними нѣсколько времени; и мнѣ казалось, будто я узналъ, что они управляютъ дѣлами государствъ и частныхъ людей, изслѣдованіями мудрыхъ и мнѣніями простаго народа.

Вскорѣ жена исполинскаго роста, разпростерла черное покрывало подъ сводомъ небеснымъ; и снизшедъ медленно на землю раздала свои повелѣнія бывшимъ съ нею спутникамъ. Мы прошли непримѣтнымъ образомъ во многіе домы; Сонъ и служители его разсыпали маки щедрою рукою; и между тѣмъ, какъ тишина и миръ возсядали кротко подлѣ

(*) Т. е. именемъ Пиѳагора. Я показалъ образецъ клятвы, бывшей въ употребленіи у учениковъ сего великаго человѣка, который открылъ грамматическія размѣры въ сихъ числахъ, т. е. 1, 2, 3, 4.

добродѣтельнаго человѣка, угрызенія совѣсти и страшныя привидѣнія сильно потрясали ложе злодѣя. Платонъ писалъ сказываемое Геніемъ Омира, и пріятныя мечты летали около младой Ликорисы.

Аврора и часы отверзаютъ врата дня, сказалъ мнѣ проводникъ мой; время намъ подняться на воздухъ. Зри Геніевъ хранителей Аѳинъ, Коринѳа, Лакедемона, носящихся надъ сими градами; они отвращаютъ отъ нихъ, елико возможно, бѣдствія имъ угрожающія. Между тѣмъ поля ихъ будутъ опустошены; ибо Геніи полуденные, облеченные во мрачныя тучи, грозно приближаются къ Геніямъ сѣвернымъ. Брани въ сихъ странахъ столь же часты, какъ и въ вашихъ, и битва Титановъ и Тифоновъ была не иное что, какъ битва между двумя народами Геніевъ.

Теперь замѣть тѣхъ ревнительныхъ подвижниковъ, кои столь же быстрымъ и неравнымъ полетомъ, каковъ полетъ ласточки, прикасаются землѣ и обращаютъ во всѣ стороны жадные и проницательные свои взоры; они суть надзиратели дѣлъ человѣческихъ; одни изливаютъ благотворенія свои на смерт-

ныхъ ими покровительствуемыхъ; другїе попускаютъ неумолимую Немезису устремить ея противу злодѣянїй. Зри сихъ посредниковъ, сихъ истолкователей, безпрестанно восходящихъ и низходящихъ; они приносятъ богамъ обѣты наши и жертвы, они намъ доставляютъ счастливыя, либо пагубныя сновидѣнїя и тайны будущаго, открываемыя намъ потомъ устами прорицателей.

О покровителю мой! возопилъ я вдругъ, вотъ существа, коихъ ростъ и зловѣщїй видъ внушаютъ ужасъ, они къ намъ приближаются. Убѣжимъ, сказалъ онъ мнѣ; они несчастны, благополучїе другихъ раздражаетъ ихъ, и они щадятъ токмо тѣхъ, кои препровождаютъ жизнь свою въ страданїяхъ и въ плачѣ.

Избавясь отъ ихъ свирѣпства, нашли мы другїе предметы не менѣе плачевные. Атея, гнусная Атея, вѣчный источникъ раздоровъ, терзающихъ человѣковъ, шествовала гордо надъ ихъ главами, и вдыхала въ сердца ихъ оскорбленїе и мщенїе. Робкими стопами, и съ потупленными глазами, мольбы влачились по слѣдамъ ея, и старались возвратить тишину вездѣ, гдѣ показывался раздоръ. За сла-

вою гналась зависть, которая терзала собственную свою утробу; за истиною ложь, которая безпрестанно перемѣняла свою личину; за каждою добродѣтелїю многїе пороки, которые несли съ собою сѣти или кинжалы.

Вдругъ появилось Счастїе; я благодарилъ его за дары, коими оно надѣляло смертныхъ. Я не надѣляю ихъ, сказало оно мнѣ съ видомъ суровымъ, но даю ихъ заимообразно съ великою лихвою. Сказавъ сїи слова обмакивало оно цвѣты и плоды, кои держало въ одной рукѣ, въ напитанный ядомъ сосудъ, который держало оно въ другой.

Тогда прошли мимо насъ два сильныя божества, оставившїя за собою многїя длинныя черты свѣта. Божества сїи были неукротимый Марсъ и мудрая Минерва, сказалъ проводникъ мой. Два воинства сближаются въ Вїотїи: богиня становится подлѣ Эпаминонда, военачальника Ѳивянъ, а богъ спѣшитъ соединиться съ Лакедемонянами, кои будутъ побѣждены: ибо мудрость должна торжествовать надъ силою.

Посмотри, какъ въ тоже самое время низрѣвают ся на землю два Генїя, изъ коихъ одинъ благїй, а другїй злый; они должны

владѣть родившимся младенцемъ; они должны сопровождать его до гроба: въ сіе первое мгновеніе будутъ они одинъ предъ другимъ стараться одарить его всѣми достоинствами, либо всѣми безобразіями сердца и ума; въ теченіи жизни его, вести къ добру, либо ко злу, смотря по вліянію, которое изъ нихъ возметъ верхъ.

Между тѣмъ видѣлъ я восходящія и низходящія существа, коихъ черты казались мнѣ грубѣе, нежели у Геніевъ. Я узналъ, что то были души, шедшія соединиться съ смертными тѣлами, либо оныя оставляли; вдругъ показалось ихъ великое множество; они слѣдовали отъ времени до времени другъ за другомъ, и разпространялися, по пространству воздуха, подобно грудамъ бѣловатой пыли, клубящейся на поляхъ нашихъ. Сраженіе началось, сказалъ мнѣ Геній; кровь лїется ручьями. Ослѣпленные и бѣдные смертные! Се души Лакедемонянъ и Ѳивянъ, погибшихъ на поляхъ Левктрскихъ. Куда они летятъ? сказалъ я ему. Слѣдуй за мною, отвѣчалъ онъ, и тогда о семъ узнаешь.

Мы прешли за предѣлы царства мрака и смерти, и вознесясь надъ сферою луны

достигли странъ, озаряемыхъ вѣчнымъ свѣтомъ. Остановимся на краткое время, сказалъ мнѣ проводникъ; обрати взоръ свой на великолѣпное зрѣлище, тебя окружающее; внемли божественной Гармонiи, происходящей отъ правильнаго шествiя тѣлъ небесныхъ; ты видишь, что при каждой планетѣ, при каждой звѣздѣ находится особенный Генiй, теченiемъ ихъ управляющiй. Сiи свѣтила населены превышшими духами, по естеству своему насъ превосходнѣйшими.

Между тѣмъ какъ, устремивъ взоры на солнце, съ восторгомъ разсматривалъ я Генiя, коего сильная мышца подвизала лучезарный сей шаръ по пути, имъ описываемому, видѣлъ я его свирѣпо удаляющаго большую часть встрѣтившихся намъ душъ, и позволяющаго малѣйшему токмо числу оныхъ погрузиться въ кипящiя волны сего свѣтила. Сiи послѣднiя, менѣе виновныя противъ другихъ, сказалъ мнѣ проводникъ мой, очищены будутъ пламенемъ; онѣ отлетятъ потомъ въ разныя свѣтила, по коимъ были разпредѣлены при образованiи вселенныя; онѣ пребудутъ тамо, доколѣ законы природы воззовутъ ихъ паки на землю для одуше-

вленія другихъ тѣлъ. Но тѣхъ, сказалъ я ему, коихъ Геній отдалилъ, какая будетъ участь? Онѣ прейдутъ въ поле истины, отвѣчалъ онъ; нелицеприемные судіи осудятъ наипреступнѣйшихъ на муки адскія; прочихъ на продолжительныя и прискорбныя странствованія. Тогда въ другой сторонѣ показалъ онъ мнѣ милліоны душъ, кои тысящи лѣтъ печально скитались въ воздухѣ, и употребляли тщетныя усилія найти себѣ убѣжище, на которомъ нибудь изъ шаровъ небесныхъ. Онѣ не прежде, сказалъ онъ мнѣ, какъ уже послѣ жестокихъ искушеній, достигнутъ, подобно первымъ, мѣста своего происхожденія.

Сожалѣя о ихъ несчастіи, просилъ я его сокрыть сіе зрѣлище отъ моего взора и повести меня далѣе, къ нѣкоей оградѣ, откуда исходили лучи свѣта болѣе блестящаго. Я надѣялся увидѣть Владыку вселенныя, окруженнаго предстоящими Его престолу тѣми чистыми существами, коихъ философы наши именуютъ числами, вѣчными понятіями, Геніями безсмертными. Онъ обитаетъ въ мѣстахъ смертнымъ неприступныхъ, сказалъ мнѣ Геній; воздай Ему хвалу, и снидемъ на землю.

Когда Телесиклей удалился, то сказалъ я Эвклиду: какое дать названїе повѣствованїю, которое мы теперь слышали? Сновидѣнїе ли это, или вымыслъ? То, либо другое, отвѣчалъ онъ; но наконецъ Телесиклей ничего не говорилъ такого, что не было бы согласно съ мнѣнїями философовъ. Надлежитъ отдать ему въ томъ справедливость: онъ бы могъ, принявъ мнѣнїя простаго народа, гораздо умножить населенїя воздушныя; разсказать намъ о тѣхъ тѣняхъ, коихъ искуства гадателей или волшебниковъ изъ нѣдра гробовъ вызываетъ; о тѣхъ злосчастныхъ душахъ, кои толпятся около своихъ тѣлъ, лишенныхъ погребенїя; о тѣхъ богахъ и привидѣнїяхъ, кои бродятъ ночью по улицамъ, для устрашенїя дѣтей, либо для ихъ пожиранїя.

Хвалю сїю его умѣренность, сказалъ я; но желалъ бы, чтобъ онъ болѣе распространилъ свое разсужденїе о естествѣ того благодѣтельнаго существа, коему я принадлежу. Богъ опредѣлилъ его, какъ то думать должно, для назиранїя за моими помышленїями и дѣйствїями; для чего не позволено мнѣ познать его и любить? Телесиклей отвѣтствовалъ тебѣ напередъ, сказалъ Эвклидъ: счастїе ви-

дѣть Геніевъ предоставлено токмо чистымъ душамъ. — Я слышалъ однакожъ о явленіяхъ, коимъ весь народъ былъ свидѣтель. — Безъ сумнѣнія; и таково есть то явленіе, о коемъ преданіе сохранилось въ Италіи, къ которому имѣли столько уваженія, что представили его на картинѣ, которую я видѣлъ. Такія ли еще услышишь ты нелѣпости: но по крайней мѣрѣ увидишь ты, до какого излишества люди простирали иногда обманъ и легковѣріе.

По прибытіи Улисса къ Темессу, городу Брутіановъ, одинъ изъ сопутниковъ его, именемъ Политъ, убитъ былъ жителями, кои скоро потомъ испытали на себѣ всѣ бѣдствія небеснаго мщенія. Вопрошенный Оракулъ повелѣлъ имъ умилостивить Генія Политова, воздвигнуть въ честь его священное зданіе, и приносить въ жертву каждый годъ самую прекрасную дѣву той страны. Они повиновались и наслаждались совершеннымъ спокойствіемъ. Около шестидесяти шестой Олимпіады, славный атлетъ, именемъ Евѳимъ, прибылъ въ то самое время, когда вводили въ храмъ одну изъ сихъ несчастныхъ жертвъ. Онъ получилъ позволеніе слѣдо-

вать за нею, и пораженный ея прелестями, спросилъ ее, согласится ли она сочетаться съ нимъ, когда онъ разторгнетъ ея узы. Она согласилась на то; Генiй появился, и побѣжденный ударами атлета, отрекся отъ дачи, которую приносили ему въ теченiи семи или осьми вѣковъ, и повергся въ близъ лежащее море.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТАЯ.

Продолженіе о книгохранилищѣ. Дѣеписаніе.

На другой день пришелъ я къ Эвклиду очень рано; онъ увидѣвъ меня сказалъ: ты меня успокоилъ, я опасался не наскучила ли тебѣ вчерашняя продолжительная наша бесѣда. Нынѣ займемся мы дѣеписателями; насъ уже ни мнѣнія, ни правила останавливать не будутъ. Многіе сочинители упражнялись въ дѣеписаніи, но никто изъ нихъ не упомянулъ ни о предѣлахъ, ни о слогѣ оному приличныхъ.

Прежде всѣхъ изъ нихъ начнемъ мы говорить о Кадмѣ, жившемъ почти за двѣсти лѣтъ, и имѣвшемъ намѣреніе объяснить древности Милета, своего отечества: твореніе его сокращено было Віономъ Проконезскимъ.

Начиная съ Кадма имѣемъ мы непрерывный рядъ дѣеписателей. Я упомяну между древнѣйшими, Эвгеона Самоскаго, Деіоха Проконезскаго, Эвдема Паросскаго, Демокла Пигельскаго. На сіе я сказалъ ему, что прочи-

тавъ сихъ писателей, не только показалися мнѣ противными нелѣпыя ихъ басни, но и отвергъ всѣ повѣствуемыя ими дѣянія, кромѣ тѣхъ, коихъ они были самовидцами. Ибо они первые предали намъ оныя, то изъ какихъ источниковъ они ихъ почерпали?

Эвклидъ отвѣтствовалъ мнѣ: дѣянія сіи существовали въ преданіи, сохранившемъ изъ вѣка въ вѣкъ память о перемѣнахъ, удручавшихъ человѣчество; въ писаніяхъ стихотворцевъ, сохранившихъ славу ироевъ, родословіе государей, происхожденіе и преселенія различныхъ народовъ; въ длинныхъ надписяхъ, заключавшихъ въ себѣ договоры между народами, и непрерывный порядокъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ жрецовъ главныхъ храмовъ въ Греціи; въ празднествахъ, истуканахъ, въ жертвенникахъ, въ зданіяхъ, посвященныхъ на случай разныхъ произшествій, кои отъ всегдашняго воззрѣнія на мѣста и обряды, казалось, ежегодно возобновлялись.

Правда, что повѣствованіе о сихъ произшествіяхъ мало по малу наполнилось обстоятельствами чудесными, и что первые наши дѣеписатели приняли безъ изслѣдованія сію

огромную смѣсь истинъ и заблужденій. Но вскорѣ Акузилай, Ферекидъ, Гекатей, Ксанѳъ, Гелланикъ и другіе показали болѣе разборчивости; и хотя они не разобрали совершенно хаоса, однакожъ подали по крайней мѣрѣ примѣръ презрѣнія, которое вымыслы первыхъ вѣковъ заслуживаютъ.

Вотъ сочиненіе, въ коемъ Акузилай, описывая родословіе древнихъ царскихъ поколѣній, восходитъ къ вѣкамъ, до войны Троянской бывшимъ, и до Форонея, Царя Аргоскаго. Мнѣ извѣстно, отвѣчалъ я, и весьма смѣшно было, когда я увидѣлъ, что какъ сей писатель, такъ и послѣдовавшіе за нимъ повѣствователи называютъ Форонея первымъ человѣкомъ Однакожъ Акузилай заслуживаетъ снисхожденіе. Ежели онъ съ лишкомъ приближаетъ къ намъ начало рода человѣческаго, то возвышаетъ онъ происхожденіе Амура, котораго почитаетъ за древнѣйшаго изъ боговъ, и произшедшаго вмѣстѣ съ міромъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ Акузилая, сказалъ Эвклидъ, процвѣталъ Ферекидъ родомъ изъ Аѳинъ, или лучше сказать изъ Лероса одного изъ Спорадскихъ остро-

вовъ: онъ собралъ преданія, относящіяся къ древнему дѣеписанію объ Аѳинахъ, а по сему поводу и къ дѣеписанію о сосѣдственныхъ народахъ. Твореніе его содержитъ въ себѣ важныя подробности, каковы суть основаніе разныхъ городовъ, и преселенія первыхъ обитателей Греціи. Родословія его имѣютъ недостатокъ, по которому въ происхожденіи обществъ, приписывалась слава одному какому-либо роду: достигнувъ отдаленнѣйшихъ вѣковъ, родословія сіи развязываются введеніемъ какого либо божества. Напримѣръ, въ оныхъ видно, что Оріонъ былъ сынъ Нептуна и Эвріалы; Триптолемъ сынъ океана и земли.

Около того же времени, явился Гекатей Милетскій, и Ксанѳъ Лидійскій. Оба они наслаждались славою, умалившеюся, но не уничтоженною твореніями ихъ послѣдователей. Первый въ дѣеписаніи своемъ и родословіяхъ предприялъ также объяснить древности Грековъ. Иногда старается онъ ихъ разбирать и отдалять отъ нихъ чудесное. „Вотъ, говоритъ онъ въ началѣ своего дѣеписанія, „что повѣствуетъ Гекатей Милетскій: Я „пишу то, что мнѣ кажется истиннымъ.

„Греки, по мнѣнію моему, повѣствовали о „многихъ дѣлахъ противорѣчущихъ и смѣш-„ныхъ.„ Можно ли подумать, чтобъ послѣ сего обѣщанія, приписалъ онъ даръ слова овну, пренесшему Фрикса въ Колхиду.

Дѣеписаніе занималось токмо Греціею. Гекатей разпространился въ ономъ далѣе, онъ описалъ Египетъ и другія страны, дотолѣ неизвѣстныя. Его описаніе земли разпространило новый свѣтъ на Географію, и доставило свѣденія дѣеписателямъ, кои послѣ него жили.

Вотъ дѣеписаніе о Лидіи, сочиненное Ксанѳомъ, писателемъ точнымъ, и весьма свѣдущимъ въ древностяхъ своея земли. Къ нему присоединены многія другія сочиненія, кои Гелланикъ Лесбосскій издалъ о различныхъ народахъ Греціи. Сей писатель умершій въ двадцать первомъ году Пелопонисской войны, (около 410 года до Р. Х.) не наблюдалъ иногда порядка и надлежащей подробности; но онъ съ честію оканчиваетъ статью первыхъ нашихъ дѣеписателей.

Всѣ ограничивались начертаніемъ дѣеписанія одного города или одного народа; всѣ

не знали искуства присоединять къ той же цѣпи происшествія, касающіяся до разныхъ народовъ земли, и изъ многихъ отдѣленныхъ частей составить правильное цѣлое. Иродоту надлежитъ приписать ту честь, что онъ восприялъ сію великую мысль и онную произвелъ въ дѣйство. Онъ представилъ взору Грековъ лѣтописи извѣстной до того вселенныя, и въ тоже время предложилъ имъ все, что происходило достопамятнаго въ теченіи около двухъ сотъ сорока лѣтъ. Тогда явился въ первый разъ рядъ происшествій, кои будучи помѣщены одно подлѣ другаго, содѣлывались тѣмъ ужаснѣе; народы всегда безпокойные и въ движеніи, хотя ревнующіе о своемъ покоѣ; приводимые кротостію въ несогласіе, и сближаемые войною; воздыхающіе о свободѣ, и стенящіе подъ тиранніею; повсюду торжествующее злодѣйство, гонимая добродѣтель, земля упитанная кровію, и царство разрушенія, разпространенное по всѣмъ предѣламъ міра. Но рука, изобразившая сіи картины такъ умѣла смягчить ужасъ прелестями красокъ и приятными изображеніями, къ красотамъ расположенія присовокупила столько нѣжностей, согласія и разностей, столь часто возбуждала ту при-

ятную чувствительность, которая радуется добру и сѣтуетъ о злѣ, что творенїе его почиталось однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведенїй ума человѣческаго.

Позволь мнѣ сдѣлать на сей случай примѣчанїе. Кажется, что въ словесныхъ наукахъ, такъ какъ и въ художествахъ, сперва дарованїя вступаютъ въ поприщѣ, и долгое время борятся съ затрудненїями. Когда же они усилїя свои истощатъ, то является мужъ великаго ума, поставляющїй образецъ, превосходящїй извѣстные предѣлы. Сїе-то сдѣлалъ Омиръ для эпической поэмы; сїе сдѣлалъ Иродотъ для всеобщей исторїи. Будущїе послѣ него писатели могутъ отличиться красотами описанїя, и просвѣщеннѣйшею разборчивостїю; но что касается до расположенїя сочиненїя и до сцѣпленїя событїй, то они безъ сумнѣнїя не столько, стараться будутъ о томъ, чтобы его превзойти, сколько употребятъ усилїя къ тому, чтобы съ нимъ сравняться.

Что принадлежитъ до его жизни, то довольно примѣтить, что онъ родился въ городѣ Аликарнассѣ въ Карїи, около четвертаго года семдесять третей Олимпїады (около

484 года до Р. Х.); что онъ путешествовалъ въ большей части тѣхъ земель, кои намѣренъ былъ описать; что творенie его, читанное на играхъ Олимпiйскихъ, и потомъ въ собранiи Аѳинянъ, приобрѣло всеобщiя рукоплесканiя; и что принужденный оставить свое отечество, раздираемое мятежами, окончилъ дни свои въ нѣкоемъ городѣ великой Грецiи.

Въ томъ же вѣкѣ жилъ Ѳукидидъ, который около тринадцати лѣтъ былъ моложе Иродота. Онъ былъ изъ знатнѣйшаго рода въ Аѳинахъ: бывъ поставленъ предводителемъ отряда войскъ, содержалъ онъ на нѣкоторое время въ страхѣ войска Бразида, искуснѣйшаго полководца Лакедемонскаго; но какъ сей послѣднiй взялъ нечаянно городъ Амфиполь, то Аѳины отмстили Ѳукидиду гоненiемъ, коего онъ предупредить не могъ.

Во время изгнанiя его, продолжавшагося двадцать лѣтъ, собралъ онъ нужныя свѣдѣнiя для описанiя Пелопонисской войны и не пощадилъ ни трудовъ, ни издержекъ для познанiя не только причинъ, оную произведшихъ, но и частныхъ выгодъ, оную продол-

жившихъ. Онъ былъ у разныхъ непріятельскихъ народовъ, совѣтовался вездѣ съ главными правителями, полководцами, воинами, и самъ былъ свидѣтелемъ большей части произшествій кои предлежало ему описывать. Дѣеписаніе его, заключающее въ себѣ первые двадцать одинъ годъ сей пагубной войны, являетъ чрезвычайную любовь его къ истинѣ, и склонность къ размышленіямъ. Аѳиняне, видѣвшіе его по возвращеніи изъ ссылки, увѣряли меня, что онъ былъ довольно важенъ, мыслилъ много, и говорилъ мало.

Онъ болѣе любилъ научать, нежели нравиться, и паче достигать цѣли своей, нежели удаляться отъ оной отступленіями. Почему и твореніе его, не такъ какъ твореніе Иродотово, не есть родъ поэмы, гдѣ находятся преданія народовъ о ихъ началѣ, разбираніе ихъ обычаевъ и нравовъ, описаніе обитаемыхъ ими земель, и чудесные случаи, почти всегда возбуждающіе воображеніе. Твореніе его составляетъ лѣтописи, или, буде угодно, записки военнослужащаго, который будучи вмѣстѣ и государственный человѣкъ и философъ, вмѣстилъ въ свои повѣствованія рѣчи, правила мудрости, пріобрѣтенныя имъ

отъ Анаксагора, и наставленія въ краснорѣчіи, которое заимствовалъ отъ оратора Антифона. Размышленія его часто глубоки, всегда справедливы: слогъ его выразителенъ, кратокъ, и отъ того иногда теменъ, мѣстами непріятенъ слуху; но безпрестанно возбуждаетъ вниманіе, и можно бы сказать, что грубость онаго составляетъ его величіе. Ежели сей уваженія достойный писатель и употребляетъ иногда старинныя выраженія, или новыя слова, то сіе происходитъ отъ того, что такой, духъ каковъ былъ его, рѣдко согласуется съ языкомъ, обще употребляемымъ. Думаютъ, что Иродотъ, для личныхъ причинъ, помѣщалъ оскорбительныя преданія о нѣкоторыхъ народахъ Греціи. Ѳукидидъ сказалъ токмо одно слово о своемъ изгнаніи, не защищаяся и не жалуясь, и представилъ Бразида, яко великаго мужа, коего слава затмила его собственную славу, и коего успѣхи были причиною его несчастія. Дѣеписаніе Ѳукидида съ успѣхомъ продолжаемо было Ксенофонтомъ, коего ты зналъ.

Иродотъ, Ѳукидидъ и Ксенофонтъ безъ сумнѣнія почитаемы будутъ первыми нашими дѣеписателями, хотя они существенно

различаются слогомъ. И особливо, сказалъ я тогда, по образу, каковымъ они разсматриваютъ вообще предметы. Иродотъ повсюду видитъ ревнительное божество, ожидающее возвышенія человѣковъ и царствъ, дабы низринуть ихъ въ бездну. Ѳукидидъ открываетъ въ злосчастіяхъ токмо погрѣшности главныхъ правителей или войскъ. Ксенофонтъ почти всегда приписываетъ добрые или худые успѣхи благоприятству, или гнѣву боговъ. И такъ все въ свѣтѣ зависитъ отъ слѣпаго случая, по мнѣнію перваго; отъ благоразумія, по мнѣнію втораго; отъ благочестія, по мнѣнію третьяго: а изъ сего справедливо заключить можно, что мы естественно расположены относить все къ малому числу любимыхъ правилъ.

Эвклидъ продолжалъ: Иродотъ началъ дѣеписаніе объ Ассиріянахъ и Персахъ; ошибки его были показаны писателемъ, которой лучше его зналъ сіи два знаменитые народа.—То былъ Ктезій Книдскій, жившій въ наше время. Онъ былъ врачъ Царя Артаксеркса, и долгое время имѣлъ пребываніе при дворѣ Сузскомъ. Онъ сообщилъ намъ то, что нашелъ въ письменохранилищахъ государства; то, что видѣлъ, и что слы-

шалъ отъ очевидныхъ свидѣтелей; но ежели онъ вѣрнѣе Иродота, то уступаетъ ему въ слогѣ, хотя и его слогъ имѣетъ много приятностей, а паче отличается величайшею ясностію. Между многими другими сочиненіями, Ктезій оставилъ намъ дѣеписаніе объ Индіи, въ коемъ разсуждаетъ о животныхъ и естественныхъ произведеніяхъ сихъ отдаленныхъ странъ; но какъ не имѣлъ онъ довольно хорошихъ записокъ, то начинаютъ сумнѣваться о истинѣ его повѣствованій.

Вотъ древности Сицилійскія, жизнь Діонисія старшаго и жизнь его сына, писанныя Филистомъ, который умеръ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, вскорѣ послѣ разсѣянія флота, надъ коимъ онъ начальствовалъ отъ лица младшаго изъ сихъ царей. Филистъ имѣлъ дарованія, кои нѣкоторымъ образомъ, равняли его съ Фукидидомъ, но въ немъ не было добродѣтелей Фукидида. Онъ есть рабъ, пишущій токмо для того, чтобъ льстить тираннамъ, и ежеминутно показывающій, что онъ еще болѣе есть другъ тиранніи, нежели самыхъ тиранновъ.

Здѣсь оканчиваю я мое, ужѣ съ лишкомъ длинное повѣствованіе. Ты не найдешъ

можетъ быть, ни единаго народа, ни города, ни славнаго храма, который бы не имѣлъ своего историка. Въ семъ родѣ упражняются нынѣ весьма многіе: я упомяну о Эфорѣ и Ѳеопомпѣ, кои въономъ довольно отличились, о двухъ Віотянахъ, Анаксисѣ и Діонисіодорѣ, издавшихъ недавно бытописаніе о Греціи; Анаксименѣ Лампсакскомъ, издавшемъ исторію о Грекахъ и Варварахъ, отъ начала рода человѣческаго по кончину Епаминонда.

Столь пышное заглавіе, сказалъ я ему, заставило бы меня думать худо о его сочиненіи: ваше лѣтосчисленіе едва простирается до пяти или шести вѣковъ до войны Троянской, и тѣмъ кончится вся ваша исторія; изключая малое число иностранныхъ народовъ, прочая часть земли для васъ неизвѣстна; вы видите токмо единую точку какъ въ теченіи временъ, такъ и въ пространствѣ, а писатель вашъ мнитъ поучать насъ о томъ, что происходило въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ и земляхъ.

Ежели посмотришь на доказательства, приводимыя Египтянами и Халдеянами къ утвержденію своей древности, то съ какимъ

сожалѣнїемъ увидишь ты несовершенство и новость вашихъ доказательствъ! Сколько удивилися жрецы Саискїе, когда услышали Солона выхваляющаго имъ ваши преданїя, сказывающаго о царствѣ Форонея, о потопѣ Девкалїоновомъ, и о множествѣ знаменитыхъ произшествій, для нихъ весьма новыхъ, а для него столь древнихъ! „Солонъ, Солонъ! сказалъ одинъ изъ сихъ „ жрецовъ, Греки ваши еще дѣти.„

Они и теперь еще дѣти. Нѣкоторые ищутъ въ историкѣ токмо приятностей слога; другїе чрезъестественныхъ и ребяческихъ приключеній: еще нѣкоторые съ жадностїю пожираютъ утомительные спискиименъ неизвѣстныхъ и пустыхъ событій, кои будучи подкрѣпляемы длиннымъ сборомъ басенъ и чудесъ, наполняютъ почти все древнее ваше бытописанїе; то бытописанїе, на которое Омиръ излїялъ безсмертный блескъ, и къ коему лѣтописцы ваши присовокупили токмо безмѣрную скуку.

Я бы желалъ, чтобъ впредь писатели ваши занимались токмо послѣдними двумя или тремя вѣками, и чтобъ предшествовавшее предоставлено было стихотворцамъ. Ты

истолковалъ мысль Исократа, сказалъ мнѣ Эвклидъ; онъ побудилъ двухъ учениковъ своихъ Ефора и Өеопомпа, посвятить себя единственно исторіи. Ефоръ медлителенъ и неспособенъ къ труднымъ изысканіямъ; Өеопомпъ дѣятеленъ, горячъ и способенъ къ изслѣдованіямъ: чтожъ сдѣлалъ Исократъ? онъ предоставилъ первому древнюю исторію, а послѣднему препоручилъ новѣйшую.

Въ сіе самое время пришли Ефоръ и Өеопомпъ. Эвклидъ, ихъ ожидавшій, сказалъ мнѣ на ухо, что они должны прочесть намъ нѣкоторые отрывки твореній, коими тогда занималась. Они привели съ собою двухъ или трехъ изъ своихъ друзей. Эвклидъ пригласилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ пріятелей. Прежде, нежели они всѣ собралися, оба историка объявили, что они не теряли времени своего на объясненіе вымысловъ вѣковъ, предшествовавшихъ Троянской войнѣ, и горя усердіемъ къ истинѣ, присовокупили, что желательнобъ было, чтобъ писатель лично видѣлъ всѣ событія, о коихъ повѣствуетъ.

Я предпринялъ, сказалъ потомъ Ефоръ, писать все то, что происходило между Гре-

ками и Варварами, отъ возвращенія Гераклидовъ до нашихъ временъ, въ теченіи осьми сотъ пятидесяти лѣтъ. Въ семъ сочиненіи раздѣленномъ на тридцать книгъ, съ предисловіемъ предъ каждою, найдутъ начало разныхъ народовъ, основаніе главныхъ городовъ, ихъ поселенія, законы, нравы, свойство ихъ климатовъ и великихъ мужей, коихъ они произвели. Ефоръ наконецъ признался, что варварскіе народы древнѣе народовъ Греческихъ, и сіе признаніе вселило въ меня выгодныя объ немъ мысли.

За симъ предварительнымъ объясненіемъ послѣдовало чтеніе статьи, взятой изъ одиннадцатой книги его исторіи, и содержащей въ себѣ описаніе Египта. Тамъ то на мѣсто различныхъ мнѣній, каковыя покушались подавать о разлитіи Нила, полагаетъ онъ одно, несогласующееся ни съ законами физики, ниже съ обстоятельствами сего явленія. Находясь подлѣ Эвклида, сказалъ я ему: Ефоръ не знаетъ Египта, и не старался узнавать объ ономъ отъ тѣхъ, кои его хорошо знаютъ.

Я скоро убѣдился, что сей сочинитель на заботился о точности, и что съ лишкомъ вѣрно подражая большей части своихъ

предшественниковъ, старался онъ прикрашивать свое повѣствованіе баснями, содержащимися въ преданіяхъ народныхъ и въ разсказахъ путешественниковъ. Мнѣ показалося, что онъ съ лишкомъ много держался оборотовъ ораторскихъ. Поелику многіе писатели поставляютъ оратора выше историка; то Ефоръ мнилъ, что не можетъ угодить имъ лучше, какъ стараясь успѣть въ обоихъ родахъ.

Не взирая на сіи погрѣшности, твореніе его всегда почитаться будетъ сокровищемъ, тѣмъ драгоцѣннѣйшимъ, что каждый народъ найдетъ въономъ отдѣльно и въ хорошемъ порядкѣ все, что ему можетъ нравиться: слогъ въ ономъ чистъ, плавенъ, цвѣтущъ, хотя съ лишкомъ строго подверженъ былъ гармоніи и почти никогда не имѣетъ возвышенности и жара.

Послѣ сего чтенія, взоры всѣхъ обратились на Ѳеопомпа, который началъ разговоръ съ нами о себѣ. Отецъ мой Дамостратъ, сказалъ онъ намъ, будучи изгнанъ съ острова Хіо, своего отечества, за то, что съ лишкомъ много показывалъ привязанности къ Лакедемонянамъ, привезъ меня въ Грецію;

и спустя нѣсколько времени потомъ, пріѣхалъ я въ сей городъ, гдѣ прилежалъ я неослабно къ изученію Философіи и Краснорѣчія.

Я сочинилъ многія рѣчи; путешествовалъ между различными народами; говорилъ въ ихъ собраніяхъ; и послѣ весьма многихъ успѣховъ, думаю, что могу помѣстить себя между краснорѣчивѣйшими мужами сего вѣка, и свыше краснорѣчивѣйшихъ мужей послѣдняго вѣка: ибо тотъ, кто занималъ тогда первую степень, нынѣ не получилъ бы и второй.

Исократъ заставилъ меня оставить то блистательное поприще, въ коемъ я отличился, и прейти въ поприщѣ, которое прославило дарованія Иродота и Ѳукидида; я продолжалъ твореніе сего послѣдняго: теперь тружуся я надъ жизнію Филиппа Македонскаго; но вмѣсто того, чтобъ ограничивать себя описаніемъ дѣяній сего государя, стараюсь я связать ихъ съ бытописаніемъ всѣхъ почти народовъ, коихъ описываю нравы и законы. Я избралъ себѣ предметъ столь же обширный, какъ и предметъ Ефора;

но начертаніе мое различно отъ его начертанія.

По примѣру Ѳукидида, не пощадилъ я ничего для приобрѣтенія свѣдѣній о разныхъ произшествіяхъ: многія изъ нихъ, о коихъ я повѣствую, происходили при моихъ глазахъ; въ разсужденіи другихъ освѣдомился я у тѣхъ, кои были или участвователями, либо свидѣтелями: нѣтъ округа въ Греціи, гдѣ бы я не былъ; нѣтъ мѣста, гдѣ бы я не вступалъ въ связи съ тѣми, кои управляли дѣлами гражданскими, либо военными. Я столько богатъ, что не боюсь издержекъ, и люблю истину столько, что не страшусь утомленія.

Столь глупое тщеславіе возбудило въ насъ негодованіе на сочинителя; но онъ вдругъ вступилъ въ столь свѣтозарный путь, онъ обнаружилъ столь великія познанія о дѣлахъ Греціи и другихъ народовъ, столько искуства въ расположеніи событій, столько простоты, ясности, благородства и гармоніи въ слогѣ, что мы принуждены были осыпать похвалами такого въ свѣтѣ человѣка, который наиболѣе заслуживалъ уничиженіе.

Онъ однакожъ продолжалъ читать, и удивленіе наше начинало умаляться: мы увидѣли новыя басни; услышали повѣствованія неимовѣрныя. Онъ говорилъ намъ, что человѣкъ, который, не смотря на запрещеніе боговъ, можетъ внити въ храмъ Юпитера въ Аркадіи, наслаждается во всю свою жизнь особеннымъ преимуществомъ: тѣло его, и при удареніи солнечныхъ лучей, не даетъ отъ себя тѣни. Онъ сказалъ намъ еще, что въ первые часы царствованія Филиппа вдругъ появились среди весны въ нѣкоторыхъ городахъ Македоніи на смоковныхъ, виноградныхъ и оливковыхъ деревьяхъ зрѣлые плоды, и что съ того времени дѣла сего государя непрестанно имѣли счастливый успѣхъ.

Отступленія его въ исторіи столь часты, что наполняютъ почти около трехъ четвертей его сочиненія, и иногда столь длинны, что наконецъ удобно забывается случай, отъ котораго они произошли.

Рѣчи, влагаемыя имъ въ уста военачальниковъ во время сраженія, выводятъ читателя изъ терпѣнія, такъ какъ бы и самые воины отъ нихъ утомиться могли.

Слогъ его, болѣе приличный оратору, нежели историку, имѣетъ великія красоты и великіе недостатки: его не льзя назвать очень нерадивымъ, въ разсужденіи расположенія словъ; но онъ былъ съ лишкомъ нерадивъ въ разсужденіи выбора оныхъ. Въ немъ видѣнъ писатель, который иногда ломаетъ свои періоды для ихъ округленія, или для избѣжанія въ оныхъ многихъ гласныхъ буквъ; иногда онъ обезображиваетъ ихъ выраженіями низкими и украшеніями неприличными.

При чтеніи его сочиненій часто убѣждаемъ я былъ въ презрѣніи или невѣжествѣ Грековъ въ разсужденіи народовъ отдаленныхъ. Ефоръ принималъ Иверію (Испанію) за городъ, и погрѣшность осталась неисправленною. Я узналъ отъ нѣкоего купца Финикійскаго, который отправлялъ свою торговлю даже до Гадира, что Иверія есть страна пространная и многолюдная. Спустя нѣсколько времени потомъ, когда Өеопомпъ упомянулъ о городѣ Римѣ, то спросили его о нѣкоторыхъ подробностяхъ онаго. Городъ сей находится въ Италіи, отвѣчалъ онъ; все, что я о немъ знаю, есть то, что онъ былъ взятъ нѣкогда Галлами.

Когда сіи два писателя удалились, то всѣ начали приписывать имъ похвалы, коихъ они по многимъ причинамъ были достойны. Одинъ изъ предстоящихъ въ философскомъ плащѣ, сказалъ рѣшительно: Θеопомпъ первый предалъ сердце человѣческое суду исторіи: посмотрите, съ какою проницательностію испытуетъ онъ сію глубину бездны, съ какимъ сильнымъ краснорѣчіемъ представляетъ онъ глазамъ нашимъ ужасныя свои открытія. Не ослѣпляясь никогда блескомъ славныхъ дѣяній, старается онъ постигнуть тайны порока, скрывающагося подъ личиною добродѣтели.

Весьма опасаюсь, сказалъ я ему, чтобы въ писаніяхъ его не открылся нѣкогда ядъ злости, сокрытый подъ видомъ откровенности и честности. Я не могу терпѣть тѣхъ мрачныхъ умовъ, кои ничего не находятъ невиннаго и безпристрастнаго въ человѣкахъ. Тотъ, который безпрестанно не довѣряетъ намѣреніямъ другихъ, заставляетъ меня не довѣрять ему самому.

Обыкновенный историкъ, сказали мнѣ вопреки, довольствуется повѣствованіемъ

событій; историкъ-философъ восходитъ къ причинамъ оныхъ. Что касается до меня, то я гнушаюсь законопреступленіемъ, но хочу знать преступника, дабы обратить на него всю мою ненависть. Надобно, по крайней мѣрѣ, сказалъ я ему, чтобъ преступникъ былъ обличенъ. Онъ виновенъ, отвѣчалъ мой противникъ, ежели онъ находилъ пользу быть таковымъ. Представьте мнѣ честолюбца, я долженъ разсматривать во всѣхъ его поступкахъ не то, что онъ сдѣлалъ, но что хотѣлъ сдѣлать, и я бы благодарилъ историка за то, что открылъ мнѣ гнусность сея страсти. Какъ! сказалъ я, простыя подозрѣнія, представляемыя судьямъ токмо для того, чтобы вывести сильнѣйшія доказательства не сличая ихъ съ противными доводами, могутъ быть достаточны въ исторіи къ нанесенію вѣчнаго поношенія памяти человѣка!

Ѳеопомпъ, кажется, довольно вѣренъ въ своихъ повѣствованіяхъ; но онъ не иное что, какъ пристрастный разскащикъ, когда по волѣ своей опредѣляетъ хулу и похвалу. Разсуждаетъ ли онъ о какой нибудь страсти, она понятію его должна быть жестока и имѣть важныя слѣдствія. Идетъ ли дѣло

о такомъ человѣкѣ, противъ котораго онъ предубѣжденъ? онъ судитъ о его свойствѣ по нѣкоторымъ дѣяніямъ, а по сему свойству судитъ и о всей его жизни. Великое было бы несчастіе, естьли бы подобные лжецы могли разполагать славою другихъ.

Несчастіе было бы еще больше, возражали съ жаромъ, естьли бы не позволено было говорить противъ незаслуженной славы. Ѳеопомпъ подобенъ судіямъ адскимъ, кои ясно видятъ сердца преступниковъ; подобенъ врачамъ, употребляющимъ желѣзо и огнь для излѣченія больнаго мѣста, не повреждая частей здоровыхъ. Онъ не прежде остановится при источникѣ пороковъ, когда уже увѣрится, что оный исполненъ ядомъ. Почему же, спросилъ я, противурѣчитъ онъ самъ себѣ? Въ началѣ своего сочиненія онъ предувѣдомляетъ, что предприемлетъ оное токмо для того, дабы воздать Филиппу почесть, должную величайшему мужу въ Европѣ; а вскорѣ потомъ представляетъ его самымъ разпутнымъ, несправедливѣйшимъ и вѣроломнымъ изъ человѣковъ. Ежели бы сей государь удостоилъ его милостиваго взгляда, то бы Ѳеопомпъ ползалъ у ногъ его. Сіе опровергали; а я присовокупилъ: такъ вѣдайте жъ, что даже

теперь Ѳеопомпъ сочиняетъ Филиппу похвальное слово, наполненное лести. Историкъ ли онъ или философъ?

Ни тотъ, ни другой, отвѣтствовалъ Леократъ, другъ Эвклида. Онъ человѣкъ искусный въ словесности, который прилежа къ изученію политики и нравственности, презиралъ ученіе исторіи. Акузилай, говорилъ онъ, уличенъ во лжи отъ Гелланика; а сей послѣдній отъ Ефора, который будетъ скоро уличенъ въ томъ же отъ другихъ. Каждый день находятъ заблужденія въ Иродотѣ, и самый Ѳукидидъ отъ оныхъ не изъятъ. Писатели несвѣдущіе или предубѣжденные, событія сумнительныя въ разсужденіи ихъ причинъ и обстоятельствъ, - вотъ пороки, сопряженные съ симъ родомъ писанія.

А выгоды онаго суть, отвѣтствовалъ Эвклидъ, сильныя доказательства въ политикѣ, великіе примѣры во нравственности. Къ исторіи принуждены прибѣгать Греческіе народы, когда имъ надобно разбирать права свои и рѣшить свои распри; въ ней-то каждая республика находитъ доводы своего могущества и славы; наконецъ къ ея же сви-

дѣтельству прибѣгаютъ ораторы наши для показанія намъ собственныхъ нашихъ выгодъ. Что касается до нравственности, то многочисленныя ея правила о справедливости, благоразуміи, о любви къ отечеству, стоютъ ли блистательныхъ примѣровъ Аристида, Сократа и Леонида?

Писатели наши разнствуютъ иногда въ разсужденіи древняго нашего лѣтосчисленія, или въ исторіи иностранныхъ народовъ; не станемъ объ нихъ говорить, буде угодно, въ разсужденіи сихъ статей; но со времени браней нашихъ съ Персами, съ коего начинается собственно наша исторія, содѣлалась она драгоцѣннымъ хранилищемъ опытовъ, кои каждый вѣкъ оставляетъ вѣкамъ слѣдующимъ. Миръ, война, налоги, всѣ вѣтьви управленія разбираются въ общихъ собраніяхъ; сіи разбирательства внесены въ общественныя записки; повѣствованіе о великихъ произшествіяхъ находится во всѣхъ писаніяхъ, во всѣхъ устахъ; успѣхи наши, договоры вырѣзаны на памятникахъ, предъ глазами нашими находящихся. Какой писатель будетъ столь дерзокъ, чтобъ противорѣчилъ свидѣтельствамъ толь яснымъ и толь достовѣрнымъ.

Скажешь ты, что мы не согласуемся иногда въ обстоятельствахъ какого нибудь произшествія? и какая нужда, что при сраженіи Саламинскомъ, Коринояне худо или хорошо поступили? Но не менѣе будетъ справедливо, что въ Саламинѣ, Платеѣ и при Термопилахъ нѣсколько тысячъ Грековъ сопротивлялись миліонамъ Персовъ, и что тогда, можетъ быть, въ первой разъ открыта была великая и важная истинна, что *любовь къ отечеству способна произвести такія дѣла, кои кажутся быть свыше силъ человѣческихъ.*

Исторія есть позорище, на коемъ дѣйствуютъ политика и нравственность. Молодые люди получаютъ тамъ тѣ первыя впечатлѣнія, кои рѣшатъ иногда ихъ судьбу; посему нужно, чтобъ представляемы были имъ хорошіе образцы для послѣдованія, и чтобъ внушаемо было имъ единое отвращеніе къ ложному геройству. Государи и народы могутъ почерпать тамо важныя наставленія; итакъ историкъ долженъ быть безпристрастенъ какъ самая справедливость, коея права защищать онъ обязанъ, и искрененъ какъ самая истинна, коея почитаетъ

онъ себя истолкователемъ. Обязанности его столь священны, что надлежало бы исполнять ихъ мужамъ дознанной правоты, и при глазахъ судилища столь же строгаго, какъ и судилище Ареопага. Однимъ словомъ, сказалъ Эвклидъ оканчивая рѣчь свою, польза исторіи ослаблена только тѣми, кои не умѣютъ писать оную, и не признается только тѣми, кои не умѣютъ ее читать.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ШЕСТАЯ.

О собственныхъ именахъ употребительныхъ у Грековъ.

Платонъ написалъ разсужденіе, въ коемъ изъясняетъ произхожденіе многихъ именъ ироевъ, геніевъ и боговъ. Въ немъ примѣтны вольности, каковыя труду таковаго рода весьма свойственны. Ободряясь его примѣромъ, и будучи не столько отваженъ, какъ онъ, помѣщаю я здѣсь нѣкоторыя примѣчанія, относящіяся къ собственнымъ именамъ, употребительнымъ у Грековъ: мнѣ подали къ онымъ случай два разговора, упомянутые мною выше. Изъ отступленій другаго рода, которыя во время тѣхъ же самыхъ бесѣдъ, неоднократно останавливали вниманіе наше на философіи и смерти Сократа, извлекъ я подробныя свѣдѣнія, кои и сообщу въ слѣдующей главѣ.

Имена раздѣляются на два рода; на простыя и сложныя. Между первыми есть такія, кои получили начало свое отъ нѣкоторыхъ сходствъ, усмотрѣнныхъ между какимъ либо человѣкомъ и животнымъ. Напримѣръ,

Леонъ, *левъ*; Ликасъ *волкъ*: Мосхосъ, *телецъ*; Кораксъ, *вранъ*; Савросъ, *ящерица*; Ватрахосъ, *лягушка*; Алектрїонъ, *пѣтухъ* и пр. Есть еще и такїя, кои кажется взяты отъ цвѣта лица: Аргосъ (Аргусъ), *бѣлый*; Меласъ, *черный*; Ксаноосъ (Ксанфъ) *бѣлокурый*; Пирросъ (Пирръ) *рыжїй*.

Иногда дитя получаетъ имя божества съ нѣкоторымъ измѣненїемъ. Такимъ образомъ Аполлонїосъ (Аполлонїй) происходитъ отъ Аполлона; Посейдонїй отъ Посейдона или Нептуна; Димитрїй отъ Димитры или Цереры; Аѳенея отъ Аѳенеи или Минервы.

Сложныхъ именъ гораздо больше, нежели простыхъ. Ежели супруги думаютъ, что молитвами своими приобрѣли себѣ сына, надежду ихъ семейства, тогда, изъ признательности, присовокупляютъ съ весьма легкою перемѣною, къ имени божества покровительствующаго слово доронъ, что значитъ *даръ*. Отсюда происходятъ имена Ѳеодоръ, Дїодоръ, Олимпїодоръ, Ипатодоръ, Эродоръ, Аѳенодоръ, Эрмодоръ, Эфестїодоръ, Элїодоръ, Асклепїодоръ, Кефисодоръ и пр. то есть даръ боговъ, Юпитера, бога Олимпа, всевышняго, Юноны,

Минервы, Меркурія, Вулкана, Солнца, Ескулапія, рѣки Кефизы, и пр.

Нѣкоторыя семейства мнятъ, что онѣ происходятъ отъ боговъ; и отъ того явились имена Θеогенъ, и Θеагенъ, *рожденный отъ боговъ*; Діогенъ, *рожденный отъ Юпитера*; Эрмогенъ, *рожденный отъ Меркурія.*

Примѣчаніе, достойное вниманія, есть то, что большая часть именъ приводимыхъ Омиромъ, означаетъ отличіе. Оныя даваемы были въ вознагражденіе качествамъ, кои во времена ироическія наиболѣе уважалися; какъ то: мужество, сила, проворство въ ристаніи, благоразуміе и другія добродѣтели. Отъ слова Полемосъ, означающаго *войну*, сдѣлалось Тлеполемъ, то есть, *способный переносить труды военные*; Архептолемъ, *способный управлять военными трудами.*

Присовокупляя къ слову Махъ, *сраженіе*, предлоги и другія части рѣчи, измѣняющія смыслъ онаго всегда почтительнымъ образомъ, составили имена: Амфимахъ, Антимахъ, Промахъ, Телемахъ. Поступая такимъ же образомъ съ словомъ Генорея, *сила, неустра-*

шимость, получили имена: Агапенор, *почитающій мужество*; Агенор, *управляющій оным*; Протоенор, *первый по своей храбрости*, и множество других, как то Алегенор, Антенор, Елефенор, Евхенор, Песенор, Гипсенор, Гиперенор и пр. От слова дамао, *укрощаю*, *покоряю*, сдѣлали Дамастор, Амфидам, Херсидамам, Ифидам, Полидам и пр.

От Ѳоос, *скорый в бѣгѣ*, произошли имена Ареиѳоос, Алкаѳоос, Панѳоос, Пириѳоос и пр. От Ноос, *ум*, *разум* Астиноос, Арзиноос, Автоноос. От Медаос, *совѣт*, Агамед, Евмед, Ликомед, Перимед, Ѳрасимед. От Клеос, *слава*, Амфиклес, Агиклес, Бафиклес, Дориклос, Ехеклос, Ификлос, Патрокл, Клеовул и пр.

Из сего явствует, что многіе частные люди имѣли тогда два имени, одно данное от родителей, а другое, которое заслужили они своими дѣяніями; но при втором скоро забывалось первое.

Почетныя имена, мною приведенныя и великое множество других, о коих я умал-

чиваю, какъ то: Орменосъ, *стремительный*, Астеропеосъ, *поражающій*, переводили къ дѣтямъ для напоминовенія имъ дѣяній ихъ отцевъ, и для побужденія ихъ къ подражанію.

Оныя существуютъ еще и нынѣ; и какъ они перешли къ гражданамъ различныхъ степеней, то они и не заключаютъ никакой обязанности. Иногда даже происходитъ отъ того странная несообразность съ состояніемъ или съ качествомъ тѣхъ, кои получили оное имя въ своемъ младенчествѣ.

Нѣкій Персъ, полагавшій все свое достоинство въ славѣ своего имени, прибылъ въ Аѳины. Я зналъ его въ Сузахъ; я привелъ его на общественную площадь; мы сѣли подлѣ многихъ Аѳинянъ, кои между собою разговаривали. Онъ вопрошалъ меня о ихъ именахъ, и просилъ истолковать оныя. Первый, сказалъ я ему, называется Евдоксъ, то есть, *знаменитый*, *почтенный*, и Персъ мой кланяется Евдоксу. Вторый, продолжалъ я, именуется Поликлетъ, что значитъ *весьма славный*; вторый поклонъ еще ниже. Безъ сомнѣнія, говорилъ онъ мнѣ, сіи двѣ особы суть начальники республики? Совсѣмъ нѣтъ, от-

вѣтствовалъ я; они простые люди и почти едва извѣстные. Третїй, кажущїйся столь слабымъ, именуется Агасѳенъ или можетъ быть Мегасѳенъ, что значитъ *сильный*, или даже *весьма сильный*. Четвертый, который столь толстъ и тяжелъ, называется Протоосъ, имя, которое значитъ, *легкой, вылереживающїй другихъ въ бѣгу*. Пятый, который кажется тебѣ столь печальнымъ, называется Епихаресъ, *веселый*. А шестый, говорилъ мнѣ Персъ съ нетерпѣнїемъ? шестый, — это Сострасъ, то есть *спаситель войска*. — Такъ онъ былъ военачальникомъ?—Нѣтъ, онъ никогда не служилъ. Седьмый, именующїйся Клитомахъ, *славный воинъ*, всегда обращался въ бѣгство и объявленъ отъ правительства безчестнымъ. Осьмый называется Дикей, *справедливый*. — Такъ чтожъ? — такъ чтожъ, онъ величайшей въ свѣтѣ плутъ. Я хотѣлъ ему привести девятаго, который назывался Евельѳонъ, *благоприятый*, какъ иностранецъ всталъ и сказалъ мнѣ: вотъ люди, которые безславятъ свои имена. По крайней мѣрѣ, прервалъ я, сїи имена не внушаютъ въ нихъ тщеславїя.

Въ Омирѣ нѣтъ почти ниединаго посрамительнаго наименованїя. Оныя чаще бы-

ваютЪ нынѣ; но гораздо менѣе, нежели какЪ бы можно было ожидать отЪ народа, который весьма удобно замѣчаетЪ все смѣшное и порочное.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМАЯ.

Сократъ.

Сократъ былъ сынъ рѣзчика, именемъ Софрониска: онъ нѣсколько времени упражнялся въ ремеслѣ отца своего, но послѣ оставилъ оное. Фенарета, мать его, была повивальною бабкою.

Прекрасный размѣръ частей, изящный видъ, каковый приемлетъ мраморъ отъ рѣзца, подали ему первое понятіе о совершенствѣ; и какъ понятіе сіе постепенно возвышалось, то почувствовалъ онъ, что во вселенной долженствуетъ царствовать всеобщее согласіе между ея частями, а въ человѣкѣ точное соотношеніе между его дѣйствіями и должностями.

Для распространенія сихъ первыхъ понятій, обратилъ онъ ко всѣмъ родамъ ученія ревность и постоянство души твердой и жаждущей просвѣщенія. Испытаніе природы, математическія науки, пріятныя художества попеременно занимали его вниманіе.

Онъ явился въ такое время, когда разумъ человѣческій казался открывающимъ для

себя ежедневно новые источники просвѣщенія. Два рода людей прилагали раченіе къ собиранію оныхъ, или къ ихъ распространенію; философы, коихъ бо́льшая часть препровождала жизнь свою въ размышленіи о образованіи вселенныя и о существѣ бытій; и софисты, кои при помощи нѣкоторыхъ слабыхъ понятій и надутаго краснорѣчія, ставили себѣ въ забаву говоритъ о всѣхъ предметахъ нравственности и политики, не объясняя ниодного изъ оныхъ.

Сократъ посѣщалъ и тѣхъ и другихъ; удивлялся ихъ дарованіямъ, и научался изъ ихъ заблужденій. Слѣдуя за первыми примѣтилъ онъ, что чѣмъ болѣе простирался въ поприще, тѣмъ болѣе мракъ около него сгущался: тогда позналъ онъ, что природа, даруя намъ безъ труда познанія первой необходимости, заставляетъ исторгать тѣ, кои менѣе полезны, и совершенно отказываетъ намъ во всѣхъ тѣхъ, кои служатъ только къ удовольствованію безпокойнаго любопытства. И такъ, судя о важности ихъ по степени ясности или темноты, коими оныя сопровождаются, вознамѣрился отрѣчься отъ разсмотрѣнія первыхъ причинъ, и отвергнуть

тѣ отвлеченныя умозрѣнія, кои служатъ токмо къ затрудненію или заблужденію ума.

Итакъ почиталъ онъ размышленія философовъ безполезными, а софисты казались ему тѣмъ опаснѣе, что подтверждая всѣ ученія, не приемля ни одного изъ оныхъ, вводили вольность сумнѣваться въ истиннахъ необходимо нужныхъ къ спокойствію обществъ.

Изъ сихъ безплодныхъ изысканій заключилъ онъ, что единственное познаніе, нужное для человѣковъ, есть познаніе ихъ должностей; единственное занятіе достойное философа, есть учить оному: и подвергая испытанію разума своего соотношенія, которыя мы имѣемъ съ богами и намъ подобными, онъ остановился на той простой Богословіи, коея гласъ спокойно слушали народы въ теченіи многихъ вѣковъ.

Верховная премудрость сохраняетъ въ вѣчной младости вселенную, которую она создала; она сама по себѣ невидима; но чудеса, производимыя ею, возвѣщаютъ ее со славою; боги распространяютъ провидѣніе свое

Правила Сократа.

на всю природу; присутствуя во всѣхъ мѣстахъ, они все видятъ, все слышатъ. Между безчисленнымъ множествомъ бытій, ими сотворенныхъ, человѣкъ, отличенный отъ прочихъ животныхъ превосходными качествами, и особливо разумомъ способнымъ получать понятіе о божествѣ, человѣкъ всегда былъ предметомъ ихъ любви и особеннаго попеченія; они вѣщаютъ ему безпрестанно посредствомъ тѣхъ верховныхъ законовъ, кои напечатлѣли въ его сердцѣ: „покланяйтеся богамъ, чтите „родителей вашихъ; творите добро тѣмъ, „кои вамъ оное творятъ.„ Они вѣщаютъ также посредствомъ оракуловъ, по земли разсѣянныхъ, и посредствомъ многихъ чудесъ и предвѣщаній, кои суть знаки ихъ воли.

Итакъ не станемъ жаловаться на молчаніе боговъ; не станемъ говорить, что они столь велики, что не могутъ унижаться до нашей слабости Ежели могущество боговъ ставитъ ихъ превыше насъ, то благость ихъ приближаетъ насъ къ нимъ. Но чего они требуютъ? богослуженія, установленнаго во всѣхъ странахъ; молитвъ, коими надлежитъ испрашивать вообще ихъ покровительства; жертвъ, при коихъ чистота сердца нужнѣе, нежели

великолѣпныя приношенія: надлежало бы отрещися отъ жизни, ежели бы жертвы злодѣевъ были имъ приятнѣе, нежели приношенія честныхъ людей. Они требуютъ еще болѣе: т. е. что бы чествованіе ихъ состояло въ повиновеніи имъ, а повиновеніе имъ состояло въ томъ, чтобъ быть полезнымъ обществу. Государственный человѣкъ, пекущійся о благѣ народномъ, земледѣлецъ удобряющій землю, всѣ тѣ, кои съ точностію исполняютъ свои должности, воздаютъ богамъ наилучшее благоговѣніе; но оно должно быть непрерывное: благодѣянія ихъ суть награда за ревностное благочестіе, сопровождаемое надеждою и довѣренностію. Не будемъ ничего предпринимать важнаго не призвавъ ихъ въ помощь, не будемъ ничего исполнять противу ихъ велѣній, и да памятуемъ, что присутствіе боговъ освѣщаетъ и наполняетъ мѣста самыя мрачныя и уединенныя.

Сократъ не изъяснился о естествѣ божества, но говорилъ всегда ясно о бытіи онаго и о провидѣніи; истинны, въ коихъ онъ душевно былъ увѣренъ, и единственныя, до коихъ ему возможно и нужно было достигнуть. Онъ признавалъ единаго Бога, Творца и хранителя вселенныя; подъ нимъ, нижнихъ боговъ, десницею его сотворенныхъ, облечен-

ныхъ частію его величія, и достойныхъ нашего почитанія. Исполненный величайшаго благоговѣнія къ верховному владыкѣ, повсюду повергался бы онъ къ стопамъ его, повсюду чтилъ бы его служителей, подъ какимъ бы именемъ ихъ ни признавали, лишь бы только не приписывали имъ никакой изъ нашихъ слабостей, и удалили бы отъ богослуженія обезображивающее ихъ суевѣріе, и очистили бы вѣру отъ басней, кои казались подкрѣпленными философіею Пиѳагора и Эмпедокла. Обряды могутъ перемѣняться у различныхъ народовъ; но оные должны быть утверждены законами и сопровождаться чистотою намѣренія.

Онъ не изыскивалъ о началѣ зла, какъ нравственнаго, такъ и физическаго; но зналъ добро и зло, содѣлывающія благополучіе и злосчастіе человѣковъ, и на семъ то познаніи основалъ онъ свое нравоученіе.

Истинное добро постоянно и непремѣнно; оно наполняетъ душу не истощая оной, и содержитъ ее въ глубочайшемъ спокойствіи въ разсужденіи настоящаго и въ совершенной благонадежности въ разсужденіи будущаго. Итакъ оно не состоитъ въ забавахъ, могу-

ществѣ, здоровьѣ, богатствахъ, почестяхъ. Сіи выгоды и всѣ тѣ, кои наиболѣе раздражаютъ наши желанія не составляютъ добра сами по себѣ, потому что оныя могутъ быть полезны, либо вредны по ихъ употребленію, или по дѣйствіямъ, кои они естественно производятъ; однѣ сопровождаются мученіями; за другими слѣдуютъ отвращеніе и угрызеніе совѣсти; всѣ изчезаютъ, когда употребляемъ ихъ во зло, и перестаемъ наслаждаться ими, коль скоро боимся потерять ихъ.

Мы не имѣемъ справедливѣйшихъ понятій о бѣдствіяхъ, коихъ страшимся: таковы суть немилость, болѣзнь, бѣдность, кои не смотря на внушаемый ими ужасъ, доставляютъ иногда болѣе выгодъ, нежели довѣренность, богатство и здравіе.

Итакъ колеблющійся и нерѣшимый умъ нашъ, поставленный между предметами, коихъ естества мы не знаемъ, различаетъ токмо по нѣкоторому тусклому свѣту доброе и злое, справедливое и несправедливое, честное и безчестное: а какъ всѣ наши дѣянія суть выборы, а сіи выборы тѣмъ слѣпѣе, чѣмъ они важнѣе; то всегда находимся

вѣ опасности впасть вѣ окружающія насѣ сѣти. Отѣ того происходитѣ великое множество противорѣчій вѣ нашемѣ поведеніи, множество твердыхѣ добродѣтелей, множество испроверженныхѣ предприятій кѣ достиженію счастія.

Однакожѣ боги даровали намѣ руководителя вѣ сихѣ путяхѣ неизвѣстныхѣ: сей руководитель есть мудрость, которая есть величайшее изѣ благѣ, такѣ какѣ невѣжество есть величайшее изѣ золѣ. Мудрость есть просвѣщенный разумѣ, который отъемля ложные цвѣты отѣ предметовѣ нашихѣ боязней и надеждѣ, показываетѣ ихѣ такими, каковы они суть сами вѣ себѣ, утверждаетѣ непостоянство нашихѣ сужденій, и опредѣляетѣ нашу волю единою силою очевидности.

При семѣ блистательномѣ и чистомѣ свѣтѣ человѣкѣ бываетѣ справедливѣ; потому что онѣ душевно увѣренѣ, что польза его есть повиноваться законамѣ и не дѣлать никому зла; онѣ воздерженѣ и умѣренѣ, потому что видитѣ ясно, что излишество увеселеній влечетѣ за собою потерю здоровья, счастія и добраго имени; онѣ бодрѣ ду-

шею, потому что знаетъ опасность и необходимость преодолѣвать оную. Прочія его добродѣтели проистекаютъ отъ того же начала, или паче всѣ оныя суть токмо мудрость, употребляемая въ разныхъ обстоятельствахъ жизни.

Изъ сего слѣдуетъ, что всякая добродѣтель есть познаніе, увеличивающееся упражненіемъ и размышленіемъ; всякой порокъ есть заблужденіе, которое, по естеству своему, должно произвести всѣ прочіе пороки.

Сіе правило, о которомъ и понынѣ философы спорятъ, имѣло опровергателей во времена Сократа. Говорили ему: мы должны жаловаться на нашу слабость, а не на невѣжество наше; и ежели мы дѣлаемъ зло, то не потому, чтобъ онаго не знали. Вы онаго не знаете отвѣтствовалъ онъ; вы бы оное отвергнули отъ себя, естьли бы почитали его зломъ; но вы предпочитаете оное добру, потому что оно кажется вамъ быть еще большимъ добромъ.

Ему возражали: сіе преимущество осуждаемъ мы прежде и послѣ нашихъ паденій;

но есть минуты, въ кои прелести сладострастія заставляютъ насъ забывать наши правила, и не помышлять о будущемъ. И можемъ ли мы, наконецъ, потушить страсти, порабощающія насъ противъ нашей воли?

Ежели вы рабы страстей, возражалъ Сократъ, то вы не должны уже полагаться на вашу добродѣтель, и слѣдовательно на счастіе. Гласу благоразумія, которое одно можетъ доставить счастіе, внимаютъ токмо люди свободные или усиливающіеся быть таковыми. Для возвращенія вамъ свободы, оно требуетъ токмо пожертвованія нуждами, не отъ природы произшедшими; чѣмъ кто болѣе пользуется наставленіями онаго и чѣмъ болѣе объ нихъ размышляетъ, тѣмъ удобнѣе свергаетъ съ себя всякое рабство, возмущающее и помрачающее разумъ: ибо не сильной власти страстей опасаться должно, но невѣжества, которое тебя предаетъ онымъ, безмѣрно увеличивая ихъ могущество. Сокруши ихъ владычество, и ты увидишь, что изчезнутъ всѣ попирающіе тебя призраки, сбивчивыя и неосновательныя мнѣнія, приемлемыя тобою за правила, изчезнутъ. Тогда то блескъ и красота добродѣтели дѣлаютъ въ душахъ нашихъ такое впечатлѣніе; что оныя

не противятся болѣе всесильной прелести, ихъ поражающей Тогда можно сказать, что не въ нашей власти состоитъ быть злыми; ибо мы никогда не будемъ имѣть возможности предпочитать зло добру, зная причину оныхъ, нилѣ меньшую выгоду большей.

Сократъ, будучи исполненъ сего ученія, восприялъ намѣреніе столь же чрезвычайное, сколь и важное, разрушить, буде есть еще время, заблужденія и предразсудки, наносящіе бѣдствіе и стыдъ человѣчеству. Итакъ появился простый человѣкъ, незнатнаго рода, во обществѣ несильный, не взирающій ни на какія для себя выгоды, неищущій никакой славы, который принялъ на себя многотрудное и опасное попеченіе поучать человѣковъ и руководствовать ихъ къ добродѣтели истинною; онъ посвятилъ жизнь свою и всѣ минуты оной сему достохвальному служенію; проходилъ оное съ усердіемъ и умѣренностію, каковую внушаетъ благоразумная любовь къ общему благу, и поддержалъ, сколько ему возможно было, колеблющееся владычество законовъ и нравовъ.

Сократъ не старался вмѣшиваться въ правленіе; онъ исполнялъ благороднѣйшія обя-

занности. Дѣлая граждан добрыми людьми, говорил он, усугублю услуги, коими обязан я моему отечеству.

Как не был он обязан ни открывать начертаній своих о таком преобразованіи, ни спѣшить исполненіем оных, то и не писал он никаких о том сочиненій; он не держался того порядка, что бы всѣ его слушатели приходили к нему в назначенные часы. Но вмѣсто того на площадях и на общенародных гульбищах, в избранных обществах, между народом, пользовался он малѣйшим случаем к показанію истинных польз градоправителя, художника, земледѣльца, одним словом всѣх своих собратій; ибо под такими наименованіями разумѣл он всѣх людей. (*) Бесѣда начиналась сперва о дѣлах неважных; но мало по малу и непримѣтным образом каждый давал ему отчет в своем поведеніи, и большая часть из них уповали,

(*) Сократ говаривал: я гражданин вселенныя. Аристипп: я вездѣ странник. Сіи два изреченія довольно показывают дух учителя и ученика.

къ удивленію своему, что во всякомъ состояніи, благополучіе состоитъ въ томъ, чтобъ быть добрымъ отцемъ, добрымъ другомъ, добрымъ гражданиномъ.

Сократъ не надѣялся, чтобъ ученіе его было пріятно Аѳинянамъ въ то время, когда воина Пелопонійская колебала умы и доводила своевольство до высочайшей степени; но онъ полагалъ, что дѣти ихъ будучи послушнѣе, нежели они, пренесутъ оное въ послѣдующіе роды.

Онъ привлекалъ ихъ къ себѣ пріятною своею бесѣдою, а иногда соучастіемъ въ ихъ забавахъ, которымъ предавался безъ излишества. Одинъ изъ нихъ, именемъ Эсхинъ, выслушавъ его сказалъ: „Сократъ, я бѣденъ; „такъ отдаю тебѣ самаго себя; вотъ все, „что я могу тебѣ отдать„. Ты не знаешь, „отвѣтсвовалъ ему Сократъ, сколь прекра„сенъ предлагаемый мнѣ тобою даръ„. Первое его стараніе было узнать свойство своихъ учениковъ, вопросами своими помогалъ онъ имъ открывать свои мысли, а отвѣтами принуждалъ отвергать оныя. Точнѣйшія опредѣленія разсѣвали постепенно ложныя

Ученики Сократа.

познанія, которыя они приобрѣли прежде, и сумнѣнія, искусно разрѣшаемыя, усугубляли ихъ безпокойство и любопытство: ибо великое его искуство состояло всегда въ томъ, что доводилъ ихъ до того, что они не могли сносить ни своего невѣжества, ни слабостей своихъ.

Многіе не могли выдержать сего испытанія; и стыдясь своего состоянія, изъ коего они не въ силахъ были выдти, оставляли Сократа, который не старался опять имѣть ихъ своими учениками. Другіе научились уничиженіемъ своимъ не довѣрять самимъ себѣ, и съ того самаго времени, не сталъ онъ ставить сѣтей ихъ тщеславію. Онъ уже не говорилъ съ ними, какъ строгій блюститель нравовъ, ни какъ высокомѣрный софистъ, не дѣлалъ онъ ни жестокихъ укоризнъ, ни досадительныхъ жалобъ; но слова его были слова разума и дружества во устахъ добродѣтели.

Онъ старался просвѣщать ихъ разумъ, потому что каждое правило долженствовало имѣть свое основаніе; онъ упражнялъ ихъ въ Діалектикѣ, потому что они должны будутъ

сражаться съ сластолюбіемъ и другими страстьми, суемудріемъ подкрѣпляемыми.

Не было еще человѣка столь независтливаго какъ Сократъ. Ежели они желали имѣть нѣкоторое свѣдѣніе въ наукахъ, основанныхъ на точныхъ правилахъ, то назначалъ онъ имъ учителей, о коихъ думалъ, что они его искуснѣе. Когдажъ желали быть въ другихъ училищахъ, то онъ самъ препоручалъ ихъ философамъ, коихъ сами ученики ему предпочитали.

Наставленія его были не иное что, какъ дружескія бесѣды, коихъ предметъ раждался изъ самыхъ обстоятельствъ; иногда читалъ онъ съ ними писанія мужей мудрыхъ, прежде его бывшихъ; онъ ихъ перечитывалъ, ибо зналъ, что дабы утвердиться въ любви къ добру, надлежитъ часто снова убѣждаться о истиннахъ, о коихъ уже были убѣждены; иногда разсуждалъ онъ, въ чемъ состоитъ правосудіе, знаніе и истинное благо. Да погибнетъ, восклицалъ онъ тогда, память того, кто первый дерзнулъ постановить различіе между справедливымъ и полезнымъ. Иногда показывалъ онъ имъ съ большею подробностію со-

отношенія, связующія человѣковъ между собою, и тѣ, кои они имѣютъ съ предметами ихъ окружающими. Повиновеніе волѣ родителей, сколько бы оная строга ни была, а еще больше повиновеніе велѣніямъ отечества, сколь бы оныя жестоки ни были; равнодушіе въ счастіи и несчастіи; обязанность быть полезнымъ человѣкомъ; необходимость быть во брани со страстьми своими и въ мирѣ со страстями другихъ: сіи предметы ученія Сократъ объяснялъ съ одинаковою ясностію и точностію.

Отсюда произошло множество понятій, для нихъ совершенно новыхъ; отсюда явились правила, взятыя случайно изъ его правилъ, до насъ дошедшихъ; каковы суть слѣдующія: чѣмъ менѣе имѣемъ мы нуждъ, тѣмъ болѣе приближаемся къ божеству; не трудъ, а праздность уничижаетъ человѣка; воззрѣніе съ удовольствіемъ устремляемое на красоту, вливаетъ смертельный ядъ въ сердце; слава мудраго состоитъ въ томъ, чтобъ быть добродѣтельнымъ, не показывая даже и вида, что онъ таковъ, и удовольствіе его состоитъ въ томъ, чтобы день отъ дня становиться добродѣтельнѣе; лучше умереть съ

честію, нежели жить съ безчестіемъ; никогда не должно воздавать зло за зло; наконецъ, и сія была одна изъ тѣхъ страшныхъ истинъ, на кои онъ наиболѣе настоялъ, что утвержденіе, будтобы можно управлять и руководствовать людьми не имѣя къ тому дарованія, есть наивеличайшій обманъ.

И дѣйствительно, какъ могло высокомѣріе невѣжества не раздражить того, кто при великихъ познаніяхъ и трудахъ едва почиталь себя въ правѣ признаться, что онъ ничего не знаетъ; того, кто видѣлъ, что въ государствѣ важнѣйшія мѣста получались происками, и ввѣрены людямъ непросвѣщеннымъ или безчестнымъ; что въ обществѣ и въ нѣдрахъ семействъ, всѣ правила помрачены, всѣ должности превратно понимаемы; кто видѣлъ между юношествомъ Аѳинскимъ умы высокомѣрные и неосновательные, коихъ притязанія не имѣли предѣловъ, а неспособность равнялась съ гордостью?

Сократъ стараясь всегда истреблять высокое мнѣніе, каковое они о самихъ себѣ имѣли, ясно видѣлъ въ сердцѣ Алкивіада нетерпѣливое желаніе быть начальникомъ рес-

публики; а въ сердцѣ Критія, честолюбіе нѣкогда оную поработить: оба, отличаясь знатностію своего рода и богатствами, учились только для того, что бы потомъ оказывать знанія свои предъ народомъ. Но первый былъ опаснѣе, потому что при сихъ выгодахъ имѣлъ онъ самыя любезныя качества. Сократъ, приобрѣвъ его довѣренность, принуждалъ его оплакивать, то свое невѣжество, то тщеславіе, и въ семъ смѣшеніи чувствованій, ученикъ признавался, что не можетъ быть счастливъ ни съ такимъ учителемъ, ни безъ такого друга. Чтобы избѣжать очарованія Сократа, Алкивіадъ и Критій вознамѣрились наконецъ уклоняться отъ его присутствія.

Успѣхи не столь блистательные, но гораздо прочнѣйшіе, хотя не утѣшили его о сей потерѣ, но довольно вознаградили труды его. Удалять отъ публичныхъ должностей тѣхъ изъ своихъ учениковъ, кои недовольно еще имѣли опытности; вводить другихъ, кои отъ нихъ удалялися по равнодушію или по скромности; примирять ихъ, когда они были несогласны; возстановлять спокойство въ ихъ семействахъ и порядокъ

вЪ ихЪ дѣлахЪ; содѣлывать ихЪ богочтительнѣйшими, справедливѣйшими и умѣреннѣйшими; таковы были дѣйствія того приятнаго удостовѣренія, которое вливалЪ онЪ вЪ души; таковы были удовольствія, восхищавшія и его душу.

Всѣ успѣхи ученія происходили болѣе отЪ его примѣра, нежели отЪ наставленія. Слѣдующія обстоятельства покажутЪ, что не льзя было имѣть сЪ нимЪ сообщества не сдѣлавшись лучшимЪ. Хотя родился онЪ сЪ чрезвычайною наклонностію кЪ пороку; но вся жизнь его была образецЪ всѣхЪ добродѣтелей. Трудно ему было удержать вспыльчивость своего нрава, отЪ того ли, что сей порокЪ кажется труднѣйшимЪ кЪ исправленію, или по тому, что мы сами себѣ удобнѣе прощаемЪ: напослѣдокЪ терпѣніе его содѣлалось непобѣдимо. Своенравіе Ксантиппы, его жены уже не возмущало спокойствія его души: ниже не измѣняло веселости его лица. ОнЪ поднялЪ руку на своего раба: О естьли бы я не разсердился! сказалЪ онЪ ему, и не ударилЪ его. ОнЪ просилЪ друзей своихЪ сказывать ему, когда примѣтятЪ перемѣну на лицѣ его, или вЪ голосѣ. Свойство и нравы Сократа.

Хотя онъ былъ весьма бѣденъ; но безъ всякаго возмездія преподавалъ ученіе, и никогда не принималъ подарковъ отъ учениковъ своихъ. Нѣкоторые Греческіе богачи хотѣли имѣть его при себѣ, но онъ на то несогласился; и когда Архелай, Царь Македонскій, предложилъ ему мѣсто при дворѣ своемъ, то онъ и отъ того отрекся, подъ предлогомъ; что не въ состояніи воздать ему благодѣяніемъ за благодѣяніе.

Однакожъ онъ не оставлялъ въ небреженіи и своей наружности, хотя оная и показывала недостаточное его состояніе. Сія опрятность происходила отъ любви къ порядку и благопристойности, кои управляли его дѣйствіями; а стараніе, которое прилагалъ о своемъ здравіи, отъ желанія сохранить умъ свой свободнымъ и спокойнымъ.

На тѣхъ пиршествахъ, въ коихъ увеселенія доходятъ иногда до чрезмѣрной вольности, друзья его удивлялись его воздержности; а въ поведеніи, неприятели его почитали непорочность его нравовъ.

Онъ былъ во многихъ походахъ; во всѣхъ подавалъ онъ примѣръ мужества и по-

виновенія. Онъ съ давняго времени приучилъ себя сносить нужды жизненныя и непогоды временъ; почему при осадѣ Потидеи, когда по причинѣ жестокой стужи все войско находилось въ своихъ шатрахъ, выходилъ онъ изъ своего шатра въ одеждѣ, какую носилъ во всякое время года, не бралъ никакой предосторожности, и ходилъ по льду босыми ногами. Воины думали, что онъ смѣется надъ ихъ нѣгою; но онъ сдѣлалъ бы тоже, хотя бы и не имѣлъ свидѣтелей.

При той же осадѣ, во время вылазки осаждаемыхъ, нашедъ Алкивіада покрытаго ранами, исторгъ его изъ рукъ неприятеля, и чрезъ нѣсколько времени потомъ, заставилъ опредѣлить ему за храбрость награду, которой самъ былъ достоинъ.

На сраженіи при Деліи отступилъ онъ послѣдній, находясь безотлучно при полководцѣ, коему помогалъ своими совѣтами, продолжая отступленіе медленными шагами и безпрестанно сражаясь дотолѣ, пока, увидя младаго Ксенофонта, истощеннаго утомленіемъ и сверженнаго съ коня, онъ взялъ его на свои плеча и отнесъ въ безопасное мѣсто. Лахесъ,

сїе было имя полководца, признался потомъ, что побѣда была бы несомнѣнна, ежели бы всѣ поступали подобно Сократу.

Сїе мужество не оставляло его въ случаяхъ, можетъ быть, опаснѣйшихъ. Жребїй возвысилъ его на степень сенатора; въ семъ качествѣ, предсѣдательствовалъ онъ съ нѣкоторыми другими членами сената въ собранїи народномъ. Дѣло было о обвиненїи полководцевъ, одержавшихъ знатную побѣду; предложили образъ судопроизводства столь же противный законамъ по своей неправильности, какъ и пагубный для невинности. Народъ возставалъ при малѣйшемъ противорѣчїи, и требовалъ, чтобъ возражателей помѣстить въ число обвиненныхъ. Прочїе предсѣдательствующїе устрашась, одобрили опредѣленїе. Единый Сократъ, неустрашимый посреди криковъ и угрозъ, говорилъ противу, что сдѣлавъ присягу судить сообразно законамъ, ничѣмъ не принудится онъ нарушить ее; и не нарушилъ.

Сократъ часто шутилъ надъ тѣмъ, что онъ чертами лица своего походитъ на Силена. Онъ имѣлъ много прїятства и веселости въ

умѣ, столькожъ силы и твердости въ характерѣ, особенный даръ содѣлывать истинну внятною и привлекательною; не было украшенїй въ его рѣчахъ, часто была въ оныхъ возвышенность, всегда слова его были въ точной соотвѣтственности съ его понятїемъ Онъ говорилъ, что Аспазїя учила его риторикѣ; сїе значило безъ сумнѣнїя то, что научился при ней выражать мысли свои съ бо́льшею прiятностїю. Онъ имѣлъ сношенїе съ сею знаменитою женщиною, съ Перикломъ, Еврипидомъ и отличнѣйшими мужами своего вѣка; но ученики его были всегда истинные его друзья; онъ былъ ими обожаемъ, и я видѣлъ такихъ, кои долго спустя послѣ его смерти, съ умиленїемъ о немъ воспоминали.

Бесѣдуя съ ними, онъ часто говорилъ имъ о генїи, который всегда находился при немъ съ самаго его младенчества, и который никогда внушенїями своими не побуждалъ его ни къ какому предприятїю, но часто останавливалъ его при самомъ начинанїи. Ежели кто совѣтовался съ нимъ о такомъ предприятїи, коего послѣдствїе долженствовало быть пагубнымъ, то Сократъ слышалъ тайный вѣщающїй ему голосъ; естьли оное долженство- Генїй Сократа.

вало имѣть успѣхъ, то гласъ сей умолкалъ. Одинъ изъ учениковъ его, удивясь такой новости, просилъ его изъяснить свойство сего небеснаго гласа, и не получилъ никакого отвѣта; другой о томъ же вопросилъ прорицалище Трофонїево, и любопытство его не лучше было удовлетворено. Оставилъ ли бы онъ ихъ въ сумнѣнїи, ежелибы подъ названїемъ генія онъ хотѣлъ означить то рѣдкое благоразумїе, которое приобрѣлъ онъ своимъ опытомъ? или онъ хотѣлъ вовлечь ихъ въ заблужденїе, и тѣмъ приобрѣсти ихъ къ себѣ довѣренность, показываясь человѣкомъ вдохновеннымъ? Нѣтъ, отвѣтствовалъ Ксенофонтъ, котораго я нѣкогда о семъ спрашивалъ. Сократъ никогда не скрывалъ истинны, никогда не былъ онъ склоненъ къ обману; онъ не былъ ни столько тщеславенъ, ни столь слабоуменъ, что бы простыя догадки выдавать за истинныя предсказанїя; но онъ самъ былъ убѣжденъ, и когда онъ говорилъ намъ именемъ своего генїя, то единственно по тому, что внутренно чувствовалъ его внушенїе.

Другой ученикъ Сократа, именемъ Симмїй, коего зналъ я въ Ѳивахъ, утверждалъ, что его учитель будучи увѣренъ, что боги

же являются смертнымъ, отвергалъ явленія, о коихъ ему сказывали; но что онъ слушалъ и вопрошалъ съ великимъ любопытствомъ тѣхъ, кои, какъ имъ казалось, слышали внутрь себя божественный гласъ.

Ежели присовокупить къ симъ точнымъ свидѣтельствамъ, что Сократъ до смерти своей торжественно увѣрялъ, что боги иногда сообщали ему часть своего предвѣдѣнія, что онъ разсказывалъ, такъ какъ и ученики его, о многихъ предсказаніяхъ, которыя въ самомъ дѣлѣ сбылись; что о нѣкоторыхъ изъ нихъ много говорили въ Аѳинахъ, и что онъ отъ нихъ не отрекался: то ясно видѣть можно, что онъ, говоря о своемъ геніи, сказывалъ отъ чистаго сердца, что чувствовалъ самъ въ себѣ то, чего можетъ быть чувствоватъ никому не случалось.

Разсматривая правила и поведеніе его, видѣть можно, какими степенями достигъ онъ до присвоенія себѣ подобнаго преимущества. Будучи прилѣпленъ къ господствующей вѣрѣ, мнилъ онъ, сообразно преданіямъ древнихъ, принятымъ Философами, что боги, преклоненные нуждами и молитвами чес-

тнаго человѣка, открываютъ ему иногда будущее различными знаками. Потому совѣтовалъ онъ своимъ ученикамъ то вопрошать прорицалища, то прилѣжать къ наукѣ гаданія. Самъ онъ, слѣдуя мнѣнію большей части людей, вѣрилъ сновидѣніямъ и повиновался имъ, какъ бы небеснымъ извѣщаніямъ. Сего еще недовольно; душа его чистая и отъ чувствъ отдѣленная, часто погружаясь по нѣскольку часовъ сряду въ размышленія, восходила нечувствительно къ источнику должностей и добродѣтелей; но какъ трудно содержать себя долгое время предъ очами божества, не дерзая вопрошать оное, не слушая его отвѣта, не приобыкая къ мечтамъ, каковыя производитъ иногда напряженіе духа; то должно ли по сему удивляться, что Сократъ принималъ иногда предчувствія свои за божественныя внушенія; и дѣйствія благоразумія или случая относилъ къ причинѣ чрезъестественной.

Однакожъ въ исторіи жизни его находятся такіе случаи, кои заставляютъ сумнѣваться въ правотѣ его намѣреній. И дѣйствительно, что думать о человѣкѣ, который ходя съ своими учениками, вдругъ ос-

шанавливается, долгое время размышляетъ самъ съ собою, слушаетъ гласъ своего генія и повелѣваетъ имъ взять другую дорогу, хотя бы никакого вреда не произошло, ежелибы они слѣдовали первымъ путемъ. (а)

Я приведу другой примѣръ. При осадѣ Потидеи, примѣчено было, что съ самаго восхожденія зари стоялъ онъ внѣ шатра неподвиженъ, погруженный въ глубокое размышленіе, на солнечномъ зноѣ; ибо сіе было лѣтомъ. Воины обступили его, и удивляясь указывали на него другъ другу. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшились смотрѣть за нимъ всю ночь, онъ остался въ томъ же положеніи до слѣдующаго дня. Тогда сдѣлавъ поклоненіе солнцу, возвратился спокойно въ шатеръ.

Хотѣлъ ли онъ представить изъ себя зрѣлище войску? могъ ли умъ его толь

(а) Нѣкоторые изъ его учениковъ продолжали идти своимъ путемъ, не смотря на извѣщенія генія, и встрѣтились со стадомъ свиней, кои измарали ихъ грязью. О семъ повѣствуетъ въ Плутархѣ Ѳеокритъ, ученикъ Сократа, приводя во свидѣтели тому Симмія, другаго ученика Сократова.

долгое время быть углубленъ въ изысканіи какой либо истинны? или ученики его, которые разсказывали намъ о сихъ произшествіяхъ, перемѣнили обстоятельства? Согласимся лучше, что въ поступкахъ мужей мудрѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ представляется иногда непроницаемая неизвѣстность.

Предъубѣжденія противъ Сократа.

Какъ бы то ни было, не взирая на предсказанія, кои приписывали Сократу, Аѳиняне никогда не имѣли къ нему того уваженія, которое онъ, по многимъ причинамъ, заслуживалъ. Образъ его ученія долженъ былъ ихъ или отвратить или оскорбить. Одни ни могли ему простить изслѣдованіе истинны, которое казалось имъ скучнымъ потому, что не въ состояніи были ему въ томъ послѣдовать; другіе за то, что онъ исторгалъ изъ нихъ признаніе въ своемъ невѣжествѣ.

Поелику онъ хотѣлъ, чтобъ изслѣдованіе истинны начиналось сумнѣніемъ и недовѣрчивостію къ приобрѣтеннымъ знаніямъ; и для отвращенія новыхъ своихъ учениковъ отъ ложныхъ понятій ими полученныхъ, до-

водилъ ихъ, однимъ слѣдствіемъ за другимъ до признанія, что по ихъ правиламъ самая мудрость можетъ содѣлаться вредною; присутствующіе, не проницавшіе его намѣренія, обвиняли его тѣмъ, что онъ ввергалъ учениковъ своихъ въ сумнѣніе, что защищалъ и правую и противную сторону, что все разрушалъ и ничего не созидалъ.

Какъ предъ не знакомыми притворялся онъ, что ничего не знаетъ, и скрывалъ сначала свои силы, дабы употребить ихъ потомъ съ большимъ успѣхомъ; то говорили, что посредствомъ оскорбительной насмѣшки, старался онъ только ставить сѣти простоумію другихъ.

Поелику юноши Аѳинскіе, кои взирали на прѣніе остроумныхъ людей съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и на битвы свирѣпыхъ животныхъ, превозносили похвалами побѣды его, и при малѣйшемъ случаѣ употребляли тоже оружіе, которое доставляло ему оныя; то заключали, что они почерпали у него только склонность къ спору и противорѣчію. Люди снизходительнѣйшіе примѣчали токмо, что имѣлъ онъ довольно дарованій для внушенія ученикамъ своимъ любви къ муд-

рости, но недовольно къ удобнѣйшему произведенію оной въ дѣйство.

Онъ рѣдко бывалъ въ зрѣлищахъ; и охуждая чрезвычайное своевольство, которое тогда бывало въ комедіяхъ, навлекъ на себя ненависть сочинителей оныхъ.

Поелику онъ почти никогда не являлся въ собраніи народномъ, и не имѣлъ ни довѣренности, ниже способа покупать или продавать голоса; то многіе почитали его только человѣкомъ празднымъ, безполезнымъ, который предлагалъ объ однихъ перемѣнахъ въ правленіи и только обѣщалъ добродѣтели.

Изъ такого множества предразсудковъ и различныхъ мнѣній родилась почти общая мысль, что Сократъ есть не иное что, какъ софистъ искуснѣйшій, честнѣйшій, но можетъ быть тщеславнѣйшій всѣхъ прочихъ. Я знаю, что нѣкоторые просвѣщенные Аѳиняне давали ему сіе названіе, спустя долгое время послѣ его смерти; а при жизни его, нѣкоторые писатели, хотя и не прямо, но также его называли, дабы отмстить ему за его къ нимъ презрѣніе.

Аристофанъ, Эвполисъ, Амипсїй представляли его на ѳеатрѣ, такъ какъ осмѣлились они тоже дѣлать съ Перикломъ, Алкивїадомъ и почти со всѣми другими градоначальниками; такъ какъ иные драматическїе сочинители выводили на позорище другихъ философовъ; ибо тогда было несогласїе между учеными сихъ двухъ родовъ.

Надлежало осмѣять мнимаго генїя Сократа, глубокїя и долговременныя его размышленїя; Аристофанъ представляетъ его висящимъ надъ землею, уподобляющимъ мысли свои тонкому и легкому воздуху, коимъ онъ дышетъ, призывающимъ богинь покровительницъ софистовъ, облака, изъ коихъ мнитъ онъ слышать гласъ посреди тумановъ и мраковъ его окружающихъ. Надлежало внушить объ немъ худое мнѣнїе въ народѣ; онъ обвиняетъ Сократа въ томъ, будто бы онъ учитъ юношество презирать боговъ и обманывать людей.

Аристофанъ представилъ комедїю свою къ награжденїю; она была принята съ похвалою, но не увѣнчана: спустя годъ потомъ онъ отдалъ ее на ѳеатръ; но она имѣла не

лучшій успѣхъ; онъ исправилъ ее, но обстоятельства воспрепятствовали представить ее въ третій разъ. Сократъ, какъ думаютъ, присутствовалъ при первомъ ея представленіи и не укрывался отъ иностранцевъ, кои желали его видѣть въ собраніи. Подобныя нападенія мало колебали его постоянство, какъ и прочія происшествія его жизни. „Я „долженъ себя исправить, говорилъ онъ, „ежели упреки сихъ сочинителей основатель„ны; презирать ихъ, буде они ложны.„ Нѣкогда сказано ему, что одинъ человѣкъ говоритъ о немъ худо. „Сіе потому, отвѣтство„валъ онъ, что не научился говорить хорошо.„

Со времени представленія комедіи *Облака*, протекло около двадцати четырехъ лѣтъ. Казалось, что время гоненія прошло для него, какъ вдругъ узналъ онъ, что одинъ молодый человѣкъ сдѣлалъ на него второму Архонту доносъ въ слѣдующихъ словахъ: „Мелитъ сынъ Мелита, изъ мѣстечка Пи„ѳоса, доноситъ въ уголовномъ дѣлѣ на Со„крата сына Софронискова, изъ мѣстечка „Алопеса. Сократъ виненъ въ томъ, что не „признаетъ нашихъ боговъ, и вводитъ между „нами новыя божества подъ именемъ геніевъ;

„Сократъ виненъ въ томъ, что развращаетъ „юношество Аѳинское: въ наказанiе, смерть.„

Мелитъ былъ стихотворецъ весьма средственный, безъ дарованiй; онъ сочинилъ нѣсколько трагедiй, о коихъ память продлится только по насмѣшкамъ Аристофана. Двое сильнѣйшихъ обвинителей, нежели онъ, Анитъ и Ликонъ употребили его орудiемъ своей ненависти. Сей послѣднiй былъ одинъ изъ тѣхъ публичныхъ ораторовъ, кои въ собранiяхъ сената и народа, разбираютъ пользы отечества, и располагаютъ мнѣнiемъ народа, такъ какъ народъ располагаетъ всемъ. Онъ то управлялъ судопроизводствомъ.

Великое богатство и отличныя услуги, оказанныя обществу, давало мѣсто Аниту между гражданами, наибольшую довѣренность имѣющими. Онъ занималъ постепенно первыя достоинства въ республикѣ. Будучи ревностный защитникъ демократiи, и гонимъ тридцатью тиранами, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, кои наиболѣе способствовали къ ихъ изгнанiю и возстановленiю свободы.

Анитъ долгое время жилъ въ согласiи съ Сократомъ: онъ просилъ его даже нѣког-

да преподать наставленія его сыну, на коего возложилъ смотрѣніе за мануфактурою, отъ которой получалъ великой доходъ. Но какъ Сократъ представлялъ ему, что такая уничижительная должность не прилична ни достоинству отца, ни расположеніямъ сына; то Анитъ, огорченный симъ напоминовеніемъ, воспретилъ молодому человѣку всякое сообщеніе съ его учителемъ.

Нѣсколько времени потомъ Сократъ изслѣдовалъ съ Менономъ, однимъ изъ друзей своихъ, можетъ ли воспитаніе сообщить качества ума и сердца, коихъ природа не даровала. Тогда пришелъ Анитъ и вмѣшался въ разговоръ. Поведеніе сына его, о воспитаніи коего онъ не радѣлъ, начинало дѣлать ему безпокойство. Въ послѣдствіи разговора, Сократъ примѣтилъ, что дѣти Θемистокла, Аристида и Перикла, окруженные учителями музыки, ристанія и гимнастики, въ сихъ различныхъ родахъ отличились, но никогда не были столь добродѣтельны, какъ ихъ отцы: вѣрное доказательство, присовокупилъ онъ, что сіи послѣдніе не нашли такого наставника, который бы въ состояніи былъ доставить сыновьямъ ихъ то достоинство, кото-

рое они сами имѣли. Анитъ, который поставлялъ себя на ряду съ сими великими мужами, почувствовалъ или думалъ, что намѣкаютъ на него. Онъ отвѣтствовалъ съ гнѣвомъ: „Ты говоришь о другихъ съ несносною вольностію. Послушай меня, будь скромнѣе; здѣсь болѣе нежели въ другомъ мѣстѣ удобно сдѣлать добро или зло, кому угодно, и ты долженъ сіе знать.„

Къ симъ личнымъ оскорбленіямъ присовокупились другія, кои огорчали Анита, и были ему общи съ большею частію народа. Надлежитъ ихъ изъяснить, дабы показать главную причину обвиненія противъ Сократа.

Двѣ противныя стороны всегда существовали между Аѳинянами, защитники аристократіи и послѣдователи демократіи. Первые, будучи почти всегда порабощены, въ счастливѣйшія времена роптали только втайнѣ о несчастныхъ временахъ республики; а особливо при концѣ войны Пелопонисской, сдѣлали они, нѣкоторыя покушенія къ разрушенію чрезмѣрной власти народа. По взятіи Аѳинъ Лакедемоняне поручили тамъ правленіе тридесяти градоначальникамъ, избраннымъ боль-

шею частїю изъ народа. Критїй, одинъ изъ учениковъ Сократа, былъ ихъ главою. Въ теченїи осьми мѣсяцовъ оказали они болѣе жестокостей, нежели народъ въ продолженїи многихъ вѣковъ Весьма многїе граждане, принужденные сперьва обратиться въ бѣгство, соединились наконецъ подъ предводительсвомъ Тразивула и Анита. Олигархїя была разрушена, древнїй образъ правленїя возстановленъ, и для предупрежденїя съ сихъ поръ всякаго несогласїя даровано всеобщее почти прощенїе и предано забвенїю все прошедшее. О семъ было обнародовано и подтверждено присягою за три года предъ смертїю Сократа.

Народъ присягнулъ; но съ ужасомъ воспоминалъ, что былъ лишенъ своей власти, что каждое мгновенїе можетъ оную опять потерять, что былъ въ зависимости отъ того Лакедемона, который столь ревностно старался установить вездѣ олигархїю, что главнѣйшїе граждане имѣли сообщенїе съ онымъ, и одушевлены были тѣми же чувствованїями. И чего бы не содѣлала сїя жестокая крамола въ другихъ обстоятельствахъ, потому что посреди развалинъ

республики надлежало пролить столько крови, дабы насытить ея лютость?

Ласкатели народа усугубляли въ немъ неудовольствіе, представляя ему, что буйные умы изъяснялись ежедневно съ возмутительною дерзостію противу народнаго правленія; что Сократъ, опаснѣйшій изъ всѣхъ, потому что былъ наиболѣе просвѣщенъ, не преставалъ заражать юношество Аѳинское правилами, противными принятому постановленію; что слыхали отъ него нѣсколько разъ, что надлежало быть безразсудну, чтобъ повѣрить дѣла и управленіе республики такимъ градоправителямъ, коихъ избираетъ сильный жребій между величайшимъ множествомъ гражданъ; что Алкивіадъ, послушный его наставленіямъ, кромѣ бѣдствій, коими обременилъ республику, сдѣлалъ недавно заговоръ противъ ея свободы; что въ то же время Критій и Ѳераменъ, двое другихъ его учениковъ, не устыдились быть главными въ числѣ тридцати тиранновъ; что надлежало наконецъ воздержать своевольство, коего неудобопредвидимыя слѣдствія были бы не избѣжны.

Но въ чемъ можно обвинить Сократа? его можно было упрекать только за такія

разсужденія, противъ которыхъ въ законахъ ничего не постановлено, и кои сами въ себѣ не заключали никакого преступленія; потому что не имѣли нималѣйшаго отношенія къ тѣмъ несчастіямъ, на кои должно было жаловаться: впрочемъ, принявъ оныя за единственное основаніе обвиненія, можно было бы возбудить вражду въ противныхъ сторонахъ и надлежало бы привести на память такія произшествія, кои по силѣ всеобщаго прощенія (Амнистія) преданы совершенному забвенію.

Заговоръ, втайнѣ произведенный Анитомъ, открылся при сихъ неприятныхъ обстоятельствахъ, и споспѣшествовалъ вмѣстѣ и личной его ненависти и мщенію народной стороны. Обвинитель, вооружаясь на Сократа, яко на человѣка нечестиваго, могъ надѣяться погубить его, потому что народъ всегда принималъ съ жаромъ такого рода обвиненія, и смѣшивая Сократа съ прочими философами, онъ увѣренъ былъ, что они не могутъ заниматься разсматриваніемъ природы, не отвергая существа боговъ. Притомъ большая часть судей, присутствовавшихъ на представленіи Аристофановой комедіи: *Обла-*

ка, питали въ себѣ внутреннее противъ Сократа предубѣжденіе которое въ большихъ городахъ получить весьма легко, а весьма трудно разрушить.

Съ другой стороны, Мелитъ, преслѣдуя его, яко развратителя юношества, могъ при доказательствѣ столь неопредѣлительномъ, напомнить случайно и безъ опасности дѣла, могущія возмутить судей, и устрашить защитниковъ народнаго правленія.

Тайна сего поступка не скрылась отъ потомства; около пятидесяти четырехъ лѣтъ по смерти Сократа, ораторъ Эсхинъ, съ коимъ я былъ въ великой связи, сказалъ въ присутствіи того же судилища, въ коемъ производилось дѣло сего философа: ,,Вы предали смерти софиста Сократа, на коего доказано, что давалъ наставленія Критію, единому изъ тридцати градоправителей, разрушившихъ Демократію.,,

При началѣ судопроизводства Сократъ пребывалъ спокоенъ: устрашенные ученики его старались отвратить несчастіе; славный Лизій сочинилъ въ защищеніе его убѣдитель-

ную рѣчь, способную привести судей въ жалость; Сократъ отдавалъ справедливость дарованіямъ оратора, но не находилъ въ рѣчи сей сильнаго гласа невинности.

Одинъ изъ друзей его, именемъ Гермогенъ, просилъ его нѣкогда постараться, о своемъ защищеніи. „Я занимался тѣмъ съ самаго мо„его рожденія, отвѣтствовалъ Сократъ. Пусть „разсмотрятъ всю жизнь мою; вотъ мое „оправданіе.„

„Однакожъ, возразилъ Гермогенъ, истинна „имѣетъ нужду въ подпорѣ; и тебѣ не безъ„извѣстно, сколько въ судилищахъ нашихъ „краснорѣчіе погубило невинныхъ гражданъ и „спасло виновныхъ. Я знаю, отвѣтствовалъ „Сократъ; я даже два раза предпринималъ „привести въ порядокъ доказательства моей „невинности; дважды просвѣщающій меня ге„ній отвращалъ меня отъ того, и я на опы„тѣ позналъ, сколь мудры его совѣты.„

„Я прожилъ до сего времени счастливѣй„шимъ изъ смертныхъ; я сравнивалъ часто „состояніе мое съ состояніемъ другихъ людей, „и не завидовалъ ни чьему жребію. Долженъ „ли я ожидать, чтобъ скорбная старость ли„шила меня употребленія чувствъ, и чтобъ „ослабя духъ мой, оставила она мнѣ токмо

„дни безполезные или осужденные на го-
„ресть? Боги приготовляютъ мнѣ, по види-
„мому, смерть тихую, безболѣзненную, такую,
„каковую я бы желать могъ. Друзья мои,
„свидѣтели кончины моей, не будутъ пора-
„жены ни ужасомъ зрѣлища, ни слабостями
„человѣчества; и въ послѣднія мои минуты
„буду я имѣть довольно еще силы, что бы
„возвести на нихъ мои взоры, и открыть
„имъ чувствованія моего сердца.„

„Потомство рѣшитъ, кто изъ насъ ви-
„новенъ, я или судіи: между тѣмъ, какъ оно
„покроетъ поношеніемъ ихъ память, а мою
„защититъ, и отдастъ мнѣ справедливость
„въ томъ, что я не только не думалъ раз-
„вратить моихъ соотечественниковъ, а на-
„противъ старался токмо содѣлать ихъ
„лучшими.„

Таковы были его чувствованія, когда назначено ему было явиться предъ судилищемъ Геліастовъ, въ которое царствующій Архонтъ отослалъ дѣло, и которое, на сей случай, составлено было почти изъ пяти судей.

Мелитъ и прочіе обвинители заранѣе приготовились къ нападенію: въ судебныхъ рѣчахъ своихъ, подкрѣпляемыхъ всемъ оча-

praванїемъ краснорѣчїя, собрали они съ чрезвычайнымъ искуствомъ, множество обстоятельствъ, удобныхъ къ предубѣжденїю судей. Я приведу нѣкоторые изъ ихъ доносовъ, и отвѣты на оные.

Первое преступленїе Сократа. *Онъ не принимаетъ боговъ Аѳинскихъ, хотя по закону Драконову, каждый гражданинъ обязанъ ихъ чтить.*

На сїе отвѣтствовать было удобно: Сократъ часто приносилъ жертвы предъ своимъ домомъ; часто приносилъ оныя во время празднествъ, на общенародныхъ жертвенникахъ; весь народъ былъ тому свидѣтелемъ, и самый Мелитъ, естьлибы онъ хотѣлъ на то обратить свое вниманїе. Но какъ обвиняемый возставалъ противъ суевѣрныхъ обрядовъ, введенныхъ въ вѣру; и какъ онъ не могъ терпѣть никакой вражды и никакихъ постыдныхъ страстей, богамъ приписываемыхъ; то легко было очернить его предъ глазами тѣхъ, коимъ просвѣщенное благочестїе всегда подозрительно.

Мелитъ присовокуплялъ, что подъ именемъ генїевъ, Сократъ хотѣлъ ввести меж-

ду Аѳинянами, чуждыхъ боговъ, и что таковая дерзость заслуживаетъ наказаніе по законамъ. Въ семъ мѣстѣ ораторъ издѣвался надъ тѣмъ духомъ, коимъ хвалился философъ, что онъ чувствовалъ тайное его вдохновеніе.

Гласъ сей, отвѣтствовалъ Сократъ, не есть гласъ новаго божества, но гласъ боговъ, коимъ мы покланяемся. Вы всѣ согласны, что они предвидятъ будущее, и могутъ насъ о томъ извѣщать: однимъ изъясняются они устами Пиѳіи, другимъ разными знаками; а мнѣ, чрезъ истолкователя, коего прорицанія преимущественнѣе тѣхъ признаковъ, кои замѣчаются по полету птицъ: ибо ученики мои засвидѣтельствуютъ, что я имъ ничего не предсказывалъ такого, что бы не сбылось.

При сихъ словахъ судьи вознегодовали. Мелитъ усугубилъ бы сіе негодованіе, естьли бы далъ замѣтить, что допущеніемъ откровенія Сократа, ввелось бы рано или поздно изувѣрство въ такой странѣ, гдѣ воображеніе людей весьма легко можно поколебать, и что многіе почли бы себѣ долгомъ пови-

новаться паче велѣніямъ частнаго духа, нежели градоправителей. Кажется, что Мелиту не пришла на умъ сія опасность.

Второе преступленіе Сократа. *Онъ развращаетъ юношество Аѳинское.* Дѣло было не о нравахъ обвиняемаго, но о его ученіи. Говорили, что ученики его научались при немъ токмо расторгать связи родства и дружбы. Сія укоризна, основанная единственно на нѣкоторыхъ, злобно истолкованныхъ выраженіяхъ, послужила токмо къ открытію злонамѣренія обвинителя. Но Мелитъ опять взялъ верхъ, внушивъ судьямъ, что Сократъ есть врагъ народа; онъ говорилъ о связяхъ сего философа съ Алкивіадомъ и Критіемъ. На сіе отвѣтствовано, что они показали многія добродѣтели, доколѣ были подъ его руководствомъ; что учитель ихъ, во всякое время осуждалъ излишество перваго, и что во время тиранніи втораго, онъ одинъ осмѣлился воспротивиться его волѣ.

Наконецъ, говорилъ Мелитъ судьямъ, вы избраны жребіемъ быть судіями, и многіе изъ васъ исправляли важныя должности градоначальства. Обрядъ сей, тѣмъ существеннѣй-

шій, что онъ единый сохраняетъ между гражданами нѣкоторый родъ равенства, подвергается отъ Сократа порицанію; и юношество Аѳинское, по примѣру его, престаетъ уважать сіе коренное основаніе образа правленія.

Сократъ изъясняясь о злоупотребленіи, по которому ввѣрялось слѣпому случаю благостояніе частныхъ людей и судьба республики, ничего инаго не говорилъ, какъ то, что думали просвѣщеннѣйшіе Аѳиняне. Притомъ таковыя рѣчи, такъ, какъ далъ я примѣтить выше сего, не могли подвергать смертной казни, на какую осуждалъ въ заключеніяхъ своихъ обвинитель.

Многіе изъ друзей Сократа сильно говорили, а другіе писали въ его защищеніе, и Мелитъ не устоялъ бы, естьли бы Анитъ и Ликонъ не подкрѣпили его. Читатель помнитъ, что первый дерзнулъ представить судьямъ, что надлежало либо отослать обвиняемаго къ ихъ судилищу, либо предать его смерти; ибо ежели онъ будетъ оправданъ, то дѣти ихъ тѣмъ болѣе привязаны будутъ къ его ученію.

Сократъ, повинуясь закону, защищалъ себя, но съ твердостію приличною невин-

ности и достоинству добродѣтели. Я присовокуплю здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи, которую защитники его, и особливо Платонъ, влагаютъ ему въ уста; оныя послужатъ къ обнаруженію его свойства.

„Я предстою предъ сіе судилище въ „первый разъ въ моей жизни, хотя мнѣ семдесять лѣтъ отъ роду: здѣсь образъ изъясненія, обряды, все для меня ново. Я буду „говорить языкомъ чуждымъ; и единственная милость, которую я испрашиваю, со„стоитъ въ томъ, чтобы внимали паче мо„имъ доводамъ, нежели словамъ; ибо ваша „должность есть наблюдать правосудіе, а „моя говорить вамъ истинну.

Оправдавъ себя отъ обвиненія въ нечестіи, онъ приступилъ ко второй статьѣ доноса. „Говорятъ, что я развращаю юноше„ство Аѳинское: пусть представятъ хотя „единаго изъ моихъ учениковъ, коего вовлекъ „бы я въ пороки. Я вижу многихъ изъ нихъ „въ семъ собраніи: да возстанутъ они, и „изобличатъ своего развратителя. Ежели „удерживаетъ ихъ еще нѣкоторое ко мнѣ „уваженіе, то для чего ихъ родители, братья, „сродники не призываютъ теперь строгости „законовъ? Для чего Мелитъ не употребилъ

„ихъ свидѣтельства? Сіе для того, что вмѣ-
„сто нападенія на меня, сами прибѣгли къ
„моей защитѣ.

„Не клеветы Мелита и Анита лишатъ „меня жизни; но ненависть тѣхъ тщеславныхъ „или неправедныхъ людей, коихъ обнаружилъ „я невѣжество или пороки; та ненависть, ко-„торая погубила уже многихъ честныхъ лю-„дей, и которая еще весьма многихъ погубитъ; „ибо не могу надѣяться, чтобъ она кончилась „вмѣстѣ съ моимъ наказаніемъ.

„Я навлекъ оную на себя тѣмъ, что „хотѣлъ проникнуть смыслъ отвѣта Пиѳіи, „въ которомъ объявленъ я мудрѣйшимъ изъ „человѣковъ.„ (*) При семъ судьи явно возне-„годовали. Сократъ продолжалъ: „Бывъ удив-„ленъ таковымъ изреченіемъ, я спрашивалъ „изъясненія о семъ у гражданъ разнаго званія, „бывшихъ въ отличномъ уваженіи, но вездѣ „находилъ одно токмо высокомѣріе и лице-„мѣрство. Я старался внушить имъ недо-„вѣрчивость къ собственнымъ своимъ досто-„инствамъ, а тѣмъ и сдѣлалъ ихъ себѣ не-

(*) Отвѣтъ сей, по свидѣтельству Схоліаста Аристофанова есть слѣдующій: *Софоклъ мудръ, Эврипидъ мудръ, но Сократъ мудрѣе всѣхъ человѣковъ.„*

„примиримыми врагами; я заключилъ изъ то-„го, что мудрость принадлежитъ токмо бо-„жеству, и что прорицалище, приведя меня „въ примѣръ, хотѣло показать, что мудрѣй-„шій изъ человѣковъ есть тотъ, кто наиме-„нѣе почитаетъ себя таковымъ.

„Естьли бы меня стали укорять, что „я посвятилъ многіе годы на изысканія столь „опасныя, я отвѣчалъ бы, что не должно ни „щадить своей жизни, ни страшиться смер-„ти, когда для людей можно быть полез-„нымъ. Я почелъ себя, какъ бы предопредѣ-„леннымъ къ ихъ наставленію; я мнилъ, что „само небо меня для сего низпослало: я за-„щищалъ даже съ опасностію жизни моей, „тѣ мѣста, кои препоручали мнѣ военачаль-„ники наши въ Амфиполѣ, Потидеѣ, Деліи; „я еще съ большимъ мужествомъ долженъ „проходить то званіе, которое назначено мнѣ „богами посредѣ васъ; и не могу оставить „онаго, не сдѣлавшись нарушителемъ ихъ „велѣній, и не унизивъ себя предъ самимъ „собою.

„Скажу еще болѣе; естьли бы вы рѣ-„шились оправдать меня съ тѣмъ условіемъ, „что бы я только молчалъ, я сказалъ бы

„вамъ: о судіи, я васъ конечно люблю и по-
„читаю; но я долженъ повиноваться паче бо-
„гу, нежели вамъ; я до послѣдняго издыханія
„не престану говорить, такъ какъ и прежде,
„всѣмъ кого ни увижу: не стыдно ли вамъ
„гоняться за богатствомъ и почестями, а
„пренебрегать сокровище мудрости и истин-
„ны, долженствующихъ украшать и усовер-
„шать душу вашу? непрестанно буду без-
„покоить ихъ и прозьбами и вопросами, я
„заставлю ихъ стыдиться своего ослѣпленія
„или ложныхъ добродѣтелей, и покажу имъ,
„что они болѣе всего уважаютъ богатство,
„которое заслуживаетъ токмо презрѣніе.

„Вотъ что предписываетъ мнѣ божест-
„во внушать безпрерывно юношамъ, старцамъ,
„гражданамъ, чужестранцамъ; а какъ моя по-
„корность къ его велѣніямъ есть величайшее
„для васъ его благотвореніе; то, ежели вы
„меня предадите смерти, вы отвергнете даръ
„божій, и не найдете никого, кто бы оду-
„шевленъ былъ подобною ревностію. Итакъ
„теперь я защищаю ваше дѣло, показывая,
„что защищаю мое собственное. Анитъ и
„Мелитъ могутъ меня оклеветать, изгнать,
„отнять у меня жизнь; но не могутъ вре-

„дить мнѣ; о нихъ болѣе сожалѣть должно, „нежели обо мнѣ, потому что они несправедливы.„

„Къ отвращенію ихъ ударовъ, не употреблялъ я, подобно другимъ обвиняемымъ, „ни тайныхъ происковъ, ни явныхъ прозьбъ. „Я столько васъ уважалъ, что я не старался подвигнуть васъ на жалость моими слезами, ни слезами дѣтей моихъ и друзей, „меня окружающихъ. На ѳеатрѣ только надобно возбуждать жалость чувствительными изображеніями; а здѣсь единой истинѣ внимать надлежитъ. Вы торжественно „поклялись судить по законамъ; естьли бы „я заставилъ васъ преступить клятву, тогда по всей справедливости былъ бы я виновенъ въ нечестіи. Но будучи увѣренъ „болѣе, нежели мои противники въ существованіи божества, безъ страха предаюсь „правосудію его, равно какъ и вашему.„

Судъ Сократа.

Судившіе Сократа были большею частію люди изъ простаго народа, безъ просвѣщенія и безъ правилъ; одни почли твердость его за наругательство; другіе оскорблены были похвалами, кои онъ себѣ приписывалъ.

Рѣшенїе суда объявило его изобличеннымъ и виновнымъ. Неприятели его одержали верхъ нѣсколькими голосами; они имѣли бы на своей сторонѣ еще менѣе голосовъ, и сами были бы наказаны, естьли бы Сократъ сдѣлалъ хотя малѣйшее усилїе къ преклоненїю судей.

По законамъ Аѳинскимъ надлежало быть вторичному суду для опредѣленїя наказанїя. Мелитъ, въ обвиненїи своемъ приговаривалъ его къ смерти. Сократъ могъ избрать или денежную пеню, или изгнанїе или вѣчную темницу. Но онъ начавъ опять рѣчь, сказалъ, что онъ призналъ бы себя виновнымъ, естьли бы опредѣлилъ себѣ хотя малѣйшее наказанїе; что оказавъ великїя услуги республикѣ, онъ былъ бы достоинъ того, чтобъ содержать его въ Пританеѣ на всенародномъ иждивенїи. При сихъ словахъ, восемьдесять изъ судей, кои съ начала расположены были въ его пользу, присоединились къ заключенїямъ обвинителя, и смертный приговоръ былъ произнесенъ; въ ономъ опредѣлено было дать обвиненному ядъ.

Сократъ выслушалъ приговоръ съ такимъ спокойствїемъ, какое прилично мужу,

готовившемуся во всю свою жизнь къ смерти. Въ третей рѣчи утѣшалъ онъ судей, кои его оправдывали, давая имъ замѣтить, что честнаго человѣка ничто не можетъ посрамить ни во время его жизни, ни по смерти; тѣмъ же, кои его обвинили или осудили, представлялъ, что они безпрестанно чувствовать будутъ угрызенія совѣсти и слышать укоризны отъ человѣковъ; что какъ смерть есть для него приобрѣтеніе, то онъ на нихъ не огорчается, хотя бы и имѣлъ причину жаловаться на ихъ ненависть. Онъ заключилъ рѣчь свою сими словами: „ время намъ разойтись; мнѣ, чтобы умереть; а вамъ, чтобы жить. Кто изъ насъ будетъ наслаждаться лучшимъ жребіемъ? Сіе единому только божеству извѣстно.„

Когда изъ судилища пошелъ онъ въ темницу, не видно было никакой перемѣны ни въ его лицѣ, ни въ его походкѣ. Ученикамъ своимъ, утопавшимъ въ слезахъ, говорилъ онъ: „Почему вы токмо нынѣ начали „плакать? Развѣ вы не знали, что природа „съ тѣмъ даровала мнѣ жизнь, чтобъ послѣ „умереть. Меня приводитъ въ отчаяніе только то, возопилъ юный Аполлодоръ, въ же-

„стокомъ своемъ прискорбіи, что ты уми-„раешь невиннымъ. Развѣ бы ты лучше „хотѣлъ, сказалъ ему Сократъ улыбаясь, „чтобъ я умеръ виновнымъ?„ Онъ увидѣлъ „проходящаго Анита и сказалъ своимъ друзь-„ямъ:„ смотрите; какъ онъ гордится своею „побѣдою! Онъ не знаетъ, что побѣда всегда „остается при человѣкѣ добродѣтельномъ.„

На другой день суда, надъ нимъ произведеннаго, жрецъ Аполлоновъ возложилъ венецъ на корму галеры, доставляющей ежегодно въ Делосъ приношенія Аѳинянъ. Начиная съ сего торжественнаго обряда до возвращенія галеры, законъ запрещаетъ исполненіе суда, опредѣляющаго смертное наказаніе.

Сократъ препроводилъ тридесять дней въ темницѣ, ничего не перемѣня въ своемъ родѣ жизни, окруженный своими учениками, кои для облегченія своего прискорбія, ежечасно приходили видѣть и слышать его; изъ коихъ каждый ежечасно мнилъ, что онъ видитъ и слышитъ его въ послѣдній разъ.

Въ одинъ день, пробудившись увидѣлъ онъ Критона, сидящаго подлѣ его ложа;

онъ былъ одинъ изъ любимѣйшихъ его учениковъ „ Ты пришелъ сегодня ранѣе обык„новеннаго, сказалъ онъ ему; еще не со„всѣмъ разсвѣло? Такъ, отвѣчалъ Критонъ, „день только что начинается... *Сократъ.* „Я удивляюсь, какъ темничные стражи поз„волили тебѣ войти. *Критонъ.* Они меня „знаютъ, я ихъ кое чѣмъ подарилъ. *Сократъ.* „Давно ли ты здѣсь? *Критонъ.* Уже давно. „*Сокр:* для чегожъ ты меня не разбудилъ. „*Крит.* Ты спалъ спокойно. Я боялся тебя „потревожить. Я всегда удивлялся спокой„ствію души твоей, я еще болѣе пораженъ „былъ онымъ въ сію минуту. *Сокр.* стыдно „бы было человѣку моихъ лѣтъ безпокоить„ся о приближеніи смерти. Но что тебя по„нудило притти такъ рано? *Крит.* Мучи„тельное извѣстіе, не для тебя, но для меня „и для друзей твоихъ; жесточайшее, ужаснѣй„шее извѣстіе. *Сократъ.* Не галера ли при„шла? *Крит.* Видѣли вчера оную вечеромъ „въ Суніи; она конечно придетъ сегодня, а „завтра наступитъ день твоей смерти. *Сокр.* „Очень хорошо; таково есть изволеніе бо„говъ.„

Тогда Критонъ представилъ ему, что не могши безъ ужаса и подумать о его

смерти, рѣшился онъ съ нѣкоторыми друзьями, извлечь его изъ темницы; что всѣ уже приняты были мѣры исполнить сїе въ слѣдующую ночь; что небольшимъ числомъ денегъ можно подкупить стражей и заставить молчать ихъ обвинителей; что доставится ему въ Ѳессалїи убѣжище пристойное, и жизнь спокойная; что не можетъ онъ отказать въ ихъ прозьбахъ, не измѣня самому себѣ, своимъ дѣтямъ, кои по немъ останутся въ нуждѣ, не измѣня друзьямъ своимъ, коихъ вѣчно укорять будутъ въ томъ, что они не пожертвовали всемъ своимъ имуществомъ для спасенїя его жизни.

„Любезный Критонъ, отвѣтствовалъ „Сократъ, усердїе твое не сообразно съ пра„вилами, кои я всегда наблюдалъ, и коихъ же„сточайшїя мученїя не принудятъ меня „оставить.

„Во первыхъ надлежитъ избавить васъ „отъ упрековъ, со стороны людей; извѣстно „тебѣ, что не на мнѣнїе большаго числа лю„дей смотрѣть должно, но на рѣшенїе того, „кто различаетъ справедливое отъ несправе„дливаго, и которое есть не иное что, какъ

„самая истинна. Надлежитъ удалить такъ„же и то безпокойство, которое вы стараетесь внушить мнѣ въ разсужденіи моихъ „дѣтей; отъ друзей моихъ получатъ они по„мощь, какую они по своему великодушію мнѣ „теперь предлагаютъ. Итакъ все дѣло состо„итъ въ томъ, что бы знать, справедливо ли „будетъ оставить сіи мѣста безъ позволе„нія Аѳинянъ.

„Не часто ли мы соглашались, что ни „въ какомъ обстоятельствѣ не позволитель„но воздавать несправедливостію за неспра„ведливость? не утверждали ли мы также, „что первый долгъ гражданина есть пови„новаться законамъ, не смотря ни на какой „предлогъ извиненія. Посему не значитъ „ли отнимать у нихъ всю силу и уничто„жать ихъ, когда воспротивляемся и исполне„нію оныхъ? Естьли бы я могъ на нихъ „жаловаться, я былъ бы свободенъ, отъ „меня бы зависѣло перейти въ другія сторо„ны; но я доселѣ сносилъ иго оныхъ съ удо„вольствіемъ; тысячу разъ испыталъ я „дѣйствія ихъ покровительства и благот„ворности; и поелику люди употребили ихъ „во зло, чтобы погубить меня, то ужели

„хотятъ, что бы я для своего отмщенія на-
„рушилъ законы, и возсталъ на отечество,
„коего они суть подпорою!

„Я присовокуплю къ сему, что они
„приуготовили мнѣ нѣкое пособіе. Послѣ
„перваго приговора могъ я осудить самъ се-
„бя только на изгнаніе; я захотѣлъ подверг-
„нуть себя второму, и сказалъ ясно, что
„предпочту смерть изгнанію. Не уже ли вопре-
„ки своему слову пойду я показать народамъ
„отдаленнымъ Сократа изгнаннаго, уничижен-
„наго, содѣлавшагося нарушителемъ зако-
„новъ и врагомъ верховной власти, дабы
„сохранить нѣсколько дней томныхъ и по-
„срамленныхъ: не уже ли пойду туда для
„того, что бы сдѣлать вѣчнымъ воспомина-
„ніе о моей слабости и моего преступленія
„и чтобъ не смѣлъ я произносить тамъ свя-
„щенныхъ словъ справедливости и добродѣ-
„тели, не краснѣя отъ того самъ и не на-
„влекая на себя позорнѣйшихъ укоризнъ?
„нѣтъ любезный мой другъ, будь спокоенъ,
„и оставь меня слѣдовать путемъ, назна-
„ченнымъ мнѣ отъ боговъ.„

Спустя два дня послѣ сей бесѣды, одиннадцать градоправителей, бдящихъ надъ

исполненіемъ казни преступникамъ, прибыли рано по утру въ темницу, дабы освободить его отъ оковъ, и возвѣстить ему часъ смерти. Потомъ вошли многіе изъ его учениковъ; ихъ было около двадцати; они нашли подлѣ него Ксантиппу, его супругу, держащую на рукахъ своихъ младшаго изъ его дѣтей. Коль скоро она ихъ увидѣла, то вскричала гласомъ прерывающимся рыданіемъ. Ахъ! вотъ „друзья твои, ты видишь ихъ въ послѣдній „разъ!„ Сократъ просилъ Критона отвести Ксантиппу домой, ее оттуда удалили; она испускала жалостные вопли, и терзала себѣ лице.

Никогда ученики его не видали въ немъ такого терпѣнія и мужества; они не могли смотрѣть на него безъ тягостнаго сокрушенія, ниже слышать его безъ величайшаго удовольствія. Въ послѣдней бесѣдѣ своей сказалъ онъ имъ, что никому не позволено посягать на жизнь его; потому что бывъ поставлены на землѣ, какъ бы на мѣстѣ званія нашего, не иначе должны оставлять оное, какъ съ позволенія боговъ; что до него касается, то будучи преданъ ихъ волѣ, жаждетъ онъ той минуты, которая приведетъ его къ наслажденію тѣмъ блажен-

ствомъ, которое старался онъ заслужить своими дѣлами. Отселѣ прешедъ къ ученію о безсмертіи души, утверждалъ оное множествомъ доказательствъ, оправдывающихъ его надежду. „И хотя бы, говорилъ онъ, сія надежда не была основательна, однако, сверхъ „пожертвованій, требуемыхъ ею, она никогда „не препятствовала мнѣ быть благополучнѣйшимъ изъ человѣковъ, она отдаляетъ „отъ меня горестное воображеніе о смерти, „и въ послѣднія минуты жизни моей, разливаетъ чистую и сладостную радость.„

„Такимъ образомъ, присовокупилъ онъ, „каждый человѣкъ, который отрекшись отъ „сладострастій, старался облечь душу свою „не чуждыми украшеніями, но украшеніями, „ей свойственными, каковы суть правосудіе, „воздержаніе и прочія добродѣтели, долженъ „быть исполненъ совершенныя довѣренности, „и спокойно ожидать часа своей смерти. „Вы также за мною послѣдуете, когда придетъ вашъ часъ; мой уже приближается; „и ежели позволено мнѣ будетъ употребить „выраженіе одного изъ нашихъ стихотворцевъ, я слышу уже гласъ, меня призывающій.

„Не имѣешь ли чего приказать намъ „въ разсужденіи дѣтей твоихъ и твоихъ

„дѣлъ? спросилъ его Критонъ. Я повторяю „тотъ совѣтъ, который я часто вамъ подавалъ, отвѣтствовалъ Сократъ, совѣтъ *обогащаться добродѣтелями*. Ежели вы оному послѣдуете, то мнѣ не нужны ваши обѣщанія; естьли же пренебрежете оный, то „обѣщанія ваши безполезны будутъ моему „семейству.„

Потомъ пошелъ онъ въ особую комнату дабы омыться. Критонъ за нимъ послѣдовалъ. Прочіе его друзья разсуждали о словахъ ими слышанныхъ, и о состояніи, въ которое ихъ приведетъ смерть его; они почитали себя сиротами, лишившимися наилучшаго отца, и не столько плакали о немъ, какъ о самихъ себѣ. Привели къ нему троихъ его дѣтей; двое были еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ; онъ приказалъ нѣчто женщинамъ ихъ приведшимъ, и отославъ ихъ, возвратился къ своимъ друзьямъ.

Вскорѣ потомъ вошелъ стражъ темничный. „Сократъ, сказалъ онъ, ты не будешь „меня проклинать, какъ то дѣлаютъ тѣ, „коимъ я возвѣщаю, что ужѐ время принять „ядъ. Поелику я никого не видалъ здѣсь,

„кто бы имѣлъ столько твердости и кротос„ти, какъ ты; то увѣренъ я, что не огорчиш„ся на меня, и не припишешь мнѣ несчастія „своего; виновники онаго тебѣ весьма извѣст„ны. Прощай, повинуйся необходимости.„ Отъ слезъ едва онъ могъ сіе выговорить, отошелъ въ уголъ и плакалъ неутѣшно. „Прощай, отвѣтствовалъ ему Сократъ, я „послѣдую твоему совѣту.„ и обратился къ „своимъ друзьямъ: „Какое доброе сердце у „сего человѣка! сказалъ онъ имъ. Въ быт„ность мою здѣсь, приходилъ онъ иногда раз„говаривать со мною . . . . смотрите какъ „онъ плачетъ . . . . Критонъ! надобно ему „повиноваться: пусть подадутъ ядъ, ежели „онъ готовъ; естьлиже нѣтъ, то пусть при„готовятъ его скорѣе.„

Критонъ хотѣлъ ему напомнить, что солнце еще не закатилось, что другіе имѣли свободу продолжить жизнь свою на нѣсколько часовъ. „Они имѣли свои причины, сказалъ „Сократъ, а я имѣю свои, чтобъ поступить „иначе.„

Критонъ далъ повелѣніе, и когда оное было исполнено, то служитель принесъ смер-

тоносную чашу. Сократъ вопросилъ, что ему должно дѣлать: „Выпивъ ядъ, ходить, отвѣт-„ствовалъ сей служитель, и лечь на спинѣ, „когда ноги твои начнутъ ослабѣвать.„ Тогда не измѣняясь въ лицѣ, принялъ твердою рукою чашу, и возславъ молитвы къ богамъ, поднесъ оную къ устамъ своимъ.

Въ сію ужасную минуту, страхъ и трепетъ объялъ всѣхъ и противъ воли потекли у нихъ слезы: одни, чтобъ скрыть оныя, покрывали головы свои плащемъ, другіе возпрянувъ удалились отъ его взора: но когда взглянувъ на него паки, примѣтили, что онъ ужѐ носитъ смерть въ груди своей, то скорбь, дотолѣ въ нихъ скрывавшаяся, вдругъ обнаружилась, и рыданія ихъ усугубились при воплѣ младаго Аполлодора, который утопая въ слезахъ цѣлый день, наполнялъ темницу ужасными стенаніями. „Что дѣла-„ете вы друзья мои? сказалъ имъ Сократъ „спокойно. Я удалилъ женщинъ, чтобъ не „видѣть подобныхъ слабостей. Ободритесь, „я слыхалъ, что смерть должна сопровож-„даться добрыми предзнаменованіями.„

Между тѣмъ продолжалъ онъ ходить! коль же скоро почувствовалъ тягость въ но-

тахъ, легъ онъ на свое ложе, и закрылся плащемъ. Служитель показывалъ присутствующимъ постепенное дѣйствїе яда. Уже смертный хладъ объялъ ноги его; и когда уже началъ оный проникать въ его сердцѣ, то Сократъ приподнявъ плащъ, сказалъ Критону: „Мы должны принести въ жертву Эскулапїю „пѣтуха, не забудь исполнить сего обѣта. (а) „Будетъ исполненъ, отвѣтствовалъ Критонъ: „но не имѣешь ли еще чего приказать намъ?„ Онъ на сїе не отвѣчалъ: минуту спустя сдѣлалъ онъ малое движенїе; на служителя, который его разкрылъ, взглянулъ онъ въ последнїй разъ. Критонъ сомкнулъ ему глаза.

Такимъ образомъ скончалъ жизнь богочестивѣйшїй, добродѣтельнѣйшїй и блаженнѣйшїй изъ человѣковъ; онъ можетъ быть только одинъ могъ сказать необиновенно: Я никогда ни словомъ, ни дѣломъ не оказалъ ни малѣйшей несправедливости.

а.) Сїю птицу приносили въ жертву Эскулапїю.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ОСЬМАЯ.

Празднества и таинства Элевсійскія.

Я буду говорить о важнѣйшей части вѣры Аѳинской, о тѣхъ таинствахъ, коихъ начало теряется въ мракѣ временъ, коихъ обряды внушаютъ не менѣе ужаса, какъ и благоговѣнія, и коихъ сокровенность никогда не была обнаруживаема, какъ токмо нѣкоторыми людьми, предаваемыми тотчасъ смерти и всеобщему проклятію: ибо законъ не удовлетворяется отнятіемъ у нихъ жизни и имѣнія; столпъ, поставленный на открытомъ для всѣхъ мѣстѣ, долженъ вѣчно напоминать о ихъ преступленіи и наказаніи.

Изъ всѣхъ таинствъ учрежденныхъ въ честь различнымъ божествамъ, нѣтъ знаменитѣе таинствъ Цереры. Сказываютъ, что она сама учредила обряды оныхъ. Проходя землю, по слѣдамъ Прозерпины, похищенныя Плутономъ, прибыла она въ долину Элевсійскую; и будучи довольна приемомъ жителей, даровала имъ два отличныя благотворенія, искуство земледѣлія и знаніе священнаго ученія. Присовокупляютъ, что малыя таин-

ства, служащія приготовленіемъ къ большимъ, учреждены были въ честь Ираклу.

Но предоставимъ сіи пустыя преданія простому народу; менѣе было бы нужно знать творцевъ сей набожной системы, нежели проникнуть въ предметъ оныя Мнятъ, что повсюду, гдѣ Аѳиняне ввели оную, распространила она духъ согласія и человѣколюбія; что она очищаетъ душу отъ невѣжества и скверны, что доставляетъ особенную помощь боговъ, средства къ достиженію совершенства въ добродѣтели, услажденія святой жизни, надежду спокойной смерти и безпредѣльнаго блаженства. Приобщенные къ симъ таинствамъ будутъ занимать отличное мѣсто въ поляхъ Елисейскихъ, будутъ наслаждаться чистымъ свѣтомъ, и жить въ нѣдрахъ божества, между тѣмъ, какъ другіе, по смерти своей, обитать будутъ въ мѣстахъ мрака и ужаса.

Для избѣжанія послѣдняго, Греки стекаются со всѣхъ мѣстъ испрашивать въ Элевсисѣ залога возвѣщаемаго имъ благополучія. Съ самыхъ младыхъ лѣтъ Аѳиняне допускаются къ обрядамъ посвященія; а тѣ, кои

никогда въ оныхъ участія не имѣли, просятъ о томъ предъ своею смертію: ибо угрозы и изображенія мукъ будущей жизни, почитаемыя сперва предметомъ осмѣянія, дѣлаютъ тогда живѣйшее въ умахъ впечатлѣніе, и наполняютъ ихъ страхомъ, простирающимся иногда до слабости.

Однакожъ нѣкоторые просвѣщенные люди не находятъ нужды въ таковомъ приобщеніи, дабы быть добродѣтельными. Сократъ никогда не хотѣлъ приобщиться къ оному, и отрѣченіе сіе оставило нѣкоторыя сумнѣнія въ разсужденіи его вѣры. Нѣкогда при мнѣ совѣтовали Діогену вступить въ сіе сообщество; онъ отвѣтствовалъ: ,,Патекіонъ, ,,сей славный разбойникъ былъ приобщенъ къ ,,оному; Епаминондъ и Агезилай никогда о ,,томъ не просили. Могу ли я вѣрить, что ,,первый будетъ блаженствовать въ поляхъ ,,Елисейскихъ, а другіе повлекутся въ адскія пропасти?,,

Всѣ Греки могутъ требовать участія въ таинствахъ: прочіе жъ народы древнимъ закономъ исключаются изъ онаго. Мнѣ обѣщали смягчить оный въ мою пользу: потому

что я имѣлъ званіе гражданина Аѳинскаго, и убѣдительные примѣры; но какъ мнѣ надлежало исполнить такіе обряды и воздержанія, кои были бы противны моей свободѣ, то я довольствовался токмо нѣкоторыми изслѣдованіями о семъ учрежденіи, и приобрѣлъ обстоятельныя объ ономъ свѣденія, кои могу сообщить безъ нарушенія клятвы. Я присовокуплю ихъ къ повѣствованію о послѣднемъ путешествіи моемъ въ Элевсисъ, при случаѣ великихъ таинствъ, отправляемыхъ тамо ежегодно, 15го дня мѣсяца Боедроміона. а). Празднество малыхъ таинствъ бываетъ также ежегодно, и за шесть мѣсяцовъ прежде.

Во время отправленія перваго празднества строго запрещено было, что бы никто не былъ призываемъ къ суду.

Запрещеніе на имущество осужденнаго должника должно быть отсрочено. На другой день празднествъ, сенатъ дѣлаетъ строгій розыскъ противъ тѣхъ, кои насиліемъ или

а) Въ кругу солнечномъ Метона, мѣсяцъ Боедроміонъ начинался въ одинъ изъ дней между 23 мѣсяца Августа и 21 Сентября.

другими средствами, нарушили порядокъ обрядовъ. Смертная казнь или великая пеня определялась противъ виновныхъ. Сія строгость нужна можетъ быть для содержанія порядка между безчисленнымъ множествомъ народа, стекающагося въ Элевсисъ. Во время военное, Аѳиняне отправляютъ отвсюду посланныхъ для снабженія пропусками тѣхъ, кои желаютъ туда идти, какъ въ званіи посвященныхъ, такъ и простымъ зрителямъ.

Я отправился съ нѣкоторыми друзьями моими 14 Боедроміона, во вторый годъ сто девятой Олимпіады, a). Врата, коими выходятъ изъ Аѳинъ, именуются вратами священными; дорога, которая ведетъ оттуда въ Элевсисъ, называется священнымъ путемъ. Разстояніе между сими двумя городами составляетъ около ста стадій, b). Перешедъ холмъ нарочито высокій, и покрытый лав-

---

a) Въ семъ году 1е число Боедроміона соотвѣтствовало 29 мѣсяца Сентября, а 14 Боедроміона 4му Октября. Празднества начались 5 Октября 343 года прежде Р. Х.

b) Около четырехъ Французскихъ миль.

ровымъ кустарникомъ, вступили мы въ область Элевсійскую, и прибыли къ берегамъ двухъ ручейковъ, изъ коихъ одинъ посвященъ Церерѣ, а другій Прозерпинѣ. Я упоминаю о томъ потому, что одни только жрецы храма имѣютъ право ловить въ нихъ рыбу, что вода ихъ солоновата, и что оную употребляютъ при обрядахъ посвященія.

Далѣе, на мосту чрезъ рѣку, именуемую Кефиза, подобно той, которая течетъ близь Аѳинъ, претерпѣли мы грубыя насмѣшки отъ многочисленной толпы народа. Во время празднествъ собирается онъ въ семъ мѣстѣ, дабы забавляться на счетъ приходящихъ и особливо отличнѣйшихъ особъ республики. Такимъ образомъ, говорятъ, принята была Церера, прибывшая въ Элевсисъ, старою женщиною, именемъ Ямве.

Недалеко отъ моря простирается по равнинѣ, отъ Сѣверозапада къ Юговостоку, великій холмъ, на склонѣ и восточномъ концѣ коего воздвигнутъ славный храмъ Церерѣ и Прозерпинѣ. Въ низу находится городокъ Элевсисъ. Въ окрестностяхъ и на самомъ холмѣ возвышаются многіе священ-

ные памятники, какъ то часовни и жертвенники; богатые Аѳинскіе граждане имѣютъ тамо прекрасные загородные домы.

Храмъ, сооруженный попеченіемъ Перикла изъ Пентелійскаго мрамора на самомъ утесѣ, который выровненъ, обращенъ къ Востоку. Оный столь же пространенъ, какъ и великолѣпенъ; окружающая его ограда имѣетъ отъ Сѣвера къ Полудню около трехъ сотъ осмидесяти четырехъ футовъ, а отъ Востока къ Западу около трехъ сотъ двадцати пяти а). Знаменитѣйшіе художники употреблены были на доведеніе сихъ работъ до ихъ совершенства.

Между служителями храма находятся четверо главныхъ. Первый есть Іерофантъ: имя его означаетъ открывающаго священныя вещи, а главная его должность состоитъ въ посвященіи къ таинствамъ. Онъ является въ отличномъ длинномъ одѣяніи, въ діадимѣ и съ распущенными по раменамъ власами; онъ долженъ быть совершенныхъ лѣтъ, чтобы соотвѣтствоватъ важности его слу-

а) Длина около 368 Французскихъ футовъ, ширина около 307.

женія, и чтобы голосЪ его довольно былЪ пріятенЪ, дабы заставить себя слушать сЪ удовольствіемЪ. Священство его продолжается по смерть; со вступленія своего вЪ сіе званіе, онЪ долженЪ пребывать безбрачнымЪ: мнятЪ, что посредствомЪ натиранія травою омегомЪ приводятЪ вЪ состояніе наблюдать сей законЪ.

Вторый служитель храма обязанЪ носить священный свѣтильникЪ при обрядахЪ, и очищать представляющихся кЪ посвященію; подобно Іерофанту, имѣетЪ онЪ право повязывать діадиму. Третій изЪ нихЪ есть священный провозвѣстникЪ, а четвертый помощникЪ служителя при жертвенникѣ; первый изЪ сихЪ послѣднихЪ обязанЪ удалять непросвѣщенныхЪ и содержать тишину и благоговѣніе между посвященными; другій долженЪ вспомогать прочимЪ вЪ ихЪ должностяхЪ.

Святость ихЪ служенія возвышается еще знаменитостію рода. ІерофантЪ избирается изЪ древнѣйшаго вЪ АѲинахЪ колѣна ЭвмолпидовЪ, священный провозвѣстникЪ изЪ рода КериковЪ, который есть отрасль колѣна ЭвмолпидовЪ: прочіе двое принадлежатЪ также

къ знаменитымъ родамъ. Всѣ четверо имѣютъ при себѣ многихъ нижшихъ служителей; какъ то истолкователей, пѣвцовъ, и служителей, на коихъ возложено отправленіе разныхъ должностей при торжественныхъ шествіяхъ и при разныхъ обрядахъ.

Въ Элевсисѣ находятся также жрецы, посвященные Церерѣ и Прозерпинѣ. Они могутъ посвящать нѣкоторыхъ особъ, и въ извѣстные дни года приносить жертвы за частныхъ людей.

На празднествахъ начальствуетъ вторый Архонтъ, на коего особенно возложено содержать въ оныхъ порядокъ, и возпрещать, чтобы богослуженіе нималѣйшаго не получило нарушенія. Оныя продолжаются многіе дни. Иногда посвященные прерываютъ сонъ свой для продолженія своихъ упражненій; мы видѣли ихъ ночью выходящихъ изъ ограды, шествующихъ по двое въ молчаніи, и держащихъ по возженному свѣточѣ. Вступая паки въ священное прибѣжищѣ, ускоряли они шествіе свое; и я узналъ, что они чрезъ то представляли бѣгъ Цереры и Прозерпины, и что въ скорыхъ своихъ поворотахъ потрясали

они свѣтильниками, и часто передавали ихъ одинъ другому. Огнь, ими разбрасываемый, служитъ, какъ говорятъ, къ очищенію душъ, и содѣлывается символомъ свѣта, долженствующаго просвѣщать ихъ.

Нѣкогда отправляемы были игры въ честь богинь. Славные бойцы, изъ разныхъ странъ Греціи, прибыли на празднества; а наградою побѣдителя была мѣра ячменя, собраннаго на сосѣдственномъ полѣ, коего обитатели, наученные Цcírkерою, первые развели сей родъ хлѣба.

Въ шестый день, блистательнѣйшій изъ всѣхъ, служители храма и посвященные сопровождали изъ Аѳинъ въ Элевсисъ кумиръ Якха, коего почитаютъ сыномъ Цереры или Прозерпины. Истуканъ сей, увѣнчанный миртомъ, держалъ свѣтильникъ. Около тридцати четырехъ человѣкъ сопровождали его. Въ воздухѣ далече раздавалось имя Якха. Шествіе, управляемое звукомъ мусикійскихъ орудій и пѣніемъ имновъ, прерывалось иногда жертвоприношеніями и плясаніемъ. Кумиръ внесенъ былъ въ храмъ Элевсійскій, а потомъ перенесенъ паки въ собственной его храмъ съ тѣмъ же торжествомъ и обрядами.

Многіе изъ находившихся въ шествіи имѣли участіе токмо еще въ малыхъ таинствахъ, торжествуемыхъ ежегодно въ маломъ храмѣ, находящемся близь Илисса при вратахъ Аѳинъ. Тамъ — то одинъ изъ жрецовъ втораго разряда имѣетъ должность испытывать и приготовлять назначенныхъ къ избранію: онъ ихъ исключаетъ, ежели они участвовали въ чарованіяхъ, ежели винны въ тяжкихъ преступленіяхъ, и особливо ежели содѣлали смертоубійство, хотя бы оно было невольное: прочихъ подвергаетъ онъ частымъ покаяніямъ, и давая имъ чувствовать необходимость предпочитать свѣтъ истинны мраку заблужденія, всѣваетъ въ ихъ сердца сѣмена священнаго ученія, увѣщеваетъ ихъ воздерживаться отъ всякой сильной страсти, заслуживать чистотою духа и сердца неисповѣдимое благотвореніе посвященія.

Новопосвящаемый бываетъ иногда нѣсколько лѣтъ на искусѣ; должно, чтобъ оный продолжался по крайней мѣрѣ цѣлый годъ. Во время ихъ искуса, являются они на празднествахъ Элевсійскихъ; но стоятъ при дверяхъ храма, и ожидаютъ той минуты, когда имъ позволено будетъ вступить въ оный.

Наконецъ сїе время наступало. Посвященїе въ большїя таинства назначено было на слѣдующую ночь. Приготовлялись къ тому жертвоприношенїями и обѣтами, кои вторый Архонтъ, сопровождаемый четырьмя помощниками, избранными отъ народа, приносилъ за благоденствїе республики. Находящїеся подъ искусомъ увѣнчаны были миртами.

Одежда ихъ кажется соотвѣтствовала въ семъ случаѣ такому свойству святости, что большая часть носятъ оную до того времени, пока извѣтшаетъ; другїе дѣлаютъ изъ нея пелены для дѣтей своихъ, или вѣшаютъ оную въ храмѣ. Мы видѣли, какъ они входили въ священную ограду; а на другой день, единый изъ новопосвященныхъ, который былъ изъ числа друзей моихъ, разсказывалъ мнѣ о нѣкоторыхъ обрядахъ, коихъ былъ онъ свидѣтелемъ.

Мы нашли, говорилъ онъ мнѣ, служителей храма, облеченныхъ въ первосвященническїя одѣянїя. Iерофантъ, который въ сїе время представляетъ Творца вселенныя, имѣлъ символы, означавшїе верховную власть; носящїй свѣтильникъ и прислужникъ при жертвенникѣ имѣли знаки солнца и луны; а священный провозвѣстникъ имѣлъ знаки Меркурїя.

Лишь только заняли мы свои мѣста, то провозвѣстникъ вскричалъ: „Да удалятся „отселѣ непросвѣщенные, нечестивые, и всѣ „имѣющіе душу оскверненную злодѣяніями!„ Послѣ сего извѣщенія, смертное наказаніе было бы опредѣлено тѣмъ, кои бы дерзнули остаться въ собраніи, не имѣя на то права. Вторый изъ служителей повелѣлъ разпростерть подъ ногами нашими кожи животныхъ, принесенныхъ въ жертву и паки дѣлалъ намъ очищеніе. Громкимъ гласомъ прочли правила посвященія, и пѣли имны въ честь Цереры.

Потомъ слышимъ былъ глухой шумъ. Земля казалась ревущею подъ стопами нашими; громъ и молнія являли токмо привидѣнія и страшилища, блудящія во мракѣ. Онѣ наполняли священныя мѣста воемъ, который заставлялъ насъ цѣпѣнѣть отъ ужаса, и стенанія, кои раздирали наши души. Убійственная скорбь, пожирающія заботы, бѣдность, болѣзни, смерть, представлялися глазамъ нашимъ въ отвратительныхъ и печальныхъ видахъ. Іерофантъ изъяснилъ разныя сіи эмблемы, и живыя его изображенія усугубляли наше безпокойство и трепетъ.

Между тѣмъ при помощи слабаго свѣта, приближилися мы къ той странѣ ада, гдѣ души очищаются, пока достигнутъ до жилища, гдѣ обитаетъ блаженство. Посреди множества жалостныхъ голосовъ, слышали мы горькія сѣтованія тѣхъ, кои покусились на свою жизнь. „Они наказаны, сказалъ Iеро„фантъ, потому что оставили званіе, ко„торое опредѣлили имъ боги въ семъ мірѣ.„

Едва произнесъ онъ сіи слова, какъ мѣдныя врата съ ужаснымъ скрыпомъ представили взору нашему ужасы ада. Тамо раздавался токмо звукъ цѣпей, и вопль несчастныхъ; и между толь жалобнымъ и проницательнымъ воплемъ слышны были по временамъ сіи ужасныя слова: „научайтесь примѣромъ „нашимъ чтить боговъ, быть справедливы„ми и признательными.„ Ибо жестокосердіе, оставленіе родителей, неблагодарность всякаго рода, подвергаются наказаніямъ, такъ какъ и преступленія неотдаванія справедливости человѣкамъ, или разрушающія поклоненіе богамъ. Мы видѣли фурій, съ бичами въ рукахъ, безжалостно устремляющихся на преступниковъ.

Сіи страшныя картины, безпрестанно оживляемыя звучнымъ и величественнымъ

гласомъ Іерофанта, который, какъ казалося, исполнялъ должность мщенія небеснаго, преисполнили насъ страхомъ, и пресѣкали наше дыханіе, какъ перевели насъ въ пріятныя рощи, на прекрасные луга, обиталище блаженное, изображеніе полей Елисейскихъ, гдѣ сіялъ свѣтъ чистый, гдѣ пріятные гласы раздавали радостные звуки; какъ бывъ введены потомъ въ священное мѣсто устремили взоръ нашъ на истуканъ богини, блистающій свѣтомъ и убранный богатѣйшими украшеніями. Тамо надлежало кончиться нашему искусу; тамо видѣли мы и слышали такія дѣла, кои объявлять не позволено. Я скажу только, что бывъ упоены священною радостію, пѣли мы имны, поздравляя самихъ себя съ таковымъ блаженствомъ.

Таково было повѣствованіе новопосвященнаго. Другой сказалъ мнѣ такое обстоятельство, о коемъ первый сказать мнѣ забылъ. Нѣкогда во время празднествъ, Іерофантъ открылъ мнѣ таинственныя кошницы, кои носятъ въ торжественныхъ шествіяхъ, и составляютъ предметъ народнаго благоговѣнія. Онѣ заключаютъ въ себѣ священные символы, кои видѣть запрещено непросвѣщеннымъ,

и кои суть однакожъ не что иное, какъ разнаго рода хлѣбы, зерна, соли и другія вещи, относительно либо къ исторіи Цереры, либо къ догматамъ, коимъ въ таинствахъ поучаютъ. Посвященные, перенося ихъ изъ одной кошницы въ другую, утверждаютъ, что они постились и пили Кикеонъ а).

Между новопосвященными особами часто видѣлъ я умныхъ людей, кои иногда сумнѣвалися о ученіи, преподаваемомъ въ таинствахъ Цереры. Не содержитъ ли оно одну токмо исторію природы и ея перемѣнъ? Цѣль ученія сего не клонится ли къ тому только, дабы показать, что посредствомъ законовъ и земледѣлія, человѣкъ перешелъ изъ состоянія невѣжества въ состояніе просвѣщенія? Но для чего покрывать завѣсою таковыя понятія? Одинъ изъ учениковъ Платоновыхъ, предложилъ скромнымъ образомъ свою догадку, о которой я упомяну.

Кажется быть достовѣрнымъ, говорилъ онъ, что въ таинствахъ полагается необходимость наказаній и наградъ, ожидающихъ

а) Родъ питія, или паче похлѣбки, какую представляли Церерѣ.

насъ послѣ смерти, и что новопринимаемымъ представляютъ различныя судьбы, коимъ подвергаются человѣки какъ въ семъ мірѣ, такъ и въ будущей жизни. Кажется также, Ієрофантъ поучаетъ ихъ, что между тѣмъ великимъ множествомъ божествъ, обожаемыхъ простымъ народомъ, нѣкоторыя суть чистые духи, кои яко служители воли верховнаго существа, управляютъ по его велѣніямъ движеніями вселенныя, а другіе были простые смертные, коихъ гробницы сохраняются еще и нынѣ во многихъ мѣстахъ Греціи.

Изъ сихъ понятій естественнымъ образомъ заключить можно, что желая подать точнѣйшее понятіе о божествѣ, учредители таинствъ старались сохранить догматъ, коего остаются болѣе или менѣе чувствительные слѣды во мнѣніяхъ и обрядахъ всѣхъ почти народовъ, то есть, что единъ есть Богъ, начало и конецъ всѣхъ вещей. Таково есть, по мнѣнію моему, то высочайшее таинство, которое открывается посвященнымъ.

Политическіе виды, безъ сумнѣнія, способствовали учрежденію сего благочестиваго сообщества. Многобожіе вообще распро-

странено было, когда примѣтили слѣдствія пагубныя для нравственности, кои происходятъ отъ поклоненія, коего предметы размножились для того, дабы потворствовать всякаго рода несправедливостямъ и порокамъ; но сіе поклоненіе приятно было народу, какъ по древности онаго, такъ и по самымъ его несовершенствамъ. Они, нимало не помышляли о разрушеніи онаго, но старалися уравновѣсить оное чистѣйшею вѣрою, которая исправляла бы зло причиняемое многобожіемъ обществу; поелику простый народъ удобнѣе воздерживается законами, нежели нравами, то мнили, что можно оставить его въ суевѣріи, коего злоупотребленіе удобно можно было удержать. А какъ просвѣщенные граждане должны быть управляемы, паче нравами нежели законами; то и поставили долгомъ сообщить имъ ученіе, способное ко внушенію добродѣтели.

Итакъ, присовокупилъ сей ученикъ Платона, ты ужѐ понимаешь, для чего представляютъ боговъ на ѳеатрѣ Аѳинскомъ: градоправители освобожденные отъ ложныхъ понятій многобожія, весьма удалены отъ того, чтобы воздерживать вольность, кото-

рая можетъ оскорбить токмо простой народъ, которой оною забавляется.

Ты понимаешь также, какъ двѣ столь въ догматахъ своихъ противоположенныя вѣры, существуютъ столь долгое время въ единомъ и томъ же мѣстѣ безъ всякаго нарушенія и совершенства; сіе происходитъ отъ того, что при различныхъ догматахъ, онѣ имѣютъ одну и туже цѣль, и что истинна оказываетъ къ заблужденію то снизхожденіе, каковаго она сама долженствовала бы отъ онаго требовать.

Таинства показываютъ по своей наружности тоже поклоненіе, которое принято простымъ народомъ: имны, кои поютъ предъ народомъ, и большая часть торжественныхъ обрядовъ оными совершаемыхъ, представляютъ глазамъ нашимъ многія обстоятельства похищенія Прозерпины, бѣга Цереры, ея прибытія и пребыванія въ Элевсисѣ Окрестности сего города наполнены памятниками, воздвигнутыми въ честь богини, и показываютъ тамо также камень, на коемъ мнятъ, что она сѣла будучи истощена отъ утомленія. Итакъ, съ одной стороны, люди мало просвѣщенные прельщаются наружностями, благоприят-

ствующими ихъ предразсудкамъ; съ другой, посвященные, вникая въ смыслъ таинствъ, думаютъ, что могутъ совершенно положиться на чистоту ихъ намѣренiй.

Какова бы ни была догадка мною приведенная, посвященiе есть нынѣ почти токмо пустый обрядъ: приобрѣтшiе оное не добродѣтельнѣе другихъ, они нарушаютъ каждый день обѣтъ свой воздерживаться отъ птицъ, рыбы, гранатовыхъ яблоковъ, бобовъ и другихъ родовъ овощей и плодовъ. Многiе изъ нихъ вступили въ сей священный союзъ, путями мало сообразными съ предметомъ онаго: ибо, почти въ наши дни случалось, что правительство, въ дополненiе истощенныхъ доходовъ, позволяетъ покупать право соучаствованiя въ таинствахъ; ужѐ и съ давняго времени, женщины худаго поведенiя, допущены были къ посвященiю. Итакъ придетъ время, въ которое развращенiе совершенно обезобразитъ священнѣйшее изъ сообществъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЕ I. ГЛАВА LIX.

Сколько частный человѣкъ получаетъ съ своего поля. Стран. 11.

Димосѳенъ сказываетъ объ одномъ частномъ человѣкѣ въ Аѳинахъ, именемъ Фениппъ, который собравъ упомянутое мною выше количество ячменя и вина, продалъ каждый медимнъ ячменя за осмнадцать драхмъ, каждую мѣру вина за двѣнадцать драхмъ; но какъ онъ говоритъ ниже, что сія цѣна, можетъ быть по причинѣ недостатка, была тройная противъ обыкновенной цѣны; то слѣдуетъ, что во время его, обыкновенная цѣна медимна ячменя была шесть драхмъ, а мѣра вина, четыре драхмы. И такъ тысяча медимновъ ячменя стоила десять тысячъ драхмъ, восемь сотъ мѣръ вина три тысячи двѣсти драхмъ.

Фениппъ имѣлъ болѣе шести яремнаго скота, кои обыкновенно возили въ городъ дрова и другіе припасы, и приносили ему въ день по двѣнадцати драхмъ. Праздники, худая погода, необходимыя работы, часто прерывали сей малый промыселъ; полагая, что оный продолжалъ только

двѣсти дней, находимъ, что Фенипъ получалъ отъ того каждый годъ барыша двѣ тысячи сто шестьдесятъ ливровъ. Ежели мы ихъ приложимъ къ осьми тысячамъ двумъ стамъ осмидесяти мѣрамъ, то выдетъ десять тысячъ четыре ста сорокъ ливровъ выигрыша съ земли, имѣвшей въ окружности не много болѣе одной Французской мили съ половиною.

ПРИМѢЧАНІЕ II. ГЛАВА LIX.

О пчелиной маткѣ. стран. 14.

Кажется, по приведенному мною мѣсту изъ Ксенофонта, что сей писатель почиталъ главную пчелу самкою. Испытатели природы мыслили; о семъ разно одни думали, что всѣ рабочія пчелы суть самки, а не рабочія самцы; другіе утверждали противное. Аристотель, отвергающій ихъ мнѣнія, принималъ въ каждомъ ульѣ отрядъ пчелиныхъ царей, кои сами отъ себя возрождались. Однакоже онъ признается, что не имѣли еще довольно наблюденій, дабы можно было сказать что либо опредѣлительное. Потомъ оныя учинены были, и опять приняли мнѣніе, которое я приписую Ксенофонту.

ПРИМѢЧАНІЕ III. ГЛАВА LXI.

О точномъ времени похода Діона. стран. 55.

Примѣчаніе, мною здѣсь присовокупляемое, можно почитать продолженіемъ того, которое сообщилъ я выше о путешествіяхъ Платона, и ко-

торое относится къ тридцать третей главѣ сего сочиненія.

Плутархъ примѣчаетъ, что Діонъ отправился изъ Закинѳа въ Сицилію, когда войска устрашены были луннымъ затмѣніемъ. Тогда, сказываютъ, лѣто уже было на исходѣ. Діонъ употребилъ двѣнадцать дней для прибытія на берега Сициліи; въ тринадцатый, когда онъ хотѣлъ проѣхать мысъ Пахинумъ, застигла его сильная буря; ибо присовокупляетъ историкъ, сіе было при восхожденіи Арктура. Извѣстно, что въ то время, о коемъ мы упоминаемъ, Арктуръ начиналъ показываться въ Сициліи около половины нашего мѣсяца Сентября. Итакъ, по свидѣтельству Плутарха, Діонъ отправился изъ Закинѳа около половины мѣсяца Августа.

Съ другой стороны Діодоръ Сицилійскій помѣщаетъ походъ Діона при Архонтѣ Агаѳоклѣ, который вступилъ въ должность въ началѣ четвертаго года сто пятой Олимпіады, и слѣдовательно 27го Іюня за 357 лѣтъ до Р. Х.

А по исчисленію Г. Де ла Ланда, мнѣ отъ него сообщенному, лунное затмѣніе, видѣнное въ Закинѳѣ, было 9 Августа за 357 лѣтъ до Р. Х. Итакъ оное есть то самое, о коемъ говорилъ Плутархъ; и мы имѣемъ мало статей лѣтосчисленія, кои бы столь точно опредѣлены были. Я долженъ извѣстить, что Г. Пингре назначилъ средину затмѣнія 9го Августа, въ шесть часовъ и три четверти вечер

ПРИМѢЧАНІЕ IV. ГЛАВА LXVII.

О мнимомъ сожалѣніи, которое Аѳиняне оказали по смерти Сократа. стран. 459.

Писатели, жившіе спустя нѣсколько вѣковъ послѣ Сократа, увѣряютъ, что непосредственно послѣ его смерти, Аѳиняне, удрученные заразительною болѣзнію, познали свою несправедливость; что воздвигли ему статую; что не удостоя вниманіемъ его обвинителей предали Мелита смерти, и изгнали прочихъ; что Анитъ побитъ былъ каменіемъ въ Ираклеи, гдѣ сохраняли долгое время его гробницу. Другіе говорятъ, что обвинители Сократа, не могши снести всеобщей ненависти, повѣсились изъ отчаянія. Сіи преданія не могутъ быть соглашены съ молчаніемъ Ксенофонта и Платона, кои умерли долгое время спустя послѣ своего учителя, и кои нигдѣ не говорятъ ни о раскаяніи Аѳинянъ, ни о наказаніи обвинителей. Ксенофонтъ, который пережилъ Анита, утвердительно увѣряетъ, что память сего послѣдняго не была почитаема у Аѳинянъ либо по причинѣ распутства его сына, о воспитаніи коего онъ не радѣлъ, либо по собственнымъ его сумазбродствамъ. Сіе мѣсто убѣдительно доказываетъ, естьли я не ошибаюсь, что народъ Аѳинскій никогда не отмщалъ Аниту за смерть Сократа.

ПРИМѢЧАНІЕ V. ГЛАВА LXVIII.

Какое было въ Элевсисѣ мѣсто, гдѣ совершалися какъ торжественные обряды, такъ и зрѣлища? стран. 474.

На сей вопросъ могу я сообщить токмо слабое объясненіе.

Древніе писатели замѣчаютъ, что празднества Цереры привлекали иногда въ Элевсисъ до тридцати тысячъ общниковъ, не полагая въ то число тѣхъ, кои приходили токмо изъ любопытства. Сіи тридцать тысячъ общниковъ не могли видѣть всѣхъ торжественныхъ обрядовъ. Безъ сумнѣнія допускали къ тайнѣйшимъ изъ оныхъ, токмо малое число находящихся на искусѣ, кои всякой годъ получали послѣднюю печать посвященія, и нѣкоторые изъ тѣхъ, кои получили оную уже съ давняго времени.

Храмъ, единый изъ величайшихъ въ Греціи, построенъ былъ посреди двора, обнесеннаго стѣною, длиною въ триста шестьдесятъ три фута отъ сѣвера къ югу, шириною въ триста семь отъ востока къ западу. Тамъ—то, естьли я не обманываюсь, таинственники или посвященные, держа свѣтильникъ въ рукѣ, производили пляски и движенія.

Позади храма, къ западу, видна еще площадка, выдѣланная въ самомъ утесѣ, и возвышенная на восемь или девять футовъ: длина ея около двухъ сотъ семидесяти футовъ, а ширина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ сорокъ четыре. На сѣверной

ея сторонѣ находятся остатки кумирницы, въ которые восходили по высокой лѣстницѣ.

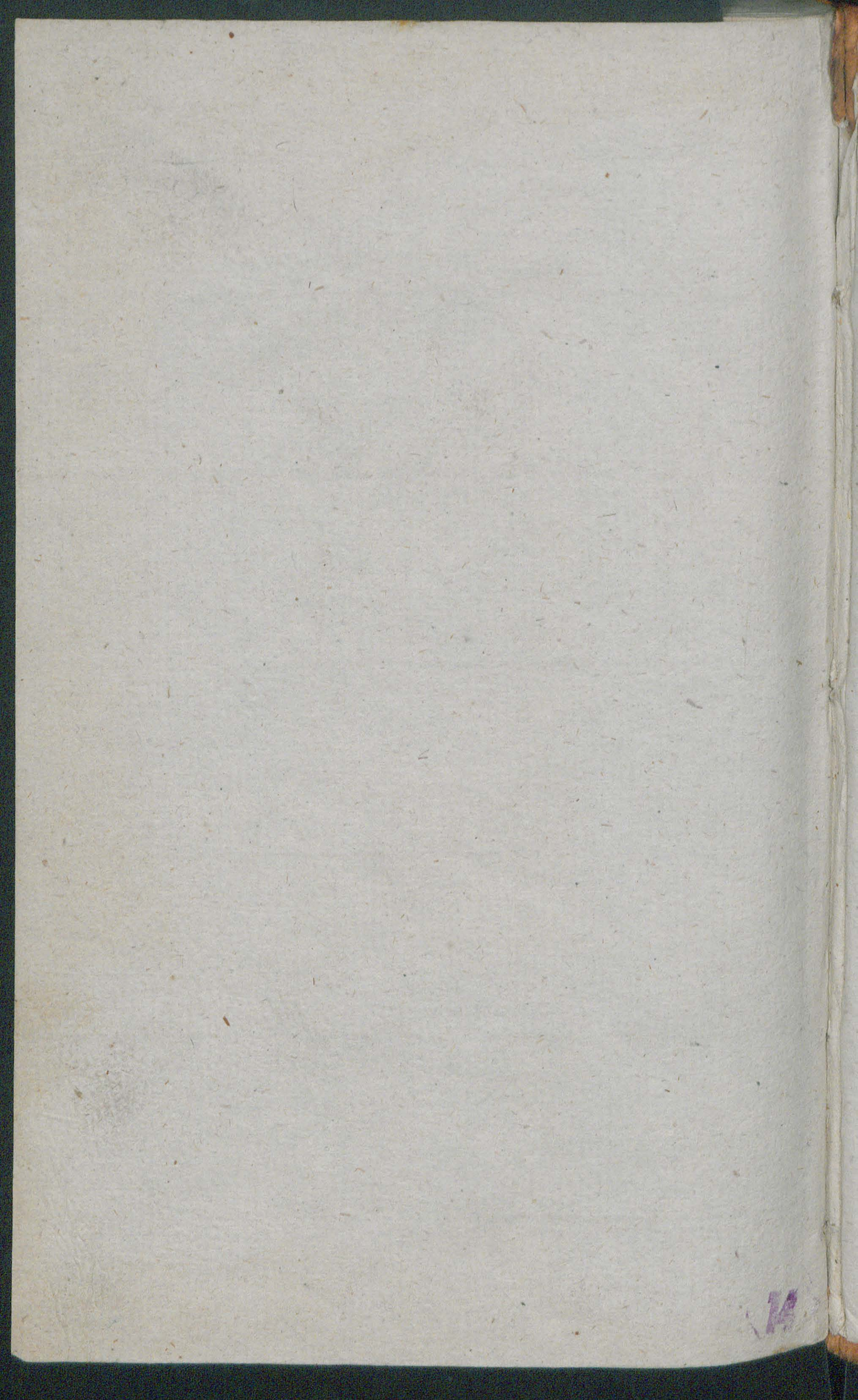
Я полагаю, что на сей площадкѣ представлялись зрѣлища, о коихъ я говорилъ въ сей главѣ, что она по длинѣ своей раздѣлена была на три длинныя галлереи: что двѣ первыя представляли страну искушенїй и ада: а третїя, покрытая землею, представляла взору рощи и луга; что оттуда восходили къ кумирницѣ, гдѣ находился тотъ кумиръ, коего блескъ ослѣплялъ новопосвященныхъ.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

ПОГРѢШНОСТИ:

стран.	*строка.*	*напечатано.*	*читай.*
34	15	платятъ	платитъ
49	1	присоединяться	присоединятся
70	20	колья	копья
72	5	дадю	дяди
115	9	быть	и быть
130	12	часть,	часть
145	17	приказалн	приказали
154	12	изчезнетъ	изчезнутъ
162	4	эшо	это
207	16	Ѳессаліянами:	Ѳессаліянами,
352	7	веселыхъ,	веселыхъ
409	7	воина	война
455	25	призывацій	призывающій
480	24	продолжалъ	продолжался

14

2010514806

